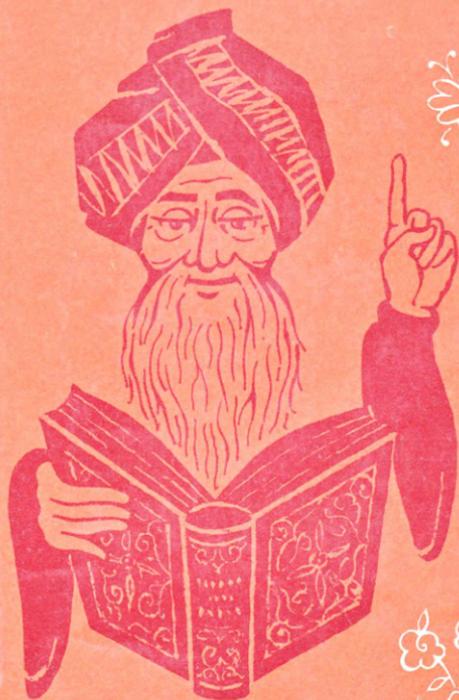

книга о судах и судьях

КНИГА о судах и судьях

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КНИГА О СУДАХ И СУДЬЯХ

Легенды, сказки, басни и анекдоты
разных веков и народов
о спорах и тяжбах, о судах и судьях,
о хитроумных расследованиях
и удивительных приговорах

Издание 2-е.
переработанное и дополненное

ББК 82.3(0)

К 53

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ ЦАРСТВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛУДОВ (секретарь), Е. С. НОВИК,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Б. Л. РИФТИН,
С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, вступительная статья,
указатели и примечания
М. С. ХАРИТОНОВА

К $\frac{47030000-194}{013(02)-83}$ Без объявления

- © Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.
- © Издание 2-е, переработанное и дополненное.
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

СУДЫ И СУДЬИ В МИРОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Легенды, рассказы, сказки, басни и анекдоты о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов наряду с рассказами о хитрецах, глупцах и простаках, о состязаниях и разделах. Это и неудивительно: с древнейших времен, задолго до того как у разных народов оформилось государство и развитое право, в жизни людей постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие третейского разрешения¹. «Разрешающей» инстанцией не обязательно должен был быть формальный суд или облеченный специальными полномочиями судья; это могло быть и общее собрание племени, и вождь, и старейшины, мудрецы, и просто любой третий человек: сосед, первый встречный, способный «рассудить»². В фольклоре, естественно, не могли не отразиться в той или иной форме эти жизненные ситуации.

Истории о судах могут быть оформлены в самостоятельные рассказы и сказки, могут входить в качестве эпизодов в другие, самые разнообразные тексты. Сказки, повествующие о судах, могут быть волшебными, бы-

¹ О существовании определенных правовых понятий «до права» пишет О. М. Фрейдберг: «Старая теория о первоначальной стадии полного произвола и господства страстей должна быть так же опровергнута, как теория первоначального беспорядочного сожительства полов или теория первоначального социального произвола с его насилием и грубостью („дикостью“, людоедством, кровожадностью и т. д.)» [14, 153; первая цифра здесь и в дальнейшем означает порядковый номер источника в списке литературы, вторая — страницу].

² Ср., например, в древнеиндийской «Панчатантре»: «О водоемах, о прудах, домах, колодцах и садах / Пускай сосед решает спор, — так Ману поучает нас» [84, 208]. (Ману — легендарный мудрец, которому приписывается известный сборник древнейших законов.) Или в персидской «Книге погуя»: спорщики решили «избрать судью, стали на краю дороги и сказали: «Первый, кто подойдет с этой стороны, будет судьей между нами» [50, 60]. «Позднейшая логика говорит, — отмечает О. М. Фрейдберг, — что судья имеет специальные данные, делающие его разбирателем тяжбы. Однако низовые суды в том и состоят, что судьи в них „выборные“, прямо из народа, а не люди с юридическим образованием» [14, 155].

товьямп, животными; тема суда может быть связана в них со всевозможными иными. Не случайно во всех известных указателях сказочных сюжетов истории о судах разбросаны по самым разным группам. В знаменитом указателе Аарне — Томпсона (1; в дальнейшем — АaTh) это, например, номера 155 (неблагодарное животное хочет съесть своего спасителя; оба обращаются к судьям), 926 («Суд Соломона»: две женщины претендуют на ребенка; судья выявляет настоящую мать), 976 (необходимо выяснить, кто из трех братьев вор; рассказывается история о благородных поступках жениха, возлюбленного и вора; тот, кто называет самым благородным вора, невольно выдает свою сущность и оказывается разоблачен); 1310 (о щуке, которую в наказание решили утопить), 1585 (человека научили, как притвориться на суде сумасшедшим, чтобы избежать наказания; после суда оп пользуется тем же способом, чтобы не уплатить советчику за помощь); 1660 («Шемьякин суд»: человек показывает судье камень за пазухой; тот думает, что это взятка, и выносит несправедливый приговор) и многие другие³.

Разнообразие и разнородность историй о судах, конечно, затрудняли их выделение в какую-то одну особую группу. Путь здесь был подсказан знаменитой работой В. Я. Проппа «Морфология сказки» [12]. В. Я. Пропп советовал приглядеться не только к содержанию сказок, но и к их строению, что позволяет более четко определить разряд; сам он блестяще осуществил это на материале волшебной сказки⁴, определив направление поисков для многих исследователей.

Сделать то же самое в отношении сказок о судах оказалось не только возможно, но, как мы увидим дальше, во многих отношениях и целесообразно.

Впервые на тексты о судах как на особый, не только тематический, но структурно-смысловой тип указал Г. Л. Пермяков. В книге «От поговорки до сказки» [М., 1970, с. 64—65] и особенно в предисловии к сборнику «Проделки хитрецов» [11, 15] он предварительно наметил также систему логической трансформации, свойственной этому типу, противопоставив судам мудрым и справедливым суды глупые и неправедные, а также выде-

---

³ Здесь вольно излагается лишь один из вариантов каждого сюжета: вместо животного в сказке может выступать чудовище, вместо братьев — друзья и т. д. Это обстоятельство, кстати, во многих случаях затрудняет отыскание нужного сюжета в существующих указателях. Так, сюжет, соответствующий нашему № 236 («Сваренный горох может расти так же хорошо, как из сваренных яиц выводятся цыплята»), в указателях Аарне — Томпсона, Аарне — Андреева [2, в дальнейшем — АaАн] и «Восточнославянская сказка» [3, в дальнейшем — ВС] помещен в разделе «О чертях» (821 В. Черт-адвокат); между тем в известных записях (см. примеч. к № 236) сплошь и рядом фигурирует вместо черта человек, трикстер. Человек нередко оказывается и героем сказок, помещаемых обычно в разделе о животных, и т. д.

⁴ «Волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется и сразу определяет разряд, хотя мы этого и не осознаем [12, 12].

лив суды, где правыми (или неправыми) оказываются обе противные стороны, и суды-дилеммы, вообще не дающие ответа на вопрос, которая из сторон права.

Хотя такое предварительное подразделение по принципу справедливости — несправедливости и мудрости — глупости при более углубленном знакомстве с материалом потребовало, как увидим, существенного уточнения, сам принцип подхода оказался весьма плодотворным. Рассмотренные в совокупности, тексты о судах обнаружили общность, которая позволяет выделить их в своеобразную группу, обладающую особыми тематическими, структурными и смысловыми свойствами.

2

Проглядевшись ко множеству сказок, басен, легенд и анекдотов, представленных в нашем сборнике, мы без труда обнаружим, что все они построены по сходной схеме. Суть ее в общих чертах такова:

1) Между двумя (или более) персонажами возникает конфликт (спор, тяжба): о разделе добычи (имущества, наследства и т. п.) или возмещении убытков, о том, кому должен достаться ребенок (муж, невеста), кто [в большей степени] виноват в том или ином проступке или преступлении, чьи действия [в большей степени] справедливы, законны, кто [в большей степени] обладает теми или иными качествами (умом, глупостью, леностью, силой) и т. п. Нередко вначале представлен лишь один участник конфликта (истец, пострадавший), второго (ответчика, вора, убийцу) лишь предстоит выявить; по он обязательно должен фигурировать хотя бы заочно или подразумеваться⁵.

2) Для разрешения конфликтной ситуации (в частности, для выявления виновного) участники ее (или один из них) обращаются к третьему персонажу — судье. Нередко судья сам предлагает свои услуги, вызывает участников конфликта (или одного из них) в суд.

3) Судья выслушивает и разбирает дело (выявляет виновного)

4) и выносит приговор (или, в судах-дилеммах⁶, оказывается не в силах принять решение)⁷.

⁵ Возникновению конфликта могут предшествовать самые разнообразные предьстории, иногда весьма обширные, представляющие самостоятельные сюжеты; для рассказов о спорах и судах это, однако, именно предьстории.

⁶ «Дилемма» в данном случае — условное обозначение; сторон (и возможностей выбора) может быть и больше двух.

⁷ Не всегда вынесению приговора предшествует судебное следствие (допрос свидетелей, эксперимент и т. п.); решение может выноситься и без мотивированных доказательств, на основе догадки, внутреннего убеждения судьи или вообще произвольно. Фольклор здесь в какой-то мере отразил реальную практику судопроизводства, которая у разных народов в разные периоды не требовала обязательной мотивировки судебного решения. Ср. в древнем Египте: «Решение объявлялось без мотивов. Судья безмолвно прикладывал ко лбу той стороны, в чью пользу было решено дело, изображенные истины, которое он носил на шее» [8, 64].

5) Сообщается о реакции участников на приговор (о его последствиях).

Таким образом, тематически все представленные в сборнике рассказы при огромном разнообразии исходных ситуаций сообщают о суде, т. е. о третейском разрешении того или иного конфликта; по внешней композиционной структуре все они обычно включают пять основных элементов: 1) возникновение конфликта (спора, тяжбы); 2) обращение (вызов) в суд; 3) судебное разбирательство; 4) вынесение приговора; 5) во многих случаях также — реакцию на приговор. Эти инвариантные конструктивные элементы соответствуют функциям действующих лиц, обязательный набор которых во всех повествованиях о судах строго определен: двое (или сколько угодно больше, но ни в коем случае не меньше) спорщиков-тяжущихся и судья, а также иногда свидетель и советчик (в новейших вариантах фольклора — адвокат; иногда свидетель и советчик — одно и то же лицо).

Другими элементами композиции в рассказах о судах являются: характеристика участников, повторение судебного разбирательства, этнологический момент («с тех пор пошло то-то и то-то»). Действие разворачивается в определенной последовательности: сначала представляются участники, затем сообщается о возникновении конфликта, далее следует обращение (вызов) в суд, судебное разбирательство (иногда повторяемое), вынесение приговора, реакция на него, этиологический момент⁸.

Остановимся подробнее на композиционно-тематических особенностях рассказов о судах и на основных персонажах.

3

Как уже было сказано, исходные ситуации, требующие судебного разрешения (возникновение конфликта), могут быть самыми разнообразными; здесь рассказы о судах переплетаются со всевозможными иными историями. Разновидностью их могут быть, например, те рассказы о состязаниях, где для выявления победителя участники обращаются к третьему — судье. Сюда же можно отнести эпизоды с «разрешением спора» или «раздела» в волшебных сказках: когда, например, черти ссорятся из-за обладания волшебным предметом, а герой, вызвавшийся их рассудить, сам завладевает им, усылая спорщиков, скажем, за пущенной стрелой [12, 43]. Но в любом случае отнести текст к разряду «историй о судах» можно лишь тогда, когда конфликтующие стороны обращаются к третьему и он разбирает их дело; иначе говоря, необходимо сочетание с обращением в суд и судебным

⁸ В отдельном рассказе суть конфликта может излагаться уже после обращения в суд и т. п. В. Я. Пропп называл такие отступления от последовательности не нарушением ее, а частичным введением обращенной последовательности [12, 97]. На деле конфликт, конечно же, всегда предшествует обращению в суд. «Воровство не может произойти раньше взлома двери... Свобода в последовательности ограничена весьма тесными пределами, которые могут быть приведены в точности» [12, 25].

разбирательством; соответственно в наборе персонажей непременно должен быть судья.

Возьмем хотя бы целый ряд сказок на популярный сюжет о «неблагодарном спасенном»: тувинскую «Белый заяц» [131, 184], кхмерскую «Как отец с сыном повстречали крокодила» [89, 292], басумбва «Человек, лев и заяц» [98, 259] и др. (см. примеч. к вьетнамской сказке «Леопард в книжном ящике», № 215). Во всех этих сказках один из персонажей спасает из ловушки хищника, а тот в ответ хочет его съесть и даже иногда обосновывает свое право на это. Чтобы узнать, кто из них прав, оба обращаются к судье (иногда последовательно к нескольким). Тот, якобы желая выяснить, «как было дело», просит хищника вернуться в ловушку и оставляет его там.

Но вспомним очень сходный сюжет знаменитой арабской сказки о рыбаке и джинне, выпущенном им из бутылки. Здесь рыбак сам ухитряется возвратить джинна в бутылку; третий участник не появляется. Именно это принципиальное различие позволяет отнести все перечисленные выше к сказкам о судах, а последнюю — нет. Персонажи, спорящие о волшебном предмете, также могут разрешить спор сами: хитростью или поединком; медведь и человек в известной сказке могут сами разделить урожай на верхки и корешки и т. д. Сопоставим эти истории с любым из текстов нашего сборника, и мы увидим все ту же главную разницу.

Столь же обязательно различие в исходной ситуации как минимум двух тяжущихся. Как уже упоминалось, один из них может разыскиваться или подразумеваться (например, если в суд вызван человек, нарушивший закон, его обвинителями предполагаются государство или его представители, или те, чьи интересы он задел, нарушив закон). В бирманской сказке «Как появился кокосовый орех» к берегам страны прибывает плот с тремя преступниками и царь выносит им приговоры за преступления, совершенные в другой стране. Но вот пример иного рода. В ряде сюжетов участник тяжбы должен доказывать свою правоту, отгадывая загадки; это своеобразная сказочная разновидность ордалий, «божьего суда» (см., напр., татарскую сказку «Хвастливый бай», № 150, и примеч. к ней). Сопоставим эту сказку с классическим древнегреческим мифом о Сфинксе, загадывающем загадки Эдипу (если не разгадает — смерть), или с бирманской сказкой «Монг Паук Чайп», где царица ставит герою условие: «Я загадаю вам загадку. И если... вы разгадаете ее — умру я. Если же нет — умрете вы» [72, 67]. Роль Сфинкса можно сопоставить с ролью судьи в татарской сказке, роль Эдипа — с ролью ответчика; но второго тяжущегося нет, и неясен характер тяжбы, что и не позволяет отнести древнегреческий и бирманский тексты к числу рассказов о судах⁹.

В некоторых случаях, правда, один персонаж может совмещать в себе

⁹ Правда, с некоторой натяжкой можно было бы в первом случае считать тяжущейся стороной (и одновременно судьей) самого Сфинкса, установившего какой-либо закон, который Эдип нарушил, а во втором — царицу; но ради строгости мы тексты такого типа рассматривать и не будем.

одновременно две роли: и тяжущейся стороны, и судьи. Превосходный пример — турецкий анекдот «И ходжа — двуличный кази»: «Пришел однажды к нему человек и говорит: „В поле паслись коровы и пеструшка — должно быть, это ваша корова — боднула в живот нашу корову и убила ее. Что за это полагается?“ Ходжа отвечал: „Здесь хозяин ни при чем. К животному нельзя предъявлять иск о пролитой крови“. Тогда человек заметил: „Ах, я ошибся, не ваша корова убила нашу, а наша убила вашу“. — „Ну, тогда вопрос усложняется. Достаешь-ка поскорее с полки вот ту книгу в черном переплете!“» [25, 176].

Иногда судья берет на себя и роль советчика (см. индийский рассказ «Изображение в зеркале», № 77).

Как уже упоминалось, в рассказах-дилеммах судья оказывается неспособным найти решение и роль судьи иногда предлагается взять на себя читателю. Часто в сходных вариантах одного и того же сюжета судья в самом тексте вообще не появляется, рассказчик обращается за «судом» прямо к читателю. Несмотря на принципиальную близость таких сюжетов, мы для сборника предпочитали все-таки варианты, где судья был представлен эксплицитно, как персонаж¹⁰.

Разные судьи пройдут перед читателем на страницах этой книги. Тут и люди, и животные (заяц, паук, черепаха), и духи или божества (Ньяме у бауле, бурятский Эсегэ-малап, древнеегипетская Эннеада), и даже неодушевленные предметы или стихийные силы (гора, ветер). Судьей мог быть и знаменитый фольклорный хитрец (Насреддин, Бирбал, Абу-Нуvas), и глава племени или государства (вождь, король, султан), и духовное лицо (мулла), и старейшина рода, и совет таких старейшин¹¹. При всей фактастичности некоторых судов этнограф и историк судопроизводства несомненно сможет почерпнуть из этих текстов немало реальных сведений о жизни, обычаях и правовых нормах разных народов.

Н. Д. Фошко в предисловии к сборнику «Кхмерские мифы и легенды» [71] выделяет в числе обязательных персонажей кхмерских юридических

---

¹⁰ Рассказы-дилеммы в известном смысле можно отнести и к жанру загадки: практически они и бытуют как развернутые загадки, в этом качестве рассказываются и включаются в сборники. Подробней см. об этом дальше.

¹¹ Интересно сравнить некоторые сказочные описания судов со свидетельствами о реальном судопроизводстве. Вот, например, как описывает юридические отношения у народности тем (Центральное Того) известный исследователь фольклора и культуры Африки Л. Фробенус: «Если возникает тяжба или совершается какое-то преступление, например воровство или разбой, то старики вместе с истцом, а иногда и вместе с обвиняемым (ответчиком) идут к уро-исо (верховному вождю. — М. Х.) в город Паратау. Там старики собираются на судебное заседание. Они садятся на корточки в круг и по очереди встают, чтобы произнести свое слово в защиту или в обвинение. Словом, происходит самое настоящее судебное разбирательство» [153, 145]. В подтверждение автор приводит примеры разбора нескольких дел, в том числе по обвинению в супружеской измене, воровстве, убийстве.

сказок так называемого «ложного судью», т. е. первого, к кому обращаются тяжущиеся. «Судья не может удовлетворительно разрешить спор, справедливое решение выносит король» [71, 19]. Это действительно постоянная характерная особенность именно кхмерских сказок, убедительного объяснения которой пока не предложено. При сходстве многих кхмерских сюжетов с индийскими, пишет Н. Д. Фошко, можно отметить ряд национальных особенностей. «В индийских сказках судья — деревенский староста, в кхмерских — король. В индийских сказках плату чаще всего требует бедняк. Кхмерам кажется, что бедняк у бедняка денег не попросит. Вот богачу, привыкшему получать и копить деньги, такая идея прийти в голову может» [71, 20].

Вообще обращает на себя внимание обилие сказок о судах и судьях в кхмерском фольклоре. «Склонность кхмеров к „юридической“ сказке, — считает Н. Д. Фошко, — объясняется, на наш взгляд, тем, что в средние века камбоджийское общество состояло главным образом из свободных крестьян, частые конфликты которых с феодалами обычно решались в суде, куда они имели право обращаться» [71, 20].

Остановимся особо на тех рассказах, где в суде участвует божество или волшебная сила — не обязательно персонально, как в шумерском мифе «Лакнар и Ашна» или бурятской сказке «Бедняк»; здесь боги, по существу, очеловечены и выносят решения, которые можно было бы приписать и обычному судье. Интересней переходные случаи, как, например, в сказке бирманской народности нага «Почему кошки едят мышей». Здесь паты (анимистические божества, духи) решают судьбу мышей и кошек игрой в кости: «Если проиграет нат котов, мыши будут есть кошек. Если же проиграет нат мышей, то кошки будут есть мышей» [110, 41]. Такое бросание жребия — типичный пример так называемой ордалии, или «божьего суда»; забавно, что к нему прибегают персонализированные божества. Как правило, в сказках о «божьих судах» бог дает знать о своем приговоре косвенно.

Ордалии у многих народов древности были одним из самых распространенных типов или элементов судопроизводства. В древней Индии участники судебного процесса испытывались взвешиванием, огнем, водой, ядом, «святой» водой, жеванием зерен риса, раскаленной монетой, раскаленным плугом и вытягиванием жребия. Испытание взвешиванием заключалось, например, в следующем: подозреваемого дважды взвешивали; если во второй раз он оказывался легче, чем в первый, его признавали невиновным. При испытании раскаленными предметами доказательством невиновности служило отсутствие на теле следов ожога через некоторое время после испытания ¹².

---

¹² «Замечательны своим открытым смыслом ордалии, — пишет О. М. Фрейденберг. — Человека судят вода и огонь, человека судят путем воды и огня; человека погружают в воду или испытывают огнем, и если на нем „вина“, тогда он „погибает“. Этот суд огня и воды — бога суд; в

Л. Фробениус в т. 8 «Атлантида» рассказывает об ордалиях у племен мосси, баммане, малинке (Зап. Судан). У мосси ордалия осуществляется при помощи сосуда, называемого «кабого» (у баммане он называется «сиенг», у малинке — «бамбукус»); в сосуде подают заговоренный состав; у некоторых племен в состав добавляют сок ядовитых растений, но это необязательно. Считается, что виновный, выпив из такого сосуда, подается и умрет; оставшийся живым признается невиновным [151, 223].

Сказки разных стран дают нам описание разнообразных «божьих судов» (см. № 147—159), иногда существовавших в действительности, иногда живописно-фантастических. Таково, например, описание «весов правосудия» в одной из персидских сказок:

«Мы подошли к самому берегу моря, и тут я увидел громадную скалу... На вершине ее высился толстый стальной столб, с которого, как с козырька весов, свисали железные цепи. К ним прицепляли большие подставки, похожие на чаши весов, и сажали испытуемого. Море начинало волноваться, волны вздымались, подступали к самым весам, из моря выплывали рыбы и пожирала виновного. Если же человек был невиновен, они не причиняли ему никакого вреда» [87, 449].

Своеобразной сказочной разновидностью ордалии можно иногда считать разгадывание загадок; поскольку содержание загадок обычно не имеет никакого отношения к сути спора, суд апеллирует как бы к «наитию свыше», которое подсказывает правому правильный ответ (см. № 150).

Ордалии прежде всего служили доказательством правоты или виновности той или иной стороны на суде, причем доказательством решающим, которому верили больше, чем любым непосредственным уликам или показаниям свидетелей¹³. Таким образом, в известном смысле «божий суд» можно рассматривать как одну из разновидностей, выражаясь современным языком, судебно-следственного эксперимента; эпизоды, посвященные ему, относятся к судебному разбирательству¹⁴.

древности его чинят жрецы, и он так же бытует в религии, как и в праве» [14, 157—158]. В ордалиях наиболее ярко отразилось древнее представление о тождестве «виновного, вины и наказания» [14, 148].

¹³ «Клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам верили больше, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам» [7, 159]. Своеобразное подтверждение такой психологии мы находим в древнеиндийской сказке «Божий суд»: свекор поймал неверную невестку с поличным, в доказательство снял у нее с ноги браслет, но, когда она с помощью хитрости сумела доказать свою невиновность «на божьем суде», поверил этому больше, чем собственным глазам (№ 158). Впрочем, в самой сказке уже проявляется и то ироническое отношение к справедливости «божьего суда», о котором еще будет упомянуто.

¹⁴ До сравнительно недавнего времени у большинства народов следствие не было строго отделено от судопроизводства. Предварительное расследование и суд обычно были сосредоточены в одних руках (ср., например, в феодальном Китае: «Строгого разграничения между предварительным и судебным следствием не было. Судья мог в любой момент прервать процесс, не вынося решения, предпринять следственные действия, выполне-

Ордалия, однако, была не просто доказательством и элементом следствия. Во многих случаях она оказывалась одновременно приговором, совпадала с ним — например, в сказке тонга «Заяц и дуикер», где виновным признавался тот, кто погиб в результате испытания (свалившись в яму с огнем или сварившись в котле). Вернее говоря, погибнув, он подтверждал свою вину; исполнение приговора совпадало с моментом выявления вины. То же нередко происходило при судебных поединках, которые были разновидностью «божьего суда» и отличались от обычных поединков тем, что совершались в присутствии третьей стороны — инстанции, которая затем официально формулировала приговор¹⁵.

Вообще судебное разбирательство и связанные с ним эксперименты могли быть самыми разнообразными. Тексты, собранные в этой книге, расскажут о многих поистине мудрых находках судей-следователей. Это и продуманный допрос обвинителей в библейской легенде о Сусанне и старцах: спрошенные порознь, под каким деревом застали они Сусанну за прелюбодеянием, старцы дали разные ответы и разоблачили свою клевету («Сусанна и старцы»). Это и хитрый замысел вьетнамского судьи, который созвал на пир всю деревню, чтобы выявить, на кого не залает собака и кто, следовательно, мог незаметно проникнуть в дом для воровства («Тяжба с баньяном»). Это и психологический эксперимент хакасского бедняка, который заявил, что обмазанный сажей петух крикнет, когда до него дотронется вор; как и ожидалось, после эксперимента у вора, единственного руки оказались не запачканы сажей («Волшебный петух»). Это и распознавание виновного по следам (микронезийский рассказ «Сикхалот и его мать»), по жвачке (кхмерская сказка «Как вор украл корову») и т. п.

Судебный эксперимент Соломона (см. № 1) можно назвать «ложным приговором»: судья постановляет рассечь ребенка надвое и уже затем, увидев реакцию тяжущихся женщин, выносит приговор настоящий. Такой же эксперимент с «ложным приговором» как элементом следствия мы встречаем и в других рассказах (№ 10, 11).

Чисто сказочная разновидность судебного разбирательства — расска-

---

ние которых брал на себя или поручал полиции. Настоящее расследование весьма часто начиналось именно после того, как судебное разбирательство обнаруживало его необходимость» [8, 596]). В суд обращались, чтобы подать жалобу на вора, обидчика и т. п. Фольклор, естественно, отобразил это обстоятельство.

¹⁵ В сущности, любой поединок как средство разрешения спора апеллировал к третьей инстанции — богу, судьбе (не случайно родство слов). Судья рассудит, бог рассудит. Так, в корякской сказке «Оседлые и оленеводы» спор между коряками и чукчами за стадо оленей решается сражением между ними (сб. «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки». М., 1974, № 149). Но персональный судья здесь не фигурирует, по этой структурной причине текст не мог быть включен в данный сборник. Другое дело — абхазская сказка «Пеструшка и мышь»: здесь конфликтующие стороны обращаются к судьям и те решают: «Объявите войну друг другу, и победителю достанется весь урожай» (№ 24). Разновидностью судебного поединка можно считать метание жребия (см. примеч. к № 49).

ывание по ходу его историй, призванных по аналогии подтвердить чью-то правоту или неправоту. Так, в индийской сказке «О двух мудрых птицах» для разрешения спора о том, кто коварней и неблагодарней, мужчины или женщины, рассказывается ряд вставных сюжетов [126, 134]; женщины признаются более злыми. В ангольской сказке «Кималаузо» варьируется знаменитый библейский сюжет о Иосифе Прекрасном: мачеха пытается соблазнить пасынка, но, потерпев неудачу, обвиняет его в покушении на убийство. Перед судом юноша молчит, но старейшины рассказывают царю целый ряд историй, подтверждающих коварство женщины, и тем психологически подготавливают правильное решение, а затем и сам обвиняемый, заговорив наконец, подтверждает свою невиновность [56, 20]. В аналогичной персидской истории визирь целых семь дней увещевал подобными рассказами царя, уже приговорившего невиновного юношу к казни, пока, наконец, тот сам не прерывает обет молчания [50, 73]. Объем таких обрамленных историй не позволил представить сюжет в данном сборнике.

Несколько слов о характеристике участников. В том случае, когда ее дает рассказчик, она не является конструктивным, сюжетообразующим элементом. Когда же ее дают сами персонажи, она в некоторых случаях оказывается важным элементом сюжета, а именно существенным, даже основным доказательством, влияющим на приговор¹⁶. Такова, например, качинская сказка, где тяжущиеся наперебой рассказывают о своей глупости (№ 65). Важную для хода дела роль играют в некоторых рассказах характеристики, которые выдаются свидетелям (турецкий анекдот «Лучших свидетелей не найти», сказка народности канури «Лжесвидетель»). В мусульманском судопроизводстве свидетель должен был иметь хорошую рекомендацию¹⁷; опорочить свидетеля — значило иной раз повернуть ход дела, как это и случилось в сказке «Лжесвидетель». В подобных случаях характеристика участников является элементом судебного разбирательства.

Об обращении (вызове) в суд, как правило, сообщается одной короткой фразой (типа «пошли они к судье» или «судья вызвал их к себе»), которая нередко вообще опускается. Если можно говорить о разных типах

---

¹⁶ Это соответствует, кстати, реальным особенностям судопроизводства в некоторых его исторических разновидностях. Ср., например, в судопроизводстве древних франков (VII—IX вв.): «Доказательствами служили показания свидетелей, которые были как бы поручителями обвиняемого — свидетелями его доброй славы, хорошей репутации. Соприсяжники в числе шести, двенадцати или больше человек свидетельствовали, что обвиняемый в силу присущих ему добрых качеств не мог совершить приписываемое ему деяние» [8, 304].

Обратным, иронически-пародийным отражением подобных представлений может служить персидская поговорка: «Борода у него рыжая — вот еще одно доказательство» [10, 113].

¹⁷ «Законность свидетельских показаний в момент их дачи обуславливается следующим требованием, которым должен отвечать свидетель: быть мусульманином, не еретиком, быть в здравом уме, обладать правоспособностью, пользоваться уважением» [15, 119].

конфликтов, о разновидностях судебного разбирательства, о разнообразных приговорах, то обращение в суд самостоятельной сюжетной наполненности практически не имеет.

Возникновение конфликта и судебное разбирательство чаще всего бывают наиболее весомыми составными частями сюжета; ради них и сказка рассказывается. Но иногда они предстают в усеченном, редуцированном виде; смысл сказки — в приговоре, на него и переносится центр тяжести. Характерный пример — корейская сказка «Странный чиновник»: «Однажды двое его слуг поспорили о чем-то и никак не могли прийти к согласию. Наконец один из них обратился к своему господину и сказал:

— Я поспорил со своим товарищем. Пожалуйста, рассудите нас!

И он рассказал ему суть спора. Чиновник выслушал его и ответил:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Но потом пришел другой слуга, рассказал о том же самом споре и тоже попросил чиновника рассудить. Хван и ему сказал:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Когда жена чиновника сказала ему, что так не может быть, он ответил, что и она права. С тех пор и пошла поговорка «Ты судишь, как чиновник Хван».

Поговорка здесь могла быть связана только с характером приговора, но не с сутью спора и не с характером разбирательства. О тяжбе сказано: «поспорили о чем-то». О разбирательстве: «И он рассказал ему суть спора. Чиновник выслушал его».

Заметим, что судебное разбирательство вообще довольно часто сводится к фразам именно такого типа. Изложив читателю суть первоначального спора и сообщив об обращении в суд, сказка ограничивается дальше простой констатацией: «Судья выслушал их и сказал». Иначе говоря, читателю предоставляется мысленно повторить весь рассказ о споре — уже в порядке «слушания дела».

Однако во всех случаях возникновение спора и судебное разбирательство должны быть представлены текстуально или ясно подразумеваться. То же относится и к приговору.

Приговором в сказке достаточно считать указание на правую (выигравшую) или виноватую (проигравшую) сторону. Мера наказания имеет существенное значение лишь в определенной части сюжетов, смысл которых — рассказать о расплате, соответствующей поступку («По делам и расплата») или, напротив, не соответствующей ему. Таковы, например, приговоры, основанные на игре слов (истец требует обещанную плату: «ничего» — судья-хитрец дает ему «ничего»; см. № 220). Такова история о черепахе, которую в наказание топят (сказка пампанго «Обезьяна и черепаха»). Таков «Суд над Бирбалом». Вина Бирбала конкретно не названа, однако не подлежит ни сомнению, ни судебному доказательству; речь идет лишь о мере наказания. Бирбал сам выбирает себе судей-бедняков, которые присуждают его к штрафу — огромному, по их понятиям, но мизерному для богача Бирбала.

Однако независимо от того, названа мера наказания или нет, именно наличие приговора, т. е. вывода, оценки, решения, прежде всего позволяет говорить о «судах» как об особой разновидности моралистических, или назидательных, рассказов, о чем подробнее будет сказано дальше. Поэтому тексты, где упоминается о судах, по нет и не подразумевается определенного судебного решения (о судах-дилеммах было оговорено особо), в данную группу включены быть не могут¹⁸.

Таким образом, возникновение конфликта, обращение в суд, судебное разбирательство и приговор во всех случаях присутствуют текстуально или подразумеваются; столь же обязательно для сказок о судах наличие минимального набора из трех основных персонажей (свидетель и советник могут отсутствовать).

О реакции персонажей на приговор сообщается далеко не во всех текстах. Реакция может быть словесной: «Твой суд глуп!» (сказка ираку «Лай и заяц»), «Все сочли решение суда справедливым» (непальская сказка «Чья невеста») и т. п. Распространен сюжет, когда кто-то из участников, выслушав несправедливый приговор, рассказывает судье аналогичную историю, чтобы устыдить его, и добивается пересмотра приговора (корейская сказка «Как аист судил птиц»). Возможна и более резкая «рецепзия» на приговор — пощечина судье и даже его убийство. В польской легенде «Несправедливые судьи» («Польские народные легенды и сказки». М.—Л., 1965, с. 203) судьи после несправедливого приговора каменеют; здесь можно говорить о вмешательстве в действие некоего высшего судьи. В рассказах, где несправедливый судья ожидал взятку, он может быть проучен иным способом: ожидал получить много денег, а получает арбуз, думал, что за назухой спрятан богатый подарок, а там оказался камень, получил в качестве мзды горшок с медом, а там оказался навоз, и т. п. Во многих сказках о несправедливых и наказанных судьях этот элемент можно считать основным; главную мысль такого типа историй можно сформулировать примерно так: «Каков суд, таков и отклик на него». Есть и тексты, повествующие о благих последствиях справедливых судов (вьетнамская сказка «Справедливый мандарин»); есть и такие, где даже справедливые приговоры оборачиваются бедой (бирманская сказка «Как появился косовый орех»).

4

Как уже было отмечено, истории о судах не только повествуют о разнообразных конфликтах, но и непременно предлагают некое их разрешение

¹⁸ Ср., например, персидский анекдот о том, как судья вызвал для показания свидетеля и стал проверять, хорошо ли тот знает мусульманские обычаи. «А что обычно говоришь, когда кладешь покойника в гроб?» — не унимался судья. — «Вот уж повезло тебе, так повезло... Унес свою душу подбру-поздорову. А то еще, гляди, пришлось бы перед судьей в свидетелях быть» [85, 56]. Приговора здесь нет и не требуется; это текст иного характера.

ние, приговор; тем самым каждый сюжет позволяет сформулировать в связи с приговором прямо или косвенно определенный вывод, т. е. мораль из рассказанного. Иногда эта мораль звучит непосредственно в тексте (например: «Бедняку судиться с богачом — все равно что пытаться разбить камень тыжкой» или «Недаром говорят: на воре шапка горит»), иногда вывод предлагается сделать самому читателю. Эта особенность позволяет отнести все истории данной группы к числу моралистических, или назидательных. Существенным свойством такого рода текстов является их соотнесенность с пословичными изречениями¹⁹. Мы уже видели, что во многих случаях выводы из назидательной истории о суде можно сформулировать пословицей или поговоркой: «И шуку бросили в реку», «По делам вору и мука» и др. Многие изречения прямо обязаны своим происхождением соответствующим сказочным или легендарным историям (ср. выражения «Соломонов суд», «Шемьякип суд»). Приведем еще несколько примеров.

Известный русский фольклорист С. В. Максимов в своей книге «Крылатые слова» объясняет происхождение русской пословицы «На воре шапка горит» таким рассказом: «Украл что-то вор тихо и незаметно и, копчено, скрыл все концы в воду. Искали и обыскивали — ничего не нашли... К кому же обратиться за советом и помощью, как не к знахарю?..

Знахарь повел пострадавших на базар, куда обыкновенно все собираются. Там толпятся кучей и толкуют о неслыханном в тех местах худом деле: все о том же воровстве.

В толпу эту знахарь и крикнул:

— Поглядите-ко, и православные: на воре-то шапка горит!

Не успели прослушать и опомниться от зловещего окрика, как вор уже схватился за голову» [9, 42—43]²⁰.

Здесь же Максимов упоминает «о существовании одпордных анекдотов — из восточных азиатских нравов» [9, 43]. В нашем сборнике наглядный пример подобного анекдота — афганский рассказ «Хитрый визирь». Созвав людей, среди которых были и воры, похитившие хлопок, визирь объявил, что хлопок пристал к их бородам. Воры тотчас схватились за бороды.

Мы не знаем, существует ли афганская пословица «У вора в бороде хлопок», но, думается, не будет чрезмерной смелостью предположить принципиальную возможность существования такой (или подобной ей) пословицы. При несходстве реалий она будет говорить, по существу, о том же, что и русская «На воре шапка горит», а именно: «Виновный сам себя выдаст», «Всякое действие имеет закономерный результат».

¹⁹ Это явление подробно было исследовано Г. Л. Пермяковым («От поговорки до сказки», с. 62—74 и др.). Назидательные сказки в своем реальном бытовании часто рассказываются «к случаю»: «А вот послушайте, что на этот счет говорит сказка».

²⁰ Аналогичные рассказы объясняют происхождение изречений «Вора выдала речь» и «Рассуди — топором разруби» [9, 47, 361]. См. примеч. к № 89, 172.

К той же мысли ведет индийская сказка «Вор», киргизская «Догадливый судья», адыгейская «Как один человек спасся от смерти» и др. В то же время на страницах сборника мы найдем и сюжеты типа китайской сказки «Как один глупец покупал пекинский диалект», где наговаривает на себя и подвергается наказанию невинный, или тайской «Умный вор», где виновный ловко уничтожает улики и остается безнаказанным. Попадутся нам и сказки типа китайской «Глазная болезнь», где судья скажет обем тяжущимся сторонам: «Поскольку истец прав, то присуждаю двадцать палочных ударов обвиняемому. Но и обвиняемый прав, поэтому присуждаю двадцать ударов палками истцу» (№ 194). Во многих случаях встретятся, как уже говорилось, и судебные дилеммы, где вместо вывода читателю предлагается вопрос.

В сказках о судах, пожалуй, особенно ярко отразилась повседневная жизнь народов, их нравы, обычаи, моральные представления, психология, характер деловых взаимоотношений. В суд приходили с самыми разными делами: и с семейными конфликтами, и с трудовыми, и с имущественными тяжбами, и с жалобами на обиду, оскорбление и т. п. Желающему познакомиться с глубинной стороной жизни людей, которая не всегда открывается поверхностному взгляду, бесполезно провести хоть несколько дней в суде; писатели нового времени не раз подтверждали это. Конечно, сказки, легенды, басни отражают реальные отношения в образной, подчас фантастической форме; тем не менее читатель, познакомившийся с текстами этого сборника, почерпнет из них немало и реальных сведений. Он узнает, например, что в древнем Египте потерпевший сам указывал кару, которая, по его мнению, полагалась виновному (а также размер вознаграждения, которое он взыскивает), и что виновный в невыполнении денежных или иных обязательств мог быть отдан в рабство. Он узнает, что в племени ираку (Танганьика) мужчина мог развестись с женой, потребовав при этом обратно свой свадебный выкуп; женщина после этого могла выйти замуж вторично. Он узнает, что учение о посмертном перевоплощении душ существенно влияло на многие стороны повседневной жизни индийцев, хмеров и других народов, у которых оно было распространено. Он узнает о быте охотников, земледельцев, скотоводов, торговцев, ремесленников, об их имущественных отношениях и материальной культуре, о некоторых формах общественного устройства у разных народов. А как ярко отражены в этих рассказах самые тонкие оттенки психологии людей! Тут и самоуверенность, и трусость, заискивание перед сильными мира сего и внезапные взрывы смелости, благородство и корыстолюбие, гордость и чувство обреченности, лицемерие и хитрость, глупость и простодушие, принципиальность и лукавство, наивное суеверие и ироническое сомнение во всемогуществе «божьего суда», мстительность и великодушие, слепая ярость и спокойная рассудительность.

Соответственно и мораль, извлекаемая из сказок о судах, может говорить не только о правосудии. Из знаменитой истории о суде Соломона, где ребенок присуждается родной матери, следует, например, что «мать всегда

остается матерью». Осетинская сказка «Птичник и царь» повествует об обратном случае, когда детей присуждают не той, что родила, а той, что вскормила (и это справедливо; ср. уйгурскую пословицу: «Не та мать, что родила, а та, что вскормила»). Нам не удалось встретить рассказа компромиссного типа, где ребенок бы оставлялся и той, что родила, и той, что вскормила (или ни той ни другой); между тем вполне мыслима и такая жизненная ситуация. После минувшей войны многие матери, потерявшие своих детей, находили их впоследствии у женщин, воспитавших и усыновивших приемышей; нередко после этого дети продолжали жить как бы при двух матерях (и это тоже было справедливо). Есть в сборнике и текст, где ребенок присуждается не той, что родила, а той, на чьем участке родился ребенок (сказка лома «Чей ребенок?»), и в оценке справедливости или несправедливости этого парадоксального приговора рассказчик испытывает уже некоторые затруднения. Есть история, где ребенку самому предложено выбрать между родным отцом и приемным — решение остается неясным (сказка хауса «Охотник и его сын»).

5

О справедливости или несправедливости заходит речь во всех рассказах о судах. Справедливость почиталась всеми народами как высшая ценность. Характерна в этом отношении амхарская сказка «О несправедливом суде». Человеку представилась возможность выбора: отправиться в страну, где много хлеба, но нет справедливости, или в страну менее богатую, но где справедливость торжествует. Он выбирает первую — и горько за это платится. «Справедливость ценнее хлеба» — свидетельствует сказка.

Естественной кажется мысль именно принцип «справедливости — несправедливости» положить в основу классификации рассказов о судах [11, 15]. Однако дело здесь оказывается не так просто.

Прежде всего, судить о справедливости или несправедливости сказочных приговоров со стороны далеко не всегда представляется возможным. Слишком различны обычаи, законы, правовые нормы, моральные представления не только у разных народов в разные времена, но даже у представителей разных социальных групп. Вспомним еще раз про мизерный штраф, которому подвергают индийские бедняки лукавого Бирбала. Справедлив или несправедлив этот суд, мудр или глуп? С чьей точки зрения. В текстах сказок далеко не всегда можно встретить прямой ответ на такого рода вопросы.

В упоминавшемся уже сюжете о «неблагодарном спасенном» человек и вырученный им зверь иногда обращаются за судом последовательно к нескольким животным, и они высказываются против человека, вспоминая о его жестокости, неблагодарности и обосновывая право зверя быть жестоким и неблагодарным по отношению к человеку. Да и сами хищники по-своему убедительно оправдывают собственные действия. В корейской

сказке «Приговор зайца» тигр заявляет своему освободителю: «Мы только что договорились с тобой, что я буду при любых обстоятельствах чтить тебя, как своего отца, и всю жизнь обихаживать тебя. Но чтобы нам быть неразлучными, у меня есть только одна возможность — носить тебя в своем животе. Там ты будешь всегда при мне. Я должен съесть тебя, чтобы выполнить наш договор!» [161, 107]. В амхарской сказке «Суд ветра» змея просто заявляет спасшему ее крестьянину: «Я хочу есть... У меня нет выбора». Дерево, река и трава в этой сказке выносят по-своему обоснованные приговоры против человека. Последний судья, ветер, не ослабляет их справедливости. «Все на свете живет так, как предназначено природой,— говорит он.— Трава растет, чтобы жить, а человек сжигает ее тоже для того, чтобы жить. Река течет, чтобы жить... И змея ест то, что находит,— ведь такова ее природа! Поэтому нельзя винить дерево, траву и реку за их суд, так же как и змею за то, что она хочет есть... Все они действуют так, как подсказывает им их природа» [51, 67]. Правда, после этого ветер подсказывает крестьянину, что тот может убежать,— но не потому, что считает его правым; просто согласно своей природе он может спастись, если представилась возможность (см. также примеч. к № 215).

В тех случаях, когда главное действующее лицо сказки — человек, симпатии рассказчика, естественно, на его стороне; спасение представляется справедливым. Но не всегда. В индийской сказке «Что посеешь, то и пожнешь» жадный брахман спасает льва ради корысти и смертный приговор ему (который лев приводит в исполнение) воспринимается как справедливый. В дунганской сказке «Помещик и змея» человек высказывается против человека (бедняк против богача), к удивлению змеи: «Я думала, ты будешь защищать человека, но ты не захотел врать, потому что ты справедлив» [45, 117].

Однако наиболее показательны все же случаи, когда у животных и человека — разный суд и разные представления о справедливости. Уместно по этому поводу привести замечание из книги А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», имеющее отношение не только к европейскому средневековью: долгое время «не было права вообще»; каждое племя, народность жили «по своему закону», причем член племена подчинялся его праву и обычаям независимо от того, где он проживал. Всякий род живых существ и даже вещей имеет свое собственное право — это обязательное качество любого божьего творения (поэтому ответственность за проступок могла быть возложена не только на человека, но и на животное и даже на неодушевленный предмет)²¹ [7, 158, 149]. В свете таких представлений станет ясно, что животные и люди в данном случае судили по разным, так сказать, «кодексам», ни один из которых не имеет заведомого

²¹ Между прочим, по этой причине не стоит считать чистой сказочной условностью или юмористическим курьезом нередкие в нашем сборнике суды над животными и неодушевленными предметами (см., например, японскую сказку «Хитроумный служка» и др.); в реальной практике многих народов нередки были случаи судов над животными и вещами.

преимущества перед другим. Станет понятным, кстати, и желание многих персонажей судиться у «своего» судьи, потому что «чужой» осудит несправедливо. См., например, в сказках народности ираку о хитреце Лае, который не раз вступает в конфликты с животными и зооантропоморфными существами вроде Амаирми: «Кто ваш султан?» — спрашивает Лай, когда Амаирми зовет его судиться. — «Наш султан — змея Харарио...» — «Нет, к нему я не пойду, — сказал Лай, — он не сможет нас правильно рассудить. Лучше пойдем к нашему султану». — «Ваш султан велит осудить меня, — возразила Амаирми, — я к нему не пойду». — «Вы к моему не хотите, и я к вашему не хочу, — ответил Лай. — Каждому дорога своя жизнь»²².

О том же говорит и непальская сказка «Суд панчей». Чтобы узнать, кто из двух тяжущихся — настоящий муж женщины, божество предлагает им пролезть сквозь попки кувшина. Колдуну-пандиту это просто, а человеку не под силу. Божество не злонамерено; просто у него свои критерии, а у людей свои. Оно и само это признает. «Спорящие — люди, — говорит оно панчам, — поэтому им нужен ваш суд». Факты, которые убедили божество принять сторону колдуна, для людей свидетельствовали в пользу человека. «Людской суд — самый правый», — заключает рассказчик. «Для людей же», — добавили бы мы²³.

---

²² В мусульманских странах иудеи и христиане «имели особые судебные учреждения, но могли передавать свои споры и разногласия на рассмотрение мусульманского кази» [15, 115].

²³ Л. Аганина в предисловии к сборнику непальских сказок «Живой в царстве мертвых» пишет: «Ратуя за справедливость, непальская сказка превыше божественного суда ставит суд людской, потому что людям положено судить по совести („Суд панчей“ или „Кто глупее?“). И этому ничуть не противоречит история несправедливого суда таких же деревенских старшин-панчей, которых сытное хозяйское угощение заставило согласиться с тем, что и бык может отелиться („Сказка о том, как бык отелился“). Расхождение можно объяснить тем, что первые две сказки отразили, надо полагать, доклассовые патриархальные отношения в непальской деревне: тогда рассудить спорное дело могли любые пять человек, и приговор их был справедлив потому, что выражал мнение народа. Позднее же, когда панчей стали выбирать и, конечно, не из самых бедных крестьян, суд их перестал быть справедливым» [46, 8].

Здесь возникают по меньшей мере два возражения. Во-первых, сказки в целом (и непальские, в частности) вовсе не утверждали принципиальной несправедливости «божьего суда» по сравнению с человеческим. Напротив, во множестве текстов именно «божий суд» расценивается как наиболее справедливая, высшая инстанция (ср. пословицы «Бог правду видит», «Бог рассудит»). Но есть и немало историй, утверждающих возможность обратного: «И божий суд бывает несправедлив» (см. № 155—159 данного сборника). Эта закономерность, как мы увидим, характерна для любой группы сказок о судах.

Точно так же разница между двумя приговорами панчей вряд ли может быть удовлетворительно объяснена историческими переменами в непальской деревне. Распространенный по всему миру сюжет о приговоре, согласно которому бык может отелиться, возник, скорее всего, задолго до того, как должность панчей стала выборной, и может быть приписан любому фольклорному судье (см. № 140 и примеч. к нему). Подобно тому

Но в любом случае симпатии рассказчика — очень ненадежный критерий для суждений о справедливости и несправедливости. Один и тот же приговор в разных вариантах сюжета может быть назван несправедливым (если он выносится, например, в пользу богача) и справедливым (если оправданный — бедняк). Наглядный пример такого случая — многочисленные варианты знаменитого сюжета о Шемякином суде, само название которого символизирует, казалось бы, суд неправый и глупый. Суть его вкратце такова (мы берем один из наиболее полных вариантов): человек совершает серию проступков, в том числе и убийств (как правило, непредумышленных). Судье он показывает за пазухой камень (или угрожает иным способом, или намекает на взятку), и судья (в надежде на взятку или боясь угрозы) выносит парадоксальный оправдательный приговор (см. таджикскую сказку «Человек, который хотел творить добро» и примеч. к пей). Но в сходной сирийской сказке «Девушка-судья» [79, 226] дело обходится без взятки и без угрозы, а приговор прямо расценивается рассказчиком (и всеми присутствовавшими на суде) как справедливый и мудрый, спасший бедняка от закабаления алчными кредиторами (см. также примеч. к № 224)²⁴.

В тупик способна поставить ангольская сказка «Сварливая жена»: человек получает талисман, который становится причипой смерти его внука; однако вину за эту смерть возлагают не на него, а на его жену — и не звучит ни малейшего сомнения в справедливости такого приговора (№ 162).

Еще один пример: китайский рассказ «Хитрость Цяо Шуня». В доме человека оказался повешенный, и, чтобы избежать обвинений, человек фабрикует ложные доказательства своей истинной невинности. Суд верит ложным доказательствам и оправдывает человека, по существу, справедливо. Но можно ли отнести этот суд в принципе к числу мудрых и справедливых?

Еще больше вопросов ставит целая серия историй о спорах из-за жепиха или невесты. Во многих из них претендентам ставится условие (при-

---

как любой фольклорный хитрец мог обмануть другого, но мог и сам оказаться обманутым, мог проявить себя мудрецом, а мог и простаком, так один и тот же фольклорный судья (а им мог быть, кстати, тот же хитрец) способен был вынести и справедливый приговор, и несправедливый. (Ср., например, приговоры Насреддина в № 171 и др.) Напрасно мы бы стали искать историческое объяснение такому противоречию. Социологическая интерпретация подобных сказочных сюжетов, как будет еще отмечено в дальнейшем, вообще требует осторожности.

²⁴ В каждом отдельном тексте социальные, национальные и другие симпатии рассказчика могут быть несомненны; но в процессе бытования у разных народов, в разных социальных слоях один и тот же сюжет мог коренным образом переосмысливаться, так что в совокупности вариантов мы видим набор самых разнообразных, порой взаимоисключающих суждений, оценок, решений, приговоров. Теоретически можно представить их как полный набор логических трансформ, о которых будет сказано дальше.

нести подарок и т. п.); выполнивший его наилучшим образом получает невесту. Например: один жених достает волшебное зеркало, в котором видит, что девушка умерла, другой — волшебное средство передвижения (верблюда, телегу, веер, ковер-самолет), которое вмиг переносит всех троих к девушке, третий — лекарство, которое возвращает ее к жизни. По разным причинам предпочитают то одного из них, то другого, то третьего; иногда — ни одного из троих; нередко сказка заканчивается дилеммой (см. № 53 и примеч. к нему). В сказке пангасинан «Три брата» девушку делят на три части. Целый набор неожиданных решений, связанных с представлением о перевоплощении душ, предлагают непальские и кхмерские сказки на сходную тему («Чья невеста?», «Прорицатель, стрелок, ныряльщик и запахарь»). А вот парадоксальный исход сказки народности бура «Зять». Двум претендентам на руку невесты было поставлено условие: она станет женой того, кто поймает живого оленя. Один из них, более упорный, после долгой погони поймал животное. Другой скоро отказался от такой попытки. «Не очень-то мне надо загонять себя до смерти,— объяснил он позднее старейшинам племени.— Женщин много». Казалось, вопрос ясен: выполнил условие лишь один, он и должен получить девушку.

Но старейшины решают иначе.

«Ты, Сефу, который не стал гнаться за оленем,— ты будешь нашим зятем. Ныла поймал оленя, он упорный человек. Если он захочет кого-то убить, его ничем не остановишь, пока он не исполнит своего желания. Он не обратит внимания ни на упреки, ни на советы. Если мы отдадим ему в жены нашу дочь и она что-нибудь сделает не так, он станет ее бить, не слушая ничьей мольбы. Мы не хотим его в зятья. Сефу — другое дело. Он способен прислушаться к голосу рассудка. И если он поссорится с нашей дочерью, а мы придем их помирить, он сумеет проявить благоразумие... Он добр и кроток. Он наш зять!»

Итак, в одном случае женихом становится претендент, выполнивший условие, в другом — не выполнивший его, в третьем — ни один из них (в варианте с невестами — все женщины одновременно), в четвертом — решение оказывается непринятым. И любое решение при этом может расцениваться и как справедливое, и как несправедливое.

6

Разнообразие обычаев, законов, моральных и юридических представлений и правовых норм у разных народов и в разные исторические эпохи соответствует вариативность логического мышления. Сама логика правосудия отнюдь не остается неизменной. Фольклор подчас отражает представления, происхождение которых давно забыто, а смысл переиначен и воспринимается теперь юмористически.

Вернемся еще раз к сюжету о Шемякином суде (№ 224). Одип из характерных приговоров здесь — предложение убийце ребенка искупить свою вину, вновь сделав женщину беременной. Как бы ни относился рас-

сказчик к судье, абсурдный, комически-пеленый характер приговора для него, как и для тяжущихся, не подлежит сомнению. Между тем здесь, возможно, оказался комически переосмыслен реальный обычай родового общества, о котором пишет О. М. Фрейденберг в уже цитированной ее раз книге: «Оправданий древнее право не может знать, но „примирение“, метафорический эквивалент „воскресения из смерти“, было возможно и принято. Оно проходило в формах, созданных смысловым значением метафоры „оживления“. В родовую эпоху обе стороны могли помириться и прекратить кровавую „мечь“, хотя бы дело касалось убийства: именно с „убийцей“ и возможен был „мир“ вопреки всякой, казалось бы, логике. Форма, в какой совершался „мир“, должна показаться неожиданной для тех, кто уверен в исторической неизблемости логических построений. Производительный акт с женщиной, женитьба — вот основная форма примирения с убийцей» [14, 158]²⁵.

Интересно для нашей темы и замечание того же автора о том, что «самое понятие „возмездия“ и „наказания“, вернее, самая связь между нормой и известным ее нарушением, „виной“, между „виной“ и „наказанием“ за вину держится на семантическом тождестве поступка и проступка, проступка и кары» [14, 157]. Такое отождествление тоже сложилось исторически и не должно абсолютизироваться. В известном индийском рассказе [44, 80] брахман погибает от несчастного стечения обстоятельств: в его еду случайно капнул яд из части змеи, которую пожирал сокол. И все-таки раджа, к которому обращаются с предложением указать виновного, добирается до него по цепочке отдаленных причин и следствий (см. изложение этого сюжета в примеч. к № 185). А в аналогичном сприйском рассказе «Отравленное молоко» призванный в судьи царевич никого не считает возможным обвинить в смерти отравившихся людей: «Они погибли потому, что такая смерть была им суждена». Возможно, для индийского казуального и юридического мышления, создавшего развитую систему регламентации и квалификации самых различных сторон человеческой жизни и поведения, такая ссылка на судьбу показалась бы уклонением от ответа.

В то же время сравним приведенную в сборнике сказку «Суд Муладевы» (№ 66) со знаменитым древнегреческим мифом о суде Париса. На коварный и опасный вопрос, которая из женщин красивее, Муладева ответил: «Для всякого на свете прекрасна только его возлюбленная». Если бы так ответил Парис трем соперничавшим богиням — скольких бедствий удалось бы избежать! Не сказала ли тут хоть в какой-то мере особенность восточного логического мышления, отличного от дуалистической европейской традиции с ее склонностью «исключать третье» (*tertium non datur*: или-или; одно из двух)?

²⁵ Можно привести также суждение О. М. Фрейденберг о разрывании на части тотема как древней реальной подоплеке «в сюжете о Шейлоке, требующем от должника фунт живого тела (мяса)» [14, 156]. (См. здесь № 222 и примеч. к нему.)

Однако при всем разнообразии реальных ситуаций, выводов, приговоров, обусловленных историческими, национальными или иными факторами, набор принципиально возможных логических решений в рассказах о судах достаточно ограничен. В каждой группе таких сюжетов можно отметить:

а) суды, подтверждающие правоту (преимущество) одной из сторон на основании определенного принципа и присуждающие ей выигрыш (поощрение), а другой соответственно — проигрыш (наказание); вообще сюжеты, доказывающие справедливость определенного принципа (вывода);

б) суды, подтверждающие правоту другого, иногда прямо противоположного принципа и соответственно признающие правой другую сторону, присуждающие поощрение тому, кто считался бы проигравшим или был бы наказан в предыдущем случае ²⁶;

в) суды, где правыми и выигравшими оказываются оба (а виноватым и наказанным иногда — кто-то третий) или оба оказываются виноватыми и наказанными (а правым и выигравшим — кто-то третий); вообще истории, не дающие преимущества какому-либо принципу или утверждению;

г) суды-дилеммы, где остается неясным, кто же прав (выиграл), а кто неправ (проиграл) и должен быть наказан; иногда такие рассказы заканчиваются вопросом, обращенным к читателю.

Полный набор таких логически-смысловых трансформ читатель найдет, скажем, в главе о спорах из-за женихов и невест (см. примеч. к № 53). Можно предположить принципиальную возможность существования таких сарпантов и в других группах рассказов. Обосновывается такая возможность отчасти фантастическим характером сказочных сюжетов, где подчас не так важно реалистически-правдоподобное обоснование, конкретность юридического казуса, сколько именно игра логических возможностей ²⁷.

Обратимся для примера к знаменитому сюжету об «обмененных головах» (№ 47): женщина неосторожно приставляет голову своего мужа к телу его соперника, а голову соперника — к телу мужа; оба оживают и предъявляют претензии на женщину.

Составителю известно единственное решение по казусу; согласно ему, право на женщину имеет тот, кому принадлежит голова ее законного мужа. Но разве в принципе нельзя себе представить решение противоположное (трансформа «б»), не говоря уж о решении компромиссом или отрицающем права обоих претендентов (трансформы v_1 и v_2)? В качестве дилеммы (трансформа г) этот казус практически и рассказывается Веталой в индийской версии. Ведь, конечно же, в данном случае не идет речь

---

²⁶ Возможны случаи, когда признание чьей-либо правоты или неправоты ведет не к поощрению или наказанию, а к компромиссу или к примирению сторон (см., например, сказку лонда «Тесть и зять»). Суть дела это не меняет.

²⁷ Это тоже причина, требующая оговорки при социологической интерпретации историй о судах.

о регламентации юридических норм на случай, подобный изложенному; ни рассказчику, ни слушателям в реальности наверняка не приходилось и не придется иметь дела с такой ситуацией. Решить надо проблему по сути иную, умозрительную: что важнее, голова или тело? И можно представить себе логика-софиста, который хотя бы ради демонстрации логических возможностей неопровержимо докажет, что тело важнее головы (а затем, если угодно, и опровергнет сам себя, как это не раз демонстрирует у Платона Сократ).

Сказки о спорах, тяжбах и судах с их подчас невероятными сюжетами и возможностями любых парадоксов нередко бытовали именно в таком качестве: не столько для прямого нравоучения (порой весьма сомнительного), сколько как пример или материал для отвлеченных (философских, логических, богословских) спекуляций. Ценно в этом смысле свидетельство А. Е. Бертельса, приведенное в комментарии к абхазскому варианту сказки «Как четверо мужчин сотворили женщину» (№ 46): «На Ближнем Востоке сюжет обособился и рассказывается как веселый анекдот или как „сказка“, между тем исконно это притча для пояснения высоких теософских истин. В этом понимании сюжет бытовал у исмаилитов Средней Азии, преимущественно в рукописях мистиков» [17, 463]. Ср. бытование сюжетов о судах Соломона в библейской, талмудической, апокрифической литературе²⁸.

7

Стоит подробнее остановиться на рассказах-дилеммах. Судебные дилеммы встречаются у разных народов, но особенно характерны, видимо, для африканского фольклора. Отчасти это, возможно, связано с недостаточно разработанной системой судопроизводства, свойственной архаическому жизненному укладу. Как любезно сообщил автору Б. Л. Рифтин, в Китае, например, где судопроизводство было очень развито с древнейших времен, подобных концовок сказок никогда не встречается. Дело, видимо, даже не только в судопроизводстве, как таковом, а вообще в разработанности морального, семейного и тому подобных кодексов. Известна тагаль-

---

²⁸ Приведем для примера подобное толкование одного классического древнеиранского (согдийского) сюжета: купец нанял сверлильщика жемчуга за плату сто динаров в день. Сверлильщик оказался к тому же искусным музыкантом и по просьбе хозяина весь день играл на чанге. К вечеру он потребовал свою плату. Купец отказался платить. Судья, к которому оба обратились, решил: «Ты нанял этого человека на работу, почему же ты не приказал ему сверлить жемчуг? Почему же ты вместо этого приказал ему играть на чанге? Работнику следует заплатить сполна». Нам сейчас интересен не только приговор, позволяющий судить о юридических нормах определенной страны и эпохи; характерно толкование рассказа как притчи: «Сведущий в искусствах и ремеслах есть тело. Сверлильщик жемчуга — это тело. Сто динаров означает жизнь длиной в сто лет. Владелец жемчуга — это душа, а сверление жемчуга означает благочестие» («Поэзия и проза Древнего Востока». М., 1973, с. 532).

ская сказка о женщине, которой предоставилась возможность спасти жизнь одному — но только одному — из родственников, ожидавших казни: мужу, сыну или брату («Кто роднее всех?» [148, 257]). Женщина не знает, как ей быть. Сказка рассказывается как загадка; после долгого раздумья слушатель находит мотивированное решение: женщина должна спасти брата, поскольку мужа она еще может найти заново, сына может родить другого, только брат незаменим. Очевидно, в Китае, где конфуцианство, ссылаясь на древние традиции, установило безусловную иерархию семейных отношений, подобные ситуации уже не могли представить проблемы.

Ср. также сказку народности бура «Последний глаз», где юноша получил волшебную возможность вернуть зрение слепым родственникам, но на двух последних у него остается единственный глаз и он пребывает в перешительности, кому его отдать: матери или теще. «А если бы это случилось с вами, как бы вы поступили?» — обращается рассказчик к слушателям [109, 421].

Само это обращение показывает, что дело не только в разработанности норм у того или иного народа, но и в характере бытования сказок к тому моменту, когда они были записаны. Е. С. Котляр в предисловии к сборнику конголезских сказок «Как храбрый Мокеле добыл для людей солнце» пишет о дилеммах: «В особенности характерны сказки такого типа для фольклора Западной Африки. Во время их исполнения слушатели, как и при загадывании загадок, разбиваются на две группы и горячо обсуждают спорную проблему, приводя различные доводы в пользу своего мнения. Такие сказки часто заканчиваются словами: „Решите это сами, дорогие друзья, посоветуйтесь и решите сами“. Иногда решение дилеммы дается в тексте самой сказки, оно выносится действующими лицами. И тогда повествование венчается морализующей концовкой и пословицей» [63, 14].

Оговорка о «моменте записи» сюжета существенна: ведь можно привести вариант, где на вопрос уже успели дать тот или иной ответ, где по делу уже принято то или иное решение. Особенно это относится к литературным версиям фольклорных сюжетов. И здесь стоит прежде всего упомянуть знаменитый санскритский сборник «Двадцать пять рассказов Веталы» [44].

А. Йоллес, автор известного исследования о простейших повествовательных формах, получивших литературное воплощение (A. Jolles. Einfache Formen. Halle, 1956), применяет к рассказам Веталы термин «казус». Специфику «казуса» Йоллес видит в стремлении соотнести рассказанное событие с нормой морали или закона. Автор справедливо указывает, что форма «казуса» зародилась и оформилась в Индии, «где стремление регламентировать и квалифицировать самые различные стороны человеческой жизни и поведения пашло свое воплощение в огромном количестве сборников кодексов и правил».

«Если это так, а это, видимо, действительно так,— пишет П. А. Григгер в своей работе о древнеиндийской прозе,— то в тех случаях, когда мы

встречаем в Европе сказки или рассказы в форме „казуса“, их истоки следует искать в Индии» [6, 220—221]; (см. также примеч. к № 47—49).

Напомним читателю: в этом сборнике раджа Викрамадитья должен принести с кладбища труп с вселившимся в него Веталой — духом. По пути дух всячески старается нарушить молчание раджи и рассказывает ему различные истории, которые заканчиваются вопросом. Как правило, это рассказы о различных не разрешенных до сих пор спорах, конфликтах, тяжбах. «Викрамадитья, соблюдая свой царский долг вершителя правосудия и справедливости, вынужден отвечать» [44, 11].

Так вот, до момента этого ответа рассказы Веталы — типичные дилеммы, закапчивающиеся вопросом к слушателю (см. № 6, 45 и др.). Нередко до Викрамадитья проблемы уже брался решать другой судья — и остался в недоумении. (Этого другого судью можно назвать «ложным судьей», как предлагает Н. Д. Фошко [71, 19].) Но Викрамадитья должен вынести приговор. Особенно красноречиво эта необходимость ответа сформулирована у Сомадевы, который включил в свое собрание рассказы Веталы: «Если ты знаешь, да не скажешь, разлетится голова твоя на множество кусков!» — после каждого вопроса напоминает радже дух [126, 139]. Причем ответ, как предполагается, должен быть единственно верным²⁹.

Среди рассказов Веталы — много споров о превосходстве, которые могли бы пополнить соответствующий раздел нашего сборника: кто самая нежная из трех царик (раджа отдает превосходство той, у которой появились волдыри на теле от одного звука песта), кто более великий, более благородный, более добродетельный и т. п. Иногда в подтверждение чьего-либо тезиса внутри рассказа излагается несколько вставных историй (см. об этом выше).

8

Разговор о рассказах Веталы приводит нас к теме использования «судебных» сюжетов в литературе. По существу, этот сборник, как и не менее знаменитое собрание Сомадевы [125; 154] или «Книга попугая» (в ее индийской, турецкой, персидской версиях — ср. [50]), содержит древнейшие записи фольклорных текстов. Рассказы о судебных делах были весьма популярны и на Дальнем Востоке с XI—XII вв. В Китае сложился особый тип произведений, получивший название «гунчань» (букв. «общественное или судебное дело»). Произведения могли быть написаны в жанре драмы (так называемые судебные драмы, получившие широкое распространение

²⁹ Что, однако, отнюдь не исключает варьирования приговора у разных рассказчиков, в зависимости от его взглядов и пристрастий. Так, например, во втором рассказе Веталы предлагается определить, кто по закону должен быть мужем воскресенной девушки, при этом в рецензии Джамбхаладатты Викрамадитья отвечает, что ее муж тот, кто охранял на кладбище ее прах, а у Шивадасы он определяет, что охранитель праха должен быть рабом девушки, а супругом тот, кто удалился домой (см. примеч. к № 48).

в период династий Юань и Мин), по чаще всего были прозаическими. Д. Н. Воскресенский в работе о китайской судебной повести гунъянь отмечает, что «элементы судебной прозы можно обнаружить в литературе дотанского периода, в прозе эпохи Шести династий. В книге Гань Бао „Записки о поисках духов“... есть немало рассказов, сюжетика которых основана на судебной практике той эпохи. В одном из них говорится о некоей вдове, жившей во времена династии Хань. Вдова с необычайной почтительностью относилась к своей свекрови. Свекровь, видя, что невестке трудно одной справиться с многочисленными обязанностями по дому, да еще смотреть за старухой, решила уйти из мира и покончила с собой. Дочь умершей обвиняет вдову в убийстве. Начинается суд. Несчастливая, не выдержав пыток, принимает на себя вину. В этой нехитрой истории есть все элементы, присущие более поздним судебным историям: смерть, подозрение человека в убийстве, судебное расследование, наказание... После казни невинной женщины в округе начинается засуха» [5, 108].

Позднее, как уже было сказано, судебная повесть оформилась в самостоятельный тип прозы. «До наших дней дошли повести и рассказы судебной тематики, многие из которых уже в конце Минской династии (XVI—XVII вв.) стали объединяться в циклы — так называемые судебные романы (гунъянь сяошо). Из них наиболее известен цикл о благородном и мудром судье Бао-гуне, появившийся в конце династии Мин. Несколько позднее сложился цикл рассказов о справедливом судье Хай Жусе. В XVIII—XIX вв. значительной популярностью пользовались циклы рассказов о судьях Лине, Ши, о деятельности чиновника-патриота Линь Цзэ-сюя и т. д.» [5, 107].

Д. Н. Воскресенский отмечает, что основным источником сюжетов для сочинителей юаньских и минских судебных повестей был фольклор, хотя авторы охотно использовали и литературные источники, разного рода исторические книги, летописи, сборники судебных казусов.

Характерно, что произведения эти, как и фольклорные рассказы, повествуют о самых разных судах; соответственно и судьбы в них выводятся мудрые и глупые, справедливые и несправедливые. Нередко образы судей идеализированы. «Как правило, это мудрый, прозорливый чиновник, умело раскрывающий преступления и справедливо карающий злодеев. Самыми многочисленными достоинствами наделяется прежде всего судья Бао-гун — личность столь же историческая, сколь и легендарная. Предание изображало его как судью реального и потустороннего миров». В то же время «многие судебные рассказы содержат богатый обличительный материал... Уже в ранней повести о Лю Гунге мы видим чиновника-судью, человека ограниченного и злого. Он равнодушен к судьбам людей, не старается задуматься в существо дел» [5, 114].

Существенно для нашей темы наблюдение Д. Н. Воскресенского над структурой судебных повестей. Они содержат пролог, две основные части: в первой рассказывается о преступлении (часто предполагаемом), во второй — о расследовании и выяснении его обстоятельств, — а также концов-

ку, содержащую назидание. «Заключительная часть — морализующая копцовка — в судебной повести играет особую роль, так как общественная деятельность людей, их поступки, оценка этих поступков и вообще квалификация всего нравственного облика человека чрезвычайно важны для авторов» [5, 111].

Близкие по характеру произведения можно найти и в корейской, и в японской литературе.

В ранней западноевропейской литературе судебная проза, оформившаяся в столь самостоятельный жанр, как это имело место в Китае, отсутствует. Однако с античных времен рассказы о судах можно найти у самых разных авторов³⁰. В баснях Эзопа, Федра, Лафонтена, Крылова мы встретим много знакомых сюжетов: тут и щука, брошенная в реку, и трутня, которые притязают на мед пчел, и многие другие. Чаще всего основа этих сюжетов — также фольклорная. То же можно сказать и о теме суда у крупнейших европейских писателей разных веков — от Шекспира и Сервантеса до Брехта и Томаса Манна. В фольклоре широко распространена знаменитая история о ростовщике, захотевшем вырезать у должника фунт мяса (см. аварскую сказку «Ростовщик и бедняк»); в научной литературе этот мотив известен как «мотив Шейлока» (AaTh 890) — по имени героя драмы Шекспира «Венецианский купец» (1600). Ростовщик Шейлок дает займы крупную сумму денег купцу Антонио и берет с него расписку, что в случае неуплаты долга в срок он, Шейлок, имеет право вырезать фунт мяса из тела должника. Разорившийся Антонио не может уплатить долг, взятый им для своего друга Басанио, в назначенный срок, и Шейлок неумолимо требует выполнения договоренности. Невеста Басанио, переодетая адвокатом, доказывает на суде, что Шейлок имеет право только на фунт мяса из тела Антонио, но ни на каплю его крови; если он прольет хоть каплю крови, то ответит за убийство. Шейлок проигрывает иск.

Богатейший набор историй о судах предлагает Сервантес в «Дон Кихоте». Это знаменитые суды Санчо Пансы, получившего пост «губернатора» на острове Баратария. Один из них имеет соответствие в нашем сборнике: это спор займодавца и должника. К Санчо явились два старика; один из них утверждал, что дал другому займы десять золотых; второй заявил, что если и брал когда-либо эти деньги, то давно их возвратил. Оба клятвой подтверждают свои слова (клятва во многих системах судопроизводства считалась достаточным доказательством); однако, произнося присягу, должник на время передавал свой посох первому старику. Санчо догадался, что в этом посохе и находятся деньги.

В нашем сборнике аналогичный сюжет имеет бирманская сказка «Волшебные щипцы из Пагана», но здесь он связан с темой «божьего суда»: клятва произносится перед волшебными щипцами, которые должны стиснуть руку лжеца. Однако известны фольклорные тексты, более близ-

³⁰ В примечании к латышскому изданию данной книги переводчики напоминают о «судебных» сюжетах и мотивах в «Истории» Геродота, в софокловской «Антигоне» (Par tiesām un tiesnesiēm. Rīga, 1979, с. 25).

кие суду Санчо, обходящиеся и без волшебного вмешательства. Сам Санчо говорит, что слышал о подобном случае от приходского священника. А. Н. Веселовский [4] упоминает об аналогичных талмудических легендах, а также о мусульманских легендах на библейские темы. Он приводит мнение Буслаева (подвергая его, правда, сомнению) о том, что в условиях Испании источник, из которого эта история могла дойти и до Санчо, и до священника, мог быть как раз мусульманским [4, 73]; (см. также примеч. к сказке «Волшебные щипцы из Пагана», № 157).

Не менее интересны и другие суды Санчо. Он разоблачил женщину, утверждавшую, что ее изнасиловали: заставил обвиняемого отдать ей деньги, а потом предложил ему забрать их у нее. Мужчине это не удалось. «Как бы не так! — воскликнула женщина. — Да я скорей с жизнью расстанусь, нежели с кошельком! Нашли какую малолеточку!.. Никакие клещи и гвоздодеры, никакие отвертки и стамески, никакие львиные когти не вырвут у меня из рук кошельки: легче мою душу из тела вытрясти!» Санчо забирает у нее кошельки, вынося свой приговор:

«Вот что, милая моя: выкажи ты при защите своего тела хотя бы половину того воинственного духа и бесстрашия, какие ты выказала при защите кошелька, то и Геркулес со всею своею силою не мог бы учинить над тобой насилия»³¹.

В двух других случаях Санчо наказывает обоих тяжущихся. По делу портного, который из данной ему материи сшил, как было заказано, пять колпаков, но крошечного размера, «губернатор» постановил: материи заказчику не возвращать, но и денег портному не платить, а колпаки пожертвовать заключенным. По делу об игроке, который выиграл с помощью нечестного судьи, но не захотел с ним расплачиваться: деньги помогавшему уплатить, но самого изгнать с острова.

Из писателей новейшего времени активно пользовался фольклорными источниками Бертольд Брехт. В новелле «Аугсбургский меловой круг» и в пьесе «Кавказский меловой круг» он обрабатывает фабулу Соломонова суда. Действие «Аугсбургского мелового круга» происходит во время Тридцатилетней войны. Спасаясь от врагов, мать бросает ребенка на произвол судьбы; служанка берет его себе и с большим трудом выхаживает. Впоследствии, когда выясняется, что ребенку оставлено богатое наследство, мать находит его и предъявляет на него права. Аугсбургский судья велит начертить на полу меловой круг и предлагает женщинам тянуть ребенка к себе; кто перетянет, та настоящая мать. Родная мать тянет ребенка изо всех сил; служанка, жалеючи, отпускает его. Эксперимент, по сути, аналогичен эксперименту Соломона (ср. также кхмерскую сказку «Спор о ребенке», примеч. к № 1); результат не в пользу родной матери.

Древнеиндийская история легла в основу новеллы Томаса Манна «Обмененные головы». Сюжет писателю подсказал известный немецкий индо-

---

³¹ Мигель де Сервантес Сааведра. Дон Кихот. Ч. 2. Пер. Н. Любимова. М., 1955, с. 358.

лог Генрих Циммер, снабдивший Т. Манна и необходимым материалом. Повелла в основных чертах близка к сказочному первоисточнику, но сама история переосмыслена иронически. В одном из писем Томас Манн назвал ее «метафизической шуткой»³².

При общем сходстве сюжетов литературные рассказы о судах по сравнению с фольклорными, как правило, более обстоятельны, детализированы. Но любой из них мог бы занять свое место в одном из разделов нашего сборника.

9

В настоящее, второе издание этого сборника включено более 240 сказок, басен и анекдотов почти 100 народностей Азии, Африки и Океании. К ним можно добавить тексты некоторых народностей (бары, курдские, малайские, негидальские), представленные в первом издании, но по разным причинам не вошедшие во второе, а также тексты, приведенные частично или полностью в примечаниях³³. Таким образом общее число сюжетов и народностей, представленных в обоих изданиях, еще больше. Учитывая специфику серии, мы ограничили свой отбор лишь фольклором афро-азиатских стран, лишь иногда указывая в примечаниях на соответствия из европейского фольклора. Около трети всех текстов воспроизведены в этой работе на русском языке впервые.

В первом издании этой книги материал был условно разделен на четыре части, в зависимости от того, какой из структурных элементов можно было считать первостепенным для данного рассказа: суть конфликта, ход разбирательства, приговор или его последствия. Внутри каждой части тексты были распределены по материалу: в I части рассказывается о разновидностях судебных конфликтов (споры из-за ребенка, тяжбы из-за имущества и т. д.); во II части — о разных принципах судебного разбирательства (расследование улик, допрос свидетелей, «божьи суды» и т. д.). Подобная группировка, обусловленная спецификой материала, позволила в то же время сделать наглядной в каждом случае ту систему логической трансформации, о которой было сказано выше.

В настоящем издании предпринята попытка предложить принцип Структурно-тематического указателя сюжетов о судах. Указатель основан на различении четырех основных структурных элементов композиции³⁴, выделении в каждом из них основных мотивов и указании способа комбинации мотивов в каждом конкретном сюжете.

³² Томас Манн. Письма. М., 1975, с. 23.

³³ В частности, там указываются варианты однотипных сюжетов, отличающиеся от приведенных в основной части только решениями (приговорами).

³⁴ Напомним еще раз, что пятый, «вызов в суд», самостоятельной сюжетной наполненности не имеет. Возникновение (суть) конфликта (тяжбы, спора) обозначается в указателе буквой К, судебное разбирательство (следствие) — С, приговор — П, реакция на приговор — Р.

Для примера выделены три группы конфликтов: «споры о детях», «тяжбы об имуществе и добыче», «споры о женихах и невестах». Как очевидно из указателя, сюжеты такого содержания сосредоточены отнюдь не только в соответственных трех разделах первой части, а разбросаны по всему сборнику. Становится наглядным и другое обстоятельство: для решения дел разного рода используются передко одни и те же приемы следствия; один и тот же принцип лежит и в основе вынесения приговора. Так, спор о ребенке в «Суде Соломона» (№ 1) и споры об имуществе в сказках «Чье дерево манго?» (№ 10) и «Торговец Мима и жулик Бяльба» (№ 11) формулируются в указателе однотипно:

1. Двое (или больше) соискателей претендуют на один и тот же объект:

1. ребенка

а) родная мать и неродная — № 1

2. имущество (добычу, наследство)...

б) подлинный хозяин и ложный (вор) — № 10, 11

В разделе же о судебном разбирательстве оба сюжета попадают в общую рубрику:

1. Следственный эксперимент

1. «Ложный приговор»: предлагается уничтожить (повредить, подвергнуть опасности) предмет спора

а) ребенка — № 1

б) имущество (дерево, ткань) — № 10, 11

Приговор описывается в сходных выражениях:

12 Ребенок присуждается той, которая не пожелала подвергнуть его опасности — № 1 (а)³⁵

II6 Имущество присуждается тому, кто не пожелал причинить ему вред — № 10 (а), № 11 (а)

В № 1 можно отметить также реакцию на приговор (одобрительную — она обозначается буквой «а»).

Таким образом, три выбранных для примера сюжета могут быть достаточно четко описаны комбинацией:

№ 1 KI1a + CI1a + III2(a) + P1(a)

№ 10, 11 KI26 + CI16 + III6(a)

Предложенная система в принципе позволяет обобщенно описать и все остальные сюжеты сборника.

Кроме Структурно-тематического указателя в конце книги дан список непереведенных слов и перечень использованной литературы. В Примечаниях даны некоторые комментарии и пояснения к текстам. В тексте звездочка отсылает к Словарю непереведенных слов, цифра — к Примечаниям.

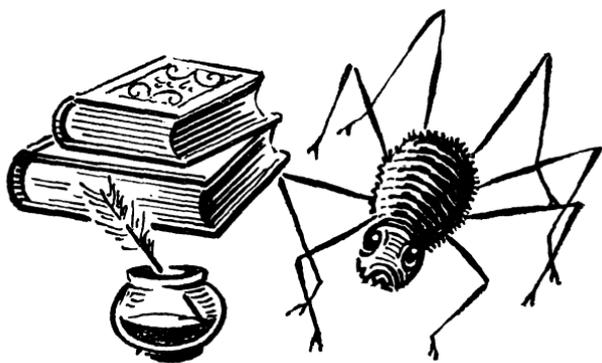
³⁵ Буквой «а» обозначается в указателе приговор, подтверждающий какой-либо принцип; в данном случае ребенок присуждается родной матери, имущество — законным владельцам. Буквы «б», «в», «г» означают соответственные логические трансформы.

ниям. В Указателе текстов по пародностям даны краткие сведения о некоторых малых народах. В приложении к основному тексту приведены также краткие анекдоты и пословицы о судах и судьях, вине и наказании, справедливости и несправедливости.

Заглавия, заключенные в квадратные скобки, принадлежат составителю. Иногда в первоисточнике текст вовсе не имел заглавия, но в некоторых случаях его приходилось менять, чтобы избежать повторения множества одинаковых названий («Справедливый суд», «Несправедливый суд», «Мудрое решение» и т. п.).

Некоторые тексты приведены в сокращенном виде, как правило в тех случаях, когда из многопланового сюжета требовалось выделить лишь ту часть, где речь шла о суде. Сокращения обозначены многоточием, заключенным в квадратные скобки. Кроме того, тексты иногда подвергались незначительной обработке, например в тех случаях, когда в сюжете, вырванном из широкого контекста (серии однотипных сюжетов, целого рассказа), некоторые места могли стать непонятными, а также в ряде других.

М. С. Харитонов

книга о судах и судьях

I. РАССКАЗЫ О СПОРАХ И ТЯЖБАХ

СПОРЫ О ДЕТЯХ

1. [Суд Соломона]

[...] Пришли две женщины блудницы к царю и стали перед ним.

И сказала одна женщина: о господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме;

на третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две и были в доме;

и умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди;

утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила.

И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорит ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так перед царем.

И сказал царь: эта говорит: мой сын живой, а твой сын мертвый; а та говорит: нет, твой сын мертвый, а мой сын — живой.

И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его: она — мать.

И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь. И стал бояться царя, ибо увидели, что мудрость божия в нем, чтобы прозводить суд¹.

Древнееврейск., 31, 3. 16—23

2. Птичник и царь

[...] Однажды настал голодный год. Не только люди умирали от голода, но и птицы.

У одной вороны было пять птенцов. Ворона-мать уже не в силах была кормить своих птенцов, беречь их. Она оставила птенцов и улетела в далекую страну, чтобы спасти себя от голода. К птенцам прилетела другая ворона и стала с ними ухаживать. Все, что добывала, она приносила птенцам и кормила их. С большими трудностями вскормила их ворона, спасла от смерти.

Когда голодный год прошел и наступил урожайный, возвратилась ворона-мать и говорит вороне, спасшей ее птенцов:

— Ты должна мне вернуть моих птенцов.

Но та ответила ей:

— Если тебе нужны были твои птенцы, надо было за ними смотреть, кормить их. А теперь, когда я их вырастила, они мне самой пужны.

Спор ворон затянулся. Каждый день они прилетали к воротам царского дворца, пищали, кричали, жаловались друг на друга царю, но царь не понимал причину их шума. Однажды он созвал всех приближенных и говорит им:

— Большой подарок сделаю тому, кто мне скажет, чего хотят эти вороны, которые кричат около моих ворот...

[И привели в покои царя молодого птичника, знавшего язык птиц.]

— Если ты знаешь язык птиц, то должен мне рассказать, о чем спорят вороны,— сказал царь юноше.

Долго слушал юноша ворон, потом говорит царю:

— Посмотри, царь, вон те пять ворон сидят вместе — это птенцы. А та ворона, которая сидит недалеко от них,— кормилица. В прошлом году, когда у нас был голод, мать не нашла сил прокормить своих птенцов и улетела в такую страну, где могла спастись. А другая ворона стала их растить, кормить. Теперь, когда наступил урожайный год, прилетела ворона-мать и требует, чтобы ворона, вскормившая и спасшая птенцов, вернула их ей. А она говорит вороне-матери: «Я вырастила этих птенцов, и теперь они мои. Если они тебе нужны были, то надо было их растить, а не бросать на произвол судьбы». Вот уже сколько дней они прилетают к тебе с жалобой, наш царь. Они от тебя требуют правосудия: кому же должны принадлежать птенцы, той, которая их вскормила, или той, которая их вывела, но потом бросила на произвол судьбы.

Созвал царь своих мудрецов и говорит им:

— Нам надо вынести правильное решение: кому должны принадлежать эти птенцы?

Первое слово было предоставлено самому царю.

— Вот мое решение, — сказал царь: — ту ворону, которая оставила своих птенцов, считать мертвой, ту же, которая спасла их, считать их настоящей матерью.

— Мы согласны с твоим решением, — заявили в один голос мудрецы.

Царь вышел из дворца и сообщил воронам свой приговор. Юноша перевел слова царя на птичий язык. Вороны взмахнули крыльями и улетели. Мать птенцов улетела одна, а вскормившая птенцов ворона вместе с ними улетела в другую сторону [...]

Осетинск., 80, 293

3. Вождь и его двенадцать жен

У одного вождя было двенадцать жен. Жили они рядом. И вот одна из них родила. А у других детей не было, и каждая стала уверять, что это ее ребенок. Даже когда вождь спросил своих жен: «Кто из вас мать ребенка?», они ответили хором: «Я!»

У всех на поясе были пальмовые листья, которые положено носить лишь родильницам, и вождь не знал, как добиться от них правды.

И вот через пять месяцев созвал он большой совет, на который пришли не только его советники, но и соседи-пигмеи. Вождь дал двух коз советникам, двух коз пигмеям, рассказал, что жены обманывают его, и попросил помочь. Мужчины судили-рядили и наконец-то придумали, как узнать правду.

Вот убили пигмеи леопарда, сняли с него шкуру, положили впуть сухие стебли банана и зашили ее. А ночью принесли эту набитую банановыми стеблями шкуру в дом вождя.

Наутро вождь отправил всех жен работать в поле, сказав, что сам останется дома с младенцем. Жены ушли. А перед их приходом он взял чучело леопарда и поставил его рядом с мальчиком, будто бы леопард набросился на ребенка и вот-вот его загрызет.

Когда первая из жен появилась на деревенской улице, вождь вышел из хижины и крикнул:

— Иди скорей! Там леопард! Он сейчас съест твоего ребенка! Спасай же его!

Но женщина в страхе убежала.

И так повторялось одиннадцать раз. Одиннадцать жен убежали, услышав о леопарде. И только двенадцатая жена со всех ног кинулась в хижину, а не прочь из деревни. Тогда вождь сказал:

— Это ты родила мне сына!

Баньянга, 63, 202

4. Нелюбимая жена

У одного вождя было несколько жен. И всех их он любил, кроме одной. Все жены смеялись над нелюбимой и всячески обижали ее. Уберутся они в своих хижинах, а мусор бросают к ней. От этого хижина у нелюбимой жены была всегда грязная, захламленная. И над ней еще больше насмехались.

Много жен было у вождя. Но ни у одной из них не было детей. Ни одной не удавалось забеременеть. Год шел за годом, а вождь так и оставался бездетным. Наконец он пошел к одному мусульманину и стал просить у него совета: как помочь беде?

Мусульманин дал ему снадобье и объяснил, как его употреблять. Обрадованный вождь вернулся к себе домой и созвал всех жен. Всех, кроме нелюбимой.

— Вот лекарство, — сказал он. — Оно поможет вам стать матерями. Возьмите его, разотрите на жернове, а порошок разделите между собой.

Женщины взяли снадобье, растерли его на жернове, а порошок разделили между собой, и каждая проглотила свою долю. Потом вождь спал с ними со всеми, и они стали ждать, пока забеременеют.

А нелюбимой жене совсем не досталось снадобья. Ночью она пошла к жернову, на котором его растирали. Она полила жернов водой, тщательно промыла каждую трещинку на камне, и выпила эту воду. Вскоре она почувствовала, что забеременела.

Женщина никому не сказала об этом. Она спряталась в своей хижине и старалась не показываться другим на глаза. Никто даже не узнал, что она родила ребенка. Некоторое время спустя она украдкой принесла этого ребенка в хижину вождя и оставила там.

Вождь увидел в своей хижине ребенка и обрадовался. Он велел созвать все племя, раздал людям на радостях подарки и сказал им:

— Одна из моих жен родила мне сына.

— Которая же из них? — спросили люди.

Вождь послал к женам спросить, которая из них родила. Посланец обошел всех жен, кроме нелюбимой, но толку так и не добился. Каждая говорила, что ребенок ее.

Тогда один мудрый старик посоветовал вождю:

— Пусть каждая из твоих жен приготовит еду и пришлет сюда. Мы поставим горшки возле ребенка. Он узнает еду, приготовленную его матерью, и к ней потянется.

— Хорошо, — сказал вождь.

И он передал своим женам, чтобы они приготовили еду и прислали ему.

— Так мы узнаем, кто из них мать, — сказал он.

Послапец обежал всех жен и передал им эти слова. Только к нелюбимой жене он не наведалься. Вот все женщины приготовили еду, горшки принесли к вождю и поставили перед ребенком. Но мальчик стал кричать и не желал есть ни из одного горшка.

— Нет,— сказали люди,— матери его среди этих женщин нет.

— Но мы забыли еще нелюбимую жену,— сказал мудрый старик.

— Она никак не может быть матерью этого ребенка,— ответил вождь.

А старик сказал:

— Пусть все-таки приготовит еду и пришлет горшок.

Послали человека и к нелюбимой жене и передали ей приказ вождя. Та сразу принялась за дело. Конечно, у других все получилось вкусней, ведь вождь дал им, не скупясь, лучшие свои припасы. А нелюбимой приходилось довольствоваться, чем есть, и еда у нее вышла скудная.

Принесли от нее горшок, поставили рядом с горшками других жен. Вдруг мальчик перестал плакать. Он потянулся к горшку своей матери, засмеялся и показал, что хочет есть.

— Вот эту еду приготовила мать ребенка,— сказал тогда старик. И люди закричали:

— Нелюбимая жена — мать ребенка!

Вождь тотчас велел позвать нелюбимую жену.

— Это твой сын? — спросил он.

— Да,— ответила она,— я родила его от тебя.

Тогда вождь подарил ей красивое платье. А другие жены тотчас кинулись убирать мусор, которым забросали ее хижину, и поскорей навели там порядок.

С тех пор вождь полюбил эту жену больше всех. А другие жены оказывали ей всяческие почести.

Вот почему нельзя говорить, что какая-то женщина хуже других, просто потому, что ее не любишь.

Тем, 153, 188

5. Чей ребенок!

В одной деревне жил человек по имени Мавунгу. Во всех делах ему сопутствовала удача. Он был достаточно богат, чтобы иметь двух жен. Звали их Кенги и Гунга. Мавунгу дал каждой свой участок земли. Обе возделывали маис, бобы и маниок и ни в чем не знали недостатка. Хотя жили они вместе и еду делили на всю семью, каждая из женщин гордилась своим участком и ревниво оберегала свой урожай.

Однажды Гунге понадобилось немного бобов, чтобы пригото-

вить еду. Своих у нее в тот раз не оказалось, и она взяла бобы с участка Кенги. Узнав про это, Кенги очень рассердилась и стала ругать вторую жену. Та ответила, что жалеет о случившемся, но не считает свою вину такой уж большой. Ведь обе они замужем за одним человеком, все едят вместе одну и ту же пищу — не такая уж разница, откуда взяты бобы. Однако Кенги ничего подобного признавать не желала, и наконец они договорились: впредь все, что родится на поле одной из них, принадлежит только ей, другая не вправе ничего у нее брать. Порешив на этом, женщины продолжали жить мирно и больше ни разу не ссорились.

Случилось так, что однажды, когда обе они работали на своих полях, у Кенги в чреве зашевелился ребенок, и она поняла, что приближается время рожать. Чтобы облегчить свои страдания, она решила закурить, но не нашла при себе табака и направилась к полю Гунги — попросить у нее. Гунга встретила ее радушно, пригласила сесть, отдохнуть и дала курить свой табак. Тут же, на чужом поле, у Кенги и родился сын.

Гунга сама приняла ребенка, обрезала пуповину, смазала маслом его тельце — словом, сделала все, что требовалось поворожденному. Как только Кенги смогла говорить, она поблагодарила ее.

— Ты мне очень помогла, Гунга, спасибо тебе. Ты была так добра с моим ребенком — как со своим собственным. Я тебе очень благодарна.

— Но это ведь и вправду мой ребенок, — ответила Гунга. — Вспомни о нашем договоре. Сын родился на моем поле и принадлежит мне. Я не собираюсь его тебе отдавать.

Кенги горько плакала, но Гунгу не трогали ее слезы. Единственное, на что она согласилась, — пойти в город к вождю Маниломби и передать дело на его суд. Слава о мудрости и справедливости Маниломби разнеслась далеко вокруг; каждая из женщин надеялась, что он решит дело в ее пользу.

Они пришли к Маниломби, приветствовали его и отдали подарки, после чего он спросил их, о чем между ними спор.

Первой заговорила Кенги:

— Я родила ребенка, а Гунга хочет забрать его у меня. Я носила сына в своем чреве, я терпела боль, рожая его, значит, это мой сын. Больше мне незачем говорить. Мой довод гораздо весомей, чем все слова Гунги. Я жду справедливого решения.

Гунга ответила на это:

— Ребенок мой, и вот почему. Когда я однажды взяла немного бобов с поля Кенги, она была очень зла на меня, и мы договорились, что впредь все, родившееся на моем поле, будет принадлежать только мне, а все, родившееся на ее поле, будет принадлежать ей. Кенги пришла ко мне незваная, ее ребенок родил-

ся на моем поле, значит, согласно нашему договору, этот ребенок мой и она не имеет права забирать его у меня.

Маниломби внимательно выслушал обеих и решил, что Гунга действовала правильно — ребенок принадлежит ей.

Но многие были недовольны судом Маниломби. Дело не в том, где случайно родился ребенок, говорили они, главное, кто его родил. Приговор Маниломби показался людям сомнительным.

Лома, 143, 117

6. [Кто отец!]

Некогда в городе Каркатапура правил царь, звавшийся Сурьяпрабха. Жил в его царстве купец, имя которому было Дханадатта. И родилась у его жены Хираньявати дочь, которую нарекли Дханавати. Как-то раз случилось так, что все богатство Дханадатты по воле судьбы погибло. Он же после разорения, наделав долгов и испытав всякие затруднения, ушел на тот свет. Тогда по совету кредитора жену и дочь Дханадатты посадили в тюрьму, и Хираньявати так подумала: «Что же это я так и буду жить в тюрьме? Возьму-ка я Дханавати да пойду жить к лучшему другу моего мужа. Он с любовью и почтением будет меня защищать».

Так подумала она, взяла дочь и, дождавшись ночи, сбежала. И встретился ей на пути, когда никого кругом не было, вор. Увидев ее дочь, он так сказал:

— Отдай мне, матушка, свою дочь! Вот великое богатство, возьми его, госпожа!

Послушала она его слова и говорит:

— Что ты, сынок, какой же тебе толк, осужденному, жениться!

Вор ей и отвечает:

— На мои деньги, матушка, ты высватаешь почтенного человека, и дочь твоя с ним будет проводить дни в любовных забавах. Родившийся же от него сын сослужит мне, когда я буду на том свете, хорошую службу.

Все это Хираньявати выслушала, взяла у вора золото и прочие сокровища, о которых он говорил, и отдала ему в жены Дханавати. После того, как сыграли свадьбу, вор отправился на тот свет.

Вот пришла Хираньявати с дочерью в дом мужнина друга, жившего в Тамралиптике, а он, увидев жену своего приятеля с дочерью, всяческое почтение им выказал и поручил своей супруге заботиться о них. По повелению мужа та отправила дочь торговать у городской стены.

Однажды увидел стоявшую там Дханавати некий брахман, звавшийся Сомасвамин, и влюбился в нее. Дханавати же, заметив

этого красивого брахмана, терзаемая любовью, рассказала обо всем матери. Хираньявати помнила слова вора и, всяческое уважение выказав, уговорила брахмана продать свое семя, и после сочетания с ним у Дханавати родился сын.

Хираньявати же явилась во сне богиня Катьяяни и сказала:

— Для того, чтобы было мальчику благо, ты, почтенная, положив его к царским дверям, пойди к царю и так ему скажи: «Сыне, того ребенка, которого ты сегодня найдешь, сделай своим сыном».

И когда мальчик родился, как велела ей богиня насчет царских дверей, так она все и сделала.

Царь рано поутру нашел мальчика, сделал его своим сыном и отдал на попечение своей жене. И сын Дханавати рос и изучал всякие науки и политику, царь же дряхлел и наконец умер. Все советники согласились сделать сына Дханавати царем, ибо думали, что это и есть сын царя. Однажды он совершил паломничество в Гая и, когда совершал жертвоприношения, к жертве потянулись три руки: одна, помеченная знаками вора, другая — брахмана, третья — царя.

Стоял юноша, а сердце его раздирали сомнения: кому же отдать поминальную жертву?

— Скажи, о царь, кто же его отец — брахман, вор или царь?

И так отвечал на это раджа:

— Знай, Ветала, вор и есть ему отец¹.

Индийск., 44, 96

7. Охотник и его сын

Послушайте историю об охотнике и его сыне.

Жил-был охотник, и был у него сын по имени Цинна. Как-то раз отправились они вдвоем в лес. Охотились, охотились все утро и ничего не добыли, кроме маленького зайца. Отец отдал зайца нести Цинне, но тот решил, что это нестобящая добыча, и бросил зайца в лесу. Больше, однако, им ничего не удалось подстрелить в тот день. К полудню они проголодались.

— Зажарь-ка нашего зайца,— сказал Цинне отец.— Хоть чем-нибудь да подкрепимся.

Когда он услышал, что сын бросил зайца в лесу, его охватил необычайный гнев. В ярости он ударил Цинну топором и ушел, оставив юношу одного.

Поздно вечером Цинна очнулся, поднялся и пошел домой. Он дождался, пока все заснут, взял свои вещи и ушел из дома. Он направился в сторону Квенде, большой деревни, поздно ночью добрался до нее и пришел к дому вождя.

Вождь не спал. Он увидел юношу и спросил его:

— Откуда ты?

— Оттуда-то и оттуда,— ответил Цинна.

— А почему ты покинул дом? — спросил вождь.

Цинна сказал:

— Мы с отцом ходили в лес охотиться и не добыли ничего, кроме маленького зайца. Отец дал мне его понести. Но я подумал, что этот заяц слишком мал, и бросил его в лесу. Когда мы проголодались, отец велел мне зажарить зайца. Я ответил, что у меня его нет. Тогда отец пришел в ярость и ударил меня топором. Я упал без чувств. Вечером я очнулся, встал и пришел сюда. Вот что со мной случилось.

А надо сказать, что несколько лет назад вождь потерял на войне своего единственного маленького сына. Его взяли в плен и там убили. Теперь вождю пришла на ум одна мысль.

— Ты умеешь хранить тайну? — спросил он.

— Какую тайну? — спросил Цинна.

— У меня нет сына,— сказал вождь.— Его взяли в плен на войне. Когда наступит рассвет, я скажу всем, что ты мой сын, что ты убежал из плена и вернулся домой.

Цинна согласился.

— Это не так уж трудно,— сказал он.

Тогда вождь вошел в дом и выстрелил из ружья. Бум! — раздалось в ночи. Проснулась жена вождя и, прибежав, спросила:

— О великий вождь, что заставило тебя стрелять среди ночи?

Вождь ответил ей:

— Мой сын вернулся!

Тут и жена его подняла шум. Проснулась вся деревня.

— Что случилось в доме вождя? — спрашивали люди друг друга.— Почему там палят из ружей среди ночи?

Посланные к дому вождя принесли весть, что сын его, пленный во время войны, неожиданно вернулся. Одни радовались, но были и такие, что с сомнением спрашивали: «В самом деле?»

На рассвете юноша умылся, переделался в красивые одежды, вождь дал ему подарки, и он пошел по деревне, радостно приветствуемый всеми. Но некоторые старейшины, глядя на него, продолжали с сомнением качать головами.

— Это не его сын,— говорили они.

Другие возражали:

— Нет, это его сын.

Сомнения росли, и вот однажды кто-то придумал:

— Давайте проверим, действительно ли это его сын.

Старейшины позвали своих сыновей, велели им одеться в лучшие одежды и оседлать коней. А потом сказали им:

— Езжайте к дому вождя и позовите его сына с собой на про-

гулку. Проскакав некоторое время вместе, остановитесь, спешитесь и убейте каждый своего коня. А потом возвращайтесь домой.

Они дали своим сыновьям острые мечи, и те отправились к дому вождя.

Между тем нашелся доносчик, который подслушал разговор старейшин и все передал вождю. Поэтому вождь был уже готов к испытанию.

— Что ж,— сказал он,— и голый может танцевать, а одетый тем более.

Он позвал Цинну и наказал ему:

— Когда поедешь с детьми старейшин, следи за всем, что они делают, и поступай точно так же.

Тут как раз подъехали и они звать сына вождя на прогулку. Проскакав некоторое время, дети старейшин вдруг остановились, спешились и мечами убили своих коней. Цинна увидел это и сделал то же самое со своей драгоценной лошастью.

Вернувшись, сыновья рассказали все старейшинам, и те признали, что Цинна выдержал испытание. Только сын вождя способен проявить столь великолепное пренебрежение к драгоценному имуществу. Но чтобы убедиться в этом окончательно, решили устроить еще одно испытание.

На другой день старейшины опять позвали своих сыновей и сказали им:

— Позовите его с собой еще раз. Мы дадим вам самых красивых рабынь. Вы приведете их в лес и там убьете на его глазах.

Но доносчик опять обо всем предупредил вождя, и тот дал Цинне двух рабынь.

— Поедешь с остальными,— сказал он.— Делай все то же, что будут делать они.

Так оно и произошло. Цинна повторил за юношами все их действия, и старейшины были наконец удовлетворены.

— Это действительно его сын,— признали они.— Только сын вождя может так презирать богатство и жизнь.

Время шло. Цинна жил в доме вождя как его сын. Но вот однажды в Квенде пришел охотник, отец Цинны. Он увидел своего сына и, расспросив людей, узнал о том, что произошло. Тогда охотник пришел к дому вождя и застал его сидящим рядом с Цинной. Охотник приветствовал вождя и сказал юноше:

— Пойдем со мной, сын. Не поохотиться ли нам опять вместе?

Цинна молчал. А вождь сказал охотнику:

— Пришелец, не раскрывай моей тайны. Ты получишь все, что пожелаешь, но Цинну оставь со мной.

Однако охотник был глух к его мольбам и упорно стоял на своем.

Тогда вождь велел оседлать трех коней и дать Цинне меч. Все

трое: охотник, вождь и Цинна — сели на коней и поскакали в лес. Там они остановились, и вождь обратился к Цинне:

— Слушай меня, Цинна,— сказал он.— Мы двое безоружны, а лишь одному тебе дан меч. Нам остался единственный выход. Или убей меня, возьми все мое имущество и возвращайся со своим отцом к себе — или ты убьешь отца, а мы с тобой вернемся и будем жить как прежде.

Юноша не знал, что делать. А вы на его месте — кого бы убили вы: охотника или вождя?

Подумайте на свежую голову! ¹

Хауса, 143, 90

ТЯЖБЫ ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ДОБЫЧЕ

8. Как старуха продавала тыкву

Жила одна старуха. Посадила она тыкву, из которой делают звонкострунные салиеу*. Когда над землей появились два первых листочка, зашел к старухе один человек и предложил продать ему тыкву на корню. Заплатил он вперед один кахапана* и ушел. Когда появилась завязь, наведалься к старухе другой человек и тоже пожелал купить у нее тыкву на корню.

— Как же я могу продать эту тыкву,— сказала старуха,— когда она давным-давно куплена?

— Когда же ее купили?

— Когда над землей два первых листочка появились.

— И сколько же тогда за нее дали?

— Один кахапана.

— Тогда могли купить только стебель. Ведь были видны листья, а плода еще не было. Я же покупаю этот плод и даю за него два кахапана.

Обрадовалась старуха деньгам и продала тыкву. Второй покупатель каждый день заходил к старухе и ухаживал за тыквой, а когда она созрела, сорвал ее и сделал салиеу.

Услышал первый покупатель чарующие звуки музыки, зашел к соседу и спросил:

— Где ты взял тыкву для салиеу?

— Купил,— ответил сосед и продолжал наигрывать.

— У кого купил?

— У старухи.

— Значит, ты украл мою тыкву. Я давно ее купил.

— Я купил тыкву у старухи и, как полагается, за нее запла-

тил. Как ты смеешь обвинять меня в воровстве? Идем к старухе и спросим ее обо всем!

Отправились оба покупателя к старухе. Первый спросил:

— Правда ли, что ты продала тыкву этому человеку?

— Конечно, правда.

— Как же ты могла продать тыкву, которую уже я купил?

Стали оба покупателя спорить и ругаться. Спорили они, спорили и пошли к королю. Король выслушал спорщиков и решил:

— Первый из вас купил тыкву, когда был только стебелек, и больше не появился. Он не ухаживал за тыквой, а посему тыква должна достаться второму из вас.

Кхмерск., 89, 294

9. Как четыре брата охотились на слона

Жили некогда четыре брата, звали их Меткий, Зоркий, Длиннорукий и Большезадый.

Собрались однажды братья охотиться на слонов. Было у них одно ружье и один патрон. Однако Меткий сказал:

— Я с первого выстрела убью слона, не сомневайтесь.

Сели они в лодку, положили ружье и патрон на скамеечку и поплыли вверх по реке. Плыли они, плыли, и тут Большезадый качнул лодку. Единственный патрон скатился со скамейки и пошел на дно. Один Зоркий заметил это.

— Стойте! — сказал он братьям. — Мы уронили в реку наш патрон. Я вижу его на дне реки.

Остановили лодку. А что дальше делать? Тут Меткий и говорит:

— Длиннорукий, это твоя забота! Достать патрон. Иначе нам охотиться не с чем.

Сунул Длиннорукий руку в воду и достал патрон со дна реки. Подул на него и положил на солнце сушиться. А братья взялись за весла и поплыли дальше.

Вдруг Зоркий сказал:

— Братья, смотрите! Вон на том берегу в кустах стоит слон. Меткий охотник зарядил ружье, вскинул его к плечу, прицелился и выстрелил. Слон упал, пораженный насмерть.

И тут Зоркий заметил большую толпу охотников из чужого племени. Они бежали к слону, размахивая копьями и что-то кричали.

— Братья! — сказал Меткий. — Надо перетащить слона на другой берег и спрятать, а то у нас отнимут добычу. Длиннорукий, это твоя забота!

Привстал Длиннорукий, схватил слона левой рукой за хобот,

дотащил до лодки, а потом правой рукой бросил его на другой берег.

Но охотники уже были близко. Они кричали, что это их слон, потому что он жил на земле, где они охотятся. Они кричали, что братья воры, потому что убили слона и перетащили его на тот берег.

— Какой слон? — ответил Большезадый. — Где вы видите слона? Переправляйтесь, ищите. Если найдете, слон ваш.

Но пока охотники переправлялись через реку, братья успели причалить к берегу. Длиннорукий оттащил слона в яму среди кустов, а Большезадый сел сверху и накрыл своим задом и яму и слона.

Долго рыскали вокруг охотники из чужого племени. Знали они, что братья убили слона, но пайти его не могли. А братья сидели вокруг Большезадаго и посмеивались.

Наконец устали охотники и ушли ни с чем [...]

Вернулись братья к себе в деревню и заспорили: кто из них сделал больше всего, кому лучший кусок от слоповой туши достанется.

— Я заметил патрон на дне реки, я увидел на берегу слона и чужих охотников, — сказал Зоркий. — Без меня ничего бы вы не добыли!

— Я достал патрон со дна реки, я перенес слона на другой берег, — сказал Длиннорукий. — Без меня бы вам ничего не досталось.

— Я убил слона одной пулей, — сказал Меткий. — Если бы не я, вам нечего было бы и делить.

— А я сел на слона и спрятал его, — сказал Большезадый. — Если бы не я, охотники из чужого племени отняли бы нашу добычу, и тогда выходит, Зоркий зря смотрел, Длиннорукий зря тратил силы, а Меткий зря стрелял. Остались бы мы ни с чем!

Долго спорили братья и наконец решили пойти к вождю. Каждый доказывал, что сделал больше других. Выслушал вождь всех братьев и сказал:

— Все вы сделали, что могли, на этой охоте. Но слон — самый большой зверь на земле, и тот, кто сумел сесть на него и скрыть его от глаз охотников своим задом, — сделал больше всех. Такое не каждый может!

Мандинго, 111, 162

10. Чье дерево манго!

Пришел к Бирбалу крестьянин по имени Кешав и пожаловался:

— Господин вазир! Я посадил манговое дерево, поливал его

много лет. И вот, божьей милостью, в этом году дерево уродило. Увидал плоды мой сосед Пемла, пожадничал и затеял ссору со мной — говорит, будто это его дерево. Можно ли надеяться, ваша милость, что вы рассудите нас по справедливости и накажете со-седа за жадность?

С большим вниманием слушал крестьянина Бирбал, затем отпустил и приказал опять прийти завтра. Тут же Бирбал велел позвать крестьянина Пемлу.

— Пемла! Чье это манговое дерево на полянке? Оно в этом году первый раз зацвело и принесло плоды.

— Ваша милость! Это дерево — мое. Семь лет подряд я его поливал, выхаживал, а когда нынче появились плоды, то староста Кешав позарился — мое, говорит, дерево. Вы для нас как отец родной, решите дело по правде.

— Так. Теперь скажи, кто сторожит дерево?

— Защитник бедных! Мы оба вместе наняли сторожа, он и сторожит, да и сами мы все время ходим туда, поглядываем.

Бирбал отпустил Пемлу и призвал к себе сторожа.

— Кто нанял тебя сторожить манговое дерево?

— Защитник бедных! Я только два месяца сторожу. Наняли меня двое — Кешав и Пемла, а кто из них хозяин, я не знаю.

Бирбал продержал весь день сторожа у себя, а вечером сказал ему:

— Ступай сейчас к Кешаву, а потом к Пемле и каждому скажи так: «К твоему манговому дереву пришли грабители, хотят обобрать все плоды, иди спасай дерево». Но,— добавил Бирбал строго,— гляди! Ни слова лишнего не вымолви. Скажешь, что велено, и тотчас иди домой. Для проверки я пошлю с тобой двух человек.

У сторожа от сердца отлегло, от радости он пог под собой почувал. Беднягу весь день трясло от страха — кто знает, что с ним вазир сделает?

Бирбал приставил к сторожу двух солдат и наказал им тайком приметить, что он скажет Кешаву и Пемле, что те ответят, что станут делать, а потом прийти и про все ему, Бирбалу, рассказать.

Сперва все трое пошли к Кешаву, но не застали его дома. Тогда сторож позвал его жену и сказал:

— Когда Кешав придет, скажи ему: «К манговому дереву пришли разбойники, хотят обобрать плоды, иди спасай дерево».

— Ладно,— ответила жена Кешава,— как он придет, сразу же скажу, что вы велели.

Один солдат спрятался возле дома Кешава.

Сторож пошел к Пемле, но его дома не было, и сторож повторил те же слова его жене, а потом ушел домой.

Другой солдат незаметно пролез в какой-то закуток и стал ждать Пемлу.

Вскороги Кешав воротился домой, и жена повторила ему наказ сторожа.

— Пропади оно пропадом, это дерево,— сердито отозвался Кешав.— Что мне до него? Мое оно, что ли? Я парочно завел эту свару, хотел позлить Пемлу, выгорит — хорошо, а не выгорит — ну и ладно! Охота была ночью, в потемках, бежать и ввязываться в драку из-за дерева.

Солдат ни слова не пропустил из речей старосты и поспешил к Бирбалу, чтобы поведать обо всем, что услышал. Пока он был в пути, воротился домой Пемла. Только ступил ногой на порог, как жена пересказала ему слова сторожа. Пемла схватил оружие и — за дверь. Жена хотела подать ужин, но он и слушать не стал.

— Я тут буду рассиживаться, а там разграбят мое добро — ведь семь лет трудился, дерево выхаживал,— сказал он жене.— Нет, побегу скорей, поесть успею, когда справлюсь и приду домой. А коли пропадет мое манго, то и кусок в горло не ползет.

Побежал Пемла к дереву и не вспомнил, что на дворе ночь, ни зги не видно.

И другой солдат вышел из потайного места и заспешил к Бирбалу. Оба солдата рассказали вазиру подробно про все, что видели и слышали.

Назавтра пришли оба крестьянина к Бирбалу.

— Братцы, расследовал я ваше дело и узнал, что оба вы — хозяева того дерева, и потому решение мое таково: соберите с него плоды, разделите поровну меж собой, а потом дерево срубите и дрова тоже разделите на двоих — пополам. Ступайте исполняйте, что сказано.

Обрадовался Кешав такому приговору, а Пемла даже в лице переменялся.

— Ох, ваша милость! — сказал он с обидой в голосе.— Да разве можно так делать! Ведь плоды манго еще маленькие, совсем неспелые, что пользы их срывать? И зачем вы хотите убить дерево? Уж раз такая ваша воля — отдайте его хоть Кешаву, только не губите манго понапрасну...

Больше Пемла не мог ни слова вымолвить, комок подкатил к горлу.

Тут вазир сделал знак солдатам — дать плетей Кешаву. Староста струсил и взмолился:

— Господин советник! Не бейте меня, винюсь — дерево не мое, а Пемлы.

Так Кешав сам признался в обмане. А Бирбалу только того и

надо было. Он вынес решение, что дерево — Пемлы, Кешаву же велел дать наказание по заслугам¹.

Индийск., 48, 234

11. Торговец Мима и жулик Бяньба

Не было в городе такого человека, который не знал бы торговца Мима. Это был честный человек, всегда готовый услужить людям. Бедняков он не раз выручал из беды, и жители всегда добром платили Мима. Кто товар поможет ему перевезти на своем осле, кто воды принесет домой, кто чайсуму * для него приготовит.

И только мелкий воришка Бяньба ненавидел Мима. Вы хотите узнать, за что ненавидел он торговца Мима? И на это в сказке найдется ответ. Был Бяньба как две капли воды похож на Мима. И ростом, и походкой, и лицом. Только Мима все в городе любили и уважали, а жулика разве могли уважать добрые люди? И решил Бяньба отомстить своему двойнику.

Как-то раз собрался Мима в соседний город шелковые ткани продавать. Заметил его Бяньба, быстро переоделся в халат — точно-точно как у торговца — и пошел следом за ним. А когда показались дома соседнего городка, Бяньба подбежал сзади к Мима и сорвал с его плеча корзину с рулонами шелка.

— Держите его, люди, держите! — изо всех сил закричал Мима.

А Бяньба и не думал убегать. Собралась толпа. Окружили их люди, смотрят и ничего не могут понять. Один говорит:

— Это моя корзина. Он хотел отнять ее у меня! Я торговец Мима!

Другой говорит:

— Не верьте ему, это он сорвал с моего плеча корзину!

Вышел тут из толпы старик и говорит:

— Не знаем мы вас. Вы похожи как две капли воды в нашей реке. И роста одного, и голоса одинаковые, и халаты не отличить друг от друга. Есть у нас судья, пусть он решит, кто из вас прав, а кто виноват.

И повели их к судье.

Внимательно выслушал старый судья Мима и Бяньба и так сказал:

— Положите один рулон шелка на стол. И когда я взмахну этим жезлом, вы оба разом его хватайте. Кто захватит больше, тот и есть настоящий Мима.

Сказал и взмахнул своим жезлом.

Бросился Бяньба на шелк, крепко схватил его и так потянул,

что даже материя затрещала. А Мима лишь осторожно руку положил на шелк — боялся порвать красивую материю!

— Теперь я вижу, кто из вас настоящий Мима. Шелк никогда не был твоим,— обратился судья к Бяньба,— ты не пожалел материю и порвал ее. Значит, ты никогда и не звался Мима. А ты, почтенный торговец Мима, пожалел свой товар, не стал его рвать. Забирай корзину и иди с миром, торгуй в нашем городе.

Позвал судья стражу и велел посадить Бяньба в сырой подвал.

Тибетск., 91, 46

12. Охотники на слонов

Охотник Кинджунджу собрался на охоту. Он взял ружье, пошел в лес и выследил стадо слонов. Он подкрался к стаду и застрелил одного слона.

Другой охотник из той же деревни, Нгала, был в это время в лесу. Он увидел, что Кинджунджу преследует слонов, и прокрался за ним. Услышав выстрел Кинджунджу, Нгала бросился к тому месту, где лежал убитый слон, выстрелил в него и закричал:

— Это мой слон!

Кинджунджу подошел к Нгала и сказал:

— Это мой слон. Я выследил его. Я убил его. Когда ты пришел, он был уже мертв. Почему же теперь ты кричишь, что слон твой? Охотники поссорились. Кинджунджу говорил: «Это мой слон!», Нгала говорил: «Это мой слон!»

Наконец они решили:

— Пойдем в деревню. Там рассудят, кто прав.

Они вернулись в деревню, и Кинджунджу пошел к вождю. Он обвинил Нгала. Вождь послал за Нгала, а когда тот пришел, оба охотника рассказали о том, что случилось в лесу.

Кинджунджу сказал:

— Я выследил стадо слонов. Я долго шел за ним. Куда шло стадо, туда шел и я. Наконец я подкрался и убил слона. Потом пришел Нгала. Он увидел на земле убитого слона, выстрелил в него и утверждает, что это его слон.

Нгала сказал:

— Слона выследил я, и убил его я. Он мой. Почему Кинджунджу хочет забрать моего слона?

Вождь сказал:

— Мне трудно решить, кто из вас прав. В лесу не было свидетелей. Давайте подождем. Я решу ваше дело завтра.

Они расстались. Солнце село, наступила ночь.

Кинджунджу пошел в лес к тому месту, где лежал слон.

Нгала шел за ним. Кинджунджу начал громко кричать:

— Этот слон — мой слон! Этот слон — мой слон!

Нгала кричал так же только один час. Но скоро устал и ушел. А Кинджунджу оставался в лесу всю ночь и кричал:

— Это мой слон! Это мой слон!

Наступило утро. Вождь послал за Кинджунджу и Нгала. Когда охотники пришли, он попросил их снова рассказать о случившемся в лесу. Кинджунджу повторил свой рассказ, и Нгала повторил свой рассказ. Тогда вождь обратился к людям:

— Кто пробыл со слоном всю ночь в лесу и кричал: «Этот слон — мой слон?»

Люди ответили:

— Кинджунджу всю ночь провел в лесу около слона. Нгала же пробыл там всего один час, а потом ушел.

Вождь вынес решение:

— Кинджунджу прав, а Нгала — нет. Кинджунджу охотился, убил слона. Нгала хотел получить слона легким путем. Кинджунджу всю ночь прокричал: «Этот слон — мой слон!». Нгала же — только час. Он хотел присвоить чужого слона. Слон принадлежит Кинджунджу.

Мбака, 30, 34

13. [Девятый мешок]

Некий человек возвращался с рынка верхом на быке. По дороге он увидел слепого. Тот сидел на солнцепеке и плакал.

— О Аллах, сжался надо мной, — причитал слепой, — я ничего не вижу, а солнце палит так нещадно. Если бы я видел, я нашел бы место в тени под деревом и отдохнул бы от зноя.

Человек спешил и сказал слепцу:

— О смертный, иди, я посажу тебя на быка.

— Да будет Аллах милостив к тебе, — ответил слепой и с помощью зрячего влез на быка.

И они отправились верхом на быке: зрячий впереди, слепой сзади.

Сидя в седле, слепой стал ощупывать покупки зрячего, навьюченные на быка.

— Что это? — спросил слепой.

— Соль, — ответил зрячий.

— А это?

— Плоды пальмы дорава ¹.

— А это?

— Сода.

— А это?

— Перец.

- А это?
- Приправа к соусу.
- А это?
- Перец кимба².
- А это?
- Имбирь.
- А это?
- Зернистый перец.

Не нащупал слепой только небольшого мешка, привязанного ниже остальных.

Приехали они в город, и хозяин быка сказал:

— Ну, слепой, слезай. Мы приехали, ты отдохнешь тут, а я поеду дальше.

Но слепой отказался слезать и стал звать на помощь. Сбежались люди.

— Этот зрячий хотел отобрать у меня быка! — кричал слепой.

— Что ты говоришь, слепой? Ради Аллаха ты должен рассказать все как было! — возмутился зрячий.

— Я говорю правду, — ответил слепой, — ты хочешь отобрать у меня быка.

Послушали все это люди и решили отвести их к эмиру.

— Зрячий, — сказал эмир, — ты будешь отвечать первым.

— Нет, — попросил тот, — пусть говорит слепой.

— Слепой, — спросил эмир, — что у вас случилось?

— Я просил милостыню и получил в подарок быка, — начал слепой. — Отправился я на базар и купил там соль, плоды пальмы дорава, перец, приправу к соусу, соду, перец кимба, имбирь и зернистый перец. Все это я сложил в мешки и навьючил на быка. Посмотрите, разве тут не восемь мешков с названными мною покупками?

Люди посмотрели и увидели, что мешков девять. Тогда эмир сказал:

— Идите оба отдыхать, а завтра мы во всем разберемся.

И эмир приказал принести два больших блюда, наполненных просяной кашей, жиром и вареным мясом, сосуды с кислым молоком, медом, жидкой мучной болтушкой и два блюда с жареным мясом.

— Все это отнесите зрячему и слепому, каждому свое. Постарайтесь незаметно подслушать, что скажет тот и другой, — сказал эмир слугам.

Те, кто принесли пищу слепому, услышали, как он сказал: «Хорошее начало! Я съем кашу, и жир, и мясо, выпью болтушку, кислое молоко и мед, а утром получу еще и быка». Слуги вернулись и доложили эмиру.

— Подождите, послушаем тех, кто носил пищу зрячему,— сказал он.

Слуги пришли и сообщили:

— Эмир, послушай, что сказал зрячий: «Зачем мне еда? Разве есть такая еда, которую я смогу сейчас съесть? Ведь у меня отбирают быка».

— Хорошо,— ответил эмир,— идите домой и приходите утром.

Утром, когда все собрались, эмир приказал принести те блюда и сосуды с угощением, которые слуги относили слепому и зрячему. И тут все увидели, что слепой ничего не оставил, а зрячий и не притронулся к пище.

— О люди, хозяин быка — зрячий,— заключил эмир.— То, что у него хотят отнять быка, так расстроило его, что он не прикоснулся к еде. Слепой же съел все. Идите и позовите их. Запомните, слепой сказал, что он сложил покупки в восемь мешков, мы же видели девять.

Привели слепого и зрячего. У зрячего спросили:

— Что у вас случилось?

— Я отправился на рынок и сделал покупки,— отвечал тот.— Слепой сказал, что мешков восемь, а я говорю, что их девять. Девятый мешок с травой тазаргаде³. Он был подвешен ниже остальных, и слепой не нацупал его, а про другие он спрашивал меня, и я рассказал ему, что в них лежит.

— Ты лжешь,— закричал слепой,— мешков восемь!

— Да продлятся дни эмира,— сказал зрячий,— пусть развяжут девятый мешок и посмотрят.

Мешок развязали. И все увидели, что там действительно трава тазаргаде.

— Ты, слепой, лжешь,— сказал эмир.— Слуги, которые относили тебе пищу, слышали, как ты сказал, что это хорошее начало, что ты съешь все угощение, а утром получишь быка. Зрячий же и не притронулся к пище. Стража, схватите слепого и убейте, он вор.

Но зрячий попросил:

— Эмир, прости его. Он хотел обмануть меня, но я не хочу, чтобы ты его наказывал.

— Хорошо,— согласился эмир,— оставьте его. А ты, зрячий, забирай своего быка.

Хауса, 122, 55

14. Хозяин и жилец

Один человек только что построил новый дом. К нему подошел незнакомец и попросил приюта. Хозяин дома согласился. Так

они и стали жить вместе. Жилец тщательно пересчитал, сколько в доме балок, сколько в полу досок, сколько на крыше листьев. Все это он записал, чтобы не забыть.

Прошел месяц. Хозяин дома сказал:

— Пожил ты в моем доме, пора и честь знать. Прошу тебя, переселись куда-нибудь. Сюда переезжает моя семья.

— Как так? — возразил жилец. — Это мой дом. Ты не смеешь гнать меня из моего собственного дома.

Спорили-спорили хозяин с жильцом и пошли к судье. Хозяин дома сказал:

— Я построил новый дом и пустил к себе этого человека пожить. Жил он в моем доме целый месяц. И вот теперь, когда я попросил его переехать, он отказывается, да еще утверждает, что дом принадлежит ему.

Жилец сказал:

— Наоборот, я построил новый дом и пустил к себе этого человека. Если дом действительно твой, то назови мне, сколько в нем балок, сколько половиц, сколько листьев на крыше.

— Я не считал. Но ведь дом все-таки мой.

Тут вмешался судья и спросил жильца:

— Если ты продолжаешь утверждать, что дом твой, то сможешь ли ты сам назвать количество балок, половиц и листьев на крыше?

Жилец с готовностью назвал все числа, которые он давно записал.

«Наверное, он и есть хозяин дома. Откуда еще знать ему все эти числа?» — подумал судья и решил дело в пользу жильца. Хозяин не согласился с таким решением и повел жильца к королю.

«Неспроста запомнил он такие подробности», — подумал король, выслушав жильца. Затем он спросил:

— А скажи-ка мне, что под сваями лежит?

— Ничего не лежит, — отвечал с поклоном жилец.

— В юго-восточном углу земля была очень сырой, поэтому я подложил под сваю деревянные чурки, — вмешался хозяин.

Король послал слуг проверить, правду ли сказал хозяин. Когда в юго-восточном углу под сваей действительно оказались чурки, король вынес решение:

— Значит, ты и есть хозяин этого дома. А тот, кто пересчитал все листья на крыше, но не знает, что под сваями, — явный обманщик, и его следует наказать по закону.

Кхмерск., 89, 326

15. Украденный конь

Однажды некий человек ехал верхом. Вдруг на половине пути его конь захромал и не мог бежать.

А в это время на дороге появился другой человек, также на коне. Когда он подъехал ближе, первый всадник сказал ему:

— Дай мне твоего коня!

Но тот отказался.

Тогда первый всадник выхватил свой меч и сказал:

— Либо ты дашь мне коня, либо я отрублю тебе голову!

Владелец отдал ему коня, а сам поехал следом на хромом.

На другой день они встретились на рынке в городе. И тот, у кого увели коня, побежал к кади *, стал ему жаловаться на обидчика и рассказал, как все было.

Кади призвал обвиняемого и спросил его:

— Чей это конь, о человек?

Тот ответил:

— Это мой конь. Он принадлежал мне, когда был еще крошечным жеребенком.

Тут владелец коня сорвал с себя рубашку, накинул ее на голову коня и сказал своему обидчику:

— А на каком глазу у него бельмо?

Обвиняемый быстро ответил:

— На правом.

Тогда владелец сдернул рубашку с головы коня и сказал:

— Никогда не было у него бельма на правом глазу!

И кади возвратил ему коня ¹.

Арабск., 198, 266

16. [Спор о клубке]

Две женщины пришли к судье Иясу с одним клубком веревки, и каждая утверждала, что веревка ее.

Судья развел их по разным углам и спросил у каждой потихоньку, на что намотана веревка.

— На щепку, — сказала одна.

— На тряпку, — сказала другая.

Судья велел размотать клубок.

Из клубка выпала щепка, и судья приказал отдать веревку той женщине, что сказала правду.

А той, что солгала, он повелел дать плетей.

Персидск., 21, 114

17. Дело о дороге

Все знают, как трудолюбива белка. С утра до ночи она работала на своем поле и вырастила прекрасный урожай. Она была так занята, что не удосужилась даже проложить дорогу к своему полю, а добиралась до него, просто прыгая по деревьям.

И вот случилось так, что в этих местах охотился паук. Увидел он поле белки, где уже созрел урожай, и очень оно ему понравилось. Поискал он дорогу к полю, не нашел — и в его хитрой голове тотчас созрел коварный план.

На другой день паук вернулся на поле вместе со всей своей семьей, и они стали прокладывать к нему свою тропу, завешивая ее паутиной так, чтобы казалось, будто они часто пользуются этой дорогой. Потом паучья семья принялась убирать зрелые колосья и уносить их. За этим занятием застала их белка.

— Кто вам позволил убирать урожай с моего поля? — в негодовании закричала она.

— С твоего поля? — спросил паук. — Почему ты называешь это поле своим?

— Потому что я работала на нем, — ответила белка. — Я расчистила участок, я возделала его, засеяла и заботилась об урожае. А теперь приходишь ты и хочешь его забрать. Это мое поле.

— Тогда покажи, где твоя дорога к нему, — сказал коварный паук.

— Мне не нужна дорога, — ответила белка, — я могу скакать и по деревьям.

— Ах, вот как! Где это слыхано, чтоб кто-то не прокладывал к своему полю дороги? — презрительно возразил паук.

Белка передала дело в суд. Но суд решил, что не может быть поля, к которому не проложено дороги. А так как дорога, несомненно, проложена пауком, значит, и поле принадлежит ему.

Паук с семьей собрал весь урожай и повез его продавать на базар. В пути их настигла ужасная буря. Они бросили свою кладь на дороге и убежали искать укрытия от ливня. Как только буря прошла, они вернулись к дороге — и что же там увидели? Большой черный ястреб сидел на их добре и, широко раскинув крылья, укрывал его от дождя.

— Спасибо тебе, чужеземец, что ты охранял наше имущество, — сказал ему паук.

— Ваше? — возразил ястреб. — Как бы не так! Где это слыхано, чтобы такое добро оставляли без присмотра посреди дороги? Вздор! Это мой урожай, я везу продавать его на базар. Будь здоров, паук, и не вздумай мне дерзить.

Сказав это, ястреб поднялся, унося с собой добычу¹.

Фанги, 143, 218

18. Ленивец и хамелеон

Когда-то давно ленивец и хамелеон дружили. Однажды отправились они вместе возделывать свое общее поле.

— Хамелеон, давай я срежу траву, а ты отбей границы нашего поля, — сказал ленивец.

Хамелеон быстро управился с делом, и тогда ленивец предложил:

— Хамелеон, давай я буду рубить деревья, а ты срежь оставшуюся траву.

Хамелеон согласился, начал работать и скоро срезал траву по всему участку. Тогда ленивец сказал:

— Хамелеон, ты будешь рубить деревья, зато я потом буду собирать урожай.

Тот опять согласился, срубил все деревья, очистил участок, посеял элевзин. Устал хамелеон как собака!

Но вот созрел элевзин, а ленивец и говорит своему другу:

— Хамелеон, ты пойдешь собирать элевзин, а я потом буду сушить его на солнце и толочь.

Собрал хамелеон элевзин и говорит:

— Натолки и для меня элевзина, не то мои дети умрут с голоду.

Но ленивец оставил весь урожай себе. Хамелеон, худой и слабый от работы и голода, пошел к вождю требовать суда над ленивцем. Вождь вызвал их обоих. Ленивец тут же начал возмущаться.

— Что?! Этот заморыш возделывал наше поле? Да у него нет ни ножа, ни мотыги!

Но хамелеон сказал:

— Посмотрите, как я похудел на работе, а этот ленивец только иногда ходил за водой. Теперь же он не хочет делиться со мной урожаем. Где это видано?

Подумал вождь хорошенько и сказал так:

— Тебя, ленивец, когда-нибудь погубит твоя хитрость. Посмотри, как изможден хамелеон, а ты, зная, шатался без дела да в речке купался.

И пришлось ленивцу отдать хамелеону весь урожай.

Вот почему, когда твои товарищи трудятся, помогай им изо всех сил. Нехорошо сидеть сложа руки и отлынивать от работы.

Баньянга, 63, 215

19. Нзамби и трясогузка

Нзамби¹ создала весь мир, всех людей и зверей, но забыла создать барабаны, чтобы люди и звери могли танцевать.

А Нгонзо Нкила, маленькая трясогузка, которая, как вы, вероятно, видели, любит колотить по земле клювом, словно на барабанах играет, взяла да и сделала барабаны, чтобы ее племя могло танцевать на праздниках.

И вот как-то раз трясогузки устроили праздник, а Нзамби из своего селения услышала бой барабанов. Это ее рассердило.

— Как! — воскликнула она в гневе. — Я, великая Нзамби, не могу даже устроить хорошего праздника, потому что у меня барабанов нет, а какие-то глупые трясогузки пляшут и веселятся! — И повелела антилопе отправиться к Нгонзо Нкиле: — Пойди и скажи, что Великая Мать требует себе один барабан!

Антилопа передала Нгонзо Нкиле приказание Нзамби. Но та сказала запальчиво:

— Нет, я не дам Нзамби ни одного барабана, потому что они пужны мне самой.

— Но Великая Мать подарила тебе жизнь, должна же ты дать ей что-то взамен! — возразила антилопа.

— Так-то оно так, — уклончиво ответила трясогузка, — что другое — пожалуйста, но барабан мне жалко.

— Тогда позволь мне хоть чуть-чуть поиграть на нем, — попросила хитроумная антилопа.

— Что ж, поиграй.

Но антилопа, увидев, что за ней никто не следит, ускакала прочь с барабаном. Трясогузка поняла, что ее провели, и послала в погоню за антилопой своих подданных. Те догнали ее, отняли украденный барабан и заклевали насмерть.

Тем временем Нзамби потеряла терпение и послала гонцом птичку-кивунгу узнать, куда запропастилась антилопа.

Полетела кивунга к Нгонзо Нкиле и спрашивает:

— Где наша антилопа?

Пришлось трясогузке объяснить, как было дело. Тогда кивунга попросила:

— Дай мне капельку ее крови, я отнесу нашей матери.

Трясогузка дала ей капельку крови антилопы, кивунга вернулась к Нзамби и рассказала, что произошло. Великая Мать опечалилась: ведь антилопа погибла, а барабаны как были, так и остались у трясогузки.

Тогда она решила послать к трясогузкам дикого быка Мпакаса. Но и бык был пойман с барабаном и заклеван насмерть.

Нзамби опять послала кивунгу, и та вернулась с капелькой крови Мпакаса. Тут Великая Мать так рассердилась, что собрала весь свой народ и бросила клич:

— А ну, кто тот храбрец, который отправится к трясогузкам и принесет барабан?!

Из толпы выполз крохотный муравей Мфути и пропищал:

- Не горюй, Нзамби, я принесу тебе барабан!
- Но ты ведь так мал, как же ты справишься?
- Зато меня никто не заметит! — важно ответил Мфути.

Не долго думая отправился он к трясогузкам, подождал в укромном местечке, пока все уснут, пролез в хижину, где хранились барабаны, выкатил один и к утру доставил его Нзамби. Великая Мать обрадовалась и устроила в своем селении большой праздник.

А трясогузка, услышав звуки барабана, воскликнула:

— Прислушайтесь! Это танцует народ Нзамби! Они украли у нас барабан!

Трясогузки пересчитали свои барабаны и обнаружили пропажу. Очень обиделась тогда Нгонзо Нкила и отправила к Нзамби гонца с требованием, чтобы та назначила место, где бы их рассудили. И Нзамби выбрала селение Неамлей, где правил мудрый вождь.

Первыми в Неамлей слетелись трясогузки. Они ждали три дня, пока Нзамби и ее народ соблаговолят явиться на суд. А когда все собрались, Нзамби обратилась к вождю Неамлея с такими словами:

— О мудрейший! Я создала весь мир, всех людей и зверей. Но барабаны создать я просто забыла. Между тем и мой народ хочет танцевать на своих праздниках. Услыхав однажды звук барабана, я отправила к трясогузкам сначала антилопу, а потом дикого быка Мпакаса с просьбой дать нам хотя бы один барабан. Однако обоих моих посланцев убили, а вместо барабана прислали мне по капельке их крови. Вот кивунга — свидетельница! Наконец муравей Мфути вызвался достать для нас барабан и сделал это. Мой народ танцевал и был счастлив. Так неужели я, подарившая всем жизнь, не имею права на один барабан?

Вождь Неамлея и старейшины, внимательно выслушав всех, ушли совещаться. Потом они вернулись, и вождь сказал:

— Вы просили меня рассудить вас, и вот мой приговор: права Нгонзо Нкила! Кто станет оспаривать, что Нзамби — наша Великая Мать? Но правда и то, что трясогузка сама сделала барабаны. Нзамби сотворила нас и пустила в мир, чтобы мы жили, как кому нравится. И уж коль мы что сделаем своими руками, то это — наше, а больше ничье. Нзамби не наделила нас барабанами при рождении и потому не вольна отбирать их хитростью или силой.

Великая Мать заплатила трясогузке за украденный барабан, а потом, щедро одарив мудрого вождя Неамлея, Нгонзо Нкила и Нзамби отправились каждая своей дорогой.

Баконго, 63, 19

20. Жалоба трех братьев

Из соседнего села приехали к Мелику Шахназару жалобщики.

— Нас три брата. Да продлится жизнь Мелика! — сказал один из жалобщиков. — Отец оставил нам наследство, в том числе семнадцать верблюдов. В своем завещании он написал, что половина этих верблюдов должна достаться мне, как старшему брату, третья часть — среднему брату, а одна девятая — младшему брату. Мы сами не можем разделить верблюдов и из-за этого поссорились. Не нашлось человека, который мог бы нас рассудить и выделить каждому его долю. Я предлагал продать всех семнадцать верблюдов и разделить деньги так, как велел отец, но младший брат не согласился. Теперь мы приехали к тебе с просьбой, — да продлится жизнь Мелика! — чтобы ты решил нашу тяжбу.

Мелик подумал и понял, что это не его ума дело и что тут нужен Пыл-Пуги.

— Что ты скажешь, Пуги? — обратился к нему Мелик Шахназар.

Пыл-Пуги знал, что разделить семнадцать верблюдов пополам невозможно, это число не делилось также ни на три, ни на девять частей.

— Хорошо, — сказал он наконец братьям, — поезжайте к себе в село, завтра я приеду туда и разделю верблюдов.

На следующее утро Пыл-Пуги сел на верблюда и поехал в село к братьям, которые с нетерпением ждали его.

— Где ваши верблюды? Гоните их сюда, — сказал Пыл-Пуги.

Братья пригнали семнадцать верблюдов.

— Теперь подгоните к вашим верблюдам и моего, — распорядился Пыл-Пуги.

— Сколько их стало? — спросил он, когда его приказание было выполнено.

— Восемнадцать, — в один голос ответили братья.

— Половина от восемнадцати будет девять... Это старшему брату. Получилось? — спросил Пыл-Пуги.

— Получилось, — сказали братья.

— Третья часть от восемнадцати будет шесть, правильно? — спросил Пыл-Пуги.

— Правильно, — подтвердили братья.

— Это среднему брату. Так?

— Так, — сказали братья.

— Девятая часть от восемнадцати будет два, правильно? — спросил Пыл-Пуги.

— Правильно, — сказали братья.

— Это младшему брату. Получилось?

— Получилось, — подтвердили братья.

— Остался один верблюд. Это мой. Будьте здоровы, — сказал Пыл-Пуги и, сев на своего верблюда, уехал¹.

Армянск., 47, 89

21. Сказание об охотнике

Жил в одной деревне знаменитый охотник. У него было пять детей. Охотник наводил страх на всех лесных зверей. Едва почуяв его, они убегали прочь.

Однажды он увидел в зарослях следы леопарда. Он пошел по этому следу и скоро увидел самого зверя. Охотник хотел убить его, но леопард сказал:

— Не убивай меня, а то будет худо.

Но охотник продолжал его преследовать. Потом он пустил стрелу и убил леопарда. В тот же миг дрожь прошла по телу охотника, и он вдруг превратился в женщину.

Охваченный ужасом, побежал охотник сквозь заросли. Он бежал долго, пока не добежал до большого дерева. В дереве было дупло, и там он спрятал все свое охотничье снаряжение. Потом повязал себе свою одежду вокруг бедер и пошел искать какую-нибудь деревню.

Шел, шел и увидал мальчиков. Они танцевали на дороге. Он спросил их, где живет здешний охотник, и мальчики показали.

Охотник дружелюбно встретил женщину, не подозревая, что когда-то она тоже была охотником. Он поселил ее у себя в хижине. Однажды пришел к нему в гости приятель и спросил:

— Откуда у тебя такая красавица? Не хочешь ли ты на ней жениться?

— Да, я на ней женюсь, — отвечал охотник.

Так он и сделал. Вскоре женщина забеременела и за несколько лет родила одного за другим пятерых сыновей.

А сыновья охотника, ставшего женщиной, считали, что отец их погиб в лесу. Они принесли ему жертвы, какие полагаются мертвым, и стали ходить на охоту сами.

Однажды женщина, которая прежде была охотником, сказала своему старшему сыну:

— Возьми горшок с бобами. Сегодня во сне мне привиделось старое большое дерево в лесу. Пойди к нему, принеси в жертву бобы, заберись на это дерево и увидишь в нем дупло. То, что ты найдешь там, принеси сюда.

Сын так все и сделал. Он шел по лесу долго-долго, пока не увидел большое дерево. Он принес перед ним жертву, потом взобрался на него и нашел дупло. В дупле лежали лук, колчан со

стрелами, кожаный передник и калебаса. Все это он взял и принес своей матери.

— Теперь это твое, — сказала она. — Возьми и иди на охоту.

Юноша пошел в лес, и с тех пор охота его всегда была удачной.

Однажды разнеслась весть, что охотники всей страны должны собраться на большую охоту. Юноша с оружием, надежным в дупле, поспешил туда. Там его увидели пять сыновей пропавшего охотника.

— Смотрите, — удивленно сказал старший, — разве это не оружие нашего отца? Я узнал его лук, его колчан, его калебасу.

Они подступили к юноше и стали спрашивать, откуда у него все это. Тот рассказал, как мать научила его найти оружие. Сыновья охотника стали говорить, что оно по наследству должно принадлежать им.

Собрались остальные охотники, стали спорить, кто из них прав. Наконец решили пойти в город и обратиться к судье.

Так они и сделали. Утром все отправились в город, разыскали судью и объяснили ему суть дела.

— Пятеро братьев утверждают, что это оружие их отца, — сказал судья юноше. — Ты говоришь, что получил его от своей матери. Что ж, пусть явится сюда твоя мать.

Послали за женщиной. Когда она пришла, ее стали расспрашивать, как было дело. Женщина расплакалась и рассказала историю своего превращения.

А потом она сама рассудила своих сыновей. Первым пятерым, которые родились, когда она была еще мужчиной, она велела вернуться домой. А вторым пятерым, которых она родила, будучи женщиной, приказала каждому ежегодно дарить своим старшим братьям по пять раковин каури.

С тех пор и до наших дней каждый человек племени боргу, встретив в новый год человека племени бери-бери, дарит ему пять каури.

Никки-боргу, 152, 114

22. Три сундука

У одного вождя по имени Нди было три сына. Однажды, заболев, он созвал своих сыновей и сказал им:

— Я умираю. У меня есть три сундука. В них все мое богатство. Возьмите себе каждый по сундуку, кто какой хочет. Только не открывайте их, куда я не умру.

Так они и сделали. Каждый взял себе по сундуку. Вот отец умер, сыновья похоронили его, а потом каждый открыл свой сундук.

У первого сундук оказался полон золота. У второго в сундуке оказались куски разного дерева. А у третьего в сундуке была земля, тоже разная, но кроме нее ничего.

Тогда второй и третий братья сказали:

— Нет, так нехорошо, несправедливо. Надо разделить содержание всех сундуков поровну на всех. Пусть первый отдаст нам каждому по трети своего золота, а мы отдадим по трети своих дров и своей земли.

Но первый ответил им:

— Нет, я так не хочу. Надо исполнять волю отца. Если б кому-то из вас достался сундук с золотом, он бы тоже не стал делиться. Все дело случая. Но так завещал покойный отец.

Второй и третий братья собрали жителей деревни, всех мудрых людей, рассказали им о своем споре и попросили рассудить. И люди сказали:

— Ваш покойный отец так распорядился, мы ничего изменить не можем. Вождь был умный человек, он наверняка все хорошо обдумал и знал, что делает.

Тогда братья обратились к властителю всей страны. Но и тот ничем не сумел им помочь.

Тут один старик посоветовал:

— Пойдите к человеку, которого зовут Кабаку. Если кто-то и может помочь вам, так это он.

Братья узнали дорогу и отправились в путь [...]

После долгих поисков они увидели дерево, под которым совсем молодой юноша играл с детьми. Братья спросили его, не знает ли он, где найти Кабаку.

— Я Кабаку, — ответил он. — Зачем я вам нужен?

— Мы хотим спросить у вас совета, — сказали они и поведали ему о своем споре.

— Вы спорите из-за наследства, — сказал Кабаку. — Один из вас получил сундук с чистым золотом. Другому достался сундук, в котором собраны все породы древесины, какая только растет в наших лесах. Третий получил сундук с землей всей страны. Ваш отец решил, что каждый будет владеть тем, что ему достанется. Двое из вас недовольны и предпочитают золото. Но я не могу оспорить последнего желания вашего отца. Он был очень мудр. Мне кажется, вы двое тоже можете быть довольны. Ведь один из вас получил во владение все породы деревьев, какие только есть в стране. Это значит, что он имеет права на все леса и деревья. Каждый, кто захочет срубить дерево, обязан платить ему пошлину.

Другой получил все разновидности земли. Он имеет на нее права. Если кто-то захочет рыть колодец, выкопать ловушку для крыс или отломить кусок термитника на корм курам, он должен

платить за это пошлину обладателю третьего сундука. Надеюсь, теперь, когда вы это поняли, вы все довольны?

Братья поблагодарили Кабаку и отправились домой.

Вскоре первый брат, получивший сундук с золотом, накупил себе рабов и велел им вспахать для себя поле. Но едва они взялись за работу, как третий брат сказал:

— Если хочешь обрабатывать землю — плати мне пошлину.

В другой раз первый брат послал рабов нарубить дров в лесу. Едва они принялись за дело, явился второй брат и сказал:

— Если твои рабы хотят рубить дрова — плати мне пошлину.

Понял первый брат, что ничего со своим золотом сделать не сможет, и разделил его с остальными.

Манде, 151, 45

23. Гиена и стервятник

Жил в одной деревне богатый человек. Дни свои он проводил в веселье и удовольствии. Но никакое богатство не смогло защитить его от смерти.

Однажды богач заболел и умер. Родственники оплакали его и похоронили, а за могилой следить не стали.

Недалеко от места, где был похоронен богач, жила гиена. Увидела она свежую могилу, почуяла поживу и сказала сама себе:

— Разрою-ка я землю и наемся досыта. Не каждый день хронят людей. Кто знает, когда еще выпадет такой случай.

Она тотчас принялась за работу, и рыла землю, пока не добралась до трупа.

А возле самой могилы росло дерево. На нем сидел стервятник. Он увидел, что делает гиена, и, едва она собралась приступить к трапезе, закричал:

— Эй, гиена! Ты должна поделиться со мной!

Гиена испугалась, посмотрела вверх и увидела стервятника.

— Нет, — сказала она, — не стану я с тобой делиться. Я трудилась, а ты ничего не делал. Ничего тебе не полагается. Ни кусочка я тебе не дам.

— Ах, так! — сказал стервятник, которому вовсе не хотелось отказываться от поживы. — Не поделишься добром — узнаешь, какой у меня клюв. — И он кинулся на гиену.

Стали они драться. Долго дрались, никто не хотел уступать. Наконец решили оба пойти к царю этой страны, чтобы он их рассудил.

Так и сделали. Пришли к царю и рассказали ему о своей тяжбе.

— Ты говоришь, что всю работу сделала одна? — спросил царь гиену.

— Да, — отвечала она.

— А ты говоришь, что помогал ей? — обратился царь к стервятнику.

— Да, — нагло отвечал тот.

— Можете вы представить свидетелей?

— Могу, — сказала гиена. — Полевая мышь целый день бегаёт под этим деревом, она все видела.

— Я тоже могу представить свидетеля, — сказал стервятник.

— Приведите их сюда, — приказал царь.

Но гиена попросила царя самого пойти к дереву, потому что мышь ни за что не станет удаляться от своей норы. Царь согласился и вместе со своими советниками отправился в путь.

А стервятник опередил их. Он разыскал летучую мышь и сказал ей:

— Подтверди царю, что я помогал гиене раскапывать могилу, не то я тебя убью.

Вот пришел царь и стал допрашивать свидетелей. Полевая мышь подтвердила, что могилу раскапывала гиена. А летучая мышь уверяла, что все делал стервятник.

— Я видела это ночью, — сказала она. — Я ночное животное. Ночью я летаю, устаю, а днем мне надо спать. Что было днем, я не знаю.

Царь задумался. Он не знал, кто же из них говорит правду. Советники тоже пребывали в сомнении. Тогда бог Махапрабу сожалел над ними. И он решил спор так, чтобы никому не было обидно: взял и оживил покойника.

Царь увидел, что мертвец ожил, и очень обрадовался, что ему больше нет надобности ломать голову над этой тяжбой. Он велел восставшему из мертвых поскорей вернуться в свою деревню. Тот так и сделал, вернулся домой, где его встретили обрадованные родственники.

А между гиеной и стервятником с тех пор установилась вражда. И как увидят мертвое тело, сразу начинают драться.

Индийск., 162, 8

24. Пеструшка и мышь

Бежала по дороге мышь, увидела в кустах птичку-пеструшку и стала ей жаловаться:

— Не знаю, куда деваться! Повсюду кошки преследуют меня, а люди ставят ловушки. Не дают мне житья!

— И моя жизнь такая, — ответила птичка-пеструшка. — Увидит кошка — съесть готова, увидит белка — гонится за мной!

— Давай жить вместе, — предложила мышь.

— Давай, — согласилась пеструшка.

Вдвоем выбрали себе клочок земли и для начала решили очистить его от зарослей. Принялись за дело, но пеструшка не выкла так работать.

— Да! Чуть не забыла... Брат мой женится! — соврала пеструшка. — Я должна поздравить его. Придется, мышка, тебя одну оставить!

— Иди, я поработаю, — ответила мышь.

Пеструшка взлетела и юркнула в лес. Там она порхала с ветки на ветку, издали наблюдая, как трудится мышь. Когда же пеструшка увидела, что мышь кончает работу, она выпорхнула из лесу.

— Почему так долго задержалась? Я здесь измучилась, — говорила мышь, едва увидев пеструшку.

— Долго пир продолжался, и я не могла оставить гостей, — ответила пеструшка.

Расчищенную землю вспахали, засеяли кукурузой. Когда кукуруза взошла, принялись за прополку. Опять пеструшке работа показалась тяжелой.

— Умер мой отец, — сказала она печально, — я должна пойти проститься с ним.

— Эх, дад *, с кем это не случается! Иди простись, — сочувственно согласилась мышь.

Снова улетела в лес пеструшка. Там она весело порхала с ветки на ветку, издали наблюдая за работой подруги.

Как мышь стала кончать прополку, пеструшка мигом прилетела на помощь.

— Я измучилась! Где ты до сих пор пропадала? — спросила недовольная мышь.

— Похоронила отца, заболела мать. Вот и задержалась из-за нее! — привычно соврала пеструшка.

Урожай созрел, наломали кукурузу. Стали ее делить. Заспорили.

— Кто работал больше, тому и получать больше, — сказала мышь.

Пеструшка и слышать об этом не хотела. Она требовала половину. Спор перешел в драку.

В это время проезжали мимо всадники. Пеструшка и мышь попросили рассудить их. Выслушали их всадники и сказали:

— Объявите войну друг другу, и победителю пусть достанется весь урожай.

Пеструшка созвала всех птиц, а мышь — всех четвероногих. Началась война. Победили четвероногие.

Вышло так: тот, кто не хотел работать, не получил ничего ¹.

Абхазск., 17, 53

25. Как братья-брахманы наследство делили

Жили в Малаве два брата-брахмана, и оставил отец им в наследство состояние. Стали они наследство делить да изрядно повздорили. Рассудил их наставник, в ведах начитанный, посоветовал им так: «Всякую вещь, что у вас есть, возьмите да пополам разделите!» И стали эти глупцы по его совету все надвое делить — дом — пополам, кровать — пополам, горшок — пополам, все прочее — пополам! Была у них на двоих одна рабыня, так и ту — пополам! Узнал про это раджа и в наказание забрал у них все.

И тот мир и этот губят дураки по совету дурака. Поэтому не следует служить глупцам, а нужно служить мудрому¹.

Индийск., 125, 440

26. Спор благородных

Один человек продал другому дом. Покупатель нашел в этом доме схороненный клад, большое сокровище, принес эти деньги к продавцу и сказал:

— Ты продал мне дом. Деньги, находившиеся в нем, принадлежат тебе, возьми их.

— Если бы эти деньги были назначены мне в удел, они пошли бы тогда, когда дом еще принадлежал мне. Раз теперь дом стал твоей собственностью, то и деньги — твое имущество, — возразил продавец.

Поднялся между ними спор. Один говорил: «Это — твое!» Другой восклицал: «Нет, твое!» В конце концов пошли они со своей тяжбой к царю той эпохи и сказали:

— О справедливый царь, о бесподобный судья, о праведник, не ведающий кривды! Прекрати наш спор и пресеки нашу вражду!

Царь спросил продавца:

— Есть у тебя дети?

— Есть сын, — ответил тот.

— А у тебя какого пола ребенок? — спросил царь покупателя.

— Дочь, — ответил тот.

— Отдай же свою дочь его сыну, а деньги эти дай ей в виде приданого. Тогда вы оба получите свою долю из этих денег, — сказал царь.

Обеим сторонам это решение пришлось по душе, оба вышли из судейской залы удовлетворенными, и от благодатного действия этого решения по всему лицу земли взошли такие всходы, благословение такого правосудия всему миру принесло благодать¹.

Персидск., 50, 305

27. Как бедняк подражал богачу

Жила-была одна семья — муж, жена и дочь. Была эта семья бедной-пребедной, еле концы с концами сводила. Стали муж с женой думать, как бы им разбогатеть.

— Живем мы сейчас в нищете. Давай разыщем какого-нибудь богача, поселимся с ним рядом, поглядим, что он делает, и будем во всем подражать ему.

Так они и сделали. Сломали свою хижину и построили новую рядом с домом богатого сетхэя *. Сетхэй заставлял своих работников обрабатывать поле и огород, а потом посылал их продавать урожай. Бедняки старались подражать сетхэю, в чем могли, работали в поле, а потом часть урожая продавали на базаре. Постепенно дела у них пошли все лучше и лучше, достаток рос.

Муж с женой решили отблагодарить сетхэя, у которого они тайком научились вести хозяйство. Муж взял горсть золота и отправился к богачу.

— Для чего ты принес мне золото? — удивился сетхэй.

— Был я бедняком. Решили мы с женой сломать нашу хижину, поселиться рядом с вашим домом и подражать вам во всем. Наши дела быстро пошли на лад, семья разбогатела, и вот мы из благодарности просим принять наш подарок.

— Раз ты сам считаешь, что приобрел все свое богатство благодаря мне, значит, это мое богатство. Ты должен отдать мне все свое состояние, а уж я сам решу, какую долю тебе выделить.

— Но я же не остался неблагодарным и принес вам золото. Если бы я знал, что вы потребуете все мое состояние, то не принес бы вам ничего.

Долго спорили сетхэй и бывший бедняк. Наконец обратились к судье. Судья их спор разрешить не смог и повел обоих к королю. Бывший бедняк поклонился и сказал:

— Ваше величество, я поселился рядом с домом сетхэя, наблюдал, как он ведет хозяйство, как посылает работников своих обрабатывать поле и торговать на базаре. Стал я подражать сетхэю, в чем только мог, и добился благополучия и удачи в делах. Из благодарности я принес золото сетхэю, который помог мне, сам того не ведая, но сетхэй требует все мое состояние. Прошу вас, ваше величество, разобраться в этом деле по справедливости.

Король обратился к сетхэю:

— Правильно ли изложил дело этот человек?

— Все правильно, ваше величество.

Понял король, что сетхэй жаден не в меру, и сказал:

— Сетхэй, у тебя есть дети?

— Сын, ваше величество.

— А у тебя? — обратился король к бывшему бедняку.

— Дочь, ваше величество.

— Чтобы между вами не было раздоров, я повелеваю обоим семьям породниться. Тогда и делить вам будет нечего.

Сетхэй и бывший бедняк низко поклонились королю и удалились, чтобы последовать мудрому королевскому решению¹.

Кхмерск., 89, 277

28. Слепой и безногий

Дело было не у нас и не с нами, а совсем в других краях.

Жили в одной хижине слепой да безногий. Время было голодное, и оба бедствовали вместе со всеми. Однажды из своей хижины безногий увидел стаю обезьян. Он сразу представил себе тушеное мясо, облизнул губы и тяжело вздохнул.

— Ты что вздыхаешь? — спросил его слепой. — Тебе нездоровится?

— Здоров-то я здоров, — ответил безногий, — только очень есть хочется. Надо бы сейчас подстрелить хоть одну обезьяну. Я б приготовил отличное мясо.

Слепой засмеялся:

— Я смеюсь, чтоб не закричать от голода, — сказал он. — Мой живот пуст, как пусты заросли вокруг. В них совсем не осталось дичи. Охотники из нашей деревни каждый день возвращаются ни с чем. Где ты найдешь обезьяну?

— Совсем рядом с нашей хижинкой, — ответил безногий. — Если ты ничего не видишь, не думай, что и все слепы. Мне бы только добраться до них.

Тут слепой поверил ему.

— Забирайся на мои плечи, — сказал он, — и говори мне, куда идти и где остановиться. Я поднесу тебя вместе с ружьем, а ты подстрелишь обезьяну.

Так они и сделали. Безногий сел на плечи слепого, сказал ему, куда идти, и они приблизились к обезьянам на расстояние выстрела. Бум! — громынуло ружье. Одна обезьяна свалилась с дерева, а остальные разбежались.

Они принесли добычу к хижине, безногий развел огонь и стал варить мясо. Он помешивал мясо в горшке, а слепой то и дело спрашивал:

— Еще не готово?

— Нет еще, — отвечал безногий.

Он добавил в горшок пальмового масла и перца и продолжал помешивать.

— Не готово еще? — опять спросил слепой.

— Нет, не готово, — ответил безногий.

Он все помешивал мясо да помешивал и то и дело брал кусочек на пробу — так он был голоден. Каждый раз, когда слепой спрашивал: «Не готово еще?» — безногий поскорей проглатывал очередной кусок, чтобы ответить своему товарищу. Скоро в горшке ничего не осталось, только кости да слабый навар.

— Готово? — опять спросил в это время слепой.

— Да, теперь готово, — ответил безногий и протянул ему миску с костями и жидкостью. Слепой попробовал эту еду и закричал:

— Что ты мне даешь? Тут одни кости! Ах ты, негодный товарищ! Ты воспользовался моей слепотой и съел один все мясо! Разве нам не полагалось разделить добычу поровну? Разве я не вправе был съесть столько же мяса, как и ты? Ведь если бы не мои ноги, ты не смог бы убить эту обезьяну!

Безногий ответил ему:

— Я увидел дичь. Я подстрелил ее. Я ее сварил. Это бóльшая часть дела, поэтому мне следует получить бóльшую часть еды. От тебя потребовалось только физическое усилие. А от меня — и острота взгляда, и мастерство охотника, и поварской талант. Это намного больше! Если бы я первым не увидел обезьян, в нашем горшке вообще бы ничего не было.

Так они спорили долго и все больше злились друг на друга. Слепой вышел из хижины на дорогу и стал просить каждого встречного рассудить их и наказать безногого. Безногий же из хижины продолжал кричать свое и требовал, чтобы правым признали его.

Но никто из встречных не знал, как их рассудить. А по-вашему — кто из них прав?

Гио, 143, 75

29. Два путника

Два путника с наступлением ночи пришли в одну деревню и, как того требует обычай, явились к вождю, чтобы приветствовать его и попросить о ночлеге.

— Добро пожаловать, о чужестранцы, — сказал им вождь. — Мы приветствуем вас. У нас найдется и дом, где вы сможете переночевать, и пища, которой вы сможете подкрепиться. Но знайте, что в нашей деревне есть один обычай, сохранившийся с давних времен. Любой может остановиться здесь на ночлег, но под угрозой смерти он не должен храпеть во сне. Запомните это хорошенько. Если вы станете храпеть, вас убьют.

Сказав это, он велел проводить обоих к месту ночлега, и вскоре усталые путники улеглись спать.

Но едва они заснули, как один из гостей начал храпеть: «Во,

во, во». Его товарищ проснулся. Он услышал звуки храпа: «Во, во, во». И тут же услышал другие звуки: «Чик, чик, чик». Это жители деревни точили свои ножи. Путник сразу понял, что это значит: они готовились убить храпевшего. В тот же миг он сообразил, как спасти своего товарища. В такт звукам храпа: «Во, во, во» — он стал петь песню:

Во, во, лио во! Во, во, лио во!
Мы шли по дороге.
Мы пришли в деревню.
Нам сказали: «Добро пожаловать».
Во, во, лио во!
Во, во, лио во!

Он пел громко, и людям уже не слышен был храп — только песня. Они отложили в сторону свои ножи и стали танцевать. Появились барабаны, зазвучала музыка. Песня сменяла песню, танец шел за танцем. Все жители деревни: женщины, дети, сам вождь — включились в общее веселье.

Всю ночь один чужестранец храпел, другой пел, а жители деревни плясали и веселились.

Утром чужестранцы пришли попрощаться с вождем. Тот пожелал им доброго пути и дал большой кошелек с деньгами.

— Это вам в награду за ваше прекрасное пение, — сказал он. — Благодаря вам, чужестранцы, мы провели ночь в танцах и веселье. Мы вам очень признательны за это.

С подарком вождя путники покинули деревню. Но в дороге между ними начался спор: как разделить деньги?

— Мне должна достаться большая часть, — сказал тот, что храпел. — Без моего храпа тебе бы и в голову не пришло затевать пение, и мы бы не получили никакого подарка.

Но тот ему ответил:

— Верно. Если бы ты не захрапел, я бы не стал сочинять песню. Но если бы я не запел, тебя бы убили. Жители деревни уже точили свои ножи. Поэтому большая часть должна, конечно, достаться мне.

Так они спорили, спорили, но никак не могли прийти к согласию. И к кому из встречных они ни обращались, никто не мог их рассудить. А вы можете?

Менде, 143, 43

30. Любовь или богатство

В одной деревне умер очень богатый человек. Никто из родственников не пришел оплакать его смерть. Плакал один воробей, да попугай в своем красивом оперении прилетел из зарослей принять участие в похоронах.

После похорон возник вопрос, кто должен унаследовать имущество умершего. Тут из разных мест набежало множество народу, и все стали доказывать свои права на наследство. Но вождь и его советники быстро их осадили.

— Как у вас совести хватает являться за имуществом покойного! — сказали они. — Оплакать его смерть никто из вас не пришел. Вы даже не знали о его болезни. Что ж вы за родственники, если раньше не заботились о нем, а теперь, как стая хищников, набрасываетесь на его наследство?! Вы не вправе ничего требовать. Отправляйтесь обратно!

И все разошлись, пристыженные и злые. Остались только воробей да попугай. Они предъявили совету свои права на наследство.

Воробей сказал:

— Всю жизнь мы с человеком жили бок о бок. Куда он, туда и я. Он переселится в другое место — и я лечу вслед за ним. Моя песня будила его по утрам, указывала ему дорогу, когда он возвращался издалека, подбадривала его в минуты печали. Я был его товарищем в поле и на реке, я помогал ему в работе. Часто я ел его пищу и пил воду из его колодца. Он дарил мне все это бескорыстно, а я в ответ старался доставить ему радость. Когда он умер, горе мое было неподдельным, и я один оплакивал его, покуда не прилетел попугай.

Совет выслушал воробья и признал его доводы весьма основательными. Затем обратились к попугаю, спросили его, какие права он может предъявить на наследство умершего человека.

Попугай сказал:

— Я вправе считать себя его наследником, ибо началом всего своего богатства этот человек был обязан мне. Однажды он увидел прекрасные перья в моем хвосте. Они ему понравились, и он забрал меня с моего дерева и заставил жить с ним. Он выдернул мои перья, украсил ими плащ, а потом продал его. Полученные от продажи деньги позволили ему дать достаточный выкуп за хорошую жену. Жена родила ему нескольких дочерей, которых он выдал замуж, получив за каждую богатый выкуп. Дочери, в свою очередь, родили детей, и все они увеличивали богатство этого человека. Но разве я не помог ему заполучить жену, разве не благодаря мне он заложил основу всего своего богатства? Я не прожил с ним всей жизни, но, чтобы воспользоваться моими перьями, он лишил меня моего дома, он унес меня с дерева. Разве я не вправе потребовать за это возмещения? Я, и никто другой, должен теперь считаться наследником этого человека.

Совет долго обсуждал доводы попугая и нашел, что они тоже обоснованны.

— Воробей вправе требовать наследство, потому что они с по-

койным жили душа в душу и любили друг друга — так рассуждали советники. — Попугай не может про себя этого сказать, но он положил начало всему богатству покойного. Оба они по-своему имеют право на наследство. Но кто из них прав больше?

Думали, думали да так и не смогли прийти ни к какому решению. А вы можете?

Фанг, 143, 72

31. Как разделить находку!

Однажды, давным-давно, встретились на дороге три человека и пошли дальше вместе. Один нес в свертке из больших пальмовых листьев вареное мясо, другой — хлеб из маниоки, завернутый в такие же листья. А у третьего ничего с собой не было, только собака, которая трусила рядом. Шли они, шли, наконец устали и остановились. Двое стали развертывать свои свертки.

— Есть у меня мясо, да нет к нему хлеба, — сказал один.

— У меня есть хлеб, да нет к нему мяса, — сказал другой.

А третий сказал:

— У меня нет ни хлеба, ни мяса, только вот этот пес. Но когда трое идут одной дорогой, принято делить между собой еду.

Они уселись все вместе и стали есть вареное мясо с хлебом из маниоки. Довольно скоро от еды у них остались одни листья, в которые она была завернута. Листья эти были брошены подальше в кусты, и пес, который сидел в сторонке, дожидаясь, пока люди кончат есть, кинулся вслед за ними, чтобы облизать и подчистить остатки еды.

Люди отправились в путь дальше. Они прошли некоторое расстояние, и тут владелец собаки сказал:

— Пес мой куда-то запропастился. Боюсь, он не может нас найти. Вернусь поищу его. Подождите меня.

Те согласились:

— Иди за своей собакой. Мы подождем, — сказали они и уселись у дороги.

Человек вернулся к месту, где они ели, но собаки там не нашел. Он направился дальше в кусты, куда были брошены листья, и тут увидел свою собаку. Она сидела на остове слона. Человек согнал ее оттуда, вытащил слоновый бивень и вернулся к ожидавшим его товарищам.

— Моя собака нашла слона, умершего в лесу, — сказал он им. — Как только мы дойдем до ближайшей деревни, я продам этот бивень и расплачусь с вами за ваше мясо и ваш хлеб.

Но тот, у кого было мясо, ответил сердито:

— Ты не имеешь права продавать этот бивень. Он — часть

слона, который принадлежит мне. Если б я не нес с собой вареного мяса и не бросил в кусты листьев, ни ты, ни собака никогда бы не нашли слона. Так что этот слон мой!

Тогда второй сказал:

— Откуда ты знаешь, за чьими листьями побежала собака, за моими или твоими? Конечно, за моими, в которые был завернут хлеб из маниоки. Нет, ты не имеешь права на слона. Он мой!

А третий ответил:

— Оба вы говорите не дело. Слона нашла собака, собака моя, а зачем она побежала, не имеет значения. Слон принадлежит мне.

Но двое других не захотели с ним соглашаться.

— Мы поделились своей едой с тобой и твоей собакой, — сказали они, — и не требовали никакой платы. Если б мы тебя не накормили, ты бы вообще не смог идти дальше, а мы, конечно, нашли бы слона и без тебя. За то, что ты съел, мы с тебя ничего не требуем, но и ты не имеешь никаких прав на слона.

Так они спорили все сильнее и сильнее и ни до чего не могли договориться. Не смог их никто рассудить и в ближайшей деревне. А вы могли бы сказать, кому из трех должен принадлежать слон?

Булу, 143, 61

32. Спор о родстве

Крокодил Нгандо был богат и знатен. Когда окончился срок его жизни, он умер, окруженный общим уважением. Весть о его смерти распространилась по окрестностям, и многие пришли его оплакивать.

Когда все погребальные обычаи были исполнены, вспомнили о наследстве крокодила. Его должны были разделить между собой родственники Нгандо. Но кто были его родственники? Тут-то и разгорелся спор.

Птицы сказали:

— Крокодил Нгандо — из нашего рода. Его имущество должно перейти к нам.

Но звери с этим не согласились.

— Какие же вы родственники Нгандо? — сказали они. — Посмотрите на себя? Разве вы на него похожи? Он носил чешуйчатые доспехи, а на вас перья.

— Верно, — ответили на это птицы, — перьев у него не было. Но надо судить не по тому, каким крокодил был всю жизнь, а по тому, с чего он начинал. Он начинал с яйца. Он был таким, как мы. Вот главное! Мать родила его таким же, как нас. Значит, он паш родственник и мы его наследники!

Но звери никак не хотели с этим соглашаться.

— Это неверно! — кричали они. — Родственники Нгандо — мы, и нам положено разделить его имущество!

Тогда из числа тех, кто пришел оплакивать крокодила, собрался совет, чтобы выслушать доводы птиц и зверей и решить, кому должно принадлежать наследство.

Первыми начали звери.

— Может быть, и верно, — сказали они, — что искать родство надо в самом начале. Но яйцо тут ни при чем. Жизнь началась не с яйца. Сходство тут только внешнее. Когда крокодил Нгандо появился на свет, у него уже было четыре ноги, как у всех нас. Если уж искать доказательства, то вот оно. Поэтому мы заявляем, что родственники крокодила — мы и имущество Нгандо следует отдать нам.

Тут птицы не выдержали.

— Вы, звери, говорите то одно, то другое! — закричали они. — То вы отказывались признавать нас родственниками Нгандо, потому что на нас перья, а не чешуйчатые доспехи. Но посмотрите сами на себя! У вас ведь у самих шерсть да шкура и ни у кого нет чешуи. Теперь вы опять рассуждаете неверно. Жизнь маленького Нгандо началась не тогда, когда у него выросло столько ног, сколько вы говорите. Она началась раньше, в яйце! И яйцо это было похоже на наши, а не на те, что вы называете своими яйцами. Вы не родственники крокодила. Он наш!

Но звери все продолжали спорить, каждый стоял на своем, и совет никак не мог решить, кто же из них прав. А вы можете?

Фанг, 143, 46

ТЯЖБЫ О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА

33. Две повозки на мосту

Ехали друг другу навстречу два человека. Один спешил на помощь к своему благодетелю, а другой торопился на праздник. Повстречались оба на узком мосту и не хотели уступать друг другу дорогу. Спорили они, спорили и обратились к судье. Судья в их деле разобраться не сумел, повел обоих к королю.

Король спросил:

— Объясните мне, почему вы не хотели уступить друг другу дорогу?

Один из спорщиков отвечал:

— Ваше величество, я торопился на праздник, встретился на мосту вот с этим человеком, но он не пропустил меня.

Второй спорщик сказал:

— В свое время один человек оказал мне большую услугу. Теперь он попал в беду. Я спешил к нему на помощь. Поэтому я и не уступил дорогу.

Король вынес следующее решение:

— Тот, кто спешил на праздник, должен возместить убытки тому, кто торопился на помощь к своему благодетелю.

Кхмерск., 89, 303

34. Утонувший верблюд

Когда Афанди был казем * в Вобкенте, к нему явились два караванщика и обратились с просьбой разобрать их спорное дело.

— Мы купили верблюда. Я заплатил десять золотых, а мой товарищ — тридцать. Много лет мы возили поклажу разных нанимателей. Я получал четвертую часть платы, а он — три четверти. И все было хорошо. Да вот при переправе через Зеравшан верблюд утонул, и теперь мой компаньон требует возмещения убытков.

— Да, да,— закричал второй караванщик.— Я заплатил за верблюда в три раза больше. Пусть он мне уплатит десять золотых, и мы будем квиты.

— Но,— возражал первый караванщик,— ты же всегда получал в три раза больше за перевозку грузов, чем я. Ты заплатил за верблюда в три раза больше, но и доход твой с него был втрое выше, чем мой.

Они спорили и кричали. Тогда Афанди задал вопрос:

— Когда верблюд потонул, были ли на нем вьюки?

— Нет, мы возвращались порожняком.

— Верблюд утонул не от тяжести груза, а от собственной тяжести,— решил Афанди.— В весе верблюда три четверти принадлежит жалобщику. Именно эта часть погубила верблюда, а посему ты сам виновник гибели животного.

И Афанди вынес приговор, чтобы второй, богатый караванщик немедленно уплатил первому его долю стоимости верблюда — десять золотых.

Узбекск., 53, 104

35. Решение мудреца

В одной стране сдружились двое юношей — принц, сын короля, и сын первого королевского советника. Каждый день они вместе ходили к мудрецу учителю и вместе играли. Вместе съедали и муон *, который им давали на завтрак.

Однажды они играли под деревом неподалеку от дома мудреца, их учителя. Но вот они устали и проголодались. Вынули завтраки, что им дали с собой, и собирались поесть. У сына советника с собой было пять кусочков моуна, а у королевского сына только три. Друзья никогда не считали, сколько у кого еды, а всегда все делили поровну. Они уже собирались есть, как к ним подошел старичок странник. Шел он издалека и был очень голоден.

— Милые дети! — обратился к ним старичок, — дедушка изда-лека идет и два дня уже ничего не ел. Уделите, сыночки, немного моуна, а я вам заплачу.

— Иди поешь, дедушка, — сказал в ответ сын советника. — У нас здесь восемь кусочков, на всех и разделим.

Друзья сорвали с дерева три листа, разложили их на земле, а потом каждый кусочек разделили на три части и всем трем по-ровну положили на листья их доли.

Старик поел и снова собрался в путь. Перед тем как уйти, он вынул из сумки восемь золотых монеток и дал их детям.

Стали друзья делить монеты. Принц говорит:

— Давай разделим поровну!

А сын советника не соглашается: требует себе пять монет, а королевскому сыну хочет дать только три. Никак разделить не могут. Дело дошло уже до ссоры, когда к ним подошел мудрец, их учитель.

Он спросил друзей, в чем дело, и сын советника стал рассказывать все по порядку: как они проголодались и решили позавтракать, как было у него пять кусочков моуна, а у принца — только три, как подошел к ним старичок странник и попросил поделиться с ним, а они разломали каждый кусочек на три части и разделили поровну и в конце концов получили от дедушки восемь золотых монет. Рассказал и о том, как он хотел получить пять монет, а королевскому сыну оставить три и как принц не согласился с ним — вот и вышел у них спор.

Учитель рассердился и сказал:

— Нехорошо! Разве из-за таких пустяков ссорятся? Ну да ладно! Разделю я вам по справедливости.

Учитель из восьми золотых монет семь отдал сыну советника и только одну — королевскому сыну.

Совсем не понравилось принцу, что он получил всего лишь одну монету.

— Это несправедливо, учитель, — с обидой сказал он, — что сыну советника достается целых семь монет, а мне только одна!

Учитель долго смеялся, а потом сказал:

— Хорошо, дитя мое. Если ты недоволен моим решением, я объясню все, чтобы вы оба поняли. Слушайте меня внимательно. У сына советника сначала было пять кусочков моуна, а у прин-

ца — только три. Когда вы каждый кусочек разломали на три части, то всего получилось двадцать четыре части. Эти двадцать четыре части вы разделили поровну на троих — и на одного пришлось восемь частей. Старичок странник, которого вы накормили, не случайно дал вам восемь золотых монеток: он дал по монете за каждый кусочек, что получил от вас.

Теперь посмотрим, как разделить между вами эти восемь монет. Когда каждый из пяти кусочков, что были у сына советника, разделили на три части, то получилось пятнадцать частей, правда? А когда разделили три кусочка из завтрака королевского сына, то получилось девять частей. Вы все трое получили по восемь частей каждый. Стало быть, сын советника из своего моуна съел восемь частей, а остальные семь отдал дедушке. Принц же из тех девяти частей, что у него были, восемь съел сам и только одну часть отдал страннику — не так ли? Ну а если так, то в тех восьми частях, что вы дали страннику, сколько было частей из завтрака сына советника? Семь! Поэтому, раз на одну часть приходится одна монета, то и следует семь монет отдать сыну советника, а принцу только одну¹.

Бирманск., 110, 101

36. Суд Джебага

Жил некогда мудрый человек по имени Орий. Он умел находить справедливое решение по всякому делу, и люди всегда советовались с ним.

Однажды Орий услышал, как на улице мальчики спорят о чем-то. Спор был очень шумный, ребята все более горячились, но тут они увидели подходившего к ним сверстника и вдруг прекратили спор.

— Джебаг идет к нам, он нас рассудит.

Мальчик согласился.

— Хорошо, — сказал он, — охотно разберу ваш спор. Хотите, как Орий, неправильно разберу, а хотите, справедливо разберу?

Орий услышал это и удивился. «Что же неправильного и несправедливого усмотрел он в моем разбирательстве?» — подумал он [...] Вернувшись к себе, он послал за Джебагом, и его привели к нему.

— Когда ребята, играя, заспорили и попросили тебя рассудить их, ты сказал им, мой мальчик: «Хотите, как Орий, неправильно разберу, хотите, справедливо разберу?» Почему ты так сказал? Когда я несправедливо судил? — спросил Орий мальчика при людях.

— Нет, я этого не говорил никогда. Где мне взять столько ума? — отказывался Джебаг.

Но люди настаивали, и он сказал им правду.

— Сознаюсь, что говорил это, и скажу, почему так говорил. Два пчеловода имели пасеку в поле. Они построили там шалаш и жили в нем. Как-то они нашли одного заблудившегося козленка и поделили его поровну. Они согласились, что одна половина — и головы, и туловища по всей длине, включая одну переднюю и одну заднюю ногу, — будет принадлежать одному из них, а вся вторая половина — другому. Однажды днем, когда козленок находился на пасеке, он споткнулся и сломал ногу. Хозяин этой половины козленка наложил на большую ногу деревянные накладки и обвязал ее сверху тряпками.

Вечером пасечники развели огонь, приготовили еду, поели и легли спать, не потушив огня. Козленок нечаянно прыгнул в огонь, и тряпка, в которую была завернута его нога, загорелась. Перепугавшийся козленок побежал по пасеке. На пасеке был стог соломы, солома вспыхнула от горящей тряпки, и все пчелы ночью погибли в огне.

Утром оба пчеловода пришли к Орыю, попросили рассудить их. Орый разобрал их дело и решил так: пасека сгорела по вине того, кто обвязал поломанную ногу тряпками, поэтому хозяин этой половины козленка должен возместить стоимость сгоревших пчел. Вот то несправедливое решение, которое вынес Орый.

— Что же ты видишь в этом несправедливого? — спросил Орый.

— Ты не должен был, Орый, обвинять хозяина, которому принадлежала половина со сломанной ногой. Ты должен был признать виновным хозяина другой половины, — сказал Джебаг.

— Почему?

— Орый, твой ум несравненно больше моего, и ты понимаешь, что если бы козленка не понесли его здоровые ноги, поломанная нога никуда бы не смогла пойти. А если так, то виноваты здоровые ноги¹. Поэтому я считаю твой суд несправедливым.

— Верно, мой мальчик, признаюсь, что я неправильно решил. С сегодняшнего дня передаю тебе права судьи, — сказал Орый. Джебаг долго отказывался, говоря: «Я не могу справиться», — но народ решил, что он подходит для этого дела, и в конце концов Джебаг согласился.

Так Казанпоко Джебаг стал судьей [...]

Адыгейск., 20, 42

37. Как трое потопили лодку

Как-то раз три приятеля упросили купца подвезти их на лодке. Когда лодка отчалила от берега, один из приятелей взял палку и

давай напевать и пальцами перебирать, будто в руках у него садиеу оказалось. Услыхал веселую песню другой приятель, привился хлопать в ладоши в такт музыке. А третий не выдержал, вскочил и начал отплясывать — уж больно лихо у них получалось. Перевернулась лодка, и все товары купца потонули. Стали приятели вину друг на друга сваливать. Один говорит другому:

— Дернула тебя нелегкая вскочить и заплясать. Вот лодка и перевернулась. Тебе и расплачиваться.

А плясун в ответ:

— Ну нет, лодка перевернулась потому, что он стал хлопать в ладоши. Если бы не он, я бы и не подумал плясать.

Тот, кто хлопал в ладоши, говорит:

— Как же так? Ведь я хлопал в ладоши потому, что он напевал, игре на садиеу подражал. Если бы не он, не стал бы я хлопать в ладоши. Он кругом виноват. Пусть платит за товары.

Спорили они, спорили и пошли к судье. Стали перед судьей друг друга обвинять. Судья сам ни к какому решению прийти не смог и повел всех к королю. Король выслушал их и сказал:

— Тот, кто подражал игре на садиеу, уплатит одну шестую часть стоимости товаров. Тот, кто хлопал в ладоши, — две шестых. Тот, кто плясал, — три шестых.

Приятели согласились с этим мудрым решением, успокоились и перестали ссориться.

Кхмерск., 89, 264

38. Ученый и крестьянин

Один крестьянин всю жизнь работал на своем поле. Как-то раз он заметил, что посевы его хиреют, и понес на поле удобрения. Навстречу ему шел ученый; он шагал в своих прекрасных одеждах, задрал голову и ничего вокруг не замечая, — да и столкнулся с крестьянином. Вонючие удобрения вылились прямо на него. Оба стали ругаться и требовать возмещения убытков. Спорили, спорили, ни к чему не пришли и отправились к судье.

— Господин судья, — начал крестьянин, — вот из-за этого человека пропали все мои удобрения. Как мне теперь быть? Как кормить семью? Я должен был удобрить ими поле. А теперь урожай мой совсем захиреет и моя семья должна будет умереть с голоду.

Судья выслушал его и решил, что он прав. Затем он дал слово ученому.

— Как вы думаете, — сказал ученый, — сколько стоит эта одежда? А теперь он ее всю испачкал.

«Да, — подумал про себя судья, — она стоила тебе много денег

и долгой работы. Ты дорого заплатил, чтобы иметь возможность шагать, высокомерно задрав голову. И теперь ты хочешь, чтобы этот бедный крестьянин возместил тебе убытки?»

А вслух он сказал:

— Да, крестьянин должен тебе за это заплатить.

— Откуда я возьму деньги? — возмутился крестьянин. — Разве я не объяснил, что вся моя семья кормится благодаря урожаю, который теперь пропадет без удобрений?

— Тогда дай ему сто пощечин, — сказал судья ученому, — и это зачтется тебе как возмещение.

Стал ученый бить крестьянина по щекам. Но когда счет дошел до восемьдесят второй пощечины, судья вдруг спросил:

— Постой-ка, ты являешься военным чиновником или штатским?

— Военным, — ответил ученый.

— Ах, — сказал судья, — на сто пощечин имеет право только штатский чиновник, а военному разрешается лишь пятьдесят¹. Сколько ты уже получил? — спросил он крестьянина.

— Восемьдесят две.

— Тогда за излишек можешь дать ему сдачи.

Крестьянин очень обрадовался и влепил ученому тридцать две пощечины, да таких, что у того лицо сразу распухло и покраснело. Потом каждый пошел восвояси.

Китайск., 147, 139

39. Мешки

Когда Насреддин Афанди служил казием в Багдаде, к нему явились два араба, Селим и Касем, и начали жаловаться друг на друга.

Оказывается, они купили где-то на юге финики и каждый сложил свою покупку в свои ковровые дорогие мешки. Возвращаясь в Багдад, они питались этими финиками. Но вместо того чтобы есть свои, Селим по ночам таскал финики из мешка Касема, а Касем — из мешка Селима.

Прибыв в Багдад, они обнаружили, что их мешки пусты.

Афанди решил:

— Касем брал мешки Селима. Пусть Селим отдаст свой мешок Касему и заберет в возмещение убытков его мешок себе.

Селим и Касем так и поступили.

— А теперь, — продолжал Афанди, — в возмещение судебных издержек предлагаю отдать мешки мне.

Касем и Селим удалились без фиников и мешков.

Узбекск., 53, 104

40. Трое судей

Жили когда-то трое судей, которых бог отметил мудростью; жили они дружно и мирили людей, когда те ссорились. Двое из этих седобородых с особым почтением относились к третьему, так как он был самым мудрым из них. Когда они не могли принять решение, то, бывало, шли к нему за советом. Но он давал советы не только им; немного было людей, которые не обращались бы к нему за помощью. Слава о нем разошлась по всей стране. У него была одна дочь, а у его друзей — по сыну. Дети росли вместе и очень любили друг друга. Так они и жили, пока юношам не подошло время жениться. Задумались отцы юношей, но в этом деле они не стали советоваться друг с другом. Отец одного юноши послал слугу сказать отцу девушки:

— Отдай твою дочь за моего сына.

Выслушал отец девушки эти слова, велел накормить слугу, а ответа не дал. Пока этот слуга ел, появился посыльный другого судьи с подобным же поручением. Приказал отец девушки:

— Накормите и этого слугу, не говорите ему ничего; пусть он встретится с первым посыльным.

Когда второй посыльный начал есть, первый уже насытился и вышел попрощаться с хозяином. Тот сказал:

— Очень хорошо... Почему бы нет?.. Я назначаю срок три месяца. Скажи своему хозяину, чтобы за это время он приготовился.

Первый посыльный ушел. За ним ушел и второй, получив точно такой же ответ. А отцы юношей тайли друг от друга свои замыслы, и каждый надеялся, что девушку отдадут за его сына.

Вернулись посыльные домой и передали хозяевам ответ почтенного судьи, отца девушки.

— Разве почтенный судья сказал так, что я не могу распознать его хитрость?! — воскликнул отец одного юноши и приказал своему сыну: — Мальчик мой, три месяца — не долгий срок; покупай земли и строй на них дома попросторнее, чтобы вам с женой самим жить удобно да и гостей принять можно было хорошо...

А отец другого юноши сказал так:

— Нет предела хитроумию ловкого человека, но не бывало еще, чтобы я в таких делах не разобрался. Сын мой, возьми деньги и немедленно отправляйся в путь. Расширяй круг своих друзей; тех, что у тебя до сих пор были, недостаточно. В этом и есть тайный смысл слов: «чтобы приготовился».

Настал наконец долгожданный день.

Один из судей послал слугу сказать отцу девушки:

— Назначенный день пришел. Я готов.

То же самое сделал и другой судья.

Отец девушки созвал к себе в гости стариков и устроил пир, а затем сказал:

— Позовите двух моих друзей.

— Отцы юношей пришли. Тогда почтенный судья попросил совета у старцев:

— У меня есть одна-единственная дочь. Друзья мои просили меня порознь об одном и том же: «Отдай твою дочь за моего сына». Я не могу разделить девушку на две части. Посоветуйте, которому же юноше отдать ее.

Старцы ответили так:

— Дело это не простое. Когда мы в каком-либо затруднении, то приходим за советом к тебе. Какого же ты ждешь совета от нас?!

Увидел он, что от них ничего не добиться, и продолжал:

— Тогда слушайте еще. Я назначил им день, и теперь они пришли. Один из них купил земли, построил на ней просторные дома для себя и для гостей. Другой расширил круг знакомств своего сына. Вот как обстоит дело. Каково же будет ваше решение?

Старцы снова ответили ему:

— Мы уже сказали один раз, что не можем разрешить этот вопрос.

Тогда отец девушки сказал так:

— Что толку от изобилия земли? Стоит только раз ошибиться, и все пропадет; буря может снести все дома, пожар или наводнение может поглотить их. Все — дело случая. Но если у тебя много друзей, то хоть один да сумеет помочь тебе в трудную минуту. Сыну этого человека я и отдаю свою единственную дочь. Нравится вам это или нет, но я так решил.

И старцы опять признали его правоту и сказали:

— Ведь мы тебе сразу сказали, что не можем разобраться в этом деле.

Амхарск., 108, 298

41. Волк, ворон и горный баран

Собрался старый волк со своей сестрой кочевать на другое место. В это время ворон и горный баран приехали сватать его сестру.

— Пришли! — сказал волк гостям.

— Ага! — ответили оба жениха.

— Хорошо. Я кочевать собрался, вот вы мне и помогите.

Приехали они на новое место. Поставили ярангу. Волк и говорит:

— Сходи, ворон, в тундру, принеси дров, будем чай пить.

Принес ворон одну веточку, оставил у входа, а сам в полог пошел.

— Принес дрова? — спрашивает волк.

— Принес, у входа положил.

Пошел волк, смотрит — нет дров!

— А где твои дрова?

Вышел ворон, показал на веточку, которую принес.

— Ты принес очень мало дров, костер не разведешь.

— Чай сварить хватит! — сказал ворон и ушел в полог.

— Кто еще пойдет по дрова? — спрашивает волк.

— Я иду по дрова, — сказал горный баран.

Принес баран много сухих дров. И волк сказал:

— Вот хорошие дрова, и много их.

— У меня тоже было много дров! — сказал ворон.

Стали варить чай, а ворон лег спать.

— Когда чай вскипит, разбудите меня! — велел он.

Вот и чай сварился, сели волк с бараном и выпили весь.

Проснулся ворон и спрашивает:

— Чай сварился?

— Да.

— Ну давайте чай пить!

— Уже кончили!

— А что вы меня не разбудили? Я вам говорил.

— Мы не слышали.

Наутро волк сказал:

— Кто хочет взять мою сестру в жены?

— Я! — закричал ворон.

— Нет, ты плохо работаешь, она у тебя умрет с голоду!

— Я бы хотел взять женушку! — сказал горный баран.

— Возьми, ты хорошо работаешь! — сказал волк и отдал сестру горному барану.

Заплакал ворон и улетел в тундру.

Чукотск., 124, 25

42. Оживший охотник

У охотника Матенды было три жены, и каждая из них была наделена чудесной способностью. Уже сами их имена говорили об этом. Одну звали Ндозанту, что значит «Видящая во сне», другую Сонганзила, что значит «Указывающая путь», а третью Фулла Фулла — «Оживляющая мертвых».

Матенда был великий охотник, и у его жен всегда было в достатке мяса. Но однажды настали плохие времена, всюду была засуха и голод. Люди в тех местах терпели великую нужду. Не стало еды и у жен Матенды. Они исхудали и с плачем просили Матенду добыть им мяса.

Матенда пошел на охоту в ближний лес, но не встретил там никого и отправился дальше, в места, которые еще не так оскудели. Там охотник напал на след буйвола и пустился за ним в погоню. После долгого пути он увидел зверя. Матенда осторожно подкрался к буйволу на достаточное расстояние, выстрелил и убил его. Но не успел охотник перезарядить свое ружье, как из чащи выскочила буйволица и убила Матенду.

Жены в деревне долго ждали возвращения Матенды да так и не дождались. Тогда Ндозанту заснула и во сне увидела лес, а в лесу мертвого Матенду рядом с убитым буйволом. Она рассказала про этот сон другим женам. Те знали о ее чудесной способности видеть во сне правду и поняли, что Матенда в самом деле убит.

— Пойдемте, — сказала тогда Сонганзила, — я покажу вам дорогу к нашему мужу.

Они пустились в путь и шли весь день, через леса, через реки и горы. Ночью они добрались до места, где Матенду настигла смерть.

Тогда Фулла Фулла собрала корешки и травы, зажгла их, стала ворожить над телом мужа — и Матенда ожил.

Но едва это случилось, как между тремя женщинами разгорелся спор: кому должна достаться большая часть мяса. Дальше — больше: речь зашла о том, кто больше сделал для Матенды и кто теперь его главная жена.

— Если бы я не увидела во сне, что он умер, мы бы до сих пор плакали, дожидаясь его возвращения, — сказала Ндозанту.

— А если бы я не привела вас к месту, где он лежал мертвый, мы бы оплакивали его смерть дома, — так сказала Сонганзила.

— Но ни от чего этого не было бы проку, если б не я, — возразила Фулла Фулла. — Не верни я ему жизнь, мы бы сейчас хоронили нашего мужа.

Спорили они, спорили и решили сделать так: пусть каждая сварит по горшку мяса, и та из них, у кого Матенда возьмет еду сначала, будет его главной женой, и ей достанется большая доля добычи. Так они и сделали: взяли одинаковые куски буйволового мяса и сварили их каждая в своем горшке. Когда еда была готова, они пришли к Матенде.

Тот долго думал, наконец взял горшок, который протянула ему Фулла Фулла, и сказал:

— Хоть ты и увидела меня во сне, Ндозанту, но ты бы не

смогла дать мне мяса, пока меня не нашли. И когда ты нашла меня, Сонганзила, я все равно не мог ничего есть, потому что был мертв. Но Фулла Фулла вернула мне жизнь, и теперь я могу есть мясо, которое она дает мне. Значит, дар ее драгоценнее всех.

На том дело и кончилось, и многие говорили потом, что Матенда рассудил правильно. Но женщины нашли его суд несправедливым. Единственно правильным, говорили они, было бы для Матенды взять мясо у всех трех и съесть, смешав его. Так и осталось неясно, что было бы лучше¹.

Баконго, 143, 117

43. Три жениха

Жили три друга: Тамме, Домбеу и Камбеу. Тамме был из племени тесугу, Домбеу — гиндо, а Камбеу — тоголезец из Кани-Бонсо. И хоть происходили они из разных племен, дружбе их это не мешало.

И вот как-то, не стовариваясь, посватались они к одной и той же девушке. Звали ее Йелле. Йелле была девушка работающая, и приданое за ней было большое, жениться на ней был бы рад каждый.

Они стали наведываться к Йелле и носить ей подарки. Тамме всегда приносил ей корзину, полную плодов хлебного дерева. Домбеу — корзину земляных орехов. А Камбеу каждый раз приносил ей корзину раковин каури. Так прошло немало времени, но ни одному из них не удалось добиться благосклонности Йелле.

Однажды мать сказала ей:

— Все трое — славные мужчины. Каждый день они приносят тебе богатые подарки. Они хотят на тебе жениться. Выбери одного из них. Любой будет тебе прекрасным мужем.

Йелле ответила:

— Я не могу решить, кто из них лучше. Выбери сама.

— Это не мое дело, а твое, — ответила мать. — Я не хочу, чтобы в случае чего ты мне потом говорила, что это я выбрала тебе плохого мужа.

Дочь сказала:

— Но я не могу выбрать. Решай ты.

Пошла тогда мать к одной мудрой старухе и попросила ее:

— Не можешь ли ты дать мне совет? Есть три юноши, и каждый из них хочет получить в жены мою дочь. Каждый, приходя, дарит богатые подарки. Но мы не можем решить, кого из них выбрать. Не дашь ли ты нам совет?

— Это дело нетрудное, — сказал старуха. — Когда женихи придут в следующий раз, спрячь свою дочь и скажи им, что она

умерла. После этого предложи вернуть им их подарки. И ты сразу узнаешь цену всем трем.

— Хорошо, — ответила мать, — я так и сделаю.

Спрятала она свою дочь и послала вестников к Тамме в племя тесугу, в гиндо — к Домбеу и в того — к Камбеу. «Приходите ко мне, — велела она передать им. — Моя дочь умерла, и я хочу вернуть вам то, что вы подарили ей».

Пришли все трое. Тамме низко опустил голову и сказал:

— Я согласен, верни мне мои подарки. Йелле умерла, но есть еще полсотни девушек, к которым я могу посвататься. Подарки мне пригодятся для них.

Сказав это, он взял свои подарки и ушел.

Домбеу низко опустил голову и тоже произнес:

— Я согласен. Верни мне мои подарки. Йелле умерла, но есть еще полсотни девушек, к которым я могу посвататься. Подарки мне пригодятся для них.

С тем он и ушел.

Камбеу стоял, низко опустив голову.

— Ну а ты? — спросила его мать Йелле.

— Что мне с этих раковин каури? — ответил Камбеу. — Йелле была одна. Я бы мог посвататься к другой девушке. Но мне была пужна только Йелле.

И он ушел.

Прошло четыре месяца. И вот мать Йелле опять позвала всех трех и сказала им:

— Йелле не умерла. Йелле жива!

Она показала им девушку и сказала Домбеу и Тамме:

— Вы любили не мою дочь Йелле, а богатое приданое, которое я обещала за ней. Вот что вас интересовало.

А Камбеу она сказала:

— Для тебя Йелле действительно была дороже твоих раковин. Тебе я отдаю мою дочь.

Так тоголезец получил Йелле в жены.

Того, 150, 298

44. Превращенная трубка

Как-то раз один человек попросил другого одолжить ему трубку. Тот одолжил. Человек набил трубку табаком и зажег ее. Но только он закурил, как трубка превратилась в прекрасную женщину.

— Эта женщина принадлежит мне, — заявил владелец трубки, — потому что трубка была моей.

— Ни в коем случае, — возразил другой. — Ты курил из этой

трубки ежедневно, но ни разу она не превращалась в женщину. Я ж сделал всего одну затяжку, и, как видишь, трубка сразу обернулась красавицей. Так что это моя заслуга!

Но первый не уступал. Они долго спорили и наконец решили пойти к богу, чтобы он рассудил их. Ньямье все внимательно выслушал и сказал:

— Женщина принадлежит тому, кто дал трубку.

Поэтому, когда кто-нибудь что-нибудь просит, надо обязательно дать ему это. Кто знает, может, от такой услуги давший сам получит большую выгоду!

Бауле, 28, 63

45. [Ответ раджи]

Был когда-то город Шрингаравати, и правил в нем царь Вирабаху, у которого женой была царица Падмавати. У нее от царя Вирабаху родились один сын и одна дочь.

Вот дочка Анангавати и говорит однажды царю:

— Батюшка, отдал бы ты меня в жены достойному человеку, серьезному и мужественному.

Услышав это, раджа возрадовался.

Как-то раз могучие и добродетельные богатыри просили царя, чтобы он кому-нибудь из них отдал свою дочь в жены.

Шудра говорит так:

— Вот я, добродетельный и мужественный, достойный похвалы!

Другой:

— Я — вайшья, богатствами владею и знаю языки всех живых существ.

Третий:

— А я царский сын, герой, прославленный мужеством, владеющий всякими видами оружия!

Четвертый:

— Я — брахман, проникаю в тайны всех наук, богатством владеющий и добродетелями наделенный, знаток всяческих интриг!

Посмотрел царь на них, жаждущих жениться на Анангавати, и задумался, — кому из них единственную дочь в жены отдать?

Скажи, о раджа! Кому следует отдать Анангавати в жены?

И ответил на это раджа:

— Слушай, Ветала! И вайшью и шудру следует отвергнуть, да и брахмана тоже, а нужно отдать ее руку кшатрию! ¹

Индийск., 44, 69

46. Как четверо мужчин сотворили женщину

Четыре царских стражника несли ночью караульную службу. Первым встал в караул плотник. Стал он думать: «Ночь длинная, чем бы заняться?» Нашел кусок дерева и смастерил из него изящную фигурку женщины.

Вскоре его сменил портной. Увидел он фигурку женщины, сделанную плотником, и решил: «Сошью-ка я для нее одежду». Сшил портной красивую одежду и нарядил женщину.

Третьим встал в караул золотых дел мастер. Наделал он различных украшений и надел их на женщину.

Настала очередь саида в караул идти. Помолился он богу, чтобы тот даровал женщине жизнь, и она ожила.

Наступило утро, и четверо стражников стали спорить, кому принадлежит эта женщина. Пришли они к царю и попросили рассудить их.

Царь подумал и ответил:

— Она не принадлежит саиду, ибо каждый, кто заболевает, приглашает саида помолиться за него. Если эта женщина будет отдана саиду, он начнет требовать, чтобы каждый, излечившийся в результате его молитвы, принадлежал ему. Плотник и золотых дел мастер показали свое искусство. А вот портной дал женщине одежду, и теперь она принадлежит ему. Ибо именно жених дарит своей невесте одежду¹.

Белудж., 100, 91

47. [Обменные головы]

Однажды сын царя увидел в капище девушку, сердце его вспыхнуло любовью к ее лицу, и грудь его была окована ее кудрями. Сын царя дал обет: «Если эта прекрасная девушка станет моей супругой и если судьба подарит мне ее, я пожертвую этому идолу свою голову, своими собственными руками сниму ее с шеи и положу перед ним».

Поистине, для влюбленных играть со своей головой — пустячное дело. Первое, с чего начинают, — это жертвовать головой и жизнью.

Царь послал отцу этой девушки весть и потребовал ее в жены для своего сына. Отец девушки дал согласие и выдал дочь за сына царя. Призвали опытных астрологов и мудрых звездочетов, и, когда эти странники синей пустыни небесного свода и мореплаватели моря небосклона выбрали счастливый день и благоприятный час, собрались разумные визири и мудрые эмиры и отпраздновали, по обычаю их религии, заключение брачного договора между девушкой и сыном царя.

Радость наполнила весь город и всю страну, и девушку повели к царевичу. В скором времени влюбленный получил возлюбленную, желающий соединился с желанной.

Через несколько дней отец девушки пригласил к себе зятя, попросил его прибыть к нему в город. Юноша отправился вместе с женой и прихватил с собой брахмана, который был его сотрапезником. Дойдя до того капища, где он впервые увидел девушку, юноша вспомнил о своем обете. Он почувствовал, что обет необходимо выполнить, и сказал:

— Верность клятве — примета благородных людей, а несоблюдение клятвы — признак всех низких.

Затем он вошел в капище, отрезал себе своей собственной рукой голову и бросил ее к ногам идола. Брахман, увидев, что юноша долго не возвращается, тоже вошел в капище и, узнав, что случилось, сказал:

— Жизнь моя без него будет для меня наказанием, существование мое будет для меня карой. Раз он ушел, может ли быть для меня в жизни покой, может ли быть улада от существования?! А затем, кому известно, что это он сам убил себя?! Если я не последую за ним и не убью себя, все люди подумают, что это я убил его из-за этой женщины, устранил его, прельстясь его женой.— И брахман тоже отрезал себе голову и бросил ее к ногам идола.

Через некоторое время девушка вошла в капище и увидела, что оба они убиты. Она изумилась: что это, мол, за странное дело, что такое произошло? И решила она тут же развести большой огонь и сжечь себя в этом самом капище, но из воздуха послышался голос:

— О женщина! Приставь головы к их телам и посмотри, что свершит вращающийся небесный свод, что покажется из-за покрова тайны.

Женщина, радуясь этому видению и восторгаясь тем, что услышала, не поостереглась и приложила голову мужа к телу брахмана, а голову брахмана к телу мужа. Тотчас же оба ожили и встали перед ней.

Между телом царевича и головой его началось пререкательство, и разгорелся спор. Голова утверждала:

— Эта жена принадлежит мне.

Тело же восклицало:

— Нет, это моя жена!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

— О хозяйка, если ты намерена установить и выяснить ученость или невежество своего друга, расскажи ему и эту притчу и потребуй от него ответа: должна ли эта жена по праву достаться голове или же должна принадлежать телу?

— О попугай,— сказала Худжасте,— прежде чем мне пойти к нему и задать ему этот вопрос, распутай этот запутанный узел и объясни, как надлежит правильно ответить на эти вопросы.

Попугай отвечал:

— Получить девушку должна голова царевича, а не тело его, ибо голова — местонахождение разума и мозга и в ней заключена большая часть чувств. Поэтому ученые и называли голову «обителью чувств». Голова подобна всаднику, а тело — коню. Но почет подобает победителю, а не побежденному, уважения заслуживает всадник, а не конь¹.

Персидск., 50, 231

48. Чья невеста!

Жил в одной стране богатый купец по имени Дханапал, и хоть занимался он торговлей, но славился своей честностью и добротой. За то и люди его уважали, и богиня богатства Лакшми поселилась в его доме. А когда в семье родилась дочь, красотой и достоинствами она превосходила саму богиню с ее тридцатью двумя благородными качествами. Поэтому нарекли ее в честь богини Лакшми-деви. Кроме маленькой дочери у Дханапала было трое взрослых сыновей, которые помогали ему в торговом деле. Долго семейство купца жило дружно и счастливо, не зная никаких бед. Только стала с некоторых пор жена Дханапала вдруг худеть и бледнеть, будто грызла ее злая тоска.

Долго купец допытывался у своей жены, что тревожит бедную женщину, и призналась она ему, что беспокоит ее судьба единственной дочери. Вот если бы Лакшми-деви вышла счастливо замуж, материнское сердце перестало бы страдать.

Дханапал, очень любивший свою жену, обещал ей без промедления устроить судьбу дочери. И, верный своему слову, на следующее же утро велел своим сыновьям ехать на север, восток и запад подыскивать жениха для сестры, а сам с той же целью отправился по южной дороге.

Стали отец и братья повсюду искать жениха для Лакшми-деви. Слава о красоте ее гремела по всей стране, поэтому в женихах недостатка не было. Все молодые люди только и мечтали о такой прекрасной невесте. Гораздо труднее было подыскать ей самого достойного. Но в конце концов и отец и братья каждый остановил на ком-нибудь свой выбор и договорился о дне свадьбы. И по воле случая все назначили один и тот же день.

Первым вернулся домой сам купец. Он радостно сообщил жене, что жениха подыскали и день бракосочетания уже назначен, поэтому в доме тут же начались приготовления к свадьбе [...] ¹

К этому времени вернулись из своих странствий и сыновья купца. Они увидели, что в доме во всем разгаре свадебные приготовления и свадьба эта должна состояться в назначенный ими день, и никому из братьев даже в голову не пришло, что родители еще не знают об их выборе. Как и все в доме, занятые по горло, они не удосужились выбрать времени поговорить между собой. И никто из них не ведал, что в назначенный день в дом придут сразу четыре жениха с четырех сторон света.

Наконец все было готово: собрались соседи, прибыли родственники и знакомые; особое угощение поджидало жениха и его родню... И вот в один и тот же час с четырех сторон света к дому купца стали приближаться свадебные процессии — джанги. Отовсюду слышались звуки музыки. Процессии остановились, и в дом вошли четыре жениха, каждый в окружении своей свиты.

Что делать? Растерялись и родители, и братья. Первой пришла в себя невеста. Она приказала подать угощение и для женихов, и для гостей, и для всех, кто прибыл издалека. Чего-чего, а угощать в доме умели, так что все пока шло гладко. Но близилось время свершения свадебного обряда. По обычаю, невесту должны отдавать жениху перед священным огнем. И вот разложили брахманы костер; начали читать священные гимны и бросать в огонь рисовые зерна. Теперь оставалось только связать священной нитью пальцы жениха и невесты. Но не могла же Лакшми-деви стать женой четырех женихов! Между тем никто из них не хотел уступить обещанной ему девушки. Тогда невеста сказала:

— О достойные юноши! Только одному из вас мой отец может отдать меня в жены. Но собралось вас тут четверо, а я ведь одна. Подумайте хорошенько и попытайтесь решить миром, кому из вас я достанусь. Если никто не хочет отказаться от меня, дозвольте мне самой поискать выход и сделать то, что я считаю самым благоразумным.

Но разве откажется кто-нибудь добровольно от такой красавицы! И попросили женихи девушку поступить так, как она считает разумным. А невеста уже все обдумала и решила.

Поклонилась Лакшми-деви отцу с матерью и старшим братьям, обошла вокруг костра и прыгнула в огонь.

Потрясенный гибелью невесты, один из женихов подумал: «Как можно жить на свете, когда знаешь, что невольно стал причиной смерти другого. Теперь собственная жизнь станет мучением. Единственный выход — пойти вслед за невестой. Коль не суждено на земле мне соединиться с ней, так найду я ее на том свете». И он тоже прыгнул в огонь.

Другой жених после смерти Лакшми-деви решил вечно странствовать по свету и посвятить свою жизнь памяти покойной невесты.

Третий жених преспокойно отправился домой и женился на другой девушке, — какие могут быть обязательства перед умершей, коль она не стала его женой?

И только последний жених не хотел уступать судьбе и решил вырвать у нее свою невесту, каких бы трудов и лишений ни стоило ему это. Преисполнившись столь благостным намерением, юноша отправился в путь. Однажды он попал к одному ученому брахману, а тот давно намеревался посетить святые места, да никак не мог собраться, потому что не на кого было оставить дом. Принял он молодого странника и попросил его вести хозяйство, пока они с женой будут по святым местам ходить; обещал вернуться через четыре месяца и посоветовал изучить по его книгам тайные заклинания — мантры.

Однажды юноше в руки попала книга, где было написано, как даровать второе рождение умершему. Несказанно обрадовался он, надеясь вернуть свою невесту к жизни. Через четыре месяца, когда возвратился домой брахман, он вручил ему ключ от дома и тут же отправился на родину Лакшми-деви. Он отыскал то место, где в день свадьбы горел огонь священного костра, и принялся читать магические заклинания. Как только он произнес последнее слово заклинания, перед ним предстала Лакшми-деви, но вместе с девушкой из мертвых восстал и жених, который прыгнул вслед за нею в огонь.

И снова разгорелся спор за невесту, теперь два жениха не могли решить, кто из них достоин ее руки? Тот, кто отдал свою жизнь за девушку, или тот, кто оживил ее? Пока они спорили, появился и третий жених, который странствовал по свету, повторяя имя Лакшми-деви. Претендентов на невесту было уже трое. Сами они, конечно, опять не могли решить свой спор. И Лакшми-деви на сей раз не знала, как ей поступить. Решили они тогда пойти на суд к радже княжества Горкха.

Когда раджа узнал о случившемся, он приказал собрать во дворце всех судей своей страны. Рассказали им о своем споре женихи Лакшми-деви и попросили рассудить их по справедливости.

Долго совещались судьи и наконец объявили женихам:

— О юноши! Нет ничего неестественного в том, что вы трое хотите жениться на такой красивой девушке, как Лакшми-деви, и уже многим пожертвовали ради нее. Если бы вы обратились к нам раньше, когда Лакшми-деви советовала вам поладить между собой, вам не пришлось бы напрасно страдать. Но только теперь вы призвали на помощь суд, и мы, судьи, исходя из нынешнего положения, выносим такое решение.

Первое. Жених, который следом за невестой прыгнул в огонь и отправился на тот свет, мог претендовать на руку Лакшми-деви только в первом рождении. Во втором же рождении они связаны

между собой родственными узами. Теперь они близнецы, а закон запрещает брак между братом и сестрой.

Второе. Человек, который дал вторую жизнь Лакшми-деви, также не может стать ее мужем, поскольку теперь он является ее отцом. И судьи раджи княжества Горкха не могут дать свое разрешение на такой брак.

Третье. Исходя из всех этих обстоятельств, судьи пришли к единодушному заключению, что женихом Лакшми-деви может стать лишь единственный из трех претендентов, который посвятил свою жизнь памяти погибшей и странствовал по свету, произнося имя Лакшми-деви. Этим он доказал свою верность и преданность законной невесте.

Все сочли решение суда справедливым, и прекрасная Лакшми-деви вышла наконец замуж¹.

Непальск., 46, 318

49. Прорицатель, стрелок, ныряльщик и знахарь

Отправились как-то четыре друга в город Таксилу¹, к мудрецу. Один научился предсказывать будущее, другой — стрелять без промаха, третий — нырять на дно морское, а четвертый — воскрешать мертвых. Распроцались все четверо со своим учителем и пустились в обратный путь. Вышли они на склоне дня к морю, заночевали на берегу, а утром прорицатель возвестил:

— Друзья мои, к нам благоволит судьба. В королевском дворце орел похитил прекрасную королеву и несет ее сюда.

Не успели все четверо в кустах спрятаться, как увидели: летит громадный орел, в когтях девушку держит.

Натянул стрелок свой лук и поразил меткой стрелой орла прямо в сердце. Разжались орлиные когти, и упала королева в море. Бросился в воду ныряльщик и вынес бездыханное тело на берег. Настал черед знахаря показать свое искусство, и ожила королева. И так была девушка прекрасна, что все четверо влюбились в нее с первого взгляда.

Стали они спорить, кто из них заслужил такую супругу. Спорят, спорят, а к соглашению никак не придут. Обратились к судье. Судья не смог разрешить их спор и повел их к королю.

Король выслушал спорщиков и вынес мудрое решение:

— Прорицатель — достойный наставник королевы, стрелок замечит ей отца, знахарь — мать, а ныряльщик станет ее мужем, ибо он обнимал королеву, когда выносил ее из морской пучины².

Скоро старый король умер, и ныряльщик, который женился на

королевне, унаследовал престол. О трех своих товарищах он не забыл и заботился о них всю жизнь.

Кхмерск., 89, 260

50. Зять

У одного старика была дочь по имени Сангба. Она была очень красива, и за нее сваталось много мужчин. Но когда женихи приходили просить руки Сангбы, отец отвечал каждому, что он получит его дочь лишь в том случае, если сначала сумеет поймать и принести живого оленя. Одни сразу отказывались от невесты, другие отправлялись за оленем, но даже самые быстроногие и умелые охотники каждый раз терпели неудачу и тоже уходили ни с чем.

Но однажды к дому старика пришли два друга, два юноши из дальней деревни и сказали:

— Мы пришли к человеку, у которого есть дочь по имени Сангба.

Старик вышел к гостям и приветствовал их.

— Я отец Сангбы, — сказал он. — Чего вы хотите?

Один из юношей, которого звали Ныла, сказал:

— Я пришел просить в жены вашу дочь.

Другой юноша, Сефу, сказал то же самое.

Отец им ответил:

— У меня только одна дочь. Вы же пришли за ней вдвоем. Я отдам ее в жены тому из вас, кто принесет мне живого оленя.

Отправились юноши в лес на поиски оленя. Вскоре они напали на след, потом увидели и самого оленя и что было сил помчались за ним.

Сефу, не такой быстрый, как Ныла, скоро отстал от друга и, обессиленный, опустил под деревом.

«С меня хватит, — сказал он сам себе. — Я не собираюсь больше гнаться за оленем ради женщины. Почему я должен доводить себя до изнеможения и вгонять себя в гроб из-за Сангбы? На свете есть и другие женщины, можно найти себе жену гораздо проще. И вообще, что это за сватовство с живым оленем? Я никогда прежде ничего подобного не слыхивал. Останусь здесь и подожду, пока вернется Ныла». — И он заснул.

Проснувшись, Сефу увидел своего друга. Ныла нес на спине связанного живого оленя и в восторге кричал:

— Вот он, живой олень для старика! Я догнал его и поймал, потому что мне очень нравится Сангба!

Они вместе пошли в деревню и принесли оленя отцу Сангбы. Тот велел его убить и приготовить еду для юношей. Когда олень был готов, старик сказал обоим:

— Берите мясо, друзья. Ешьте, пожалуйста. А потом мы обсудим ваше сватовство.

Когда они поели, отец собрал на совет старейшин деревни и обратился к ним:

— Вы знаете, что у меня есть единственная дочь Сангба, которая мне дороже жизни. Теперь я должен выбрать себе зятя, хорошего, благородного сердцем человека. Эти юноши пришли ко мне и попросили мою дочь в жены. Я велел им сначала принести мне живого оленя. И вот они вместе принесли оленя, но только одного. Почему один из них вернулся без оленя? Старейшины, я передаю это дело вам. Решите, кому из двоих быть нашим зятем.

Старейшины обратились к юношам.

— Вы пришли сюда вместе,— сказали они,— и оба попросили в жены Сангбу. Но оленя поймал один из вас. Почему другой вернулся без оленя?

Первым ответил Ныла.

— Мы пришли в лес,— сказал он,— и стали искать оленя, а когда нашли, пустились за ним в погоню. Сефу, мой друг, отстал от меня. Я же был так пленен красотой Сангбы, что продолжал гнаться за оленем, пока не поймал его. Я связал оленя и понес его назад. Потом я встретил своего друга. Он очень устал и ждал меня, чтобы только проводить сюда.

Потом заговорил Сефу.

— Я никогда еще нигде не слышал, чтобы для сватовства требовался живой олень,— сказал он.— Но все-таки я отправился со своим другом поискать его, а может, и поймать, если удастся. Но он так скакал, что я выбился из сил и подумал: не очень-то мне надо загонять себя до смерти. Женщин много, и получить их в жены легче, чем Сангбу. Я сел под деревом и стал дожидаться Нылу, чтобы вернуться с ним вместе. Скоро я увидел его с оленем и пришел сюда, просто сопровождая его. Я не собираюсь больше прссить в жены вашу дочь.

Старейшины посовещались и наконец решили:

— Ты, Сефу, который не стал гнаться за оленем,— ты будешь нашим зятем. Ныла поймал оленя, он упорный человек. Если он захочет кого-то убить, его ничем не остановишь, пока он не исполнит свое желание. Он не обратит внимания ни на упреки, ни на советы. Если мы отдадим ему нашу дочь и она что-нибудь сделает не так, он станет ее бить, не слушая ничьей мольбы. Мы не хотим его в зятя. Сефу — другое дело. Он способен прислушаться к голосу рассудка. И если он поссорится с нашей дочерью, а мы придем их примирить, он сумеет проявить благоразумие. Как ни велик будет его гнев, он сможет себя сдержать. Он добр и кроток. Он наш зять! ¹

Бура, 143, 68

51. Три брата

Давным-давно жил в одной деревне богатый человек, и было у него три сына: Суан, Илой и Амбо. Человек этот очень ценил образование, поэтому всех трех сыновей он послал в город учиться. Но те не слишком утруждали себя учебой, им больше нравилось бездельничать и веселиться. Когда наступили каникулы, братьям стало стыдно возвращаться домой к отцу — они ведь не могли похвастаться никакими знаниями. Вместо этого все трое решили отправиться в странствия, поискать счастья.

Так они и сделали. В пути встретилась им старуха, согнутая годами.

— Внучки, не купите ли вы эту книгу? — остановила она братьев.

— А что в ней особенного, бабушка? — спросил Амбо.

— О внучек, — ответила старуха, — эта книга может оживлять умерших. Стоит только ее раскрыть над телом, и человек встанет.

Амбо, не раздумывая, тут же купил эту книгу, и все трое продолжили свой путь.

Вскоре им встретилась еще одна старуха. Она продавала циновку. Илой, которому тоже хотелось иметь какой-нибудь чудесный предмет, спросил ее, что это за циновка.

— На этой циновке можно летать по воздуху, — ответила старуха. — Только ступи на нее — и она вмиг перенесет тебя куда пожелаешь.

Илой, не задумываясь, тотчас купил циновку.

Теперь только у Суана не было ничего чудесного. Но едва они прошли некоторое расстояние, как он увидел на земле два камня: они сближались друг с другом, превращались в один круглый черный камень, а потом вновь разъединялись. Суан подобрал их; он решил, что это волшебные камни, они могут точно так же соединять и другие предметы. Как мы увидим, он не ошибся.

Теперь у каждого из братьев было по чудесному предмету. Все трое были счастливы. Радостные, они продолжали свой путь. Вдруг они увидели группу людей, плачущих над телом прекрасной девушки. Амбо сказал родителям девушки, что он может ее оживить, если они ему как следует заплатят. Те с радостью согласились. Амбо раскрыл над телом умершей свою книгу, и девушка ожила. Но едва он получил свое вознаграждение, как Илой расстелил на земле циновку и крикнул братьям, чтобы они ступили на нее, захватив с собой девушку. Те так и сделали, и в мгновение ока все четверо оказались на морском берегу.

Там они достали корабль и поплыли в другую страну. Но на середине пути их настиг жестокий шторм. Волны разбили судно, и быть бы им всем на дне морском, если бы не чудесные камни Суа-

на. С их помощью он из разбитых досок восставовил корабль, и они благополучно доплыли до берега.

Но едва они вышли на берег, как между ними разгорелся спор: кому из них должна принадлежать девушка.

Абмо сказал:

— Она должна быть моей; ведь это я вернул ее к жизни!

Илой возразил:

— Но если бы не я, ее бы сейчас не было с нами.

А Суан сказал:

— Да если бы не я, вы все бы уже погибли и она никому бы не досталась.

И поскольку они не могли прийти к согласию, все трое решили передать свое дело на суд короля. Король вынес решение: разделить девушку на три части и дать каждому из братьев треть. Приговор этот был исполнен. Каждый получил свою часть. Илой и Амбо не были этим довольны — им не нужны были эти части, и они их выбросили. А Суан подобрал выброшенные части и соединил их со своей. Девушка вновь оказалась живой, и они с Суаном счастливо зажили. Так в конечном счете самым удачливым из всех оказался Суан.

Павгасинав 148, 118

52. Как паук добился дочери Нзамби, а потом потерял ее

У Нзамби была красавица дочь на выданье, но Великая Мать, не желая расставаться с любимой дочерью, придумала для женихов такую задачу: добыть небесный огонь у громовержца Нзамби Мпунгу¹, обитающего в хижине под голубой кровлей. А дочь ее была так красива, что все вздыхали вокруг:

— Ох, какая беда! Чтобы этакое сокровище да никому не досталось! Но кто сможет выполнить пожелание Нзамби?

И тогда паук заявил:

— Я бы взялся добыть огонь, но мне нужна помощь.

В ответ ему закричали:

— Мы будем рады помочь тебе, если ты вознаградишь нас за это.

И вот паук стал плести паутинку, взобрался по ней на голубую небесную крышу, закрепил там кончик еле видимой нити и спустился обратно. Много раз поднимаясь и опускаясь, он сплел прочную серебристую лестницу с земли на небо. Потом позвал черепаху, дятла, крысу и песчаную муху и все вместе они вскарабкались по лесенке на небесную крышу. Тут дятел продолбил в крыше большую дыру, через которую все проникли в хижину Нзамби Мпунгу.

Громовержец приветливо встретил гостей и спросил, что им здесь надобно. Они сказали:

— О Великий Отец Нзамби Мпунгу, живущий в хижине с голубой кровлей! Не оставь нас своей милостью, дай нам немного твоего огня для Нзамби, которая правит землей.

Нзамби Мпунгу ответил:

— Что ж, подождите, я сейчас прикажу своим слугам принести вам немного огня.

И он удалился из хижины, не заметив, что песчаная муха вылетела за ним, чтобы подслушать его разговор со слугами.

Вернувшись, Нзамби Мпунгу сказал:

— Друзья мои, а как я могу быть уверенным, что вас послала Великая Мать? Вдруг вы все — самозванцы?

Паук и его товарищи разом воскликнули:

— Испытай нас, Великий Отец, обитающий в хижине с голубой кровлей! Испытай, и ты убедишься, что мы не солгали!

— Хорошо, я испытаю вас, — сказал Нзамби Мпунгу. — Пусть черепаха сойдет на землю и принесет мне связку бамбука, чтобы я мог построить хижину.

Черепаха спустилась по серебряной лесенке и вскоре вернулась с бамбуком. А Нзамби Мпунгу соорудил маленькую хижину, приказал крысе залезть внутрь и сказал:

— Вот я сейчас подожгу ее, и если ты сможешь оттуда выбраться, я поверю, что вас послала Нзамби, которая правит землей.

Он поджег хижину, сухой бамбук вспыхнул, но когда все сгорело дотла, крыса выбралась из золы невредимой. Тогда громовержец сказал:

— Видно, и впрямь вы посланцы Нзамби. Пойду и посоветуюсь еще раз со своими людьми.

И опять за ним следом полетела песчаная муха, чтобы высмотреть, где хранится ужасный огонь. А узнав это, она вернулась и рассказала друзьям. Так что когда Нзамби Мпунгу сказал, что даст им огонь, если они угадают, где он хранится, паук тотчас ответил:

— Да вот он, сундук, где ты, Великий Отец, спрячешь небесный огонь!

— Ты правильно ответил, паук! — сказал Нзамби Мпунгу. — Возьми же немного огня и отнеси его Нзамби.

Паук взял огонь, и все по серебряной лесенке спустились с неба на землю. Но тут друзья перессорились.

Дятел сказал:

— Женица должна быть моей! Ведь это я продолбил голубую кровлю. Никогда бы вам без меня не проникнуть в хижину Нзамби Мпунгу!

А черепаха сказала:

— Да, это верно. Но разве не я притащила бамбук? Красавица по праву достанется мне.

А крыса сказала:

— Кто, как не я, с риском для жизни выбралась из полыхающей хижины? Красавица будет моей!

А песчаная муха сказала:

— Нет, это я женюсь на дочери Нзамби, потому что именно я подглядела, где хранится огонь!

А паук сказал:

— Но ведь я сплел лестницу от земли до самого неба!

Тут все отправились к Нзамби и попросили их рассудить. И вот что ответила Нзамби:

— Паук обещал принести мне огонь и сделал это. Но другие тоже славно потрудились. Я никому не могу отдать предпочтения, не обижая прочих, и тем более не могу отдать мою дочь в жены всем сразу. Поэтому я лучше заплачу за нее выкуп.

Великая Мать так и сделала: она щедро оделила всех поровну, и каждый получил по пятьдесят локтей ткани и по ящичку джина. А красавица дочь осталась жить с Нзамби, которая правит землей.

Баконго, 63, 23

53. Девушка Нсиа

Жили-были три друга, три юноши из Бонтуку. Каждому из них достался в наследство от предков чудесный предмет. У одного было зеркало, в котором можно было увидеть любого человека и любое место, какое только захочешь. Другой владел веером из чудесных перьев. Стоило взмахнуть этим веером, как он мгновенно переносил человека куда только ни пожелаешь. А у третьего был чудесный хлыст из коровьего хвоста. Стоило трижды взмахнуть им над телом умершего, как к нему возвращалась жизнь.

Все три юноши были влюблены в прекрасную девушку Нсиа, дочь вождя. Все трое сватались за нее, и каждому из трех она отвечала:

— Нет, я не выйду за тебя замуж. Хоть ты и выглядишь мужчиной, но это пока только видимость. Ты еще не сделал ничего особенного, ничем себя не показал. К тому же вас трое и я не знаю, кто из вас любит меня сильнее. Когда вы сумеете доказать свою любовь, я выберу себе мужа.

Тогда все трое отправились из Бонтуку на побережье, чтобы там найти работу и испытать себя. Они вместе проделали весь дальний путь, вместе достигли побережья и поселились в одном доме.

Каждый вечер, закончив работу, один из юношей доставал свое чудесное зеркало, чтобы посмотреть на свое родное Бонтуку и на возлюбленную Нсиа. И обо всем, что видел, он рассказывал своим друзьям.

Однажды, взглянув в свое зеркало, он увидел, что Нсиа умерла. Она лежала на открытой веранде отцовского дома, и люди оплакивали ее.

— О братья,— закричал он своим друзьям,— наша Нсиа умерла! Она лежит на веранде в доме вождя, и все плачут по ней. Мы должны тотчас отправиться в Бонтуку, чтобы принять участие в трауре и похоронах.

И он заплакал, и друзья его в горе присоединились к нему.

Они стали собираться в путь, но тут другой юноша сказал:

— Мы доберемся до Бонтуку слишком поздно, Нсиа похоронят без нас. Если хотите еще раз увидеть ее лицо, ухватитесь-ка покрепче за мой плащ, да не отпускайте.

Они вцепились в его одежду, он взмахнул над головой своим чудесным веером — и в то же мгновение они оказались в Бонтуку, рядом со своей любимой.

Тут третий юноша достал свой хлыст из коровьего хвоста. Он трижды провел им над телом девушки, повторяя: «Нсиа, протри!» — и девушка встала.

То-то было радости! А потом юноши попросили Нсиа выбрать одного из трех своим мужем.

— Мы испытали себя и доказали свою любовь,— сказали они.— Нсиа, ты должна решить, кто из нас сделал для тебя больше всех и чью любовь ты считаешь самой сильной, за того ты и выйдешь замуж.

Но ни Нсиа, ни люди Бонтуку не смогли этого решить А вы? ¹.

Ашанти, 143, 49

СПОРЫ О ПРЕВОСХОДСТВЕ

54. [Лахар и Ашнан]

Жизнь бессмертных была скудной и бедной. Анунпаки ¹ питались травой и кореньями и не знали, что такое хлеб; они пили воду из канав и не имели представления о молоке и вине; они не умели ткать и покрывались гирляндами листьев и циновками из тростника. И вот задумали боги улучшить жизнь на земле, сделать ее богаче и разнообразнее. Семь величайших богов, решающих судьбы бытия, и пятьдесят богов и богинь, подающих советы, собрались в зале творения, в доме Дуку ², и слепили из глины боже-

ственного юношу Лахара, кроткого пастыря, и его сестру, прилежную и заботливую богиню зерна Ашнан.

Лахар пригнал с небес на землю стада овец и коз и стал пасти их на безбрежных привольных лугах земного диска. Для Ашнан мудрый Энки³ создал мотыгу, и она провела на полях первые борозды и засеяла их зернами ячменя и полбы⁴. Вскоре поднялись и зашелестели первые кудрявые колосья. Обрадованные боги построили для Ашнан великий дом, где хранились мотыги, а потом Энки смастерил первый плуг и запряг в него пару ослов. Ашнан растерла зерна на плоском камне и испекла первые хлебы. Она выжала сок из зерен сезама, из плодов финиковой пальмы и из винограда и проготовила для богов три сорта хмельного напитка.

В это время Лахар устраивал загоны для овец и коз, выдаивал полные ведра молока и стриг густую овечью шерсть [...]

Сперва юный Лахар дружил со своей сестрой Ашнан, но затем стали они завидовать друг другу и спорить о первенстве. Лахар говорил: «Без меня великие боги и ауннаки не имели бы вкусного молока и теплых одежд и прозябали бы в голоде и холоде». Ашнан возражала: «Что делали бы боги и ауннаки без хлеба и вина?»

И собрался совет великих богов, и выслушал брата и сестру, и вынес решение: «Только хлебом можно насытиться, ибо он укрепляет тело, а вино веселит сердце. Хлеб и вино важнее для жизни, чем молоко и шерсть. Ашнан, питающая богов и богинь, должна занимать первое место, и брат ее Лахар не смеет равняться с нею, а должен чтить ее и признавать ее старшинство».

Шумерск., 93, 31

55. Кузнец и плотник

Царь Александр, когда ему строили дворец, более возвеличил кузнеца, чем плотника.

И зависть возымели к кузнецу плотник и земледелец; один говорил, что он создает жилище, а другой — пищу.

Царь услышал об этом и, сам мудрец, призвал еще и других мудрецов, чтобы решить, кому же из спорящих отдать почет. И ответили: «Сказано ведь, что Адам впервые возделывал землю, но кузнечество установлено раньше, так как кузнец делает орудия и для себя, и для плотника, и для земледельца. Поэтому первый в почете — кузнец, а земледелец нуждается в обоих». И убедили плотника и земледельца не завидовать.

Армянск., 78, 98

56. Прошлое и будущее

Два человека шли по дороге. Повстречался им разносчик пальмового вина.

— Не дашь ли ты нам немного вина? — попросили они. — Нам очень хочется пить.

Разносчик ответил:

— Прежде чем я дам вам пальмового вина, скажите мне ваши имена.

— Меня зовут Откуда-Мы-Идем, — сказал первый.

— Меня зовут Куда-Мы-Идем, — сказал второй.

— У тебя прекрасное имя, Откуда-Мы-Идем, — сказал разносчик пальмового вина. — Я угощу тебя вином. Но у тебя, Куда-Мы-Идем, имя плохое. Должно быть, ты нехороший человек. И ты не получишь пальмового вина.

Они заспорили. И решили пайти человека, который бы рассудил их. Нашли — рассказали, в чем дело. Судья выслушал и сказал:

— Разносчик неправ. Прав Куда-Мы-Идем потому, что мы не можем взять больше ничего из того, что оставили сзади. А повое мы находим только там, куда мы идем.

Разносчик согласился:

— Да, это так.

И дал пальмового вина Куда-Мы-Идем.

Мбака, 30, 33

57. Злой человек не желает добра даже себе

Оказались трое мужчин попутчиками. Каждый стал расспрашивать, куда идут другие и почему покинули свой дом.

Один рассказал, что решил покинуть свою страну, так как в их роду очень много красивых юношей и он не может видеть их красивую одежду, кольца, чалмы, туфли. Другой ответил, что он покидает дом по той же причине.

Третий сказал:

— Вы оба разгадали мое горе. У нас у всех одна причина.

Когда выяснилось, что положение их одинаково, они пошли вместе. Шли они по дороге и нашли кошелек. Решили: «Давайте поделим его содержимое и вернемся домой». Но никто из них не хотел, чтобы остальные получили свою долю. Они никак не могли разделить деньги, но не могли и расстаться с кошельком и уйти. Так и сидели они день и ночь без сна и еды, не замечая ничего вокруг.

Вдруг оказался в том месте падишах той страны со своими эми-

рами и везирами. Увидал людей и спросил, кто они и что здесь делают. Они рассказали ему все: как они сюда пришли, как нашли кошелек, а сейчас ждут, что кто-нибудь придет и разрешит их спор.

— Пусть каждый откроет мне меру своей злобы, и, когда я узнаю все, я приму решение, — сказал падишах.

Один из сидящих сказал:

— Я хочу, чтобы никто из-за меня не радовался, чтобы я никогда никому не сделал никакого добра.

— Ты очень хороший человек, — сказал второй, ты совсем не злой. Вот я — очень злой: если кто-нибудь сделает другому добро, то я долго печалюсь и расстраиваюсь.

Третий сказал:

— Вы оба — благородные люди, хотя в ваших сердцах и есть злость. А я вот настолько зол, что думаю, хоть бы мне никто никогда не делал добра, пусть бы добро и милость навсегда исчезли с лица земли!

Услыхал падишах эти слова, разинул рот от удивления и задумался. Долго он думал и наконец приказал первого человека изгнать из страны и отобрать у него все имущество — раз он не делает добра другим, то и ему не нужно делать добро.

Второго он приказал убить, так как тот очень страдает, когда кто-то делает добро другому. Поэтому лучше убить его, чем обрекать на страдание.

Третьего он приказал заковать в цепи и бросить на солнце, чтобы тот умер в мучениях.

Все трое получили по заслугам за свое зло!

Приказ падишаха был тотчас выполнен.

Афганск., 29, 248

58. Вождь и два товарища

Два молодых человека отправились к вождю просить у него одежду. А по дороге один и говорит:

— Все же самый великий из всех — бог.

Но другой ему возразил:

— Нет, самый великий из всех — вождь.

Вот приходят они к вождю и просят:

— Дай нам одежду.

А второй взял да и выдал товарища:

— Знаешь, что он сказал в пути? Он сказал, что самый великий на свете — бог. А я утверждал, что самый великий — ты!

Вождь велел слуге принести два одеяния — одно целое, а другое — изорванное. И целое дал тому, кто его восхвалял, отрепья же дал второму.

Получив то, что просили, молодые люди ушли. А вождь приказал своим слугам догнать юношей и убить того, кто, по его мнению, недостаточно возносил вождя. Но по дороге молодые люди поменялись одеждой, и слуги убили человека в отрепьях, а это как раз и был тот, который хвалил вождя. Когда вождь увидал, что тот, кто говорил о величии бога, остался жив, а тот, кто утверждал всеисилие вождя, мертв, он сказал:

— Значит, бог и впрямь самый великий на свете.

Бавьянга, 63, 222

59. Золото и рис

Рассказывают, что было время, когда люди, жившие на берегу озера Инлей, не хотели работать в поле. Их больше привлекали ремесла и торговля. А случилось это так потому, что большую часть земли затопили воды. Сухих полей осталось очень мало.

В те далекие времена озерным краем управлял сборщик налогов, которому правитель страны повелел расширить поля и больше сеять риса, чтобы им кормилась вся страна. Но жители Инлея продолжали заниматься торговлей и ремеслом. Риса же сеяли так мало, что его хватало только на два месяца.

Сборщик налогов был очень огорчен и встревожен. И вот однажды он вызвал к себе двух жителей озерного края: богатого торговца и бедного крестьянина. Обоих принял с должными почестями и спросил:

— Что в мире важнее — золото или рис?

Богатый торговец ответил так:

— В нашем мире нет ничего ценнее золота. Золото делает человека из ничтожного значительным. Если у человека есть золото, он пользуется почетом, имеет власть, живет в довольстве. Я преклоняюсь перед золотом.

Бедный крестьянин ответил так:

— В нашем мире нет ничего важнее риса. Все живое ищет себе пропитание. Мы, люди, питаемся рисом. От него — наше здоровье и наша сила. Надо больше сеять риса. Тогда не будет голода и нужды. Я преклоняюсь перед рисом.

Сборщик налогов нахмурился. Сам он понимал, что прав крестьянин, но хотел убедить и торговца.

— Значит, для тебя важно золото, а для тебя — рис. Нет согласия в ваших речах. — И сборщик налогов сердито встал со своего места. — Я тоже не могу найти верного решения. Поэтому через семь дней вы должны прийти ко мне со своими семьями. Захватите с собою то, что всего важнее для вас. Пусть вас рассудит жизнь!

И с этим он отпустил обоих. Каждый из них вернулся в свой дом. И каждый стал готовиться к предстоящему. Богач, который выше всего ценил золото, собрал золотые слитки, кольца, браслеты, четки, серьги. Он велел жене и дочерям надеть на себя все золотые украшения, а что осталось — положил на поднос. На седьмой день со своей семьей и всем богатством торговец явился к сборщику налогов.

Бедный крестьянин тоже не сидел сложа руки: он размолот весь рис и приготовил из рисовой муки лепешки и булочки. Все это он разложил на подносах, велел жене и дочерям поставить подносы себе на головы и идти к дому сборщика налогов. Сам же крестьянин собрал в корзину столько вареного риса, сколько туда поместилось, повесил корзину на плечо и зашагал следом.

Когда оба жителя Инлея со своими семьями пришли к сборщику налогов, тот поглядел, что они принесли, усмехнулся, но ничего не сказал. Потом он позвал своих слуг и приказал им запереть обе семьи с их вещами в отдельной хижине. И если чего попросят — давать им только воду.

Слуги исполнили приказ своего господина. В хижине не оказалось ничего, кроме горшка с водой. Скоро все проголодались. Запасшийся едою крестьянин накормил жену и дочерей. А богачу печем было кормить семью — ведь золото есть не станешь! Он попросил крестьянина поделиться с ним.

На это земледелец ответил:

— И рад бы, да не знаю, сколько нам здесь сидеть. Боюсь, как бы и моей семье не пришлось голодать.

Тогда голодный богач предложил продать ему рису за золото, но крестьянин сказал:

— На что мне твое золото? Им сыт не будешь!

Через два дня сборщик налогов приказал выпустить из хижины обе семьи. Тут он и увидел, что бедные крестьяне сыты и веселы, а увешанные золотом богачи голодны и злы на весь свет.

— Так что же важнее — рис или золото? — спросил сборщик налогов.

— Рис важнее. Надо сеять рис, — прохрипел голодный торговец. А крестьянин только усмехнулся.

— Ну, раз вы теперь оба согласны — идите домой! — заключил сборщик налогов и отпустил всех.

С тех пор жители Инлея начали сеять много рису: и на затопляемых во время дождей землях, и на плавающих полях¹. Рису стало вдоволь — все жители страны были сыты,

Инта, 110, 171

60. Ананси — старейший из живых существ

Однажды все полевые и лесные звери поспорили, кто из них старше и достоин большего уважения. Каждый из них твердил: «Я самый старший».

Они спорили долго и горячо и наконец решили обратиться к судьбе.

Они пошли к дому паука Ананси¹ и сказали ему:

— Кваку Ананси, мы никак не можем решить, кто из нас достоин большего уважения. Выслушай нас!

Ананси приказал своим детям принести ему скорлупу ореха, с достоинством уселся на ней, словно вождь племени на резном стуле, и стал слушать.

Первой начала цесарка. Она сказала:

— Клянусь, что это правда! Я старейшая из всех живых существ. Когда я родилась, произошел великий лесной пожар. Никто в мире, кроме меня, не потушил бы этот страшный пожар, но я вбежала в самое пламя и затоптала огонь. Я тогда сильно обожглась, и, как вы можете сами убедиться, ноги у меня до сих пор красные.

И тогда все сказали:

— Да, да! Она старше нас всех!

Потом заговорил попугай:

— Клянусь, что говорю правду! Старейший из всех живых существ — я. Когда я появился на свет, не было еще никаких инструментов и оружия. Это я изготовил первый молот для кузнецов; я стучал клювом по железу, отбивал его, и потому клюв у меня кривой.

Все посмотрели на клюв попугая и воскликнули:

— Да, да! Попугай и в самом деле старший из нас.

Затем стал говорить слон:

— Клянусь, что говорю правду! Я старше попугая и цесарки. Когда я родился, бог неба дал мне длинный и очень удобный нос. А когда бог неба стал создавать других животных, материала не хватило, и они получили совсем маленькие носы.

Звери внимательно осмотрели нос слона и воскликнули:

— Да, да! Слон на самом деле старший из нас.

Вслед за слоном заговорил кролик:

— Клянусь, что говорю чистую правду! Я самый старший из вас. Когда я появился на свет, не было еще ни дня, ни ночи.

Все стали хлопать кролику и воскликнули:

— Да, да, да! Разве не правда, что он самый старший?!

Последним заговорил дикобраз:

— Клянусь, что говорю правду! И вам всем придется признать, что самый старший — я. Когда я родился, земля еще как

следует не была доделана. Она была мягкая, как масло, и ходить по ней было нельзя.

Довод был убедительный, и все собравшиеся приветствовали дикобраза громкими возгласами:

— Да, да, да! Кто может быть старше его?!

После этого все примолкли, приготовившись выслушать решение Ананси.

Он сидел на скорлупе кокосового ореха и, покачивая головой, говорил:

— Если бы вы обратились ко мне раньше, вам не о чем было бы спорить: ведь самый старший из всех живых существ — я. Когда я родился, земли еще не было и вообще не было ничего, даже не на чем было стоять. Когда умер мой отец, негде было его похоронить. Поэтому мне пришлось похоронить его в своей голове.

Когда звери услышали это, они воскликнули:

— Да, да, да! Кваку Ананси старше всех. Разве можно в этом сомневаться?

Ашанти, 109, 132

61. Почему рыбы плавают с открытыми глазами

Однажды рыбы и черепахи услышали звук большого барабана, в который били люди по приказу своего короля.

— Друзья, вы не знаете, почему люди сегодня бьют в барабан? — спросили рыбы.

— Мы знаем, в чем дело, — ответили черепахи, — завтра у людей начинается пост, а сегодня они бьют в барабаны, чтобы напомнить каждому человеку, что с этого дня нельзя убивать животных.

— А кого запрещают бить — только тех, что живут на суше, или обитателей вод? — опять спросили рыбы.

— Люди не будут убивать только тех, что живут на суше, — отвечали черепахи.

— Если так, то люди поступают несправедливо, — решили рыбы, — вы, черепахи, тоже ведь живете в воде, значит, и вас ждет та же участь, что и нас.

— Нет, мы живем не в воде, — возразили черепахи, — мы живем на суше — у нас ведь и ноги есть. Просто мы умеем плавать и ищем в воде корм.

Рыбам не понравился ответ черепах.

— Все равно люди сочтут вас обитателями воды и перебьют, как и нас.

Долго спорили рыбы и черепахи. Черепахи все доказывали,

что они — жители суши и во время поста люди не могут убивать их. Наконец рыбы сказали черепахам:

— Как видно, одним нам не решить этот спор. Нужно обратиться к кому-нибудь третьему, чтобы он рассудил нас.

— Мы согласны, — отвечали черепахи.

И все вместе они отправились искать, с кем бы посоветоваться. Как раз в это время на берег реки прилетел ворон. Они спросили у ворона: черепахи — водные или земные существа?

— Вы родились на суше, у вас есть ноги, да и питаться вы можете на земле. Нет, вас следует считать жителями суши, — рассудил ворон.

Черепахи очень обрадовались ответу ворона и горячо поблагодарили его. Но рыбам не понравились слова ворона, и они предложили обратиться за помощью еще к кому-нибудь. Черепахи опять были согласны и предложили обратиться к тому, кто стал виновником спора, — к человеку. Рыбам понравилась эта мысль. И вот черепаха, рыба и ворон отправились на поиски человека. Они увидели на берегу реки старого рыбака, который плел корзину.

— Скажи нам, человек, — обратились рыбы к старику, — черепахи водные или земные существа?

— Черепахи родились на земле. На земле они и яйца откладывают. Поэтому черепахи — земные существа, — ответил старый рыбак.

Черепахи и ворон обрадовались ответу человека. А благодарная черепаха дала клятву откладывать яйца для человека и ворона. Поэтому и до наших дней в ямке черепахи лежат всегда три слоя яиц: верхний слой — для ворона, средний — для человека, а третий, самый нижний, — для продолжения черепашьего рода.

Рыбы же так рассердились на ворона, черепаху и человека, что в ярости выпучили глаза и до сих пор не могут их закрыть. Так от рождения и до самой смерти и живут рыбы с открытыми глазами.

Инта, 110, 171

62. Черепаха и ласточка

Жили-были черепаха и ласточка. Ласточка эта была не простая, а происходила из рода царя птиц. Черепаха же принадлежала к роду тех, кто по земле ходит и в воде плавает. И вот явилась как-то ласточка к черепахе и говорит:

— В этом году вы, черепахи, будете платить мне дань.

Помолчала черепаха минуту и отвечает:

— Ты же, ласточка, птица и в небе летаешь, а мы кто? Ползаем тут по земле. Разве ты можешь повелевать нами? Почему мы должны платить тебе дань?

— Ну погоди же ты! Вот я тебя к суду привлеку, так и знай!

Зввилась ласточка в небо и отправилась искать вождей. А вожди запесли ее жалобу в список и послали к властям¹. И сказали вожди:

— Кто из вас первый придет туда со всеми нужными бумагами, тот и будет повелителем, а другой станет платить ему дасть.

Путь же был долгим: даже если очень хорошим шагом идти, и то на путешествие понадобится неделя. И ласточка подумала: «Мне-то что, вон я как быстро летаю! А черепаха еле ползет».

Но черепаха ее попросила:

— Госпожа ласточка, что тебе стоит захватить и мои бумаги? Ведь ты там будешь гораздо раньше меня.

Ласточка согласилась. А черепаха вернулась к себе, однако почью снова пришла к ласточке, разбудила ее и говорит:

— Ладно уж, госпожа ласточка, давай мой листок. Я, пожалуй, прямо сейчас двинусь в путь. Ты, конечно, все равно прилетишь первая. Я-то ведь еле плетусь. Мне на дорогу надо дней десять, но — нечего делать — придется ползти.

Обрадовалась ласточка, зажгла огонь, достала свой дорожный мешок и вынула из него бумаги черепахи. А черепаха, хорошо приметив место, где лежит мешок ласточки, спряталась в высокой траве около хижины. Ласточка решила, что черепаха отправилась домой, и скоро опять заснула. Но хитрая черепаха снова потихоньку вошла в хижину, влезла в мешок и притаилась.

А ласточка, проспавшись с пением петуха, подумала, что черепаха, видно, успела уйти далеко, и тоже заторопилась. Взяла она свой мешок и полетела. Кое-как одолела она полпути, передохнула пемпожко и полетела дальше. И вот наконец прибыла туда, где должно было решиться — кому быть вождем, а кому платить дасть.

И спрашивает она у людей:

— Не видали, черепаха уже здесь?

А ей говорят:

— Уж не тяжба ли у тебя с черепахой?

— Ох, да, — отвечает ласточка.

— А когда ты вылетела? — спрашивают ее.

— Сегодня на рассвете, — гордо ответила ласточка.

Удивились люди и говорят:

— Как? Ты утром вылетела и вот уже здесь? Но черепаха-то еле ползет. Ей осталось не менее трех переходов, так что у тебя есть время выпить вина.

И вот, друзья, услышав про стакан вина, ласточка обрадовалась так, словно речь шла о лепешках из маниоки. И говорит она людям:

— Постерегите мою сумку, а я пойду выпью пальмового вина,

которое только и ждет, чтобы такой знаток, как я, воздал ему должное.

И она полетела в деревню. Между тем черепаха, которая все это время сидела в мешке, вылезла потихоньку и пошла к судье со своими бумагами. Тот пришлепнул на них печать и, когда ласточка возвратилась, то услышала ужасную новость:

— А черепаха побывала здесь раньше тебя, и вождем назначили ее, а не тебя.

Тут ласточка сразу же протрезвела и никогда уже больше не хвастала.

Балуба, 63, 80

63. Соловей и ворона

Сидел как-то соловей на ореховом дереве и распевал свои соловьиные песни. Да так распелся, что и не заметил, как рядом с ним уселась ворона.

— Эй, соловей, и не стыдно тебе передо мной петь свои глупые песни! — крикнула ворона.

Соловей не поверил своим ушам. Неужели это было сказано о нем, соловье?

Страшно рассердился он и закричал:

— Да чтоб тебя землей завалило... Люди не нарадуются, слушая мои песни. Меня в золотой клетке держат, самым лучшим зерном кормят... Да чтоб тебе вечно в трауре быть! Как ты только, старая падаль, можешь обо мне судить! Ведь у тебя и голоса никогда не было. Да чтоб тебе радости не видеть, если я стал посмешищем для такой, как ты!

— Успокойся! — отвечает ворона. — Слетаем в город и спросим у мудрецов, кто из нас лучше поет. Пусть нас рассудят. Но только с условием: кто из нас проиграет, тому победитель выколет глаз.

Соловей был согласен на все.

Полетели они в город. Видят, лежит в луже свинья. Подлетели они к свинье и говорят:

— Рассуди нас, свинья. Скажи, кто из нас лучше поет.

— Конечно, ворона, — отвечает свинья. — У нее такой бас!

Выколола ворона соловью глаз и улетела, довольная победой. Улетел в свой лес и соловей. Сел он на то же ореховое дерево и запел грустную песню. Услышала ворона соловья, подлетела к нему и говорит:

— Эх, глупый соловей. Ты ж проиграл, вот я и выколола тебе глаз. Чего ж теперь грустить?

— Мне грустно не оттого, что я остался без глаза, — отвечает

соловей.— Нет, я лишь оплакиваю тот час и ту минуту, когда послушался тебя и доверил решение нашего спора свинье. А ведь свинья всегда остается свиньей!

Татск., 52, 287

64. Собака и свинья

Еще в незапамятные времена люди стали выбирать среди животных таких, что были помысленнее и могли пригодиться в хозяйстве. Кормили их, заботились о них, а животные им верно служили.

Животные и сами старались, чтобы люди их выбрали. Они хвастались друг перед другом: одни расписывали свой ум и хитрость, другие — силу, третьи — пригодность в хозяйстве. Даже стали соперничать друг с другом и строить друг другу всякие козни.

И вот как-то собака, которая слыла самой быстрой, и свинья, которая славилась своей силой, решили: «Пусть люди испытают, на что мы способны, и возьмут к себе в хозяйство того, кто им понравится. Сегодня мы пойдем на поле и покажем, что мы умеем делать».

Когда они пришли, свинья увидела, как люди пропалывают поле. А после того как люди ушли, свинья своим рылом стала подрывать траву и выворачивать ее. Там, где проходила свинья, поле оставалось совсем чистым.

Собака попробовала было делать то же самое, но только беспомощно скребла по земле когтями — ничего у нее не получалось. Поэтому очень скоро она бросила это и даже не пыталась что-нибудь сделать, а просто стояла и смотрела, как работает свинья.

Наконец свинья решила, что сделала уже достаточно и люди на следующий день будут довольны ее работой. Она позвала собаку, и они вместе отправились домой.

Но когда солнце зашло и стало темно, хитрая собака снова побежала на поле, где они со свиньей были днем. Она замела все следы свиньи, но постаралась, чтобы ее собственные следы отпечатались на земле как можно четче. Теперь всякий, кто посмотрел бы на поле, решил, что это собака так хорошо прополола поле: ведь именно ее следы виднелись всюду.

Собака вернулась домой и потихоньку улеглась спать, как будто бы никуда и не уходила.

На следующий день люди пришли на поле, чтобы оценить, на что способны свинья и собака. Пришли и собака со свиньей, чтобы узнать решение людей. Едва лишь все собрались, хитрая собака тут же выступила вперед и, пока никто еще не успел ничего сказать, заявила:

— Это я прополола все поле! Можете сами посмотреть — тут везде еще хорошо видны мои следы.

Что было делать свинье? Поле-то прополола она — но поди докажи теперь! Ведь и в самом деле: куда ни глянь — одни лишь собачьи следы, а ее следа ни одного нет, сколько ни ищи. Свинья попробовала все же сказать, что это ее работа, но только, что она ни говорила, собака и слушать ничего не хотела. Она все показывала на свои следы, и люди поверили ей, решив, что в состязании победила собака. Они взяли собаку к себе в хозяйство и стали ее кормить.

С тех пор у свиньи такой голос: когда она хрюкает, то будто бы захлебывается от плача. А еще после того люди стали говорить: «Здесь собачьи следы!» — это когда дело сделано одним, а слава за него досталась другому¹.

Качинск., 110, 127

65. Сказка о трех дурнях

Давным-давно жил человек. Отправился он как-то бродить по свету и встретил на дороге троих людей, сидевших прямо в дорожной пыли. Путник поздоровался с ними:

— Салам алейкум, дурни!

— Алейкум салам! — ответили они.

Человек пошел своей дорогой, а дураки стали спорить между собой.

Один говорит:

— Этот привет был обращен только ко мне!

Второй говорит:

— Нет, это я дурень.

То же самое сказал и третий. Так они и препирались, пока один не сказал:

— Нечего нам тут целый день спорить. Этот человек не успел еще далеко уйти, догоним его и спросим, кто же из нас троих дурень.

На том они и порешили. Пошли все трое и стали громко звать путника:

— Эй, постой, эй, постой!

Путник думает: «Что же я такого сделал, когда проходил мимо этих людей?» Остановился.

Подшли к нему дурни, один спрашивает:

— Скажи, добрый человек, разве твой привет был обращен не только ко мне? Разве не только я дурень?

Второй тоже спрашивает:

— Как же так, разве ты не со мной здоровался? Разве не я дурень?

И третий спрашивает:

— Разве не я дурень?

Путник думает: «Что же мне им ответить?» — и говорит одному:

— Расскажи-ка мне, что же такое настоящая дурость?

Тот отвечает:

— Господин, да я ведь и есть настоящий дурак! Вот, послушай. Пошел я вчера на базар, купил мяса, принес жене. Стала она готовить, а пока мясо еще не было готово, жена вышла попросить соли. Тогда отщипнул я с задней стороны два кусочка, положил в рот и стал жевать, да не успел проглотить — жена идет, а я, как услышал, что она возвращается, заложил мясо за щеку, так что щека у меня раздулась. Вошла жена, увидела меня в таком состоянии и воскликнула: «О всемогущий господь! Только я вышла попросить соли, вернулась — а у моего мужа уж вон как щеку раздуло! Ах, несчастье! Надо скорее иголку и огня!» Принесла иголку, накалила ее на огне и проколола мне щеку. Чувствую я — жжет и переложил мясо за другую щеку. Тогда она и эту щеку проколола. Понял я, что некуда больше мясо перекладывать, и выплюнул его на пол. А жена мне говорит: «Эх, муж! Жена-то ведь жена и есть, мясо же все равно твое, зачем же ты дал исколоть себе щеки, дурень!» Ну скажи теперь, господин, не дурак ли я?

Путник отвечает:

— Да, ты и вправду дурак. Это точно.

Второй дурень говорит:

— Господин, уж кто настоящий дурак, так это я. Пошел я вчера на базар, купил мяса, кокосовых орехов, пряностей разных, принес все это жене, и приготовила она еду. А в нашем городе есть указ, что в десять часов вечера нужно закрывать дверь, того же, кто не закроет дверь в десять часов, хватают, бросают на ночь в тюрьму, утром водят с позором по всему городу, а потом казнят на берегу. Так вот, сидели мы дома до десяти часов и дверь не закрывали, потому что еды на столе еще не было. Наконец говорю я жене: «подавай на стол!» Подала она еду, собрались уж мы было за нее приняться, тут я жену и попросил: «Ты ведь знаешь, — говорю, — какой есть указ в этой стране, пойдя сначала закрой дверь, а потом уж будем есть». Жена мне отвечает: «Пойди сам закрой!» Я ей говорю: «Пойди закрой!» А она мне: «Пойди сам закрой!» Тогда я говорю: «Что толку так препираться, давай сидеть, не притрагиваясь к еде, а тот, кто первым начнет есть или заговорит, должен закрыть дверь». Так и сидели мы с женой молча, только друг на друга поглядывали. Сидели мы так, сидели, потом пришел какой-то осел, съел все наше сорго и ушел, и пикто из нас не сказал ни слова, потому что тот, кто заговорит, должен

закрывать дверь. Пришла собака, вошла в дом, облизала всю посуду, потом подошла к столу, съела весь рис, перебила миски и убежала, и никто из нас ничего не сказал, даже когда собака ела рис! Ведь тот, кто заговорит, должен закрыть дверь.

Сидели мы так до часу ночи, а тогда пришел стражник и спрашивает: «Вы почему дверь не закрываете?» А мы молчим, не отвечаем. Стражник схватил нас, запер в тюрьму до утра, а утром отвел к султану. Султан сказал: «Водите их с позором по всему городу, а потом казните». Водили нас с женой по всему городу, а мы все молчали, и только когда мы подошли к нашему дому, жена вдруг говорит: «Муж, разве это не наш дом? Почему мы проходим мимо?» А я как закричу: «А-а! О-о! Жена моя заговорила! А-а! О-о! Жена моя заговорила!» Стражник изумился: «Что это с ним? Султан приказал мне водить их по городу, а когда придем на берег, казнить, а они вон что! Надо отвести их обратно к султану». Привел нас стражник к султану, рассказал ему все. Султан нас снова допросил, и мы ему все объяснили. Тогда разрешил он нам вернуться домой.

Видишь, господин, раз уж мой рис, моя жена, мой дом чуть меня не убили, не настоящий ли я дурак?

Путник отвечает:

— Да, ты еще больший дурак, чем первый.

Третий говорит:

— Нет, господин, вот уж я — дурак так дурак! Заболел у меня зуб, спрашиваю: «Есть в этом городе зубной врач?» Мне говорят: «Есть, его зовут Али». Пошел я к Али и говорю ему: «У меня болит зуб. Можешь ты вырвать его?» — «Могу», — отвечает Али. Я спрашиваю: «А сколько ты за это возьмешь?» Он говорит: «Всего полрупии». Было у меня полрупии в пяти реалах. Отдал я ему эти деньги, и он вырвал мне зуб.

Вернулся я домой, жена спрашивает: «Ну что, вырвали тебе зуб?» Я отвечаю: «Вырвали». Она опять спрашивает: «А сколько ты за это заплатил?» Я говорю: «Пять реалов». А она мне: «Другим один зуб вырывают за четверть мапесы, а ты заплатил пять реалов».

Пошел я снова к Али и говорю ему: «Слушай, как же так, другим ты вырываешь один зуб за четверть мапесы, а я заплатил тебе пять реалов. Вырви тогда и все остальные!» Али вырвал мне все зубы. Вернулся я домой, а жена спрашивает: «Ну что, получил ты свои деньги?» Я говорю: «О-о, я еще ему должен остался». Она опять спрашивает: «Почему?» — «Он вырвал мне все зубы за пять реалов, так что, видишь жена, я не внакладе». А она говорит: «Ну и дурак же ты!»

— Ну как, господин, не дурак ли я в самом деле?

Путник говорит:

— Да, ты самый настоящий дурак, и мой привет принадлежит тебе по праву.

И пошли три дурня назад по дороге, дивясь тому, кто превзошел всех своей глупостью¹.

Суахили, 109, 512

66. Суд Муладевы¹

Есть на земле место сожжения трупов, называемое Бхутаваса². И жили там два бхуты — Карала и Уттала. Жену одного из них звали Дхумапрабха, а другого — Мегхапрабха. Оба бхуты все спорили, чья жена лучше. Однажды они, гуляя со своими женами, увидели человека по имени Муладева, схватили его за руки и спросили:

— Какая из этих двух женщин прекраснее? Если скажешь неправду, убьем тебя.

А обе бабы были безобразные ведьмы, страшные, старые. Если сказать мужьям правду, то сожрут. Как же ответить? Муладева сказал:

— Для всякого на свете прекрасна только его возлюбленная, и никакая другая.

Когда царь хитрецов это сказал, его сейчас же отпустили.

Индийск., 88, 223

67. Сказка о трех братьях и агулшапе

Жили три брата. У них была единственная сестра. Держали ее в запертой комнате, подальше от чужих глаз.

Каждый день братья ходили на охоту и возвращались увешанные дичью. Сестру они кормили только костным мозгом.

Однажды братья пошли на охоту, а мать понесла дочери мозг. Но не успела она открыть дверь комнаты, где была заперта дочь, как туда ворвался агулшап* и унес с собой сестру трех братьев.

Мать плакала, рыдала, но делать нечего — она была бессильна! Так она просидела, печально склонив голову, пока не вернулись братья.

Тогда мать созвала своих сыновей и сказала им:

— Нан, сыновья мои! У вас много храбрости и силы, вы уверены, что вас никто не одолеет, но чего с человеком не бывает? Скажем, у вас случилось несчастье, что бы вы сделали?

Старший брат встал и ответил:

— Если захочешь — все сделаю! Даже иголку могу найти, где бы она ни лежала, если только касается земли: пусть на дне морском или в крепости, если эта крепость стоит на земле. Пусть она

зажата в руке, заперта в крепости или в сундуке — я найду, непременно разыщу и незаметно унесу. Если я захочу, то могу тайком вынуть плод из утробы коровы и унести его!

Тогда встал средний брат и сказал:

— Если захочешь, я выстрелом могу убить все, что есть над землей, пусть около неба или на самом далеком небе, и сбросить на землю.

Наконец встал младший брат.

— Я одно в силах сделать,— сказал он,— то, что будет падать с неба, легкое ли оно или тяжелое, я обязательно поймаю и удержу.

— Если так,— сказала мать своим сыновьям,— я расскажу вам о несчастье, которое нас постигло. Сегодня я несла дочери мозг, и, как только открыла дверь, ворвался агулшап, схватил вашу сестру и скрылся.

Тогда три брата воскликнули:

— Не вернуться нам сюда живыми без сестры! — и отправились в путь.

Старший брат сразу же узнал, где находилась их сестра.

Она была далеко-далеко, на поляне, посреди большого леса, а возле нее, свернувшись, лежал агулшап.

Братья тайком взяли сестру. Но разве от агулшапа можно было уйти? Он заметил, полетел за ними, быстро догнал, отнял сестру, умчался как пуля в небо и сразу очутился около солнца.

Тогда средний брат выстрелил, убил агулшапа, и сестра стала падать вниз. Младший сейчас же подбежал, подхватил сестру, удержал и поставил на землю. Обрадованные, братья вместе с сестрой отправились в свой дом.

Тем временем мать сшила бешмет и повесила на балконе, чтобы наградить того из сыновей, кто отличился особой храбростью, спасая сестру от агулшапа.

Братья пришли домой и узнали о бешмете.

Старший сказал:

— Бешмет возьму я. Если бы не я, никто из вас не смог бы найти сестру, а если бы даже и нашли, то не смогли бы отнять у агулшапа. На земле вы с ним ничего не смогли бы поделать, и сестра пропала бы для нас.

Средний брат сказал:

— Правда, на земле я ничего не могу поделать с агулшапом, но, когда он поднял нашу сестру в небеса, вы не смогли бы ее отнять и она бы для нас пропала, если бы я не убил агулшапа. Бешмет принадлежит мне!

Но младший возразил:

— Нет! Бешмет следует отдать мне! Когда наша сестра падала с неба, я удержал ее. Без меня она разбилась бы вдребезги.

Выслушала мать своих сыновей и сказала:

— Правда, если бы не старший, не нашли бы мою дочь, а если бы и нашли, не отняли бы у агулшапа. Но когда агулшап поднял мою дочь в небо, она бы пропала, не будь среднего, потому что остальные были бессильны. А когда она падала с неба, имей моя дочь хоть сто жизней, она разбилась бы вдребезги, но ее спас младший.

Так мать и не смогла решить, кому из сыновей следует отдать бешмет, и стояла, в раздумье глядя на них.

В конце концов она созвала мудрых советчиков, усадила их и сказала:

— Решите, кто из моих сыновей заслужил бешмет, тому и отдайте!

Судьи сидят, решают, до сих пор ничего не решили.

Слушатель! Как видишь, это трудное дело, и поэтому рассказчик просит тебя: присоедини свой ум к уму судей, ускори дело, помоги узнать, кому из братьев следует присудить бешмет, кто из них вправе его получить¹.

Абхазск., 17, 414

68. Вождь и четверо его сыновей

Жил когда-то вождь, у которого было четверо сыновей. Старший получил имя Мафембере, Предсказывающий, второго брата звали Маньювире, Ныряющий, третий был назван Мавунганидзе, Соединяющий, а самого младшего звали Мамутсе, Оживляющий. Людей удивляли эти имена — ведь они обозначали очень трудные дела, которые предстояло совершить в будущем этим четверем сыновьям.

Однажды вождь взял свой лук и отправился на охоту. Когда он бродил по дикой местности, то случайно упал в воду и утонул. Его сыновья не знали, куда отправился их отец, но думали, что он вернется домой с богатой добычей.

Однако когда прошло уже много дней, а отец все не возвращался, Мафембере созвал своих младших братьев и сказал им:

— Я очень опечален тем, что отец не вернулся. Пойдемте на розыски. Я скажу, где погиб отец, — ведь мое имя говорит об этой моей способности.

Маньювире сказал:

— Ты правильно говоришь. Если ты укажешь место, где погиб отец, я смогу нырнуть, в том случае если он упал в воду.

— Если вы, мои старшие братья, сделаете это, — сказал Мавунганидзе, — я смогу соединить все части его тела.

А самый младший, Мамутсе, сказал своим старшим братьям: — Если один из вас укажет место, другой нырнет, а третий соединит все части тела, я смогу оживить отца, так как мое имя — Мамутсе.

И сыновья отправились по следам отца. Когда они подошли к реке, Мафембере указал яму, в которую упал отец. Когда они подошли к яме, Маньювире нырнул в воду и вынырнул на поверхность со всеми костями отца. Мавунганидзе соединил все кости вместе, как и следовало соединять. Когда Мавунганидзе закончил свою работу, Мамутсе вернул отца к жизни, и он начал ходить и говорить.

Все родственники вождя и его люди очень обрадовались тому, что сделали сыновья вождя, однако они не могли решить, кто из них отличился больше всех: Мафембере, Маньювире, Мавунганидзе или Мамутсе.

А что скажете вы? ¹

Каранга, 109, 418

69. Кто кого переспит

Не далеко отсюда и не близко, в одной деревне жили два знаменитых лентяя. Слава об их лениости разнеслась далеко по окрестностям. Каждый из них считал самым ленивым себя. Однажды они поспорили, кто из них крепче спит. Спорили-спорили и решили устроить состязание: кто кого переспит. В судьи позвали старейшин деревни.

Первый лентяй пошел к себе домой и стал готовиться ко сну. Чтобы не замерзнуть, он разжег огонь, лег рядышком и тут же крепко заснул. А искры от огня попали на сухую соломенную крышу. Крыша загорелась, за ней загорелись стены дома. Но лентяй продолжал спать, ничего не чувствуя. Языки огня уже лизали ему пятки, уже задымилась на нем одежда, а он все спал. Тут люди встревожились, что он так сгорит, вытащили его спящего из пламени и стали катать по земле, чтобы затушить тлеющую одежду.

— Проснись, проснись! — тормозили они его.

Наконец он проснулся и сонно пробормотал:

— Дайте мне немного подремать! Я еще не выспался.

На следующий день отправился спать второй лентяй. Он улегся на дороге у своего дома. Тем временем собрались тучи, хлынул ливень, и дорога превратилась в бурный поток. Вода подхватила лентяя и унесла в море. Он даже и не проснулся. В море спящего увидела большая рыба и проглотила его. Рыбу поймали деревенские рыбаки. Они принесли тяжелую добычу в деревню и там

вскрыли ей брюхо. В брюхе лежал лентяй и мирно спал. Люди вытащили его и стали тормошить:

— Проснись, проснись!

Лентяй потянулся и жалобно заныл спросонья:

— Я только успел вздремнуть! Зачем вы меня будите?

Судьи думали, думали и никак не могли решить, кто же кого переспал. А вы что скажете?

Вац, 143, 88

70. Испытание ловкости

Вот вам рассказ об испытании ловкости. Слушайте!

У одного вождя было три сына, все трое прекрасные юноши и знаменитые наездники, один лучше другого. Вождь решил разделить между ними свое имущество. Но кому из сыновей отдать большую часть? Собрал вождь своих советников и сказал им:

— Я призываю вас в судьи. Пусть мои сыновья покажут вам свою ловкость в верховой езде. Они оседлают своих коней и встретятся у большого баобаба, что растет за деревней. А вы смотрите, и кого вы признаете самым ловким, тот получит большую часть моего имущества.

Трое юношей оседлали своих коней и прискакали к назначенному месту.

Первым начал старший. Он пустил своего коня в галоп, направил его к баобабу и с разгону метнул в дерево копьё. Копьё пробило баобаба насквозь, а юноша прыгнул в возникшее отверстие вслед за своим копьём.

Советники и вождь одобрительно захлопали в ладоши. Юноша поклонился им и ускакал.

Настала очередь второго сына. Он пустил своего коня к дереву, потом натянул удила и перескочил через баобаба, не задев ни единой веточки. И его ловкость тоже была отмечена рукоплесканиями. Юноша поклоном поблагодарил всех и ускакал.

Что мог сделать младший сын, чтобы превзойти своих братьев? Он крепче уселся на коне, помчался к баобабу и мощным рывком выдернул все дерево вместе с корнями. Потом, помахивая им, вернулся к отцу и его советникам. Взрыв рукоплесканий приветствовал его. Юноша положил вырванное дерево перед советниками, поклонился им и ускакал.

И советники никак не могли решить, кто же из трех братьев превзошел других в ловкости. Я спрашиваю вас: кого из них назвать первым?¹

Хауса, 143, 54

71. Правда и Кривда¹

Рассказывают, что жили некогда два брата. Старшего брата звали Правда, а младшего брата — Кривда.

Был Правда прекрасен всем телом своим, и не было ему равных во всей стране. Завидовал ему Кривда. И решил он его погубить. И вот достал Кривда красивый кинжал в красивых ножнах, взял с собою десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и пришел к хранителю утвари Правды.

И сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но сохрани мой кинжал, пока я не вернусь из города.

Прошло много дней, и хранитель утвари Правды решил почистить кинжал, который оставил ему Кривда. Он сел на берегу пруда и стал его чистить. И вот кинжал выскользнул из его рук и упал в пруд. Сколько его ни искали, найти не смогли.

Услышал Кривда, что хранитель утвари Правды потерял его кинжал. Пришел он к хранителю утвари и сказал ему:

— Где мой кинжал? Верни мне его!

И ответил ему хранитель утвари:

— У меня его нет, я его потерял. Но вот тебе все кинжалы Правды, и все они — твои. Возьми себе какой хочешь.

Тогда сказал ему Кривда:

— Разве есть второй такой кинжал, какой был у меня? Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара².

Сказал тогда ему хранитель утвари:

— Может ли быть такой большой кинжал, как ты говоришь?

Но Кривда схватил его и потащил за собою туда, где был Правда. И он привел Правду на суд к Эннеаде³ и сказал:

— Доверил я Правде свой кинжал. А он потерял его. А кинжал тот был необыкновенный! Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара. Не может он мне его возместить!

И еще сказал Кривда Эннеаде:

— Пусть схватят Правду, и пусть ослепят его на оба глаза. И да будет он привратником дома моего!⁴

И боги Эннеады сделали все, как говорил Кривда.

[Далее следует рассказ о злоключениях Правды, спасшегося

от смерти, о его женитьбе и рождении сына. Сын Правды узнает от отца историю его слепоты.]

Тогда стал мальчик собираться в путь, чтобы отомстить за отца своего. Нашел он быка самой красивой масти, взял десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и отправился к пастуху Кривды. Сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но постереги моего быка, пока я не вернусь из города.

Прошло после этого много дней. Много месяцев пас быка пастух Кривды. И вот однажды отправился Кривда в поля, чтобы взглянуть на своих быков. И увидел он быка, который был самой прекрасной масти. Сказал тогда Кривда своему пастуху:

— Отдай мне этого быка! Я хочу его съесть.

Но ответил ему пастух:

— Это бык не мой. Не могу я отдать его тебе.

Тогда сказал ему Кривда:

— Посмотри, вот мои быки, и все они у тебя. Любого из них отдай хозяину того быка!

И вот услышал мальчик, что Кривда взял его быка. Пришел он к пастуху Кривды и сказал ему:

— Где мой бык? Я не вижу его среди твоих быков.

Ответил ему пастух:

— Вот все быки Кривды, и все они — твои. Возьми себе какого хочешь.

Тогда сказал ему мальчик:

— Разве есть второй такой бык, какой был у меня? Когда стоит он на Острове Амона⁵, кисть хвоста его лежит в Зарослях Папируса; один рог его покоится на Западной горе, а другой рог — на Восточной горе⁶, ложем ему служит Великая Река⁷; шестьдесят телят рождается от него ежедневно.

Сказал ему пастух:

— Может ли быть такой большой бык, как ты говоришь?

Но мальчик схватил его и потащил за собой туда, где был Кривда. И привел он Кривду на суд к Эннеаде.

Выслушали его боги Эннеады и сказали:

— Неправда то, что ты говоришь. Мы никогда не видели такого большого быка!

Тогда сказал Эннеаде мальчик:

— Но разве есть такой большой кинжал, как вы говорили прежде? Вы говорили, будто клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара!

И еще сказал он Эннеаде:

— Рассудите между Правдой и Кривдой. Я — сын Правды, и я пришел отомстить за него.

Тогда Кривда поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона⁸ и жизнью повелителя, неправда это! И если найдут Правду живым, пусть ослепят меня на оба глаза и пусть сделают меня привратником дома его!

Но мальчик тоже поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, это правда. И если найдут отца моего живым, пусть жестоко накажут Кривду! Пусть дадут ему сто простых ударов и нанесут ему пять рваных ран. А потом пусть его ослепят на оба глаза и сделают привратником в доме Правды. И да служит он ему вечно!

Так отомстил мальчик за отца своего, и так решился спор между Кривдой и Правдой.

Древнеегипетск., 106, 68

72. [Как аукнется, так и откликнется]

Жил в одном городе купец по имени Надука. Истратив свое состояние, он задумал отправиться в другую страну. А дома у него были весы, сделанные из тысячи пал* железа, доставшиеся ему в наследство от предков. И, отдав их на хранение начальнику купцов Лакшмане, он отправился в другую страну. Долго бродил он по собственному желанию в других странах и, снова вернувшись в свой город, обратился к тому начальнику купцов: «О Лакшмана! Верни мне весы, отданные на хранение». Тогда Лакшмана ответил: «О Надука! Твои весы съели мыши». Услышав это, Надука сказал: «Не виноват ты, Лакшмана, в том, что их съели мыши¹. Таков ведь круговорот этой жизни. Ничто здесь не вечно. Однако я пойду к реке совершить омовение. Так пошли со мной своего сына по имени Дханадева, чтобы он понес принадлежности для омовения». А этот Лакшмана, обеспокоенный своим мошенничеством, сказал сыну Дханадеве: «Дитя! Этот Надука, брат твоего отца, пойдет к реке совершить омовение. Иди же вместе с ним, захватив принадлежности для омовения».

И вот обрадованный сын Лакшманы пошел вместе с Надукой к реке, захватив принадлежности для омовения. А Надука, омывшись в реке, посадил сына Лакшманы Дханадеву в горную пещеру, загородил вход в нее большим камнем и вернулся в дом Лакшманы. Тогда Лакшмана спросил его: «О Надука! Скажи, где остался сын мой Дханадева, который ушел с тобой?» Надука ответил: «О Лакшмана! Сокол унес его с берега реки». Лакшмана сказал: «О лживый Надука! Как мог сокол унести Дханадеву, который велик телом?» Надука сказал: «О Лакшмана! Неужели мыши

съели весы из железа? Так верни мне весы, если тебе нужен сын». Так, споря, оба они подошли к воротам дворца. Там Лакшмана громким голосом произнес: «Увы! Несправедливость, несправедливость совершается! Этот Надука похитил у меня сына Дханадеву». Тогда судьи сказали Надуке: «Эй, верни сына Лакшманы». Надука ответил: «Что мне делать? На моих глазах сокол унес его с берега реки». Они сказали: «О Надука! Неправду ты говоришь. Как может сокол похитить пятнадцатилетнего мальчика?» Тогда Надука сказал, смеясь: «О, послушайте мои слова:

Где может маленькая мышь сожрать весы железные,

Там сокол унесет слона, а мальчика — тем более».

Те спросили: «Как это?» И Надука рассказал им историю с весами. Услышав ее, они со смехом вернули одному весы, а другому — мальчика.

Индийск., 84, 126

73. Неудавшаяся проделка Лай

Лай все время разыскивал ульи и воровал у людей мед. Однажды во время странствий он увидел богатые ульи. Тут же находился и их хозяин.

— Здравствуй,— сказал Лай.— Как твои дела?

— Чего тебе нужно, Лай? — ответил человек.

— Твоя мать послала меня к тебе.

— Что она тебе сказала?

— Она сказала, чтобы ты дал мне горшок меду. Я помогал ей в работе.

— Это правда? — спросил человек.

— Да, правда,— ответил Лай.— А если ты думаешь, что я вру, подожди, пока придет твоя мать. Но когда она придет, я пожалуюсь ей, что ты обьявил меня лгуном. Твоя мать очень на тебя рассердится.

Человек дал ему горшок меду, и Лай пошел своей дорогой [...]

Шел он, шел и пришел в дом, где было много коров¹. Хозяин дома тоже был вор.

— Можно войти? — спросил Лай.

— Входи,— ответили ему из дома.

Лай вошел и поставил свой горшок поближе к коровам². Хозяин увидел это и сказал про себя: «Подожди, посмотрим, кто кого перехитрит». Когда Лай заснул, он взял горшок и спрятал его.

Рано утром Лай проснулся и спросил:

— Где мой горшок?

— Какой горшок?

— Я поставил возле коров горшок, полный меду.

— Кто же ставит горшок с медом возле коров? Я ничего не видел.

— Я был усталый с дороги,— сказал Лай.

— Такой усталый, что не в силах был сказать мне даже слова про горшок?

— Оставь разговоры и найди мой горшок с медом!

Но хозяин твердил:

— Не было у тебя никакого горшка. Ты просто хочешь меня обмануть...

Наконец Лай сказал:

— Нет, я этого так не оставлю. Пусть это дело разберет султан.

Хозяин согласился, и они оба пошли к султану.

— Мой султан,— начал первым Лай.— У меня был горшок меду. Я пришел в дом этого человека переночевать, а горшок поставил неподалеку от коров. От долгого пути я очень устал и скоро заснул. А когда я утром проснулся, горшка с медом уже не было на месте.

— Что было дальше? — спросил султан.— Что ты сказал хозяину?

— Я спросил у него: где мой горшок? А он стал со мной спорить и говорить, что у меня не было никакого горшка.

Султан подумал-подумал, потом сказал:

— В этом деле нельзя разобраться, пока ты, Лай, не объяснишь, почему ты поставил мед возле коров.

— Я думал так,— ответил Лай: — я поставлю горшок возле коров, они разобьют горшок, а я за это потребую от хозяина козову.

Услышав такие слова, султан очень рассердился.

— Ты большой мошенник, Лай,— сказал он.— Если ты еще раз затеешь такое, я велю тебя побить. Иди подобра-поздорову и не приближайся больше к дому этого человека.

Ушел Лай с пустыми руками, а сам думает: «Наверно, его дети сейчас едят мой мед. Пойду посмотрю». Подошел он к дому и, в самом деле, увидел, что дети хозяина едят мед.

— Откуда у вас мед? — спросил он.

— Это мед нашего отца,— ответил старший.

— Покажи-ка мне горшок,— сказал Лай.

Дети показали ему горшок, и Лай увидел, что горшок тот самый. Он очень рассердился и хотел побить детей, но тут вернулся их отец и закричал на Лая:

— Эй, что ты тут делаешь?

— Смотри,— сказал ему Лай,— это мой мед. Твои дети ели мой мед!

— Это не твой мед, — ответил тот. — Слышал, что сказал султан? Иди своей дорогой!

— Пойдем опять к султану! — воскликнул Лай. — Я покажу ему свой горшок, хоть он теперь и пуст. Этот мед достался мне с таким трудом, а твои дети его съели!

Пошли они вновь к султану.

— Зачем вы опять явились? — спросил их султан.

— Я нашел свой мед, — сказал Лай. — Я застал его детей, когда они ели мой мед.

— О Аллах! — воскликнул султан. — Ты опять приходишь к дому этого человека?

— Султан, позволь мне дать ему пощечину! — вмешался хозяин.

— Почему ты хочешь меня бить? — изумился Лай. — Твои дети насладились моим медом, теперь я хочу, чтобы ты расплатился за него. А ты, султан, рассуди нас по закону.

— Кто знает законы, ты или я? — рассердился султан. — Ты уйдешь отсюда с пустыми руками. А если не уйдешь, тебе придется худо.

— Значит, я должен уйти с пустыми руками? — запричитал Лай. — И это теперь называется законом? Видно, ты, султан, стал плохим судьей! Мне этот мед достался с таким трудом!

Тогда султан приказал своим людям:

— Прогоните его из моего дома!

Лай заспешил прочь, думая про себя: «Сегодня у меня был неудачный день. Но, может быть, завтра мне улыбнется счастье. И уж тогда я не выпущу его из рук».

Ираку, 160, 16

74. Лай и пастух

Однажды Лаю очень захотелось меду. Он решил отправиться на поиски, но подумал: «Если я уйду, кто же будет пасти моих коров?»

Позвал он к себе одного человека и сказал ему:

— Я должен отлучиться, а мои коровы останутся без присмотра. Не мог бы ты их постеречь?

— Могу, — ответил тот. — А что я за это получу?

— Я дам тебе за это меду, — сказал Лай.

— Хорошо, — согласился тот. — Только возвращайся поскорей.

Лай отправился искать мед. Он раздобыл два горшка, вечером вернулся и весь мед съел сам, а пастуху не дал ничего.

— Где же мой мед? — спросил его пастух.

— Я сегодня раздобыл только один горшок, — ответил Лай, — и взял его себе.

— А мне? — рассердился тот.

— Подожди, завтра я опять пойду за медом, и ты получишь свой горшок.

Пастух ничего не ответил. Но когда Лай на другой день опять отправился в путь, он загнал его коров к себе домой.

Ночью Лай вернулся, не нашел своих коров и отправился к пастуху.

— Где мои коровы? — закричал он.

— Какие коровы?

— Мои коровы остались у тебя.

— Нет, я не видел твоих коров, — ответил пастух.

Лай вернулся к себе домой и стал думать: что делать? Утром он опять пошел к пастуху и спросил его:

— Где мои коровы?

— Твои коровы у меня, но ты их не получишь, — ответил тот.

— Почему?

— Потому что ты не дал мне меду. Я пас твоих коров два дня, а меду не получил.

Тогда Лай пошел к султану и попросил их рассудить. А султан знал, что Лай большой хитрец. Он выслушал Лая, велел позвать пастуха и спросил его, как было дело. Тот ответил:

— Я два дня пас его коров. Он обещал мне за это меду, а сам не дал ничего.

Султан подумал и сказал:

— Коровы принадлежат тому, кто их пас. А ты, Лай, можешь есть тот мед, которого не заплатил пастуху. На этом и кончим дело.

— Ты плохой судья! — закричал на султана Лай.

Тут его прогнали из дома султана, и он пошел своей дорогой, а коровы его остались у пастуха.

Ираку; 160, 47

75. Бедняк

Жил-был бедняк. Всю свою жизнь работал у богачей. Нанялся он как-то к одному богачу за четверть десятины хлеба. Пришло время сеять, засеял и он свое маленькое поле. Когда зерно наливаться стало — упал иней и четверть десятины хлеба заморозило у бедняка, а у богатого хлеб целым остался. Год бедняк бесплатно работал на богатого.

На другой год он опять нанялся. Хозяин его с ближним соседом-богачом поспорил:

— Мой батрак может четверть хлеба выжать до заката солнца. Если он не выжнет, возьмишь его на весь год работать бесплатно.

Призвал хозяин батрака и говорит:

— До захода солнца обязательно кончи жать четверть десятины у моего соседа-богача. Если не кончишь, тогда на этого богача год бесплатно работать будешь.

Пошел бедняк. Пришел, смерил свою четверть десятины, давай жать. Жал, жал, один только сноп остался — тут солнце закатилось. Пришлось ему год бесплатно работать.

На третий год опять нанялся — с условием, что за работу получит пегого жеребенка. Когда три дня осталось до конца срока — жеребенка волки задрали. И третий год он на хозяина бесплатно работал.

Подумал бедняк:

«Надо отсюда уйти. Что-то мне не везет. Пойду в другие края, буду там работать, может, счастье мне улыбнется».

Решил так и пошел. По непроходимой тайге шел. Перед рассветом попал он к большому озеру. Лег там на берегу и уснул.

Проснулся, видит: девять лебедей летят. Прилетели, спустились на берег, крылья сняли, положили, нижнюю одежду тоже сняли, положили — и превратились в девять прекрасных девушек. Самая младшая из них была всех красивей. Стали они купаться. Бедняк вышел, взял у младшей одежду и спрятал под камень. Вернулся в кусты и думает: «Что будет, то будет».

Вскоре девять девушек из воды вышли, стали одеваться. А у младшей нет крыльев и одежды. Искали, искали — не могли найти. Восемь девушек превратились в лебедей и улетели, а младшая осталась.

— Отец твой Эсэгэ-малан говорил, что муж у тебя будет, — сказали ей, улетая, остальные. — Наверно, одежду твой муж земной спрятал.

Осталась девушка одна, плачет, ищет, бегаёт. Подошла к кустам, а там бедняк сидит в изорванной одежде, страшный. Спрашивает она:

— Одежду ты спрятал?

— Нет, — говорит.

— Если одежду отдашь, я тебе все богатство отдам.

— Нет, — говорит, — я не прятал.

Эсэгэ-малан ночью спустился с неба и сказал своей дочерн:

— Теперь ты своего мужа нашла, будешь на земле жить.

Дал ей долю богатства и ушел.

На другое утро встали они. Красавица девушка пищу готовит, бедняка кормит. Так прошла вторая, третья ночь. На четвертое утро встали, бедняк себе домик сделал. Так они и остались здесь жить. Восемнадцать лет жили. За восемнадцать лет у них шесть сыновей родилось и шесть дочерей.

Бедняк уже стариком стал. Сыновья большие стали, и дочери большие стали. Однажды он говорит:

— Пойду я к своему тестю, к Эсэгэ-малану. Ведь за целых восемнадцать лет, как я на тебе женился, двенадцать ребят у нас родилось, а я еще и в гостях не бывал у своего тестя [...] Как к нему идти?

Жена отвечает:

— Прямо на восток иди. Там будет большая гора. На ту гору поднимешься, там опять гора. На той горе шелковая веревка будет. Ты ее в руки возьми и на скалу поднимись. Как поднимешься, заходи в первый дом. Там никого не будет, только стол для тебя с угощением поставлен будет. В этом доме Хи-рута, начальник над инеем, живет, тот, который твою четверть десятины заморозил. Потом дальше пойдешь, опять дом будет, там опять стол для тебя будет приготовлен, пища разная. В этом доме начальник над солнцем живет, который не дождался тебя, когда один сноп у тебя остался. А дальше пойдешь, опять дом увидишь. Там будет последний стол для тебя же поставлен. В этом доме начальник над волками живет, которые твоего пегого жеребенка съели.

Старик собрался, пошел. Шел, шел и к горе пришел. На гору поднялся, опять дальше пошел. Шел, шел, опять гора, с этой горы спущена шелковая веревка. Он веревку взял, поднялся по ней наверх. Видит — дом стоит. В дом зашел — там стол стоит, разная еда приготовлена. Он еду съел, остатки опрокинул, одну ножку сломал у стола и дальше пошел.

Шел, шел, опять дом стоит. Зашел туда — там снова стол со всякими яствами. Он их съел, остатки опрокинул и две ножки сломал у стола.

Опять дальше пошел. Третий дом стоит. Он туда зашел. Еще лучше, красивее стол стоит, еще лучше яства на нем. Опять поел, остатки еды опрокинул, три ножки сломал у стола. Потом дальше направился.

Смотрит — недалеко стоит большой дом. Кругом собаки, часовые у ворот [...] Вошел бедняк в дом. Увидел большой стол, за столом толстый мужчина сидит. Голова белая, борода вся седая.

— Здравствуй! — говорит бедняк.

Седой старик отвечает:

— Здравствуй, здравствуй. Ох, мой зять пришел!

Это Эсэгэ-малан сам сидел [...]

Поставил он красивый золотой стол, давай кормить и поить зятя всякими разными закусками.

В это время заходит начальник над инеем и говорит:

— Эсэгэ-малан, я твоему зятю, как гостю, пищу приготовил,

хороший стол поставил. Он без меня пришел, ел, а остатки опрокинул, у стола одну ножку сломал. Почему твой зять так буянит?..

Эсэгэ-малан спрашивает бедняка:

— Ты зачем у стола ножку сломал?

Бедняк отвечает:

— Когда я у богатого человека жил, четверть десятины сеял. За эту плату мне нужно было год работать. Начальник над инеем мой хлеб весь заморозил, а у богача не заморозил. Оттого я и ножку у стола сломал. Раз мне вред делают, я тоже так поступаю.

Эсэгэ-малан говорит начальнику над инеем:

— Я вам говорил, что бедняка и нищего надо от богатого отличать, а ты наоборот делаешь. Раз ты первый вред сделал, то сам виноват.

Оправдался бедняк.

В это время заходит начальник над солнцем.

— Эсэгэ-малан, я твоему зятю, как гостю, стол приготовил, пищу разную. Он мою пищу ел, а остатки опрокинул и две ножки у стола сломал. На земле девять дней уже солнце не показывалось, ночь была: еле-еле эти ножки починил.

Эсэгэ-малан своего зятя спрашивает:

— Зачем ты остатки еды опрокинул да две ножки сломал?

Бедняк отвечает:

— Послал меня однажды богач к соседу сжать четверть десятины до захода солнца. Я четверть десятины отмерил, жать начал, думал: «Выжну, заработаю». Когда один сноп осталось сжать, солнце закатилось, меня не подождало. Я тогда год на богача бесплатно работал. Вот почему я две ножки сломал.

Эсэгэ-малан начальнику солнца говорит:

— Почему ты не подождал? Раз ты вред делал, сам виноват. Я вам всегда говорю, что бедняка от богатого нужно отличать, а вы наоборот делаете.

Через некоторое время заходит начальник волков и говорит:

— Я твоему зятю стол приготовил, как гостю. А он у моего стола три ножки сломал.

Эсэгэ-малан спрашивает у бедняка:

— Ты зачем три ножки сломал?

Тот отвечает:

— Я у одного богатого человека жил, за работу он мне жеребенка должен был отдать. Три дня осталось до срока, а тут моего жеребенка волки съели, а у богатого лошадей не тронули.

Эсэгэ-малан говорит начальнику волков:

— Бедняки одного жеребенка имеют, и то вы его съели. Я вам

давно говорю, что нельзя бедняков трогать. Раз сами виноваты, зачем жаловаться пришли?

Так бедняк снова оправдался [...]

Бурятск., 35, 388

76. Тесть и зять

Как-то вечером тесть и зять сидели возле дома, наслаждаясь вечерней прохладой. Когда стемнело, тесть поднялся со своего места и сказал:

— Слушай, зять, не пора ли нам спать. Темень такая, что имей ты хоть четыре глаза, и то ничего не увидишь.

Зять покраснел от обиды, так как он был слеп на один глаз, но промолчал.

На следующий вечер, когда тесть и зять сидели около дома, разговаривая, на небе взошла луна. Зять сказал:

— Пора спать. Луна сияет, как лысина. Не вредно ли нам тут сидеть?

Тесть обиделся, так как был лыс. Он молча ушел домой, даже не пожелав зятю спокойной ночи. Зять тоже пошел спать.

Через три дня тесть пожаловался шести старейшинам деревни:

— Меня оскорбил мой зять.

Старейшины послали за зятем, и, когда тот пришел, тесть рассказал:

— Мы с зятем сидели вечером возле дома. На небе взошла луна. Он не сказал мне просто: «Давай пойдем спать». А вместо этого произнес такие оскорбительные для меня слова: «Луна сияет, как лысина. Пора спать, тесть. Не вредно ли нам тут сидеть?» Он нанес мне оскорбление и больше мне не друг. Я — лыс. А он сказал: «Сияет, как лысина». Разве это не оскорбление? Поэтому я порываю с ним свою дружбу.

Потом рассказывал зять:

— Я не сказал бы так, если бы мой тесть не оскорбил меня первым. Однажды, когда стемнело, мы сидели около дома, разговаривая. Тесть сказал мне: «Ну, пойдем спать. Уже так темно, что имей ты хоть четыре глаза, и то ничего не увидишь». Я слеп на один глаз. Как вы думаете, разве он не оскорбил меня?

Старейшины подтвердили:

— Ты прав, он тебя оскорбил.

И обратились к тестю с такими словами:

— Почему ты обидел своего зятя? Он же, сказав, что луна сияет, как лысина, просто вернул тебе оскорбление. Твой зять был слеп на один глаз и тогда, когда ты отдавал за него дочь.

Говорят, если приобрел что-нибудь, не отзывайся об этом плохо. Зная, что зять слеп на один глаз, ты все же намекнул ему об этом, а если он отплатил тебе той же монетой, можно ли считать это оскорблением?

И старейшины так закончили свою речь:

— Тесть и зять, помиритесь. У тебя, тесть, нет сына. Зять — твой сын. Ты первый оскорбил его, он же только ответил тебе. Будьте друзьями. Выбросьте из головы злые мысли. Не надо ссориться друг с другом из-за пустяков. Подайте ром, выпьем. И закончим на этом.

Тесть и зять выпили. И стали, как прежде, друзьями.

Лоанда, 30, 36

77. Изображение в зеркале

Жил-был в Дели один богач, самодур, каких свет не видывал. Часто издевался он над людьми, и все ему было нипочем. Втихую творил, что хотел, но прикидывался добрым человеком — боялся, как бы к судье не потянули.

Как-то раз задумал он новую пакость. Зазвал к себе художника и велел сделать свое изображение, но чтобы оно было точь-в-точь похоже на него, не то он не заплатит за работу. Записали они с художником свой уговор на бумаге. Пошел художник домой и с превеликим усердием принялся рисовать богача. Когда работа была закончена, он понес ее заказчику. Слуги доложили о приходе художника. Богач сперва умело изменил свое лицо, а потом вышел к художнику. Увидев его, живописец-бедняга удивился, пробормотал что-то и, пообещав нарисовать другой портрет, ушел.

Сделал он новый портрет и принес богачу, а тот опять выкинул такую же штуку — изменил лицо, и изображение оказалось неточным. Так плутовал он пять раз, и пять раз приходилось художнику заново рисовать богача. Наконец он догадался, что его обманывают, и потребовал плату за работу. Богач стал его бранить:

— Ты не сумел сделать мое точное изображение, с какой стати, спрашивается, стану я тебе платить? Понапрасну только людей обманываешь — называешь себя художником. Проваливай отсюда живо, не то я тебя проучу, будешь знать, как морочить людей!

Художник стоял на своем, и долго они спорили, ругались, но художник ничего не добился. Пришлось ему идти за помощью к Бирбалу.

Рассказал он вазиру про свое дело и показал все пять порт-

ретов. Бирбал понял, почему богачу удавалось обманывать художника: он, видно, умел изменять лицо.

— Послушайте меня, и вы непременно выиграете дело.— сказал Бирбал.

Художник, конечно, согласился.

— Купите на базаре хорошее зеркало и пойдите с ним к богачу. Как свидетели с вами пойдут два моих чиновника, но никто не должен знать, кто они. Вы скажете: «На этот раз я сделал ваше точное изображение». Богач захочет взглянуть на него, и тогда вы поставите перед ним зеркало, и тут пусть он изменяет свое лицо сколько его душе угодно. Все равно изображение будет точным. Так он и попадется к вам в руки.

Художник купил на базаре добротное, из толстого стекла, зеркало и с двумя свидетелями явился в дом богача.

— Господин, на этот раз ваше изображение совсем точное. Надеюсь, вы будете довольны,— с этими словами художник поставил перед хозяином зеркало.

— Куда как хорошо! — закричал богач.— Зачем это ты суешь мне зеркало? Покажи-ка портрет, что сейчас так нахваливал.

— Господин, это ваше изображение, здесь вы точь-в-точь такой, какой вы есть сейчас.

Богач насторожился и стал увливать, чтобы скрыть свой обман:

— Да и когда это я заказывал тебе свое изображение?

— Зачем отказываетесь от своих слов? По вашему требованию я нарисовал вам один за другим пять портретов, а вы каждый раз отказывались от них и заставляли меня уходить несолоно хлебавши. А теперь, когда я вас все-таки припер к стене, вы пустились на новый обман — отрекаетесь от уговора. Нет, так не пойдет. Придется вам выполнить наш уговор.

«Надо все-таки его одурачить, оплести»,— подумал богач и стал от всего отпираться.

Тут вмешались люди Бирбала:

— Придется вам, господин хороший, пойти к падишаху. Вы заставили этого человека принести шесть ваших изображений, но не заплатили ни за одно. Теперь вашим плутням конец.

— А вы что за птицы? — со злостью ответил богач.— Вы кто такие, чтобы тянуть меня к падишаху?

Чиновники распахнули плащи, и богач увидел их чиновничье платье. Тут он опомнился и поневоле согласился расплатиться с художником.

Но дело зашло слишком далеко, чиновники схватили его и повели к Бирбалу.

Бирбал не раз слышал про богача мошенника. Он стал до-

прашивать богатея, а тот ни на один вопрос толком не ответил. Да и что ему было говорить? Как бы он оправдался? Разве построишь степу на песке?

При допросе были и стражники. Бирбал приказал им дать богачу плетей. Подняли они плетки, шагнули вперед. Увидел богач плетки над головой — сразу же за ум взялся и во всем повинился. Бирбал дал ему наказание по заслугам, отправил в тюрьму.

Индийск., 48, 102

78. Тяжба со знахарем

Один человек пошел в пори * пасти овец и потерял там двух ягнят. Он долго искал ягнят, но найти не смог, потому что их унесла дикая собака.

Вечером человек вернулся домой и пошел за помощью к знахарю. Ведь если кто-нибудь потеряет во время пастьбы овцу, корову или козу, он всегда идет к знахарю, чтобы тот дал ему какое-нибудь снадобье. Этот обычай существует у нас и до сих пор.

— Что ж,— сказал пастуху знахарь,— я дам тебе снадобье и намажу им твой посох. Но за это ты отдашь мне теленка.

— Теленка за двух овец? — удивился пастух. — Как же это так?

— Не хочешь, тогда можешь идти своей дорогой! — закричал на него знахарь.

Пастух подумал: «Что мне делать?»

— Ладно,— сказал он,— я дам тебе теленка, если найдутся мои овцы.

Знахарь намазал снадобьем его посох и сказал:

— Придешь с этим посохом домой, воткни его в коровий навоз. Утром твои овцы сами вернутся к тебе.

Человек очень обрадовался, взял свой посох и сделал все так, как сказал знахарь. Утром он вышел на дорогу и стал ждать овец. Ждал он их до полудня и все больше беспокоился. «Где же мои овцы? — думал он. — Не съела ли их гиена?»

Мимо шел прохожий.

— Ну что,— спросил он,— нашел ты овец, которых потерял вчера?

— Нет, пока не нашел,— ответил пастух. — Но знахарь сказал, что они сами придут домой.

Прохожий засмеялся:

— Ты, в самом деле, веришь словам знахаря?

— Да, я верю ему. В его руках большая сила.

— Ты глупый и простодушный человек, — сказал прохожий. — Твои овцы не придут домой. Их наверняка уже сожрала гиена.

И он пошел дальше своей дорогой.

Тогда пастух послал к знахарю своего сына.

— Скажи ему, — велел он, — что овцы твоего отца еще не нашлись.

Сын передал знахарю слова отца. Тот ответил:

— Овцы не возвращаются, потому что твой отец еще не привел ко мне теленка. Если он хочет получить овец, пусть сначала приведет ко мне теленка.

Сын передал отцу слова знахаря.

— Ах, — сказал тот, — мне уже все равно! Отдам ему теленка.

И он привел к знахарю теленка и опять стал дожидаться своих овец. Прождал он их до вечера, но овцы так и не вернулись.

Мимо опять шел тот же прохожий.

— Ты глупый человек, — сказал он пастуху. — Пойди сам в пори и поищи своих овец там.

Пастух пошел в пори и увидел там дикую собаку. Та уже наелась досыта и теперь расправлялась с остатками. Увидев человека, дикая собака убежала.

Тут пастух понял, что произошло. Опять направился он к знахарю.

— Ну что, нашлись твои овцы? — спросил тот.

— Оставь свои разговоры, — ответил пастух, — отдай мне лучше моего теленка!

— С чего это я стану отдавать тебе теленка? — воскликнул знахарь сердито. — Ты ведь получил от меня снадобье.

— Не говори больше о снадобьях, мне нужен мой теленок! Если бы я получил обратно своих овец, все было бы в порядке, а теперь я хочу вернуть своего теленка.

— Нет, теленка я тебе не отдам, — сказал знахарь.

Тогда обманутый пастух решил пожаловаться на знахаря правителю страны. Но у нас и султаны боятся знахарей. Когда человек рассказал ему, как он отдал знахарю теленка за снадобье, чтобы вернуть потерянных овец, а овцы не вернулись, султан спросил:

— Что тебе сказал на это знахарь?

— Он сказал, что теленка мне все равно не вернет.

— Если знахарь так тебе сказал, — ответил султан, — то на этом дело и кончено. Ведь ты сам, по своей воле пришел к нему за снадобьем.

Пастух ничего не ответил. Как он мог спорить с султаном? Он вернулся к себе домой, но никак не мог успокоиться. Через

два дня он пошел в пори и увидел там сына знахаря, пасшего коров. Человек подкрался к стаду и украл одного телянка, так что мальчик ничего не заметил. Но едва он привел телянка домой, как знахарь обнаружил пропажу и пустился на поиски. Пришел он в дом этого пастуха, увидел своего телянка и сказал:

— Это мой телянок. Как он попал к тебе?

— Какой-такой твой телянок?! — воскликнул пастух. — Ты, я смотрю, большой разбойник, ты обогащаешься за счет других! Сначала ты забрал у меня одного телянка, а теперь хочешь забрать и второго?

— Глупый человек! — сказал знахарь. — Неужели ты думаешь, я не узнаю своего телянка? Пойдем-ка с тобой вместе к султану, пусть он разберет наше дело.

Пошли они к султану. Знахарь забежал вперед и первым начал речь.

— Вот такой-то и такой-то, — сказал он, — похитил моего телянка!

Тем временем подошел и пастух.

— О султан, — сказал он, — выслушай меня! Знахарь уже забрал одного моего телянка взамен снадобья, которое он мне дал. Теперь он хочет за это же взять и второго. Разве это справедливо? Нет, такого уже невозможно стерпеть, лучше я с ним буду биться до смерти.

— Это правда, что ты уже взял у него одного телянка? — спросил султан.

— Да, верно, одного телянка я взял в уплату за снадобье.

— А теперь ты хочешь взять у него и второго?

— Да, этот телянок тоже принадлежит мне.

— Это мой телянок! — воскликнул человек. — Он принадлежит мне!

И спор их разгорелся с новой силой.

— Перестаньте спорить в моем присутствии! — сказал им султан. — Если вы сами разбираетесь в законах, нечего вам было приходить сюда. Слушайте, что я скажу. Я думаю, телянок по праву принадлежит этому пастуху.

Знахарь опять начал было спорить, но султан больше не стал его слушать и велел обним идти своей дорогой.

Ираку, 155, 147

79. Дочка-умница

Жил в старые времена один старик с дочкой лет двенадцати. А всего добра у старика было: один верблюд, одна лошадь и один ишак.

Старик рубил в горах дрова и возил продавать в город, а дочка занималась хозяйством.

Вот как-то навьючил своего верблюда старик дровами и поехал на базар. Подошел к нему толстый бай и спросил:

— Почему дрова продаешь?

Старик запросил три теньги.

Толстый бай сказал:

— Возьми «как есть» десять тeneg, только отвези дрова ко мне домой.

Старик с радостью согласился и привез дрова во двор к толстому баю.

Получил старик обещанные десять тeneg, свалил на землю дрова и хотел уйти.

Вдруг толстый бай сказал:

— Привяжи верблюда!

Удивился старик:

— Верблюд мой.

— Нет,— сказал толстый бай.— Я купил дрова «как есть», вместе с верблюдом. Стал бы я платить тебе, дураку, десять тeneg.

Спорили они, спорили и пошли судиться к казнию.

Казий спрашивает старика:

— Правда ли, что ты продал дрова «как есть»?

Старик говорит:

— Да, только, господин, верблюд-то стоит триста тeneg.

— Ну уж это не мое дело. Сам виноват, не надо было соглашаться продавать дрова «как есть».

Приказал казий отдать верблюда толстому баю, а старик со слезами пошел домой. Только дочке так ничего и не сказал.

На другой день, навьючив дрова на лошадь, старик опять приехал на базар. А толстый бай тут как тут.

— Почему дрова продаешь?

— Три теньги.

Толстый бай сказал:

— Возьми «как есть» десять тeneg.

Забыл совсем старик, что было вчера, и согласился.

Остался старик без лошади.

Пришел он домой печальный, однако дочке опять ничего не сказал.

На третий день старик навьючил дрова на ишака и собрался уже совсем на базар, но дочка сказала ему:

— Отец, в прошлый и позапрошлый раз вы вернулись без верблюда и без лошади. Сегодня и ишака вам не оставят. Лучше я поеду дрова продавать.

Старик согласился. Девочка поехала на базар. Подходит к ней толстый бай.

— Почем дрова продаешь?

Девочка запросила три тенги.

Толстый бай и говорит:

— Возьми «как есть» пять тенег.

Девочка отвечает:

— А вы дадите за дрова деньги «как есть»?

— Хорошо, согласен, вези дрова ко мне.

Свалила девочка дрова и спрашивает:

— Дяденька, где прикажете вашего ишака привязать?

Толстый бай показал место.

Привязала девочка ишака и попросила деньги за дрова.

Протянул толстый бай деньги, а девочка — цап, схватила его за руку и говорит:

— Когда мы рядились, вы сказали, что дадите пять тенег «как есть». Отдавайте деньги вместе с рукой.

Спорили они, спорили. Соседи прибежали на крик и повели девочку и толстого бая к казию.

Крутил казий и так и эдак, придумывая тысячу хитростей, но девочка стояла на своем.

А народ кричит:

— Права девочка! Вот умница девочка!

Казий думал-думал и постановил:

— Отдавай руку.

Заплакал толстый бай:

— Как же я без руки буду?

— Ну плати выкуп пятьдесят золотых тиллей*.

Отсчитал бай девочке пятьдесят тиллей¹.

Узбекск., 165, 113

80. Обезьяна и черепаха

Жили когда-то обезьяна и черепаха. У черепахи было одиннадцать детей, и у обезьяны не было семьи, и она бродяжничала. Пошла однажды черепаха работать. Закончив работу, она получила за нее деньги и купила на них мешок риса. Возвращаясь с рисом домой, она остановилась у края дороги, поставила мешок на землю и пошла собирать сушняк. Вернулась она с сушняком к месту, где оставила мешок, и видит: на мешке сидит обезьяна. Обезьяна сказала ей:

— Эй, кума, посмотри — я нашла мешок риса!

— Этот рис не для тебя, кума, — я купила его для своих детей; я оставила его у края дороги, потому что пошла собирать сушняк. Этот рис мой, и ты должна отдать его мне.

По обезьяна и слушать ее не хотела. Она сказала:

— Найденное принадлежит нашедшему! Я рис не отдам.

Очень огорчилась черепаха, но что поделаешь? Она сказала обезьяне:

— Что ж, кума, тогда хоть продай мне немного риса — детям дома есть нечего.

— Не могу, кума, мой рис не продается; сходи в лавку к китайцу и купи у него.

— Ну ладно, кума, придет день, и ты меня вспомнишь.

И вот однажды сидела обезьяна на нижних ветках дерева, а хвост ее свисал до самой земли. В это время мимо ползла черепаха. Она увидела обезьяну, крепко вцепилась в ее хвост и закричала:

— Я нашла обезьяний хвост! Найденное принадлежит нашедшему! Я ни за что его не отдам.

— Эй, кума, ты что, шутишь? Ведь этот хвост мой!

— Рис на дороге принадлежит тому, кто его нашел, и хвост на дороге тоже принадлежит тому, кто его нашел.

Рассердилась обезьяна, потянула свой хвост — черепаха не отпускает, висит на нем. Обезьяна тянет — черепаха не отпускает, висит; и пошла обезьяна с жалобой в суд.

Пришла она в суд и сказала:

— Судья, присуди, чтобы черепаха отдала мне мой хвост.

Черепаха сказала:

— Судья, присуди, чтобы обезьяна отдала мне мой рис.

Судья велел им все рассказать и, когда выслушал их, спросил у обезьяны:

— Где рис?

Засмеялась обезьяна и похлопала себя по животу:

— Здесь, судья!

Судья позвал стражника и велел ему принести колоду. Стражник принес и, положив на нее по приказу судьи хвост обезьяны, отрубил его. После этого судья сказал:

— Найденное принадлежит нашедшему! Обезьяна нашла на дороге мешок риса — рис принадлежит обезьяне; черепаха нашла на дороге хвост — хвост принадлежит черепахе. Но если обезьяна захочет купить свой хвост, чтобы приклеить к тому, что у нее осталось, ей придется заплатить за него черепахе мешок риса. А теперь идите.

Маврикийск., 120, 8

81. Рыбак и охотник

Жили в одной деревне рыбак и охотник. Однажды рыбак задумал ловить рыбу, а охотник собрался в лес стрелять зверей.

Первым вышел из дому рыбак. Он отправился к реке, там разделся, одежду сложил на берегу и вошел в воду. В это время мимо проходил охотник и забрал одежду рыбака.

— Эй, это моя одежда! — закричал из воды рыбак. — Положи ее на место!

Но охотник ответил:

— Не надо было оставлять ее на берегу. Ты мог повязать одежду вокруг бедер. Я ее нашел, и теперь она моя.

— Пойдем тогда к вождю, пусть он нас рассудит, — сказал на это рыбак.

— Пойдем, — согласился охотник.

И оба пошли на суд к вождю. Они рассказали, как было дело, и вождь сказал:

— Ты, рыбак, действительно не должен был оставлять свою одежду на берегу. Охотник прав, надо было повязать ее вокруг бедер. Тот, кто нашел одежду, может теперь взять ее себе.

Вернулся рыбак домой голый. В это время начался сильный дождь. Охотник как раз проходил мимо хижины рыбака и спрятался одной ногой под его кровлей.

— Это моя нога, — сказал тогда рыбак и схватил охотника за ногу.

— Отпусти мою ногу, — попросил охотник. — Идет дождь, я просто хотел спрятаться.

— Прячься у себя в хижине, — ответил рыбак. — А уж ногу мне оставь. Она теперь моя.

Решили оба опять обратиться к вождю. Рассказали ему, как было дело. И вождь сказал:

— Когда вы спорили об одежде, ты, охотник, решил, что имеешь право взять ее себе, потому что рыбак не повязался ею. Теперь рыбак увидел твою ногу под своей кровлей и захотел эту ногу взять. Что ж, тебе, охотник, я сказал: можешь взять одежду. Теперь я говорю рыбаку: ты имеешь право на ногу охотника. Можешь ее отрезать.

И рыбак отрезал охотнику ногу.

Балуба, 154, 216

82. Осел Джухи

У Джухи был осел. Он изрядно разелся на сытных кормах, и многие соседи выражали готовность его купить.

— Продай нам осла, — приставали они к Джухе.

— Он для вас слишком дорог, — отвечал тот.

— Назови свою цену, — не отступались те, — а мы уж не поскунимся.

— Я сам пока не знаю, какую назначить цену. Давайте пойдём на базар, посмотрим, как пойдёт торг, там я вам его и продам.

Соседи согласились.

На другое утро Джуха пошел со своим ослом на базар. По дороге он засунул ослу в зад несколько золотых монет. А потом передал осла базарному зазывале.

Собрались покупатели, стали осматривать осла, прикидывать цену. Зазывала сел на осла и поехал на нем. Осел бежал резво. Вдруг он пустил ветры, и из зада у него посыпались золотые монеты.

Люди кинулись их подбирать.

— Смотрите,— зашумели они,— осел Джухи испражняется золотом!

Даже те, кто раньше не интересовался ослом, теперь захотели его купить. Все стали набивать цену, и наконец один покупатель предложил за осла десять тысяч франков. Джуха отдал ему осла.

— Теперь можешь считать себя богачом,— сказал он.

— А как мне его содержать? — спросил покупатель.

— Давай ему вдоволь ячменя и травы,— отвечал Джуха,— пои дважды в день и не запирай в стойле. Если ты хочешь, чтоб он исправно приносил тебе золото, положи его вечером на собственную постель, укрой пологом от москитов, опутай ему ноги, чтоб он до рассвета оставался в постели, а сам поспи где-нибудь в уголке и, смотри, берегись при этом дурных мыслей. Утром иди к своей постели — наберешь там две корзины золота.

Покупатель все так и сделал. Целую ночь он не спал, дожидался рассвета, а утром пошел посмотреть на осла, радостно приговаривая:

— Теперь я богатый человек! Теперь я богатый человек!

Он открыл полог над постелью и увидел, что осел наложил за ночь добрых две корзины навоза, а на пол уже натекла изрядная лужа. Покупатель сбросил осла с постели, стал копаться в навозе, но ни крупинки золота там не нашел.

Тогда он взял осла и пошел с ним к Джухе.

— Я сделал все, как ты мне говорил, но твой осел наложил мне только две корзины навоза, а на постели теперь просто спать нельзя. Золота же я не увидел ни крупинки.

— Не может быть,— отвечал Джуха.— А где ты сам спал?

— Я всю ночь не спал,— ответил покупатель.— Я сторожил дом: как бы соседи не пришли украсть мое золото.

— Все ясно,— сказал Джуха.— Потому он и не испражнялся золотом. Ты не сумел отогнать от себя дурных мыслей. Тогда нечего от осла и требовать.

— Бери своего осла обратно,— закричал покупатель,— а мне отдавай мои деньги!

— Как бы не так! — ответил Джуха. — Ты купил осла на базаре, при всех, честь честью. На базаре знают закон и порядок. Никаких денег я тебе не верну.

— Тогда я пожалуюсь на тебя судье! — сказал покупатель.

— Хорошо, — сказал Джуха, — пойдем к судье.

Пошли к судье. Тот спросил, о чем у них тяжба.

— Я купил у Джухи осла, — сказал покупатель. — Осел был непростой, он испражнялся золотом. Я спросил у Джухи, как его держать, и он сказал, чтобы я кормил его ячменем и травой, поил дважды в день, а на ночь укладывал в свою постель, связав ноги, чтоб не убежал. Утром я должен был найти в постели кучу золота, а нашел один навоз. Теперь я требую, чтоб Джуха вернул мне деньги.

— Ты, должно быть, сошел с ума, — сказал ему на это судья. — Разве может осел испражняться золотом? Ты пострадал от собственной глупости, сам и расплачивайся.

Тут покупатель просто вскипел от злости. Он кинулся к своему ослу, стал его бить палкой и забил до смерти.

Берберск., 164, 382

83. Джуха и бедуин

Султан Яхья очень благоволил Джухе. Однажды он сказал ему:

— Чего ты хочешь? Говори, получишь все, что попросишь.

Джуха сказал:

— Я хотел бы получить право взимать пиастр с каждого, кого зовут Яхья. А еще пусть мне платит пиастр каждый, кто встает на рассвете, каждый, кто слушает свою жену, каждый длинноротый и каждый шелудивый.

— Хорошо, — ответил султан и приказал написать такой приказ.

Джуха взял себе этот приказ, а на другой день рано утром вышел к городским воротам и сел там на землю.

Вскоре он увидел бедуина, который вез в город на продажу хворост. Джуха остановил его и потребовал пиастр.

— Почему я должен тебе платить? — удивился бедуин.

— Потому что ты встал слишком рано.

— Жена посоветовала мне выйти пораньше.

— Ах, так! — воскликнул Джуха. — Тогда с тебя два пиастра.

— Поди прочь, — рассердился бедуин, — и не приставай ко мне! Не то отведаешь, тяжела ли палка у Хаджи Яхьи!

А Джуха ему в ответ:

— Теперь с тебя три пиастра.

И пошла между ними перепалка. «Давай деньги!» — кричит Джуха, а бедуин ему: «Ничего я тебе не дам!» Дошло наконец до драки. В драке у бедуина открылась борода. Борода была длинная.

— С тебя уже четыре пиастра! — закричал, увидев это, Джуха. Бедуин в ответ огрел его палкой. Тут обнажилась и вся его голова. Оказалось, что он еще и шелудивый.

— Пять пиастров! — закричал Джуха.

Наконец оба выбились из сил и согласились пойти к султану: пусть он их рассудит.

Султан увидел Джуху с бедуином и спросил:

— Зачем вы ко мне пришли?

— Вот указ, который ты велел для меня написать, — отвечал Джуха. — А этот человек обладает всеми свойствами, которые здесь названы: зовут его Яхья, вышел он из дому рано утром, послушался своей жены, борода у него длинная и вдобавок он плешивый. Я требую с него пять пиастров.

Султан выслушал его, усмехнулся и сказал бедуину:

— Иди по своим делам, ничего не бойся. Ты бедный человек и хотел, наверно, заработать что-нибудь в городе. А Джуха тебе помешал.

Он дал бедуину подарок и отпустил с миром. И Джуха сказал:

— До чего же глупы все люди, которых зовут Яхья...

Арабск., 164, 382

84. Почему коршун ворует кур

Однажды коршун пошел на базар. Он продал орехи кола, а себе купил луну¹. Увидел эту покупку сын Луны, Звезда, и сказал своему брату:

— Смотри, у коршуна что-то похожее на нашего отца. Надо ему про это рассказать.

Он рассказал отцу, какую вещицу видел у коршуна, и тот дал Звезде много раковин каури, чтобы тот ее купил. Сын Луны пошел на базар, но раковин с собой не взял. Он выторговал у коршуна изображение луны, а за платой велел приходиться самому. Тот сказал, что придет через два дня.

Через два дня коршун отправился за платой. Но путь был слишком далек, и он за день не успел добраться до места, где жил отец Луна. Так повторялось несколько раз. И каждый вечер коршун ни с чем возвращался к себе.

По дороге он каждый раз встречал кур. Однажды они спросили его, зачем он все время летает туда и обратно. Коршун рас-

сказал, что никак не может получить своих каури, потому что за день не успевает добраться от себя до Луны.

— А ты переночуй у нас,— сказали куры.— Завтра на рассвете мы тебя разбудим, и ты успеешь добраться до Луны.

Так и получилось. Рано утром куры разбудили коршуна, и он явился к Луне.

— Кто тебя научил добраться до меня? — спросил его отец Луна.

— Никто, я сам сумел.

— Не верю,— сказал отец Луна.— Если не скажешь, кто тебя научил, не получишь своих каури.

Коршун рассказал ему про совет кур.

— Раз так,— сказал отец Луна,— можешь взять себе в оплату кур.

Коршун пошел к курам и сказал, что их ему отдали в оплату.

— Что ж,— сказали куры,— только не бери нас сейчас. Приходи за нами через два дня.

Через два дня коршун явился за курами, а тех и след простыл. Они убежали в соседнюю деревню и попросились там жить, потому что в лесу, сказали они, им не стало житья.

Коршун пришел в деревню и спросил у вождя:

— Не появлялся у вас кто-нибудь чужой?

— Появлялся,— ответил вождь.— Куры у нас теперь живут.

— Это мои куры,— сказал коршун.— Отец Луна дал мне их в оплату.

Вождь позвал к себе старшего петуха и спросил, собираются ли они рассчитываться с коршуном. Петух стал просить, чтоб их освободили от оплаты. Но вождь решил: если они не могут рассчитаться как-нибудь по-иному, пусть будут рабами коршуна.

С тех пор коршун и хватает кур когда только пожелает.

Никки-боргу, 153, 112

85. Как тесть признал себя побежденным

В давние времена жил-был человек, и у него была дочь. Много юпошей приходило к ней свататься. Но каждому жениху отец отвечал:

— Дочь мою в жены ты не получишь, возвращайся к себе домой.

И они уходили ни с чем.

Однако нашелся среди женихов юноша, который ответил отцу:

— Я домой не вернусь, я хочу жениться на твоей дочери!

— Если ты хочешь жениться на моей дочери,— сказал отец,— тебе придется сначала выполнить одну работу. Сможешь ли ты

удержать ветер, так чтобы он не сломал ни одного стебелька на моем просяном поле? Если сумеешь это выполнить, получишь в жены мою дочь.

Юноша согласился.

— Покажи мне шамбу *, где я должен буду стеречь твоё просо, — сказал он. — Я буду следить за твоим полем день и ночь, ни один стебелек не поляжет.

— Если я увижу, что ты сумел удержать ветер, — отдам за тебя свою дочь!

И вот ночью юноша пошел на поле сторожить просо. А рано утром пришел тесть посмотреть, как идут дела, и увидел множество надломившихся стебельков.

— Почему так много проса полегло? — спросил он юношу.

— Подожди, дорогой тестюшка, — отвечал тот. — Все будет в порядке. Там на краю поля я увидел цесарку. Сейчас я ее подстрелю.

С этими словами он пошел к краю поля, выстрелил и вернулся с цесаркой в руках.

— Вот цесарка, — сказал он старику. — Принеси ее домой дочери, пусть она сварит ее, а потом положит немного похлебки на деревянную вилку и пришлет сюда, в шамбу, — я здесь еще долго пробуду.

Старик принес цесарку домой, дочь сварила ее и попробовала зачерпнуть вилкой немного похлебки — никак у нее не получается!

— Разве можно взять это вилкой? — сказала она отцу. — Я не могу принести похлебку на вилке к нему в шамбу. Да и никто не сможет!

Тогда послали за юношей в шамбу и сказали, чтобы он вернулся домой. Тот пришел и говорит тестю:

— Я хочу, чтобы ты собрал всех мужчин. Пусть люди рассудят наше дело и скажут, кто из нас прав, а кто неправ!

Вот собрались все, и юноша обратился к старейшинам:

— Скажите мне, старейшины, может ли кто-нибудь на свете устеречь ветер, чтобы ни один стебелек проса не был им сломан? Ветер дует то с одной стороны, то с другой! Как с ним воевать? Я спрашиваю вас: что вы об этом думаете?

И старейшины ответили:

— Никогда мы не слышали, чтоб кто-нибудь мог устеречь ветер!

— Я в ответ попросил тестя оказать мне одну услугу, — продолжал юноша. — Я убил цесарку и сказал, чтобы он передал ее своей дочери, а она сварила бы ее и похлебку принесла на вилке мне в шамбу. Но напрасно я дожидался похлебки.

Тогда старейшины спросили отца девушки:

— Почему ты оставил юношу без похлебки и заставил его голодать? Он же добыл вам пясарку.

— Подумайте сами, старейшины,— отвечал тот,— кто может принести па вилке похлебку?

— А кто из нас может удержать ветер? — спросили тества старейшины.— Сколько мы живем, пикогда такого не слышали! Птицу можно подстеречь, но ветер — пикогда! Юноша прав, он рассчитался с тобой той же монетой и победил тебя. Если посылаеш удержать ветер — должен уметь принести суп на вилке!

Так сказали ему старейшины. И добавили:

— Тебе остается только одно: отдай за него свою дочь! Он вель, и в самом деле, вышел победителем.

И старику ничего не осталось, как назначить свадьбу и отдать юноше свою дочь в жены.

Бурунги, 157, 74

86. Покупатель бороды

Как сказывают-пересказывают, один человек ходил и все твердил:

— Если бы кто-нибудь дал мне в долг тысячу рублей, я бы вернул их через сутки.

Люди не могли понять, почему он так говорит, и удивлялись. Наконец один бай решил: «Будь что будет, дам ему тысячу рублей. Отдаст — очень хорошо, не отдаст — накажу его как-нибудь». И дал ему эти деньги.

Получив тысячу рублей, человек стал говорить:

— Куплю бороду, если кто хочет продать.

И, повторяя эти слова, он отправился искать, кто бы продал ему бороду.

Долго ли, не долго ли он так ходил — подошел к нему один человек и сказал:

— Я продам бороду.

— Хорошо — я куплю ее, но с условием: я могу делать с ней все, что захочу.

Продавец согласился.

— Тогда пойдем составим договор,— сказал покупатель.

И записали в договоре, что он покупает бороду за тысячу рублей и имеет право делать с ней что захочет, а продавец бороды точно так же имеет право использовать эту тысячу рублей как пожелает.

Зашли в дом. Продавший бороду дал покупателю бритву и сказал:

— Возьми и сбрей бороду.

Тот ответил:

— Я купил право делать что захочу с твоей бородой, а не с волосами, которые растут на твоём подбородке. Поэтому я отрежу и унесу всю твою голову.

И он взял продавца за шею, будто собирался отрезать ему голову.

— Что ты делаешь?! — вскрикнул тот и вскочил с места. — Мы же не так договаривались!

— А что же ты думал, я даром тебе тысячу рублей дал? — ответил покупатель.

— Нет, на это я не согласен, — сказал продавец и передал дело в суд.

Судья решил, что покупатель прав, так как он покупал не волосы, а бороду с той частью лица, на которой она растёт.

— Тогда я не хочу твоей тысячи рублей и возвращаю их тебе! — сказал продавец. — Не согласен продавать бороду.

— Но у нас ведь условлено, что нельзя отказываться от договора. А если ты теперь отказываешься, то должен прибавить к моей тысяче рублей ещё тысячу. Иначе я унесу твою голову, — возразил покупатель.

— Ну, раз так, что мне остается делать! — сказал продавец и отдал покупателю ещё тысячу рублей.

Хитрец отнес долг баю и хотел прибавить ещё пятьсот рублей. Но бай подумал: «Раз он так хитер, он, наверно, хочет выманить у меня ещё тысячу рублей». И не взял у него этих денег.

Адыгейск., 20, 50

87. История о Ма Тане

Жил некогда человек по имени Ма Тан. Однажды он очень проголодался и никак не мог найти, чем бы ему утолить голод. Наконец он заметил павильон, где некий торговец продавал землянику. Ма Тан зашел туда, сел и сказал торговцу:

— Дай мне одну теплую ягоду и одну холодную.

Купец дал ему две ягоды, и Ма Тан опять попросил одну теплую и одну холодную. Так он опустошил целый поднос. Торговец смотрел на него и удивлялся.

Расправившись с ягодами, Ма достал из своего мешка четыре медные монеты, положил их на стол и пошел своей дорогой. Торговец поспешил за ним.

— Эй, гость! — сказал он.

— Что? — обернулся Ма Тан.

— Ты слишком мало мне заплатил.

— А сколько стоит у тебя одна ягода? — с улыбкой спросил Ма.

— Два пепта.
— Тогда все в порядке. Я съел две штуки и уплатил четыре мопеты.

— Как две? — изумился торговец. — Разве ты съел только две?

— А сколько же?

— Сколько? Одну теплую, одну холодную, — начал перечислять торговец, — одну теплую, одну холодную...

— Незачем тебе повторять столько раз одно и то же, — перебил его Ма, — я ведь говорю то же самое.

Тогда торговец потащил его в суд. Судья велел торговцу рассказать, как было дело.

— Он съел одну теплую ягоду и одну холодную, одну теплую, одну холодную... — начал свое торговец, но хитрый Ма опять перебил его:

— Зачем ты все время повторяешь одно и то же? И судья, и я — все мы хорошо слышим. Одна теплая да одна холодная — всего две штуки. Разве четыре монеты — несправедливая цена?

Судья признал, что Ма Тан прав, велел торговцу замолчать и наказал его.

Китайск., 147, 117

88. [Хитрец и глупцы]

В давние времена жил-был один хитрец. Однажды, когда он пас свою корову, на дерево рядом с ним села птица и принялась петь.

— Кто это там наверху кричит? — спросил хитрец.

— Это я кричу, — ответила птица.

Хитрец схватил ком земли и бросил в птицу. Но птица поймала ком и кинула обратно в человека. Тот успел отпрыгнуть в сторону, ком попал в его корову, и она замятево упала на землю.

Пришлось человеку снять со своей коровы шкуру. Мясо он съел, а шкуру понес к озеру и там провел весь день. Вечером он вернулся домой и застал у себя двоих гостей.

— Где ты был сегодня? — спросили они его.

— Я был у озера, — ответил хитрец, — продавал коровью шкуру водяному черту, Нетлангу. Еле спас свою жизнь. Нетланг сказал мне, что завтра я должен умереть, а вместе со мною те двое, которых я встречу в своем доме.

Услышав такие слова, гости испугались.

— Что же нам теперь делать? — спросили они.

— Я сделал так, — ответил хитрец. — Я отдал Нетлангу шкуру своей коровы, и за это он освободил меня от смерти, подарив мне вечную жизнь.

— А что же будет с нами? — спросили гости.

— Не бойтесь, — ответил хитрец, — я поговорил с Нетлангом и о вас. Я сказал: «Думаю, что те двое тоже принесут тебе шкуры и ты, Нетланг, за это освободишь их от смерти».

Услышав это, глупые гости тотчас заспешили к себе и забили своих коров — каждый по три; они были богатые люди. Притащили они шкуры к озеру и закричали:

— Приветствуем тебя, водяной черт!

Но из воды не было никакого ответа. Глупцы подождали некоторое время, думая, что Нетланг, наверно, как раз в это время занят едой, а потом опять принялись кричать. Так они кричали до самого восхода солнца и, никого не дождавшись, вернулись к дому хитреца [...]

А у того тем временем умерла жена. Увидев издали возвращающихся глупцов, он посадил труп своей жены перед хижинкой, накрыл покрывалом и поставил рядом корзинку с маисом.

Глупцы пришли усталые и голодные, ибо путь от озера был очень далек. Они увидели женщину, сидевшую перед хижинкой, увидели корзинку с маисом у ее ног и попросили дать им маиса. Женщина даже не шевельнулась и ничего им не ответила. Да и как она могла им ответить, если была мертва? Но глупцы не знали этого и подумали, что она над ними издевается.

— Дорога и жаркое солнце утомили нас, — сказали они. — А ты, женщина, не хочешь дать нам даже пригоршни маиса?

И с досады они залепили ей пощечину. Тут из хижинки выбежал хитрец и стал кричать:

— О, вы убили мою жену, да, вы ее убили!

— Мы не убивали ее! — закричали глупцы. — Она спала, и мы лишь легонько ее ударили, чтобы она проснулась и дала нам немного маиса. А она умерла. Что же нам теперь делать?

— Что делать? — сказал хитрец. — Я поведу вас к нашему султану и подам на вас жалобу.

Пошли они вместе к правителю страны. Султан выслушал их и сказал глупцам:

— Убить человека — тяжкое преступление. Как вы посмели это сделать? Теперь слушайте мой приговор: каждый из вас должен дать этому человеку трех телят.

— Откуда мы возьмем телят? — закричали оба. — Он и так нас обманул, мы из-за него разорились! Теперь мы бедные люди!

Но султан был неумолим.

— Вы убили жену этого человека и должны отдать ему телят.

Что им оставалось делать? Пошли они каждый к своим друзьям, взяли в долг телят и отдали их хитрецу. Так хитрец разбогател, а глупцы дважды разорились.

II. РАССКАЗЫ О СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ

О ПОИСКАХ ВИНОВНОГО И НЕВОЛЬНЫХ ПРИЗНАНИЯХ

89. Хитрый визирь

В столице некоего царства кто-то разграбил склад хлопка. Пришли к шаху кушцы с жалобой. Выслушав их, шах приказал немедленно разыскать похищенный хлопок и жестоко наказать воров. Но, увы! Пояски ничего не дали. Тогда пришел к шаху его визирь и сказал ему:

— О господин! Разрешите мне найти вора.

— Пусть будет по-твоему,— ответил шах.

В тот же день визирь собрал всех горожан к себе на обед. Народу собралось видимо-невидимо. Но прежде чем начать угощение, визирь прошел вдоль столов, внимательно вглядываясь в лица. Потом он поднялся на возвышение и укоризненно покачал головой.

— Как мало совести у людей и сколько глупости: ворованный хлопок пристал к вашим черным бородам и в таком виде вы смаете являться на угощение к вашему визирю!

Не успел визирь кончить свою речь, как десять человек воровато попятились и схватились за бороды.

— Вот жулики,— тут же указал на них визирь,— взять их!

Афганск., 107, 163

90. Приговор эфенди по палке

Некий человек, заподозрив в краже своего кошелька соседей, привел их к судье эфенди. Соседи не признавали за собой вины. Тогда эфенди дал каждому из них по палке одинаковой длины и сказал:

— Завтра с этими палками вы все придете ко мне, и я установлю, кто из вас виновен: у того, кто украл деньги, палка за ночь удлинится на четверть.

Подозреваемые взяли палки и разошлись по домам. Наступила ночь, и те, чья совесть была чиста, спокойно легли спать. А вор не

спал и думал, объятый страхом: «До завтра моя палка увеличится на четверть и я буду избобличен».

Он успокоился, только укоротив ножом свою палку как раз на столько, на сколько к утру она должна был вырасти. К утру палка не выросла, и, когда все вновь собрались у эфенди, тот приказал уличенному вору вернуть деньги владельцу. Но вор возразил:

— Разве этот суд можно назвать судом по шариату, если приговор выносят по палке?

Эфенди ответил:

— Будь признателен мне, что я заставил тебя сознаться, прибегнув к палке, но ни разу не ударил тебя. Что сказал бы ты, если б я, подобно падишаху, заставлял тебя палочными ударами сознаваться в преступлении, которого ты не совершал? ¹.

Таджикск., 25, 395

91. Догадка мудреца

Рассказывают, что некий человек взял к себе в услужение бедняка. У господина была невзрачная внешность, а слуга был красивым. Так они и жили: один приказывал, другой подчинялся. Но вот настали тяжелые времена. Была засуха, и много людей погибло. Когда голод кончился, слуга подумал, что из тех, кто знал, что он слуга, никого не осталось в живых. Поэтому он, рассчитывая на свою приятную внешность, сказал господину:

— Это ты мой слуга, а я тебе господин.

Между ними начался спор, и слухи об их споре дошли до одного мудрого судьи. Судья предложил спорящим войти в башню и высунуть из нее в окно обе руки. Затем он, стоя снаружи, крикнул:

— Ну а теперь определи, где руки слуги, и отруби их!

Услышав эти слова, бывший слуга быстро убрал руки и таким образом выдал себя. Так судья определил, кто из них господин и кто — слуга.

Так рассказывают ¹.

Амхарск., 22, 148

92. Волшебный петух

Был один умный бедняк. Мог он предсказать, какая погода будет, какой приплод от скота ожидать, и многое другое мог угадывать.

У одного бая украли драгоценности. Искали, искали — не нашли. Лучших шаманов приводили, самых хитрых знахарей спра-

шивали — все напрасно. Посоветовали баю умного бедняка позвать.

Привели бедняка. Бай велит драгоценности искать. Бедняк говорит:

— Найти не трудно, что мне за это будет?

— Дам тебе табул лошадей, — пообещал бай.

— Ладно, — согласился бедняк. — Пусть принесут петуха, которого тебе монгольский хан подарил.

Велел бай петуха принести. Бедняк потихоньку шею и голову петуху сажей намазал. Посадили петуха одного посредине темной юрты.

— Теперь заходите по очереди, — сказал бедняк байской прислуге. — Да запомните: петух не простой, а монгольский. Как вор погладит его по голове, так петух закричит. Ну, заходите веселей, гладить его левой рукой надо.

По одному заходили в темную юрту. Бай уши насторожил, слушает. Молчит петух. Все слуги прошли, а петух так и не подал голоса.

— Ты что, дурачить нас вздумал?! — грозно закричал бай.

— Погоди, гадание еще не кончилось, — ответил бедняк. — А ну, поднимите все левую руку.

Подняли руки — у всех ладони в саже, только у первого байского прислужника ладонь чистая.

— Он и украл, — сказал бедняк.

Упал на колени слуга, прощения просит, плачет. Велел его бай плетью пороть, а бедняку табун коней отдал. Жалко было, а отдал, побоялся с таким мудрецом связываться.

Хакасск., 137, 119

93. Слепой и зрячий

В далекие времена жил слепой. Как-то раз пришло ему на ум предьявить свои права на жену зрячего.

— О люди, — сказал он, — жена моя была недовольна, что я слепой, познакомилась с чужим мужчиной и сбежала от меня. Я не знал, где она скрывается. Сегодня я случайно нашел ее.

И он схватился за платье жены зрячего. На крик слепого сбежались люди. Они были уверены, что слепой говорит правду, стали его жалеть. Повел слепой пойманную им женщину и ее мужа к баю.

— Вот эта женщина была моей женою, — сказал он, — а этот мужчина сбил ее с пути, забрал к себе. Только сегодня я нашел их и привел к вам. Разберите мое дело и верните мне жену.

— Что вы скажете на это? — спросил бий у женщины и у зрячего.

— Я жена вот этого человека,— сказала женщина,— а слепого совсем не знаю.

— Женщина действительно моя жена,— сказал зрячий,— я с нею повеччан и заплатил калым.

Бий посадил всех троих в отдельные юрты и незаметно поставил людей подслушивать: о чем каждый из них будет говорить.

— О боже! Чем я тебя прогневила, что ты послал ко мне какого-то слепого? Не допусти, чтобы я попала к нему в руки,— рыдала женщина в своей юрте.

— О лживый слепой! Ты расплатишься за свои дела! — говорил раздраженно зрячий.

— О слепой! Ловко ты затеял дело! Если аллах поможет, то ты будешь иметь жену,— рассуждал сам с собой слепой.

Поставленные бием люди донесли ему обо всем. Тот потребовал к себе слепого, зрячего и его жену и рассказал им, о чем каждый из них размышлял в своей юрте. Раздосадованный слепой прикусил свой палец до крови.

Бий отпустил зрячего и его жену, а слепого наказал¹.

Казахск., 59, 263

94. На воре шапка горит

Как-то раз царь зверей — тигр, восседая на троне, приказал своему другу медведю собрать всех зверей на суд. А вершил он суд вот почему: пришла к нему вчера овечка и пожаловалась, что кто-то зарезал ее сына — маленького барашка. Вот и решил тигр наказать виновного.

Внимательно смотрит тигр на всех зверей, подолгу вглядываясь в каждого.

Вдруг ни с того ни с сего волк завопил:

— Да что это такое! Весь день вчера дома просидел! Ни в чем я пе виноват! Сам, наверное, разбился барашек, а на других валит.

— Замолчи! — прервал его тигр.— Это ты виноват. Тебя еще никто не обвинил, а ты уже кричишь о своей невинности! Медведь,— приказал тигр,— сделай с волком то же, что он сделал с барашком!

Афганск., 107, 168

95. Догадливый судья

Один джигит собрался в дальний путь и оставил у соседа сто золотых на сохранение.

Прошло несколько лет, вернулся джигит и попросил соседа вернуть деньги.

Сосед был хоть и старый человек, но жадный и бесстыдный.

— Я от тебя ни одной копейки не получал, и на хранение ты у меня денег не оставлял, — сказал он.

Джигит опечалился, рассказал друзьям, и они посоветовали:

— Сходи к нашему судье. Он разберется, вернет тебе твои деньги.

Пошел джигит к судье. Вызвал судья старика и сказал:

— Аксакал *, ты стар, тебе не к лицу лгать. Скажи, получил ли ты от этого джигита на хранение его золотые?

— Сын мой, я никогда у него денег не получал, чему свидетель сам бог. У меня белая борода, и незачем мне лгать перед тобой.

— У тебя есть свидетели, что ты давал ему деньги? — спросил судья у джигита.

Джигит ответил, что у него никаких свидетелей нет.

— А на каком месте ты ему отдал деньги? — снова спросил судья.

— Неподалеку от нашего аила стоит тополь, — ответил джигит. — В тени этого тополя я и отдал ему на хранение сто золотых.

— Если так, иди к этому тополю, тащи его сюда и пусть он расскажет мне, как ты отдавал сто золотых этому старику.

— Почтенный судья, — удивился джигит, — как же я притащу сюда тополь?

— Бери мою печать, покажи ее тополю, и он придет сюда сам, — сказал судья.

Джигит взял у судьи печать и побрел, а старик спокойно сидел. Он понимал, конечно, что никогда тополь не явится к судье.

Прошло полчаса, судья спросил у старика:

— Старик, скажи мне, дошел ли наш джигит до того тополя?

— Нет, он еще не дошел, — ответил старик.

Через некоторое время судья снова спросил:

— А теперь дошел?

— Дошел, — уверенно сказал старик.

Прошел час, судья в третий раз спросил у старика:

— Как ты думаешь, возвращается уже наш джигит?

— Да, уже пора ему возвращаться.

Пришел джигит ни с чем, отдал судье печать и сказал:

— Я показал вашу печать тополю, он и с места не сдвинулся. А для того, чтобы притащить его сюда, надо множество быков.

— Тополь уже ко мне приходил, — ответил судья, — и давно ушел обратно.

— Как это так? Когда тополь сюда являлся? Если бы он приходил, то увидал бы и я, — удивился старик.

Судья усмехнулся:

— Я тебя спрашивал три раза. Первый раз ты ответил, что джигит не дошел до тополя; во второй раз, что он уже дошел, а в третий, что он возвращается назад. Если бы ты не получал денег от этого джигита перед этим тополем, то не знал бы и дороги к нему. Поэтому ясно, что ты получил сто золотых.

Тогда старик признался и вернул джигиту сто золотых¹.

Киргизск., 66, 185

96. [Как один человек спасся от смерти]

Жил один юноша, и было у него две невесты, обе красавицы. Одна была дочерью самого бедного человека в ауле, другая была дочерью самого богатого.

И было у юноши два друга. Один из них советовал ему жениться на дочери самого бедного человека. Он считал, что она будет ему лучшей парой, так как ее руки не боятся никакой работы.

Другой советовал юноше жениться на дочери богатого и говорил, что она рукодельница, строго соблюдает религиозные обычаи, не пропускает ни одного намаза*.

Юноша женился на дочери богача. Жил он с женой неплохо. Однажды встретил он своего друга и спросил его:

— Скажи, почему ты не советовал жениться на дочери богатого?

— Потому что я знал: когда она была девушкой, она водила за собой мужчин,— ответил тот.— А кто привык к такой жизни, тот никогда ее не оставит.

— Как это может быть, если она так усердно совершает все намазы? — удивился муж.— До сих пор я не замечал за ней ничего плохого.

— А ты проследи за ней, когда она совершает намаз, и, если ничего не заметишь, значит, мои слова ложь,— сказал друг.

И вот однажды поздно ночью жена стала совершать намаз.

Муж лег и притворился, будто спит, а сам стал подглядывать за ней.

Думая, что муж спит, жена взяла кумган* и вышла во двор. Муж, крадучись, вышел за нею. Она направилась к коровнику и зашла под навес. Тут муж увидел, что в коровнике ее ожидал мужчина.

— Кто ночью находится в моем коровнике?! — крикнул он.

Мужчина бросился бежать, а женщина скрылась в доме и заперла за собой дверь.

Когда муж вернулся, жена не пустила его.

— Иди, иди! Возвращайся туда, где был ночью до сих пор, — сказала коварная притворщица.

Пока он пререкался с нею у двери, на шум прибежали муртазаки*.

— Почему ты стоишь здесь ночью? — спросили они.

— Жена не пускает в дом, — ответил он.

— А где он был? — крикнули они жене.

— А спросите его, где он был! Наверное, на каком-нибудь разбое, — крикнула в ответ коварная женщина.

— Мы знаем, где он был! — сказали муртазаки, схватили его и бросили в темницу.

Вскоре затем повели его в один дом, там показали ему зарезанных мужчину, женщину и ребенка и спросили:

— Кто был с тобой, когда ты убивал их?

— Знать не знаю, — ответил он и отказался признать себя виновным.

Но его недолго думая приговорили к смерти [...]

Перед казнью он попросил исполнить последнее его желание.

— В пятницу отведите меня в мечеть и разрешите совершить намаз вместе с аульчанами. Там я назову сообщников.

Ему разрешили совершить намаз. В пятницу привели его в мечеть. Люди помолились и вышли из мечети. А бедняга сидит да сидит и не кончает намаз. Муртазаки ожидают его. Но тот сам не знает, что делать. Знает одно — без вины его расстреляют.

Наконец он устал сидеть, оглянулся — и увидел, что сзади него сидят еще двое и так же, как и он, усердно совершают намаз.

— Вот мои сообщники! — указал он на них.

Муртазаки схватили обоих и увели в темницу.

На допросе они признались:

— Правда, убили мы, но того, кто на нас указал, с нами не было, и мы не знаем, почему он называет себя нашим сообщником.

Тогда спросили этого человека:

— Теперь нам ясно, что ты невиновен. Но как ты узнал, что убийцы — эти двое?

Он ответил:

— Тот, кто совершает преступления, всегда усердно молится богу. Вот и сегодня: народ давно кончил намаз, а эти двое, помня о совершенном преступлении, продолжали молиться, умолять Аллаха простить их грехи. Так я узнал, кто убийцы.

Его отпустили. Он вернулся домой и развелся с женой.

Адыгейск., 20, 161

97. Корова с отрезанным языком

В уезде Танчансянь у крестьянина Ху Сы была корова. И была она ну прямо как «домашняя драгоценность»: поле пахать — на ней, поклажу возить — опять же на ней. И каждое утро Ху Сы сам кормил и поил ее.

Пошел однажды Ху Сы кормить корову, глядь, а в стойле все перевернуто; присмотрелся повнимательнее: у коровы изо рта кровь капает. Удивился Ху Сы и подумал: «Неужели и корова может харкать кровью?» Раскрыл он руками корове рот, а там все в крови, и язык куда-то пропал.

Корова без языка ведь и траву не может жевать, того и гляди, помрет. А издохнет корова, как тогда они все будут жить? Заплакал Ху Сы от огорчения. А потом подумал: «Наверняка кто-то отрезал ей язык», — и побежал к Бао-гуну¹ с жалобой.

Выслушал Бао-гун крестьянина и стал размышлять: «Кто? Зачем отрезал корове язык? Да и что можно сделать с небольшим коровьим языком?» Думал он, думал и наконец вынес такое решение.

— Иди-ка ты домой, — сказал он Ху Сы. — Послушай меня, зарежь корову, продай мясо, а через три дня приходи ко мне снова.

— Зарежешь корову — нарушишь закон, — ответил крестьянин.

— Ничего, я заступлюсь за тебя, — успокоил его Бао-гун.

Послушался Ху Сы мудрого совета, зарезал корову, разрубил тушу на куски и продал, денег выручил немало, а все-таки не хватает, чтоб купить другую корову.

Загоревал крестьянин.

Отослал Бао-гун крестьянина домой, а на второй день является к нему некий Чэнь Сань с жалобой, говорит: «Ху Сы тайком прирезал корову, годную для пахоты, преступил закон, надо паказать его».

— А кем тебе доводится Ху Сы? — спросил Бао-гун.

— Он мой сосед. Я собственными глазами видел, как он резал корову. Другие соседи тоже знают. Если господин не верит, пусть позовет и их.

Стукнул тут Бао-гун кулаком по столу и закричал:

— Ах ты, подлец! Ты отрезал язык у его коровы да еще пришел жаловаться! Чем обидел тебя Ху Сы? Ты зачем вредишь ему? Быстро говори правду!

Услышал Чэнь Сань, что Бао-гуну уже известно все про коровий язык, не осмелился он отпираться, и пришлось ему сказать всю правду.

— Пошел я как-то к Ху Сы денег занять, а он не только не дал, а еще давай поучать меня. Ну я и затаил на него злобу, по-

этому-то и отрезал у его коровы язык. Я думал, если вырезать у коровы язык, то ему ничего не останется больше, как прирезать ее и продать мясо. А тут я пойду и донесу, что Ху Сы самовольно забил корову. Вот его и засудят.

Вслушал Бао-гун речи Чэнь Саня, разгневался страшно, велел стражникам схватить его и дать ему сорок палок да еще заставить его купить Ху Сы другую корову.

На другой день Ху Сы сам пришел к Бао-гуну. Чиновник рассказал ему обо всем, и тут только понял Ху Сы, что язык корове отрезал его сосед и что, если бы не Бао-гун и не прирезал бы он коровы, не миновать бы ему суда. А когда услышал, что Бао-гун приказал Чэнь Саню купить ему другую корову, поблагодарил он мудрого судью Бао-гуна и радостный ушел домой.

Китайск., 140, 163

98. Как нашли вора

Жил-был на свете один человек. Было у него три сына. Когда пришло время умирать, человек позвал к себе сыновей и сказал им:

— Я скоро умру, все мое богатство я обратил в золото, а оно лежит в виде большого кирпича в таком-то месте. Когда я умру, возьмите его и разделите между собой поровну.

Вскоре он умер, сыновья похоронили его, устроили по нем поминки и после всего этого собрались вместе.

— Теперь,— сказал старший из них,— мы можем пойти и взять золото.

Пришли они в указанное место, но золота не нашли.

— Что ж,— сказал старший,— о месте, где было спрятано золото, знали только мы и отец. Он уже мертв, а золото взял кто-то из нас. Так как сами мы все равно не сможем найти виновного, то давайте пойдем к хану, он, говорят, славится умом и справедливостью, и попросим рассудить нас и указать вора.

Братья согласились с ним и отправились к хану. [Рассказали ему о своем деле.] Хан сказал им:

— Я попытаюсь вам помочь, а пока прошу вас быть моими гостями,— и с этими словами пригласил их в свои покои [...]

Сестра хана увидела, что брат ее о чем-то крепко задумался, и спросила:

— Что с тобой, брат, отчего ты так крепко задумался?

Хан рассказал ей обо всем, и она сказала:

— Думаю, что я смогу помочь. Ты пригласи их в гостиную и там попроси меня что-нибудь рассказать. Тут уж положишься на меня.

Хан так и сделал, и, когда все удобно уселись, хан попросил сестру рассказать что-нибудь. А когда она показала себя умной собеседницей, то и братья присоединились к его просьбе. И тогда ханская сестра начала рассказ.

«Жили когда-то на свете,— сказала она,— юноша и девушка. Еще с детства были они дружны и любили друг друга великой любовью, а однажды поклялись, что будут принадлежать только друг другу. Но юноша этот был из бедной семьи, и поэтому, когда настало время выдавать девушку замуж, ее родители не отдали дочь за него, а отдали за другого, богатого юношу. Девушка была очень опечалена этим, но не смела противиться воле родителей. Грустная, с заплаканными глазами сидела она, когда жених вошел к ней. А он был человек достойный и, увидев ее в таком горе, сказал ей:

— Почему ты так печальна? Если ты не хотела идти за меня, почему не сказала об этом раньше? Я не настаивал бы.

И девушка объяснила ему, что она не осмелилась перечить родителям, что у нее есть возлюбленный, которому она поклялась в своей верности, поклялась только с ним разделить брачное ложе.

— Ну что ж,— сказал жених.— Я уверен, что он любит тебя не больше, чем я, но не хочу, чтобы ты была несчастна, а посему иди к нему и будь его женой. Обо всем остальном я позабочусь сам.

И девушка, обрадованная, побежала в чем была к своему любимому, удивляясь и восхищаясь благородством отпустившего ее жениха. Любимый ее печально сидел у очага и наигрывал на своем комузе * грустные мелодии. При виде ее он быстро вскочил со словами „Зачем ты пришла?“, на что она ответила: „Я пришла выполнить свою клятву“,— и рассказала обо всем.

И юноша молвил:

— Я не могу причинить горе такому джигиту, как твой муж, поэтому я не оставляю тебя здесь. Ты же можешь быть счастлива и с ним, раз он такой достойный человек.

С этими словами он завязал себе глаза, разделся, затем то же проделала и она, и они легли обнаженные по краям ложа, не прикасаясь друг к другу.

— Ну вот, клятва наша выполнена, иди,— сказал юноша и отвернулся. И девушка пошла назад, дивясь выдержке юноши и гордясь благородством обоих соперников.

На обратном пути ее встретили грабители, ожесточившиеся в своем ремесле и не щадившие ни старого, ни малого, ни женщины, ни ребенка. Они удивились и обрадовались богатству ее одежды и обилию драгоценностей — ведь она была в свадебном наряде — и спросили:

— Куда ты идешь?

— К любимому,— ответила девушка.

— Откуда? — спросили они.

— От любимого,— ответила она.

Те были поражены таким ответом, стали расспрашивать ее, и она рассказала им о случившемся. Тогда грабители сказали:

— Стыдно отнестись без снисхождения к женщине, с которой так благородно обошлись два горячо любивших ее человека.

И они отпустили ее...»

Кончив рассказывать, сестра хана повернулась к братьям и спросила их:

— Как вы считаете, чей поступок был более благороден?

Старший ответил:

— Я считаю, что благороднее всех поступил муж девушки. Он горячо любил ее, так любил, что пошел на все, чтобы получить ее, и, едва получив,— отпустил. Он слишком любил девушку, чтобы видеть ее несчастной. Быть мужем и, не тронув, отпустить любимую — это ли не подвиг!

Средний же сказал:

— А я думаю, что поступок возлюбленного благороднее. Ведь он любил ее с детства. Она пришла к нему, она лежала с ним на брачном ложе, а он отпустил ее. Лежать на одном ложе с любимой, слышать ее дыхание и отпустить ее — это большой подвиг.

— Ну нет,— горячо вступил в спор младший.— Все это бледнеет перед благородством грабителей. Ведь они никогда никого не щадили, а тут упустили такую хорошую добычу, поддавшись минутному настроению. Всю жизнь алкать добычи, а получив ее, отпустить — это настоящий подвиг.

И тогда сестра хана прервала их и сказала:

— Золото у него,— и показала на младшего брата.

И он признался, так как понимал, что сам выдал себя. Вот так-то¹.

Даргинск., 43, 139

99. [Как молла доказал свою правоту]

Однажды молла Наср-Эддин подъехал к базару, привязал осла к столбу, а сам сел под навесом и попросил дать ему чаю.

В это время какой-то человек остановился, слез с осла и начал его привязывать рядом с ослом моллы.

— Не делай этого, почтеннейший,— сказал ему молла,— мой осел на весь аул славится своим норовом. Как бы чего не случилось!

Человек промолчал и, подойдя к молле, сел рядом с ним.

«Видно, глухонемой»,— подумал молла, встал и пошел к ослу

с намерением привязать его к другому столбу. Но в это время осел моллы так брыкнул чужого осла, что тот замертво упал с распоротым животом.

Хозяин осла вскочил и начал ругать моллу Наср-Эддина.

— Ведь я же тебя предупреждал,— ответил ему молла.— Сам виноват.

Но человек не слушал его доводов:

— Твой осел убил моего осла, и ты должен мне за него заплатить!

— Что еще выдумал,— рассмеялся молла.— И не подумаю.

Тогда человек пошел к судье и подал ему жалобу на Наср-Эддина.

Судья вызвал к себе моллу и стал его допрашивать. Но молла Наср-Эддин упорно молчал.

Судья покачал головой и сказал:

— Я вижу, что этот человек немой. Какая же на нем может быть вина?

Тогда истец рассердился:

— С чего это ты решил, что он немой? Когда я подъехал к базару, он мне сказал, что его осел славится на весь аул норовом, и потому не советовал привязывать моего осла рядом с ним. А ты говоришь, он немой!

— Так чего же ты требуешь с него денег за убитого осла, если он тебя предупреждал? — спросил судья.— Этот человек ни в чем не виноват!

— Правильно! — закричал обрадованно молла Наср-Эддин.— Я ему то же самое говорю, а он не поверил.

Так молла Наср-Эддин доказал свою правоту!

Чеченск., 139, 232

100. Умные братья

Жили когда-то три брата, и были эти братья очень мудрыми. Они умели отгадывать тайны и всегда отгадывали правильно. И вот однажды они собрались в путешествие. Шли, шли, и встретился им какой-то человек. Он спросил их:

— У меня пропал верблюд, вы его, случайно, не видели?

— А какие приметы у твоего верблюда? — спросили братья.

— Он слепой на левый глаз,— отвечает человек. Тогда братья сказали:

— Он пошел вот по той дороге.

И тут хозяин пристал к ним:

— Найдите мне моего верблюда!

— Этого мы сделать не сможем,— говорят они. Но тот человек

не успокоился, потащил их с собой к судье, стал на них жаловаться:

— Вот эти люди видели моего верблюда, а не говорят, где он. Спроси их, куда они его дели!

Судья говорит:

— Почему вы не скажете этому человеку, где его верблюд, если вы его видели? Вы его, наверное, сами украли и продали!

Один из братьев отвечает судье:

— Мы его верблюда не видели, но, когда шли по той дороге, заметили, что кто-то объел траву с правой стороны, а с левой стороны трава не тронута. Так мы и поняли, что здесь прошел верблюд, слепой на левый глаз.

Судья освободил их, и они отправились дальше ¹.

Шугванск., 117, 327

101. [Рассказ о подложном муже]

Один юноша, покинувший свой город, прибыл в какую-то обитель и увидел там монаха, отказавшегося от мирских привязанностей и избравшего пост и воздержание. Некоторое время юноша жил вместе с этим монахом и оказал ему несколько услуг, так что монах даже устыдился его любезности.

Однажды он обратился к юноше с такими словами:

— О юноша, я нищий, нет у меня ничего из мирских благ, чем я мог бы отблагодарить тебя. Но зато знаю я одно имя из величайших имен, ему-то я научу тебя, и, если в каком-нибудь деле ты прибегнешь к его помощи, дело это в самом непродолжительном времени придет к благополучному разрешению.

Затем он научил юношу этому имени. Юноша с помощью этого имени возвратился в свой город и молвил про себя: «Ходжа Мансур поехал по торговым делам. Я прибегну к помощи этого имени, чтобы облик мой стал подобен облику Мансура, лицо уподобилось его лицу, безжалостно заберусь в его дом, разрушу основание праведности и невинности его жены и без забот и хлопот овладею ею».

Юноша так и поступил и пошел в дом Мансура. Все домашние, увидев, что облик этого лже-Мансура во всем подобен облику их настоящего хозяина, решили, что это он и есть. А управитель дома спросил:

— О ходжа, где же все твое имущество, куда делись кони и свита? Вижу я, что ты стал бедным и нищим.

— Несколько дней тому назад, — ответил лже-Мансур, — напали на меня разбойники и отняли все мои пожитки и весь товар, свиту же и прислугу взяли в плен. Лишь хитростью и обманом удалось мне спастись от них.

— Не печалься об утраченном богатстве, — сказала жена, — не скорби об утраченном товаре. Самое важное — это жизнь, а денег ты успеешь нажить сколько угодно.

Когда настала ночь и весь дом погрузился в сон, лже-Мансур призвал чистую жену на свое нечистое ложе и хотел запачкать грязью подол ее непорочности, запылить его пылью чувственности. Но жена заметила, что все его повадки обратны повадкам ее мужа, все его ухватки противоположны ухваткам ее супруга. Она тотчас отстранилась от юноши, начала извиняться женскими недомоганиями и сказала про себя: «Посмотрю я несколько дней. Если это действительно мой муж, то что же стало с его любовью и нежностью? Если же это кто-то другой, откуда же у него взялось это полное сходство? Все же несколько дней мне надо будет притворяться больной, чтобы посмотреть, какая тайна появится из-за покрыва неизвестности».

Так прошло несколько дней, и внезапно приехал сам купец Мансур. Увидел он, что жена лежит на одре болезни, а кто-то похожий на него самого сидит у ее изголовья. Тот вцепился этому в волосы и бороду, этот — тому.

— Что ты делаешь в моем доме? — говорит один.

— А ты зачем врываешься ко мне и моей жене? — восклицает другой.

С такими речами пошли они к судье, но тот тоже не мог разрешить их тяжбы. Наконец он велел, чтобы жену спросили об обстоятельствах первой ночи и подробностях ее и мужчин также спросили бы об этом же. Чьи слова совпадут со словами жены, тому жена и принадлежит.

Так и поступили, и рассказ жены совпал с рассказом Мансура. Лже-Мансура присудили к наказанию и выставлению на позор и с сотней унижений изгнали из города, а настоящий Мансур вернулся домой со своей праведной супругой и до конца дней своих жил с ней вместе¹.

Персидск., 50, 123

102. [Сусанна и старцы]

В Вавилоне жил муж, по имени Иоаким.

И взял он жену, по имени Сусанну, дочь Хелкия, очень красивую и богобоязненную [...]

Иоаким был очень богат, и был у него сад близ дома его; и сходились к нему иудеи, потому что он был почетнейший из всех.

И были поставлены два старца из народа судьями в том году [...]

Они постоянно бывали в доме Иоакима, и к ним приходили все имевшие спорные дела.

Когда народ уходил около полудня, Сусанна входила в сад своего мужа для прогулки.

И видели ее оба старейшины всякий день проходящую и прогуливающуюся, и в них родилась похоть к ней, и извратили ум свой и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах [...]

И было, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как вчера и третьего дня, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко.

И не было там никого, кроме двух старейшин, которые спрятались и сторожили ее.

И сказала она служанкам: «Принесите мне масла и мыла и закройте двери сада, чтобы мне помыться».

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видели старейшин, потому что они спрятались.

И вот, когда служанки вышли, встали оба старейшины и прибежали к ней и сказали:

«Вот, двери сада заперты, и никто нас не видит, и мы имеем похотение к тебе, поэтому согласись с нами и побудь с нами.

Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобою был юноша, и ты поэтому отослала от себя служанок твоих».

Тогда застонала Сусанна и сказала: «Тесно мне отовсюду; ибо если я сделаю это, смерть мне, а если не сделаю, то не избегну от рук ваших.

Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить перед господом».

И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старейшины против нее, и оди побегал и отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с нею.

И когда старейшины сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старейшины, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти.

И сказали они перед народом: «Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкия, женою Иоакима», — и послали.

И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. Сусанна была очень нежна и красива лицом, и эти беззаконники

приказали открыть лицо ее, так как оно было закрыто, чтобы насытиться красотой ее.

Родственники же и все, которые смотрели на нее, плакали.

А оба старейшины, вставши посреди народа, положили руки на голову ее [...]

И сказали старейшины: «Когда мы ходили по саду одни, вошла эта с двумя служанками и затворила двери сада и отослала служанок; и пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с нею.

Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали на них и увидели их совокупляющимся, и того не могли удерживать, потому что он был сильнее нас и, отворив двери, выскочил, по эту мы схватили и допрашивали: кто был этот юноша? Но она не захотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем».

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судьям, и осудили ее на смерть [...]

И, когда она ведена была на смерть, возбудил бог святой дух молодого юноши, по имени Данила, и он закричал громким голосом: «Чист я от крови ее!»

Тогда обратился к нему весь народ и сказал: «Что это за слово, которое ты сказал?»

Тогда он, став посреди них, сказал: «Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовавши и не узнавши истины, осудили дочь Израиля?»

Возвратитесь в суд, ибо эти ложно против нее засвидетельствовали».

И тотчас весь народ возвратился, и сказали ему старейшины: «Садись посреди нас и объяви нам, потому что бог дал тебе старейшинство».

И сказал им Даниил: «Отделите их друг от друга подалеже, и я допрошу их».

Когда же они отделены были один от другого, призвал одного из них и сказал ему: «Состарившийся в злых днях! [...] Если ты сию видел, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?» Он сказал: «Под мастиковым».

Даниил сказал: «Точно солгал ты на свою голову» [...]

Удалив его, он приказал привести другого и сказал ему: «Под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою?» Он сказал: «Под зеленым дубом».

Даниил сказал ему: «Точно, солгал ты на свою голову; ибо ангел божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтоб истребить вас».

Тогда все собрание закричало громким голосом [...] и восстали на обоих старейшин, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали; и поступили с ними так, как

они зло умыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная...

И Даниил стал велик перед народом с того дня и потом¹.

Древнееврейск., 32, 13

103. Как один глупец покупал пекинский диалект¹

Жил-был один глупый бездельник. Целыми днями он ничем не занимался, только болтал со своими приятелями, такими же, как и он, бездельниками. Едва где-нибудь соберутся поговорить — он тут как тут.

Однажды зашел при нем разговор о пекинском диалекте, языке чиновников.

— Да,—говорил один, размахивая руками,— пекинский диалект прекрасен. На нем можно разговаривать с начальниками.

А другие кивали головами:

— Да, да, пекинский диалект удивителен. Владеть им — большое дело.

Глупцу запали в память эти слова. Пришел он домой, продал все свое имущество и решил во что бы то ни стало купить пекинский диалект, чтобы разговаривать на нем с чиновниками.

С вырученными деньгами отправился он прямо на базар. По дороге ему встретился человек, торговавший фальшивыми лекарствами. Увидев глупца, который шагал с таким видом, как будто у него было важное дело, хитрец окликнул его:

— Куда ты спешишь так озабоченно? Может, я могу тебе помочь?

— Я хочу купить пекинский диалект,— сказал глупец.

— Пекинский диалект? — спросил хитрый торговец.— У меня его сколько угодно.

— А сколько ты берешь за одну фразу?

— Тебе я уступлю дешево: за одну фразу двести долларов.

Глупец решил, что это в самом деле дешево, и стал учиться у хитреца пекинскому диалекту. Первым делом пошли они оба к берегу реки. Глупец увидел птиц, плававших по воде, и спросил, как они называются.

— Это гуси,— сказал торговец.

Глупец взял это себе на заметку.

Через некоторое время они подошли к павильону.

— Не зайти ли нам отдохнуть? — спросил глупец.

— Нам некогда отдыхать,— ответил торговец.

Глупец и эту фразу запомнил.

Потом они увидели корабли, и он спросил:

— А это что такое?

— Это корабли,— сказал торговец, и глупец опять постарался все как следует запомнить.

Он уже считал, что может разговаривать обо всем, что встретит по пути.

Напоследок они увидели в поле людей, которые что-то сажали. Глупец спросил, что они делают.

— Они сажают тыквы,— ответил торговец.

Тут он заметил, что уже дал дураку обещанные четыре фразы, и если тот действительно расплатится с ним по договоренности, то ему причитается восемьсот долларов. Поэтому он сказал:

— Я уже продал тебе четыре фразы пекинского диалекта. Пожалуйста, расплатись со мной.

Глупец отдал ему все свои деньги и гордо пошел домой, беспрерывно повторяя про себя выученные фразы.

Через год случилось так, что по соседству убили человека. Уездный начальник начал расследование. Но семья боялась, что не сможет понять языка начальника, и была этим очень озабочена.

Вдруг кто-то вспомнил:

— Да ведь тут неподалеку живет человек, который учил пекинский диалект и отдал за это много денег. Лучше всего обратиться к нему.

Семья убитого так и сделала. Глупец был горд, он решил, что наконец-то настал его час, и с удовольствием отправился в путь, повторяя про себя заветные четыре фразы. Все в деревне смотрели на него с огромным уважением, а он шел ни на кого не глядя, с высоко поднятой головой.

Не дожидаясь вызова, он явился к уездному начальнику, чтобы от имени семьи убитого дать показания на настоящем пекинском диалекте.

— Кто убил этого человека? — строго спросил его начальник.

Глупец быстро ответил:

— Это я. (По звучанию совпадает с «это гуси».)

— Почему же ты его убил? — спросил чиновник.

Дурак в ответ произнес:

— Его нельзя было оставить в живых. (Звучит как «нам нельзя отдыхать».)

Услышав такие откровенные признания, начальник сказал:

— Раз ты сам сознаешься, что убил его, у меня больше вопросов нет. Ты подлежишь наказанию.

Дурак ответил:

— Я тоже этого хочу. (Звучит как «это корабли».)

Начальник подумал, что перед ним поистине храбрец.

— Тогда ты будешь казнен.

Дурак же, ничего не слушая, произнес свою четвертую фразу:

— Проклятый чиновник! (Звучит как «они сажают тыквы».)

От этих слов начальник пришел в такую ярость, что велел казнить глупца без промедления.

Китайск., 147, 141

104. Как справедливость может обернуться несправедливостью

В давние времена жили-были два человека. Один был беден, другой — богат. Бедняк взял у богатого двух коров и пас их. В награду он получал от обеих коров молоко.

Богач был добрый человек. Однажды он сказал бедняку:

— Если ты и дальше будешь пасти моих коров и они принесут телят, я отдам часть их тебе.

И вот принесли коровы телят. Богач пришел к бедняку и сказал:

— Давай делить коров.

— Каких коров? — ответил бедняк. — У меня нет твоих коров.

Богач возмутился и стал спорить. Наконец решили они пойти к султану. По пути встретился бедняку его приятель.

— Куда идешь? — спросил он.

— Я иду с этим богачом к султану, — ответил бедняк.

— А какое у тебя к нему дело?

— Этот богач собирается жаловаться на меня. Я пас его коров, а теперь не хочу их ему отдавать.

Приятель сказал бедняку:

— С султаном тебе будет не так просто.

— Что же мне делать? — спросил бедняк.

— Пойдем вместе, — ответил приятель, — я тебя научу, что делать. Когда мы придем к султану и он начнет спрашивать у тебя, как было дело, ты не отвечай ему ни слова. Говори только: «Гм, гм». А я назовусь твоим свидетелем и помогу тебе.

Пришли они к султану. Богатый рассказал, как было дело. Султан стал спрашивать о том же бедняка. Но тот отвечал лишь одно: «Гм, гм, гм!»

Тогда султан обратился к приятелю бедняка:

— Ты можешь что-нибудь сказать об этом деле? Что с твоим другом?

Приятель ответил:

— Этот человек от рождения немой. Его язык беспомощен. Коровы же принадлежат ему, а не богачу. Богач давно зарпился на этих коров и хотел воспользоваться его беспомощностью. Он думал: раз бедняк не умеет говорить, он не сможет постоять за себя.

Услышав такое, султан очень разгневался.

— Ты совершил большую несправедливость,— сказал он богачу.— Зачем ты привел ко мне этого бедного человека?

С этими словами он прогнал богача. А бедняк и его друг пошли домой.

Когда они добрались до дому, приятель сказал бедняку:

— А теперь давай делить коров. Ведь мне причитается доля за помощь.

Но тот ему ответил:

— Гм, гм, гм!

Приятель рассердился:

— Ах, раз так, пойдем со мной к султану!

Пошли они к султану. Приятель, недавний свидетель, сказал:

— Султан, коровы, о которых шла речь, принадлежат богачу.

— Но недавно ты говорил, что коровы принадлежат бедняку,— заметил султан.— А ты что скажешь на это? — обратился он к бедняку.

Тот повторял свое:

— Гм, гм, гм!

— Он прекрасно умеет говорить,— вступил приятель,— сейчас от только притворяется.

Тут султан рассердился:

— Если ты сейчас уверяешь, что он умеет говорить, значит, ты в прошлый раз лгал?

И он прогнал его, а коров оставил бедняку¹.

Ираку, 155, 190

105. Хитроумный служка

Как-то раз пошел один настоятель служить заупокойную службу, а служка остался храм сторожить. Сначала читал он сутры*, а потом надоело ему, и заснул он крепким сном. Вдруг слышит спросонок голос у входа, кто-то спрашивает: «Можно войти?»

Вышел служка из храма, впопыхах протирая глаза, и видит: пришла соседская старуха с большим узлом.

— Передай,— говорит,— настоятелю угощение ради праздника!

Взял служка узел, а оттуда теплый пар идет. Да так вкусно пахнет!

— Э, да она, кажется, данго* принесла! Оставить их настоятелю, так он, по своей жадности, сам все съест, не даст и попробовать. Отведаю-ка сначала я сам!

Развязал служка узел, а в нем — ларчик, полный теплых, свежих данго. Принялся служка уплетать их за обе щеки, и сам не заметил, как все съел. Только тогда спохватился служка:

— Ай, ай, пропал я! Что теперь настоятелю скажу?

Стал он думать, как из беды выпутаться. И придумал. Схватил служка ларчик из-под данго и поставил в алтаре перед статуей Амиды¹. Потом собрал остатки угощения, прилипшие к ларчику, обмазал рот статуи и снова начал читать сутры.

Вернулся настоятель и спрашивает:

— Приходил без меня кто-нибудь?

— Соседская старушка приходила, принесла ларчик с чем-то. Говорит, это вам по случаю праздника.

— А где ларчик?

— Я его в алтаре поставил перед статуей Амиды.

— Молодец, хорошо сделал. Ну-ка где он, этот ларчик?

В самом деле, у подножия статуи Амиды стоял большой ларец. Открыл его настоятель, а в нем пусто.

— Эй, служка, это ты все поел? — сердито закричал настоятель.

А служка отвечает без тени смущения:

— Что вы, неужели бы я осмелился? Как же можно?

Потом оглянулся по сторонам вокруг и воскликнул:

— А, вот оно что! Это Амида все слопал! Смотрите, у него весь рот измазан.

Взглянул настоятель на статую:

— Так и есть! Вот наглая статуя, как бесчестно поступает! — Да как хлопнет Амиду по голове ручкой опахала.

Бронзовая статуя так и загудела:

— Он-н! Он-н!

— Ах так? Ты еще и отпираешься, на другого сваливаешь? Вот же тебе за это!

Снова стукнул настоятель статую по голове, и снова гул прошел:

— Он-н! Он-н!

Настоятель поглядел на служку и спрашивает угрожающе:

— Слышишь? Амида говорит: «Он! Он!» Значит, все-таки ты угощение съел.

— Да разве от одного битья статуя сознается? — отвечает служка. — Нужно устроить испытание кипятком!

Нагрел он воды в большом котле да как плеснет на статую крутым кипятком!

Повалил во все стороны пар, потекла вода, зашипело, забулькала, точно Амида признается:

— С-с-слопал! С-с-слопал!

Служка и говорит:

— Слышите, настоятель? Я же вам говорил! Вот он и сознался!

Яловск., 141, 211

106. Привычка

Есть брахманская деревня под названием Видьястхапа. В ней жил брахман Кешава. Пошел он однажды купаться и у пруда увидел прелестную купеческую дочь. Ему захотелось вступить с ней в связь. Однажды, когда он выходил из воды, она сказала ему: «Подними мне на голову второй кувшин». Он поднял и поцеловал ее в губы. А муж увидел это и повел его к царю. Как спаслись брахману? Вот вопрос...

У брахмана был друг, по имени Витарка. Этот Витарка подошел к нему и шепнул: «Друг, когда придешь во дворец царя, все время чмокай губами и ничего не говори». Брахман так и поступил. Министр сказал: «Никакого преступления этот человек не совершил. Это у него от рождения привычка такая». Так и оправдался брахман перед людьми благодаря спасительной мудрости Витарки.

Индийск., 88, 236

107. Хитрая женщина

Жила-была женщина, и у нее был любовник. Однажды ночью их застал муж. Он убил любовника, а сам убежал. Женщина тотчас сварила труп, сделала из него похлебку и скормила ее свиньям. Так все и обошлось. Через некоторое время муж вернулся и с удивлением узнал, что дело осталось без последствий. Ночью жена ему рассказала, как она поступила, и, когда они с удовольствием обсуждали эту историю, их подслушал сосед, который в это время справлял нужду у стены. Поскольку у него были счеты с этой семьей, он на них донес.

На суде женщина сказала:

— Мой муж ничего не знает. Я все сделала вместе с истцом. Он тоже был моим любовником. А сейчас у него зло на меня, поэтому он донес.

Суд оправдал мужа, а жалобщика наказал за убийство.

Китайск., 147, 116

108. Лай и Амаирми

Однажды Лай и Амаирми¹ вместе гнались за зеброй. Вскоре Лай устал и сказал Амаирми:

— Я устал, попеси меня, Амаирми!

— Хватайся за мой хвост, — ответила Амаирми, — я тебя понесу. А сама подумала: «Понесу его немного, а потом съем».

Лай схватился левой рукой за большой хвост Амаирми, а правой достал свой нож.

— Ты хорошо держишься? — спросила Амаирми. — Я совсем тебя не чувствую.

— Хорошо, — ответил Лай и стал ножом резать ей хвост. — А теперь ты чувствуешь что-нибудь? — спросил он.

— Нет, я ничего не чувствую.

Лай стал резать дальше, пока Амаирми не закричала:

— Ой, что-то меня кусает!

— Это, наверно, мухи, — ответил Лай. Они облепили твой хвост.

— Что это за мухи, которые так сильно кусают?

— Это такие кусачие мухи, — ответил Лай. — Беги побыстрее, чтобы они отстали.

Амаирми побежала быстрее, а Лай тем временем отрезал ей хвост. Амаирми почувствовала, что ей стало намного легче, и спросила:

— На месте ли мой хвост?

Лай ответил:

— Хвост на месте, но он, кажется, разлетелся в клочья.

— Как же это? — в ужасе воскликнула Амаирми. — Я хочу взглянуть на него.

Она обернулась и закричала:

— Где же мой длинный хвост?

— Наверно, ты его потеряла по дороге, — ответил Лай.

— Что ты наделал, Лай! — запричитала Амаирми. — Ты отрезал мой хвост!

— Как я мог его отрезать? Это мухи его сожрали.

— Оставь свои разговоры! — кричала Амаирми. — Сейчас я тебя убью!

В это время навстречу им вышла сестра Амаирми. Лай испугался, потому что он был один.

— Что у вас случилось? — спросила их сестра Амаирми.

— Вот он отрезал мой хвост, — ответила Амаирми.

Сестра посмотрела на ее хвост и засмеялась. Амаирми в гневе прыгнула на Лая, но он успел увернуться.

— Почему ты на него бросаешься? — спросила сестра. — Так не годится. Дело надо передать правителю этой страны, пусть вынесет приговор. А ты, сестра, знай, что в нашем доме тебе нельзя теперь появляться, потому что у тебя нет хвоста.

Амаирми заплакала. А Лай спросил:

— Кто ваш султан?

— Наш султан — змея Харарио, — ответила Амаирми.

— Нет, к нему я не пойду, — сказал Лай, — он не сможет нас правильно рассудить. Лучше пойдем к нашему султану.

— Ваш султан велит осудить меня,— возразила Амаирми,— я к нему не пойду.

— Вы к моему не хотите, и я к вашему не хочу,— ответил Лай.— Каждому дорога своя жизнь.

— Тогда верни мне мой хвост! — закричала Амаирми.

— Где я его возьму? — ответил Лай [...]

Наконец он согласился идти к змее Харарио. По дороге он набрал красной земли и вымазал себе колени, как будто они были в крови.

Амаирми побежала к султану первой, а Лай пошел, хромя, словно еле-еле передвигал ноги.

Харарио выслушал жалобу Амаирми и сказал:

— Я знаю Лая, он очень хитрый человек. Пусть придет. Где он?

— Он немного отстал,— сказала Амаирми.

Харарио послал гонца поторопить Лая.

— Султан требует, чтоб ты шел побыстрей,— сказал гонец.— Почему ты еле тянешься?

— Дурак,— закричал на него Лай,— разве ты не видишь, что я болен и с трудом передвигаю ноги?

И он продолжал идти не торопясь. Явившись к султану, Лай притворился совсем больным, начал тяжело стонать и охать.

— Здравствуй, султан,— еле выговорил он наконец.

— Здравствуй, нехороший ты человек,— ответил Харарио.— Зачем ты оскорбил моего гонца да к тому же отрезал хвост у Амаирми? Чувствуешь ли ты себя виноватым?

Лай сел на землю и сказал:

— Я не знаю. Посмотри сам в свои законы, и ты увидишь, виноват я или не виноват.

— А что с твоими коленями? — спросил султан.

— Посмотри, посмотри в свои законы,— вместо ответа продолжал твердить Лай,— ты все в них увидишь.

Султан повернулся к Амаирми:

— Это ты его так отделала? — спросил он.— Смотри, он весь изранен.

— Посмотри лучше на мой хвост,— сказала Амаирми,— насколько он стал короче!

— Да, я вижу,— возразил султан,— и я уже решил в душе, что Лай достоин смерти. Но так тоже не годится. Идите каждый своей дорогой.

— Как, ты его отпускаешь ненаказанным? — спросила Амаирми.

Лай попытался встать, но никак не мог этого сделать. Ему помогли подняться.

— Он все равно не жилец на этом свете,— сказал султан Ама-

ирми.— Неужели ты не видишь, что здесь не нужен мой приговор? Подожди немного, пока он сам умрет.

Лай медленно пошел прочь. Удалившись на значительное расстояние, он крикнул:

— Я — Лай!

И побежал дальше со всех ног. Султан только вскрикнул от изумления. А Амаирми сказала:

— Видишь, только что он был болен, а теперь оказался здоров и силен. Я больше знать не хочу ваших законов! Пусть теперь лучше каждый сам судит, как считает справедливым.

Ираку, 160, 108

О СЛЕДАХ, УЛИКАХ И СУДЕЙСКОЙ СМЕТЛИВОСТИ

109. Следы жира

— Да продлится жизнь твоя, Мелик! — сказал мясник Али.— Этот человек украл мои деньги, а говорит, что не брал. Когда я продавал мясо, только он стоял у прилавка, больше никого не было.

— Что же мне теперь делать? — растерялся Мелик-Шахназар. Ведь на твоих деньгах не написано твое имя. Всё деньги схожи. Как же я угадаю, чьи это деньги — твои или его?

В это время пришел Пулу-Пуги. Узнав, о чем спор, он попросил миску горячей воды.

«Что он будет делать?» — недоумевали односельчане.

Когда принесли кипяток, Пулу-Пуги взял деньги, которые отобрали у вора, и бросил их в воду.

— Да продлится твоя жизнь, Мелик! — сказал он.— Смотри, как на поверхности воды блестит жир. Значит, деньги принадлежат мяснику¹.

Армянк., 27, 115

110. Как вор украл корову

Купил один человек корову, привел ее домой и пустил пастись, а сам прилег отдохнуть и заснул. В это время другой человек отвязал корову и увел ее. Проснулся хозяин, увидел, что вор уводит корову, погнался за ним с криками:

— Эй, ты, куда уводишь мою корову?

А вор как ни в чем не бывало идет своей дорогой. Наконец хозяин настиг вора, схватил веревку и попытался отнять свою корову. Тут вор закричал:

— Ты что, спятил? Я веду корову из дому. Как ты смеешь отнимать ее да еще ругать меня вором?

Спорили они, спорили и к судье пошли. Судья в их деле разобраться не смог и повел обоих к королю.

Хозяин коровы пал ниц перед королем и сказал:

— Ваше величество, я только что купил корову, привел ее домой, пустил пасти, а сам прилег отдохнуть и задремал. Просыпаюсь и вижу — вот этот человек уводит мою корову. Бросился я за ним, хочу скотину отнять, а он не отдает ее, спорит и доказывает, что корова не моя, а его.

— А чем ты кормил корову? — спросил король.

— Травой, ваше величество, — ответил озадаченный хозяин.

Тут заговорил вор:

— Ваше величество, я вел корову из дому. Вдруг этот человек набросился на меня, веревку вырывает, в краже обвиняет.

— А ты чем кормил свою корову? — спросил король.

— Горохом, ваше величество.

Приказал король слуге принести жвачку коровы. В жвачке была одна трава и никаких следов гороха. Тогда король приказал отдать корову ее хозяину, а вора наказать плетью.

Кхмерск., 89, 297

111. [Сикхалол и Лизор]

[...] Однажды Сикхалол с несколькими юношами поехал кататься на лодке. Юноши стали купаться, а в лодке остался один Сикхалол. Лодка стояла у берега, недалеко от хижины, где женщины живут во время месячных. В это время там находилась Лизор. Она увидела Сикхалола и подумала: «Кто же этот красивый юноша?» Лизор вошла в воду и ухватила за лодку.

— Отпусти лодку, — попросил Сикхалол.

— Иди ко мне, — позвала его женщина, — мне нужно тебе кое-что сказать.

— Я не могу сойти на берег, — отвечал юноша, — я без набедренной повязки.

Лизор придвинулась к нему поближе и сказала:

— Приходи ко мне вечером, и мы поласкаем друг друга.

— Но я не знаю, где ты спишь.

— Сейчас я живу вон в той хижине. Приходи туда.

— Ладно, приду, — сказал юноша и отплыл от берега.

Дождавшись темноты, Сикхалол отправился к Лизор, и они провели вместе всю ночь. А перед рассветом юноша вернулся домой. И так они стали делать каждую ночь.

Прошло десять дней, и вождь Соксурум пришел за женой.

Он удивлялся, почему Лизор так долго остается в хижине. Но женщине не хотелось возвращаться домой. Она обманула мужа, сказав, что ее нечистое состояние еще не кончилось. На самом деле она собиралась по-прежнему принимать юношу [...]

Прошло много времени — больше трех месяцев. Однажды во время любовной игры Сикхалол случайно расцарапал ногтями щеку Лизор.

А вождь Соксурум с нетерпением ожидал жену. Наконец он пришел за ней в хижину.

— Ты меня обманываешь! — воскликнул вождь. — Ты живешь здесь уже почти четыре месяца!

Сначала женщина отказалась уходить домой, но муж разгневался, и ей пришлось покориться.

На щеке Лизор все еще были видны царапины, оставленные Сикхалолом. Чтобы муж не увидел их и не догадался, откуда они взялись, женщина стала начесывать на щеки свои длинные волосы. Но Соксурум уже заметил царапины и думал, откуда они могли взяться. Однажды он откинул волосы жены с ее щек и потребовал:

— Расскажи-ка, отчего у тебя царапины!

— Не знаю.

— Ты с кем-нибудь путалась?

— Нет! — воскликнула Лизор, но муж ей не поверил.

Он взял духовую раковину и протрубил. Сразу же все мужчины селения собрались у дома вождя. Соксурум велел им по очереди подходить и прикладывать руку к лицу жены. Он хотел найти того, кто оставил царапины. И пока мужчины один за другим подходили к Лизор, вождь стоял рядом. В руке он держал топор и был готов снести голову виновному.

Но вот все мужчины прошли испытание, и оказалось, что виновного среди них нет.

Тогда вождь велел назавтра прийти тем, которые жили в стороне от селения. [Среди этих людей был и Сикхалол. Все мужчины прошли испытание. На подозрении оставался один Сикхалол.]

Соксурум велел юноше подойти и приложить руку к щеке Лизор.

— Если ты виновен, я тебя убью! — воскликнул вождь и сжал топор.

Сикхалол приложил пальцы к щеке женщины, и стало ясно, что это он оставил царапины. Разгневанный вождь замахнулся топором, но Сикхалол был уже обучен защищаться. Он выхватил топор из рук Соксурума и отрубил ему голову [...]

Микронезийск., 105, 298

112. Тяжба с баньяном ¹

Давным-давно жили на свете муж с женой. Муж занимался торговлей: продавал благовония. Детей у супругов не было. По торговым делам муж часто уезжал в далекие края, лишь изредка доводилось ему жить в своем доме. Однажды, когда он давно уже не появлялся в родной деревне, его жена приглянулась деревенскому старосте. Власть старосты, как известно, велика, потому староста без труда соблазнил жену торговца и стал наведываться к ней по ночам. Однако он был осторожен: чтобы никто не догадался о его утехах, староста заглядывал в дом торговца, лишь когда совершал ночной обход. А такой обход, все знают, старостам полагается делать каждую ночь. В деревне никому и в голову не приходило заподозрить старосту в ночных шалостях.

Между тем муж торговал в дальних краях, и все ему недосуг было заглянуть домой. Дела его шли хорошо, и он заработал большие деньги. Только когда прошли три года, незадолго до годовщины смерти своего отца, торговец вдруг затосковал по дому, подсчитал барыши и отправился в обратный путь. Он был уже совсем близко от своей деревни, когда наступила ночь. Вспомнив о деньгах — а достались они ему нелегко, — он подумал: «Я ведь так давно не был дома! Как знать, не случилось ли там чего за это время?» Достал он из котомки мешочек со ста двадцатью лянгами² серебра, подошел к огромному баньяну, что на самом краю деревни, залез повыше и спрятал деньги в дупле. Потом сказал баньяну:

— Ты знаешь меня, о баньян! Я из этой деревни. С большим трудом я скопил эти деньги, а теперь доверяю их тебе и заклинаю: сохрани их.

Когда торговец переступил порог родного дома, жена приветливо встретила его и кинулась накрывать на стол. Но когда она увидела пустой кошель, стала браниться:

— Проторговался ты, а я тут ждала тебя, страдала! Небось даже ни разу не вспомнил обо мне! Куда же ты дел все деньги? О небо, за что же такое наказание?

Торговец убедился, что жена по-прежнему любит его, и успокоился. А когда они легли спать, он рассказал жене обо всем, не утаил и о том, что спрятал деньги в дупле баньяна.

Он не знал, что в эту ночь после обхода староста по привычке заглянул в его дом. Собаки давно уже принимали старосту за своего, к тому же он научился ловко открывать ворота. Староста уже собирался было проскользнуть в дом, как услышал голоса. Он догадался, что вернулся из дальних краев торговец, остановился и прислушался. Тут-то староста и узнал, что торговец благовониями спрятал деньги в дупле баньяна. Он обрадовался и, не теряя

времени, разыскал спрятанные деньги. И проделал все это он так ловко, что никто ничего не видел.

На другой день рано утром торговец отправился за своими деньгами, но, как говорится, деньги хоть и не имели крыльев, но все-таки улетели. Торговец не нашел на месте своих денег и опечалился. Ведь бедняга не знал даже, кого и заподозрить. Он бил себя кулаком в грудь и жаловался на свою горькую судьбу. Потом он узнал, что неподалеку от тех мест живет высокомуудрый старец. О нем шла слава, что он искусен улаживать спорные дела. Торговец срубил баньяновую ветку, явился с нею к учепому старцу³ и рассказал ему, что хочет пожаловаться на баньян. Высокомуудрый старец поразмыслил и велел торговцу благовоениями оставить у него баньяновую ветку и прийти на другой день утром. Мудрый судья тут же повелел страже со всех сторон огородить баньян и никого к нему не подпускать. А потом приказал вырыть около дерева яму, да так, чтобы никто об этом не знал. В яму же мудрец посадил своего человека и приказал ему все вокруг примечать.

На следующее утро уселся мудрец неподалеку от баньяна. Любопытных собралось — целая голпа. И начали творить суд над баньяном, стали судить дерево. Сначала мудрец сказал, что баньян признался ему. Мол, рассказал баньян, что получил на сохранение мешочек с деньгами, но кто эти деньги взял, назвать не хотел. Сколько ни допрашивал старец, больше баньян ни в чем признаваться не хотел. Как ни усердствовали стражники, баньян только горько плакал. И лишь на третий день баньян назвал наконец имя того, кто украл деньги, но сказал это на ухо одному ему, высокомуудрому старцу, и не захотел сказать об этом во всеулышание. После этого мудрец велел торговцу благовоениями отправляться домой.

— Через три дня вор будет пойман, — промолвил старец. — Ступай, ты получишь свои деньги обратно. Но ты должен устроить в своем доме пир, дабы отблагодарить небо. Да не забудь пригласить на этот пир всех жителей деревни. Пусть они порадуются вместе с тобой твоей удаче.

Потом подозвал торговца к себе поближе и сказал шепотом:

— Когда гости начнут собираться, не вздумай привязывать псов за домом, пусть остаются они во дворе на своем месте.

Торговец благовоениями с величайшим почтением выслушал мудреца. Дома он велел заколоть буйвола и пригласил всех односельчан на пир. Когда гости начали собираться, псы набрасывались на каждого и лаяли до хрипоты. И только одного старосту псы пропустили как своего — ведь недаром он ходил в этот дом целых три года. Люди, которых мудрец спрятал в укромном месте, тотчас выскочили, схватили старосту и привели к судье.

Староста поначалу все отрицал. Но когда мудрец рассказал

ему о его почных похождениях и притом добавил, что баньян с самого начала описал ему, как выглядит вор, староста сознался во всех прегрешениях.

...В наше время в провинциях Нгеан и Хатинь бытует поговорка «Затейть тяжбу с баньяном». Так говорят об истце, который, затеяв тяжбу по одному поводу, выясняет и кое-что другое, очень для него важное.

Вьетнамск., 113, 98

113. Удивительный суд

Один старый торговец шелком отправился как-то раз из Пхеньяна на юг с ценной ношей. Он хотел продать на рынке в Саривоне тридцать два маленьких рулона тонкотканого пестрого шелка. В пути его застала ночь. Ни деревни, ни гостиницы поблизости не было. К счастью, у самой дороги торговец увидел гробницу какого-то знатного человека, окруженную стеной. Справа и слева от погребального холма возвышались два больших каменных изваяния, изображавшие министров или ученых. Рядом с ними стояли два коня. Здесь торговец и решил заночевать. Он связал вместе все свои рулоны с шелком и положил их под голову. Утомленный жарой и долгой дорогой, он очень скоро заснул.

Когда он утром проснулся, связки шелка под его головой не оказалось, вместо нее лежал жесткий камень. Торговец в ужасе вскочил: все плоды его многолетнего труда, которые должны были дать пропитание ему и его семье, были кем-то похищены. Он тут же поспешил к мандарину и рассказал ему о своей беде.

Мандарин этот был известен своей справедливостью к бедным и угнетенным; к злоумышленникам же он был беспощаден. За это народ его любил и славил.

Выслушав торговца, мандарин-судья спросил его:

— Не видел ли ты кого-нибудь поблизости от гробницы?

— Никого, господин,— ответил торговец,— кроме двух больших каменных изваяний, которые стояли по сторонам погребального холма.

— Значит, ни одного живого существа? — еще раз спросил судья.

— Нет, я действительно не видел ни одного человека.

— Что ж, тогда придется доставить оба каменных изваяния,— решил мандарин,— пусть они будут свидетелями.

Люди были очень удивлены: зачем разорять гробницу и приписать безмолвные изваяния? Но судья стоял на своем.

— Суд и справедливость требуют этого,— сказал он.— Воровство — великое злодеяние, оно отвратительно даже бессловесным существам.

Жителям было очень любопытно, что же будет дальше. Все хотели присутствовать на этом удивительном суде. Судья вначале не разрешал им этого, но наконец согласился, чтобы тридцать человек из числа местных жителей присутствовали при разбирательстве.

Суд начался. Сначала были зачитаны цитаты из классических китайских книг, потом несколько параграфов из местного законодательства. Все слушали молча. Но вот торговец, причитая, рассказал о своей беде.

Тогда судья громко и торжественно спросил у каменного изваяния, которое было доставлено с гробницы в зал суда:

— Ты украл шелк?

Статуя молчала.

— Раз он не хочет говорить, всыпьте ему шестьдесят палок,— сказал судья.

Служители взяли свои тяжелые дубовые палки и стали бить камень. Тут люди не смогли удержаться от смеха. Услышав это, мандарин внезапно разгневался:

— Когда я выношу свои решения, никто не вправе смеяться!— воскликнул он.— За это вы будете наказаны.

Люди стали просить прощения, но мандарин был неумолим.

— Я приговариваю вас к штрафу,— сказал он.— Каждый из вас должен купить рулон шелка и принести сюда.

Тридцать жителей, присутствовавших на суде, попробовали было спорить, но в конце концов вынуждены были подчиниться и, чтобы не получить еще более сурового наказания, покинули здание суда. Через некоторое время они вернулись. Каждый нес под мышкой рулон шелка.

Едва торговец увидел ткань, как он воскликнул:

— Но это тот самый шелк, что у меня украли!

Мандарин расспросил всех, у кого они купили ткань. Доставили в суд продавца, а вскоре нашли и вора.

Так две каменные статуи действительно обличили преступника и доказали, что даже бессловесным существам отвратительно воровство¹.

Корейск., 161, 146

114. [Как судья нашел золото]

Один житель Куфы, уезжая надолго из родного города, закопал под деревом в пустынном месте тысячу динаров. Когда же он вернулся, то увидел, что земля под деревом разрыта, корни выворочены, а золото, которое он спрятал, исчезло.

Загоревал он и пошел к судье Шурайху и рассказал ему о случившемся.

— Ступай с миром,— сказал судья,— и приди ко мне через три дня, но смотри никому ничего не рассказывай.

Тот человек ушел, а судья вызвал городского лекаря, к которому обращались со своими немощами и знатные и простолюдины, и спросил его:

— Целителен ли корень того одинокого дерева, что растет в пустынном месте у нас за городом?

— Да,— ответил лекарь,— польза этого корня для хворых бесспорна, а целебные свойства его для недужных бесчисленны.

— А не пользовал ли ты кого-нибудь недавно тем корнем? — спросил судья.

— Пользовал,— ответил лекарь,— месяц тому назад занедужил один человек болезнью, излечить которую можно только этим корнем. Я рассказал ему, где растет это дерево, и он исцелился.

Судья отпустил лекаря и вызвал к себе того исцелившегося. Тот пришел, и судья усадил его перед собой, и принялся наставлять и усовещать мягко и обходительно, и прочел ему несколько подходящих случившемуся стихов Корана, и рассказал несколько соответствующих происшедшему преданий из жизни пророка. Так он размягчил сердце похитителя, тот сам повинился в совершенном и вернул тысячу динаров потерпевшему.

Персидск., 24, 111

115. Спрятанный топор

Цзоу Цзин был честный и правдивый крестьянин. Был он беден и жил только тем, что каждый день ходил в горы за хворостом.

Однажды нарубил он две вязанки хвороста и принес их в город на продажу. А в городе жил богач по имени Лу Жигань, он-то и купил хворост Цзоу Цзина. Отнес Цзоу Цзин вязанки в дом богача, а сам пошел обратно в деревню.

На другое утро собрался Цзоу Цзин опять идти в горы, хворост рубить, глядь, а топор куда-то исчез. Вспомнил он, что продал вчера хворост Лу Жиганю да и позабыл взять свой топор обратно, так и остался он, наверное, в вязанке. Заторопился он снова в город, топор свой искать.

А богач Лу Жигань был скупой-прескупой и любил за чужой счет поживиться. Увидели он и его жена, что топор, воткнутый в вязанке, острый, блестящий, и решили тайком оставить его у себя. Пришел Цзоу Цзин за топором, а Лу Жигань прикинулся ничего не понимающим и говорит:

— Я вчера купил только твой хворост. Откуда же мне знать про твой топор?

— Я ясно помню, что воткнул топор в вязанку, а хворост продал тебе. Значит, топор наверняка в твоём доме.

А Лу Жигань знай отпирается, говорит, что нет топора у него. Начали они ругаться. Лу Жигань кричит, что Цзоу Цзин от своей бедности совсем с ума сошел, клеветает на людей. А крестьянин остался без топора, нечем теперь хворост рубить, рассердился, действительно, а тут еще богач кричит, что он клеветает, на людей наговаривает. Рассвирепел Цзоу Цзин еще больше и давай тоже ругать Лу Жиганя.

А у Лу Жиганя и деньги есть, и сила. Как это он спустит, что Цзоу Цзин ругал его! Схватил он бедняка и потащил в ямынь* жаловаться.

А пачальник уезда, конечно, знал, что Лу Жигань местный помещик. Выслушал он дело и как заорет на Цзоу Цзина:

— Ясно, ты клеветешь! В доме у Лу Жиганя полно денег, неужели же ему понадобился твой топор?

А как раз в этот день приехал в эти места Бао-гун по своим делам и остановился прямо в ямыне. Услышал он об этом деле и подумал. «Этот дровосек Цзоу Цзин, наверно, в самом деле оставил свой топор в вязанке, иначе он не осмелился бы спорить с Лу Жиганем». И Бао-гун тайком послал одного из стражников к богачу домой.

— Твой муж проиграл дело в ямыне и признался, что топор спрятан у вас дома. Ну-ка давай его сюда скорей! — сказал стражник жене богача.

Услышала женщина, что ее муж уже все рассказал. Делать нечего, принесла топор. Унес стражник топор и передал его Бао-гуну. А Бао-гун приказал сперва найти еще один топор, вынес его к Цзоу Цзину и говорит:

— Посмотри-ка, твой топор или нет?

Поглядел крестьянин и отвечает:

— Это не мой!

Велел тогда Бао-гун принести топор, взятый из дома Лу Жиганя, и крестьянин тут же сказал:

— А вот этот мой!

— Цзоу Цзин оставил топор в твоём доме, а ты спрятал его. Твоя жена уже отдала его, что ж ты еще отпираешься? — сказал Бао-гун помещику.

Услыхал Лу Жигань, что жена отдала топор, не стал дальше отпираться и признался во всем.

А Бао-гун решил проучить богача и говорит:

— Цзоу Цзин беден, он только и живет тем, что каждый день ходит с этим топором в горы, хворост рубить. А ты, помещик, решил присвоить его топор да еще явился с жалобой, что дровосек клеветает на тебя. Вот уж ясно, что называется «пользуешься силой, чтоб обмануть человека!»

И Бао-гун приказал стражникам побить Лу Жиганя и выгнать

из ямы. Увидел уездный начальник, как искусно решил дело Бао-гун, и стало ему обидно и грустно, и он преклонился перед талантом Бао-гуна.

Китайск., 140, 27

116. Лиса в личине короля

Однажды хитрая лиса пробралась в деревню. Она долго рыскала по курятникам, свернула головы нескольким петухам и, объевшись, легла спать.

Случилось так, что в тот же курятник пробрался хорек. В темноте он наткнулся на лису. Перепуганная лиса прыгнула с полатей и попала в чан с краской. Выбравшись из чана, она бросилась в лес.

Пришел солнечный день. Шерсть на лисе подсохла. Но страшное дело! Шкура лисы стала походить цветом на бирюзовый камень. А как известно, этот камень в Тибете ценится больше других. Обрадовалась лиса, задрала голову, надулась, ходит важная, ни на кого не глядит.

Повстречал лису заяц.

— Ты кто такая и откуда? Зверь с такой шкурой мне знаком!

— Я королева всех зверей. Меня зовут Цзаца. Я спустилась на землю по велению небесного императора.

Быстро разнеслась по лесу молва: новая королева объявилась!

Стали звери один за другим на поклон к лисе приходить. Ее окружили почетом, лучшим мясом угощают, родниковую воду ей носят. А гордая лиса забралась на спину к слону и оттуда командует:

— Медведь, принеси мне мед! Лапъ, сбегай в поле за ягодами! Хорек, раздобудь мне свежей курятины...

Все звери повинуются новой королеве. Даже лев, гроза лесов, день и ночь стоит на страже — охраняет строгую королеву.

И вот однажды лисица захотела, чтоб на нее посмотрела родная мать.

«Пусть знает, какова у нее дочь! Без ее помощи в королевы выбилась!» — подумала лиса и приказала:

— Тигр, беги за девять гор и девять рек. Там у ключа найдешь нору, в норе живет моя мать! Вели ей явиться сюда.

Не посмел послушаться храбрый тигр. Бросился он на поиски матери королевы. Девять гор и девять рек — не преграда для тигра. Вмиг добежал он до звонкого ключа, отыскал нору, а в норе...

Смотрит тигр и глазам не верит. «Так ведь это обыкновенная лисица! Значит, и наша „королева“ тоже из той же породы!» —

процеслось в голове Тигра. И, ни слова не говоря, тигр ринулся обратно. Добежал до последней горы, откуда весь лес был виден, да как закричит:

— Гоните шарлатанку! Бейте ее! Это не королева, а самая обыкновенная лиса! Я только что видел ее мать!

Но, как говорится, не пойманный — не вор. Стали судить да рядить звери, как доказать, что королева — простая лиса.

И тогда хитрый хорек, которому больше других пришлось быть у королевы на побегушках, предложил:

— Слышал я, что лисицы хорошо плавают. Пошли к реке и устроим там гопки. Если королева всех обгонит, пусть и впредь остается на троне.

Так и сделали. Подошли к реке. Хорька назначили судьей. По его команде кинулось зверье в воду. И вдруг все увидели, что прозрачная вода вокруг лисы замутилась. Остановили гопки, вытащили королеву из реки — сразу все стало ясно!

А лиса стояла посреди зверей, опустив голову и поджав хвост.

— Пошла прочь, — сурово проговорил старый слон. — Таким «королевам» не место у нас.

Он приподнял мошеницу хоботом и швырнул ее далеко на другой берег.

Тибетск., 91, 84

117. Неразрешенные судебные дела

Давным-давно жил некий хан. Когда он перекочевывал, то на новом месте ставил рога антилопы, чтобы они охраняли его от всякой нечисти.

Как-то один охотник вздумал принести в подарок хану лебедей. Пошел он к озеру, улегся там с ружьем наготове и стал поджидать дичь. Прилетели на озеро семь лебедей. Охотник решил всех застрелить, когда они поднимутся в небо и вытянутся в один ряд. Пока он ждал, другой охотник выстрелил в лебедя и убил его наповал. Привязал убитого лебеда красной шелковой ниткой к поясу и понес в подарок хану. Явился к хану и первый охотник и так сказал:

— Всесильный хан, я лежал на берегу озера и ждал, когда семь лебедей поднимутся в небо и вытянутся в ряд, чтобы одним выстрелом убить всех разом и отнести вам в подарок. Откуда ни возьмись, другой охотник подстрелил одного лебеда и понес вам, а остальных спугнул, и они улетели. Прошу вас, хап, созвать справедливый суд и заставить охотника оплатить мне семь лебедей.

В ответ на это хан и говорит:

— Неизвестно еще, смог бы ты убить всех семерых лебедей одним выстрелом, а потом охотник, на которого ты жалуешься, явился ко мне раньше тебя и не с пустыми руками, как ты, а с лебедем. Поэтому я отказываюсь вас судить.

Так и не удалось рассудить охотников.

Во владениях того хана жил богатый гелюнг *. Когда табуны гелюнга гнали на водопой, то все заранее должны были перекочевывать в другие места, чтобы не мешать им.

Однажды, когда табун гелюнга должен был пойти на водопой, все население перекочевало, на пути осталась лишь одна кибитка бедняка, у которого рожала жена.

Когда табуны шли, то подняли они такой шум, что новорожденный у бедняка скончался. На другой день бедняк пришел к хану с жалобой.

— Вчера, хан, когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, моя жена родила ребенка, но новорожденный скончался от шума. Прощу вас, хан, созовите суд и накажите виновного.

— Наверное, табуны, проходя через твою кибитку, задавили твоего сына? — спросил хан.

— Нет, табуны шли не через мою кибитку, а мимо, но, если бы они не проходили мимо кибитки, ребенок мой не умер бы, — настойчиво сказал бедняк.

«Табуны шли на водопой стороной, кибитку не задевали, а ребенок скончался» — так подумал хан и сказал бедняку:

— Нет, не могу я это рассудить.

Так не удалось разобрать и второе судебное дело, и оно осталось неразрешенным.

Жил-был один мальчик, была у него только мать. Нанялся он к хану пасти телят, играть с его детьми и улаживать их ссоры. Дети хана всегда слушались этого мальчика.

Однажды мальчику сильно захотелось есть, но есть было нечего. Тогда он уговорил ханских детей зарезать телят. Как решили, так и сделали: телят зарезали, мясо сварили и съели.

Вечером, когда коровы пришли домой, смотрят — одного телят не хватает. Стали разыскивать, расспрашивать, а ханские дети сознались и выдали зачинщика.

Хан вызвал мальчика и спрашивает:

— Зачем же ты зарезал нашего телят?

— Есть очень хотелось, — ответил он.

Допросил мальчика хан и решил его казнить. Узнала об этом мать мальчика, прибежала к хану и стала его упрашивать:

— Могущественный хан, не казните моего сына, он ведь не простой, а особенный.

Хану стало любопытно, и он приказал позвать мальчика.

— Есть у меня два неразрешенных судебных дела. Если ты их разрешишь, то я тебя пощажу,— сказал хан.

— Я смогу решить, только скажите, что за дела,— ответил мальчик.

Хан тотчас же послал гонца за охотником. Привели охотника. Мальчик его и спрашивает:

— Вы хотели одним выстрелом убить сразу семь лебедей?

— Да, я.

— А далеко ли от вас были лебеди?

— За сто шагов.

— А есть ли у вас дети? — спросил мальчик.

— Сынок двухлетний.

— Если вы и вправду искусный стрелок, поставьте своего сына, положите ему на голову лебединое яйцо и со ста шагов одним выстрелом пробейте яйцо. Тогда мы убедимся, что вы смогли бы одним выстрелом убить семь лебедей,— сказал мальчик.

Охотник согласился. Здесь же, у всех на глазах он поставил своего сына, положил на его голову лебединое яйцо и на расстоянии свыше ста шагов одним выстрелом пробил яйцо насквозь, а сын остался невредимым.

Так разрешилось первое дело, и охотнику заплатили за лебедей.

— Есть еще одно дело,— сказал хан.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, на их пути стояла кибитка бедняка, жена которого только что родила. Новорожденный испугался шума и умер. Отец ребенка требует осудить хозяина табунов. Разреши это спорное дело,— обратился хан к мальчику.

— Можно,— сказал мальчик.— Наполните большой котел овечьим молоком, вскипятите его и поставьте в кибитку бедняка.

Подоили овец, наполнили молоком большой котел, вскипятили и поставили в кибитку бедняка. На другой день табуны гелюнга Гаванга погнали на водопой мимо этой кибитки. От шума пенка на молоке порвалась на четыре части.

— Мозг новорожденного подобен пенке на молоке,— сказал мальчик.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, не выдержал мозг ребенка, и он умер.

Гелюнг Гаванг был наказан.

Так разрешилось и второе судебное дело.

Хан отменил решение о казни мальчика и сделал его своим судьей.

Калмыцк., 64, 166

118. К чему приводит обман

Некий человек по имени Али собирался в путешествие. А деньги решил спрятать. Он взял горшок, насыпал в него деньги, сверху залил их медом и отнес своему другу Танко.

Прошло два года. Танко, думая, что Али уже не вернется, решил посмотреть, что в горшке. Распечатал он его и увидел, что мед испортился. Недолго думая Танко перевернул горшок, и тут из него высыпались деньги. Танко забрал деньги, а в горшок налил свежего меда и снова запечатал горшок.

Спустя некоторое время возвратился Али и попросил у Танко свой горшок. Распечатал он горшок, но денег в нем не нашел. Пришел Али к Танко и сказал:

— Нехорошо делать так, Танко. Если тебе нужны были деньги, я бы и так их тебе дал. Но раз ты взял их без спросу, я требую, чтобы ты вернул их.

Танко стал кричать, что никаких денег он не видел.

Али обратился к судье, но тот отказался разбирать дело, так как Али давал деньги Танко без свидетелей.

Тогда Али рассказал обо всем самому эмиру. Эмир велел позвать судью и советников и спросил их:

— Сколько времени мед может простоять и не испортиться?

— Не больше года, — отвечали они.

— А теперь попробуйте мед в горшке Али и скажите мне свое мнение, — приказал эмир.

Попробовали они мед и подтвердили, что он свежий.

— Ты слышал? — спросил эмир Танко. — Объясни же нам, как мед, простоявший два года, остался свежим?

И эмир приказал вернуть Али деньги, а Танко строго наказал.

Хауса, 122, 89

119. [Откушенный нос] ¹

Говорят, что на острове Серендипе ² жил-был купец по имени Бихзад. Была у него жена, которую называли Хемназ. Как-то раз Бихзяду случилось отправиться в путешествие. Хемназ была влюблена в одного юношу. Каждую ночь она ходила к нему в дом и орошала свою испорченную душу водой разврата. Через некоторое время Бихзад вернулся. Возвращение его показалось Хемназ чрезвычайно тягостным. Когда настала ночь, дала она мужу лишнее чувство зелье, отнимающую сознание отраву, а сама пошла к юноше. Случайно некий вор забрался в их дом с целью грабежа и сидел в засаде. Увидав все это, он пошел следом за Хемназ, чтобы посмотреть, куда она направляется.

Когда Хемназ уединилась со своим другом, правитель этого города схватил их обоих, женщину отпустил, а юношу увел и вздернул на виселицу, ибо в этом городе был такой обычай: когда женщину заставляли с чужим мужчиной, мужчину вешали, а ее огнускали.

Юноша на виселице испытывал предсмертные муки и расставался с душой, как вдруг пришла Хемназ и сказала:

— О юный Холладж³ наших дней, о мученик нашей эпохи! Последний раз сольем наши губы и обнимемся на прощанье!

Когда Хемназ прижалась лицом к лицу юноши, тот скорчился и от страшной муки откусил ей нос. Нос ее так и остался у него в зубах, а его душа вылетела через его нос. Так без носа и пришла домой Хемназ.

По женскому коварству, из женского зломыслия и низости она, чтобы отвратить от себя позор, выпачкала одежды Бихзада кровью, вложила ему в руку острый нож и подняла крик: «Бихзад отрезал мне нос!»

Когда нос негра-ночи отрезали румийским мечом-солнцем, родные и близкие Хемназ потащили Бихзада к судье и стали требовать возмездия за ее нос. Судья вынес приговор — нос за нос. Но вор все это дело видел от начала и до конца. Он не хотел, чтобы дело было решено по догадкам и подозрениям и чтобы невинный был опозорен. Поэтому он пошел к судье и изложил дело. Судья сказал:

— Твои слова не могут быть доказательством.

— Если нос этой женщины найдут на ее ложе, — возразил вор, — то она права, если же его найдут во рту у покойника на виселице, то я говорю правду.

Учинили тщательное расследование, и нос нашли во рту у того покойника. Судья был этим поражен, а родные и близкие жены смутились и устыдились.

Персидск., 50, 185

120. Чья курица!

Мелик Шахназар часто поручал Пыл-Пуги решать споры однопосельчан.

Однажды пришли две женщины.

— Это моя курица, да продлится жизнь Мелика! — сказала одна из жалобщиц, — а соседка ее присвоила и не отдает.

— Да продлится жизнь Мелика! Она неправду говорит, эта курица моя, — утверждала другая.

— Идите-ка вы обе к Пыл-Пуги, — сказал Мелик Шахназар.

Пыл-Пуги, узнав суть спора, взял курицу и вышел на улицу.

— Где вы живете? — спросил он жалобщиц и, выпустив курицу неподалеку от их домов, крикнул: «Киш!»

— Теперь следите,— сказал Пыл-Пути присутствующим,— в чей двор курица пойдет, тому она и принадлежит.

Армянск., 47, 90

121. Вещественное доказательство

Жена одного одержимого пришла к судье и пожаловалась на мужа:

— Он бьет меня и морит голодом!

Когда судья стал порицать одержимого за такие дела, тот сказал:

— Что касается избиения, то тут она права. Но относительно того, будто я морю ее голодом, она лжет.

И бросился он к ногам судьи и начал его упрашивать лично подойти к его дому, собственными глазами все осмотреть и тогда решить по справедливости.

Услышав такие речи, судья подумал, что, вероятно, в доме у этого человека много хлеба и мяса и он хочет показать их ему. Судья встал и пошел вместе с ним.

Когда они дошли до ворот его дома, сумасшедший показал ему большую кучу нечистот и сказал:

— О судья, взгляни и рассуди во имя Аллаха! Разве могло сие выйти из голодного желудка?

Увидев это, судья очень разгневался и стал ругать себя за то, что поддался уговорам и согласился пойти вместе с одержимым.

Сирийск., 92, 250

122. Проверим

Однажды к ходже принесли два кувшина. В одном было копяное масло, в другом — моча. Затем сторож ввел двух человек. Каждый утверждал, что масло принадлежит ему. Надо было решить, кто из них говорит правду.

— Проверим,— сказал Насреддин.— Пусть оба помочатся в разные сосуды. Кто из них помочится маслом, тот и получит кувшин с маслом.

Турецк., 164, 249

123. Сын богача и бедняк

[...Однажды] сын богача пошел со своей женой на прогулку. На поляне встретили они бедняка. Сын богача спросил:

— Что ты здесь ищешь, бедняк?

— Да что попадется! А вы чего ищете?

— Мы просто гуляем! Какая у нас забота! Есть, пить и ходить гулять. А когда мы придем домой, рисовая каша будет уже готова. А у тебя тоже так?

— Нет, мне приходится самому добывать себе еду. Зато все остальное делают мои жены.

— И много их у тебя? — спросил сын богача.

— Много, только я обычно не беру их с собой. Но все равно в любом месте у меня есть жена — не одна, так другая! Когда я голодею, они готовят мне пищу. Когда мне холодно, они меня согревают, а когда я промокну — обсушивают. Твоя жена тоже делает так?

— Нет, не делает. И я смогу взять другую, только когда умрет эта!

— Выходит, мои жепы лучше! — сказал бедняк. — Хочешь, я покажу тебе одну из них? Пойдем со мной!

Они подошли к реке, и бедняк прыгнул в воду. Вся одежда на нем тут же промокла, и когда он вышел на берег, то весь дрожал от холода. Тогда он развел костер и подсел к огню. Вскоре тело его согрелось. Бедняк перестал дрожать и сказал:

— Вот какие у меня жены! И их много! Если я попаду под дождь, промокну и замерзну, они быстро меня согреют. Если хочешь, я могу с тобой поменяться. Разумеется, только на время. Завтра придешь, вернешь мне мою жену и заберешь свою!

Сын богача отдал бедняку жену и вернулся домой один.

Мать спросила его:

— Сып мой, а где же моя невестка?

— Я променял ее на жену бедняка. От нее куда больше проку!

— Так где же твоя новая жена?

— Она там, на кухне; имя ее — Огонь.

— Бедняк обманул тебя! — проговорила мать. — Но, видно, ты сам хотел этого!

Слова матери заставили сына задуматься. Подумав, он сказал себе: «А ведь мать права!» — и поспешил к реке. Но ни бедняка, ни жепы там уже не было — они убежали.

На другое утро сын богача увидел, как бедняк с его женой входили в дом раджи. Не долго думая он бросился вслед за ними, схватил свою жену за руку и хотел было увести ее к себе. Но раджа остановил его:

— Ты почему хватаешь эту женщину?

— Это — моя жена! — отвечал сын богача. — Бедняк хитростью отнял ее у меня!

Раджа сказал:

— А ну подойди ближе, я рассужу вас!

Он подробно разузнал у них обо всем, что произошло накануне, и под конец спросил:

— Так это твоя жена, сын богача?

— Да, моя!

— А может, твоя, бедняк?

— Конечно, моя — и в жизни, и в смерти!

Тогда раджа велел им обоим молчать и подозвал к себе женщину.

— Пощекочи себе горло! — приказал он ей.

Женщина сделала то, что требовал раджа, и ее вырвало листьями таро *, которые они с бедняком ели вчера вечером.

Затем раджа приказал сделать то же самое сыну богача. И тот отрыгнул жареную рыбу и совсем белый рис, который всегда едят богатые люди.

Потом раджа обратился к бедняку:

— Теперь твой черед!

Бедняк пощекотал себе горло и выбросил из желудка зеленые листья таро.

— Это значит, — закричал раджа, — она не твоя жена, сын богача! Ведь она ела листья — еду бедняков, а в твоём желудке была пища богатых. Выходит, не у тебя отняли жену, а ты сам хотел отобрать чужую!

И раджа присудил женщину бедняку.

А богатых людей с тех пор стали считать большими лжецами.

Сималурск., 83, 102

124. [Хитрость Цяо Шуня]

Однажды какой-то человек повесился в чужом доме, и родственники покойного обвинили в убийстве хозяина. Бедняга пошел к Цяо Шуню и спросил у него совета, как быть.

— Вернись домой и вынь повешенного из петли, — сказал Цяо Шунь.

Тот так и сделал.

— А теперь повесь его второй раз, — сказал Цяо Шунь.

Хозяин сделал и это.

— А теперь надень ему на ноги новую обувь, — сказал Цяо Шунь, — и, когда судейские чиновники придут к тебе, скажи им: «Это, наверное, сделали те, кто подал на меня жалобу. Они захотели меня оклеветать. Смотрите: обувь у покойного совсем новая,

ня подошвах нет ни пылинки. А на шее два следа от петли. Разве не видно, что он был повешен раньше? А потом труп перенесли в мой дом и повесили там еще раз».

Хозяин сказал все, как велел ему Цяо Шупь, и выпутался из беды. А жалобщики сами получили наказание.

Китайск., 147, 113

125. Что ухо!

Приходят к Афанди-казию два человека.

— Рассуди нас, о судья! Он откусил мне ухо,— заявил один, указывая на своего спутника.

— Не я, а сам он откусил себе ухо! — заявил другой.

— Приходите завтра,— говорит им Афанди,— и тогда я рассужу, кто из вас прав, кто виноват.

Дома решил ходжа проверить: можно ли самому себе откусить ухо. Вертелся, вертелся посреди комнаты — уха не достать! Разозлившись, он так дернул себя за ухо, что потерял равновесие и грохнулся на пол...

С перевязанной головой, охая и прихрамывая, на другой день встретил Афанди своих жалобщиков. И говорит он пострадавшему:

— Ты сам себе откусил ухо, нечего говорить на других!

— Послушай, Афанди,— возмутился тот.— Как же можно самому себе откусить ухо?

— Что ухо! — морщась от боли, говорит Афанди.— Даже голову и то можно разбить самому себе! ¹

Уйгурск., 136, 43

126. Умный вор

Однажды некий человек украл в чужом саду дыню. Только он собрался съесть ее, как его поймал хозяин сада. Повесив дыню вору на шею, хозяин сада повел его к старосте деревни.

Вор шел впереди. Вдруг он сделал вид, что ему холодно, и прикрыл голову и плечи концом панунга *. Теперь уже хозяин сада не видел, что делает вор, а тот спокойно съел всю дыню.

Тем временем они пришли к дому старосты.

— Этот человек украл у меня дыню,— сказал владелец сада.— Я привязал дыню ему на шею и привел его к вам.

— Я думал, что он просит меня проводить его к вашему дому,— ответил вор,— и не знал, в чем он обвиняет меня. У меня нет никакой дыни.

Вор отбросил конец панунга, и все увидели, что под ним дей-

ствительно ничего нет. Разгневанный староста закричал на хозяина сада:

— Если ты еще раз посмеешь ложно обвинить кого-нибудь, я прикажу строго наказать тебя!

Тайск., 97, 127

127. [Как сын выбил отцу зубы]

Жили в одном доме отец и сын. Однажды сын — я уж не знаю, из-за чего — рассердился на отца и ударил его, да так сильно, что выбил ему два передних зуба. Отец пришел в ярость и написал на сына жалобу, обвинив его в злом умысле и недостатке почтения¹. Но прежде чем пришел чиновник арестовать его, сын успел сбежать к своему другу за советом. Тот придумал хитрость: он укусил парня в левое плечо и объяснил ему, что говорить на суде.

Сын, повеселев, отправился на допрос.

— Как ты посмел выбить отцу зубы? — спросил его уездный начальник.

— Господин судья, — ответил тот, — дело было так: отец укусил меня в плечо и никак не отпускал. Мне стало так больно, что я поневоле дернулся. А отец мой уже стар, вот два зуба у него и выпали.

И он показал судье следы зубов на своем плече. Тогда судья предложил им помириться, и дело на этом закончилось.

Китайск., 147, 114

128. Хитрая мартышка

Гиена, мартышка, макака и змея нанялись на службу ко льву, и каждой из них лев дал работу. Гиене он велел сторожить ослов, змее — вещи, макаке — сорго, а мартышку сделал своей комнатной служанкой. И вот каждый пошел выполнять свою работу. Мартышка же, следуя приказу своего господина, следила за всеми.

Однажды, делая обход, она увидела, что гиена, вместо того чтобы сторожить ослов, уснула, растянувшись на земле. Мартышка подкралась, ударом ножа распорол живот одному ослу и, обмазав пасть гиены его кровью, ушла. Потом, дождавшись, когда уснет макака, мартышка пошла на поле, нарвала сорго и разбросала его около макаки, как будто та жевала его. Потом она подкралась к змее и, увидев, что та спит, разбросала, побила и попортила все вещи, которые та сторожила. Сделав это, мартышка с расстроенным видом отправилась к своему господину.

— Что случилось? Почему ты такая печальная? — спросил ее лев.

— Мой господин! — ответила мартышка. — Меня огорчает то, что я видела сейчас.

— Не скажешь ли мне, что случилось? — поинтересовался лев.

И мартышка начала свой рассказ:

— Мой господин! Те, которым вы поверили и которых удостоили чести взять к себе на службу, не оправдали вашего доверия. Гиена разорвала и съела осла, а сейчас спит мертвым сном. Макака нарвала сорго и, наевшись, уснула. А змея, вместо того чтобы сторожить вещи, разбила их и также улеглась спать.

Когда лев услышал это, он страшно разгневался и пошел проверить то, о чем ему рассказала мартышка. Обойдя всех, он убедился в том, что мартышка сказала правду. Тогда он приказал схватить их, связать и отправить в тюрьму.

Амхарск., 22, 30

129. О богаче и бедняке

Богач и бедняк были соседями, и однажды богач услышал, как бедняк, молясь богу, просил:

— Боже, пожалуйста, дай мне тысячу бырров *, но, если ты дашь мне на один бырр меньше, я не возьму.

Тогда богач положил в мешок девятьсот девяносто девять бырров и, чтобы посмотреть, как поступит бедняк, ночью подбросил бедняку этот мешок. Деньги со звоном упали на пол.

Тут бедняк подсчитал деньги и обнаружил, что одного бырра не хватает. Он спрятал деньги и сказал:

— Ничего. Завтра он добавит мне еще один бырр.

После этого богач сказал бедняку:

— Это я бросил тебе деньги. Я слышал, как ты сказал, что, если не будет хватать одного бырра, ты не возьмешь деньги, и поэтому решил испытать тебя. А сейчас отдай мне мои деньги обратно.

А бедняк отвечает ему:

— Это мои деньги, и я их не отдам.

Тогда богач предложил бедняку пойти с ним к судье. А бедняк говорит ему:

— Я готов пойти, но у меня нет одежды. Дай мне одежду.

И богач решил, что лучше дать ему одежду и уговорить его явиться к судье, чем лишиться тысячи бырров. Поэтому он купил бедняку одежду и, когда тот оделся, повел его к судье.

Когда они явились к судье, богач стал рассказывать, как все было:

— Я слышал, как этот бедняк, молясь, просил бога дать ему тысячу бырров. Он сказал, что, если одного бырра не будет хва-

тать, он не возьмет деньги. Вот я и решил испытать его. Я бросил ему в дом мешок с деньгами, в котором до тысячи бырров не хватало одного. Он подсчитал деньги и, увидев, что до тысячи бырров не хватает одного бырра, спрятал деньги, сказав: «Завтра он мне добавит». Но ведь я сделал это для того, чтобы испытать его. На самом деле бог не бросал ему денег с неба. Когда же я попросил его вернуть мне мои деньги, он сказал, что не отдаст.

Судья спросил бедняка:

— Он говорит правду?

И бедняк ответил:

— Что вы, господин судья! Не верьте ему. Он еще скажет, что и эта одежда принадлежит ему.

Богач не дал ему договорить и закричал:

— Теперь ты, может, скажешь, что и эту одежду не я купил тебе?

Тут судья сказал богачу:

— Что за вздор ты несешь! Теперь ты уже говоришь, что и его одежда принадлежит тебе. Ясно, что твое обвинение — ложное.

И судья вынес приговор в пользу бедняка.

Так рассказывают ¹.

Амхарск., 22, 183

ОБ УЛОВКАХ СУДЕЙ И ТЯЖУЩИХСЯ

130. Охотник на бакланов

Жили два человека. Одного звали Саокае, другого — Пеалоу. Пеалоу был искушен в науках волшебства и часто с помощью своих познаний присваивал чужое добро.

Однажды пошел Саокае охотиться и убил баклана. Увидел Пеалоу, что Саокае вернулся с добычей, и захотелось ему баклана отнять. Думал он, думал и решил так:

— Если Саокае не догадается со мной поделиться, я его за-сужу.

Разделил баклана Саокае, часть сварил, часть зажарил, все сам съел, о Пеалоу и не вспомнил. Пошел Пеалоу к судье и говорит:

— Когда мой отец тяжело заболел, он предупредил меня, что в следующем своем рождении он будет бакланом. Сегодня Саокае убил и съел моего отца. Пусть он мне теперь пеню платит.

Саокае заявил судье:

— А мои родители предупредили меня, что в следующем рождении они рыбами станут, как и все мои предки. Поэтому я истребляю зверей и птиц, которые питаются рыбой. А если подобные

звери и птицы в прошлых рожденьях были людьми и потомков оставили, пусть эти потомки платят мне пеню за убийство моих сородичей.

Судья не знал, как разобраться в таком сложном деле, и повел спорщиков к королю. Пеалоу, понимая, что дело его проиграно, рассказал все королю и напоследок заявил:

— Саокае убил нездешнего баклана. Этот баклан залетел издалека. Да будет это принято во внимание.

Король спросил:

— А твой отец — баклан, проживающий в наших краях, чем питается? Ест ли он крабов, улиток или рыбу?

— Он ест рыбу.

— Если так, — сказал король, — то Саокае прав, и твой отец действительно истребляет его предков.

И король объявил, что Пеалоу должен стать рабом Саокае.

Кхмерск., 89, 324

131. Мудрый совет

Однажды три товарища отправились в чужую страну. Они вошли в деревню и остановились на ночлег у одной старухи.

Пожелав помыться в бане, они ей сказали:

— Приготовь нам все, что необходимо для купания.

Она все приготовила, забыла лишь положить гребень.

Путники доверили старухе свои деньги, наказав, однако, не отдавать их ни одному из них в отдельности, но лишь всем троим вместе.

Когда они заметили, что среди вещей отсутствует гребень, они послали за ним к старухе одного товарища. Тот же, придя к ней, сказал:

— Мои спутники просили сказать тебе, чтобы ты отдала мне деньги.

Старуха ответила:

— Я не дам денег, пока вы все трое не соберетесь вместе.

Он сказал:

— Сами мои товарищи велют тебе дать мне деньги.

Она встала возле двери, ведущей в баню, он же вошел к своим товарищам и сказал им:

— Старуха стоит за дверьми.

Тогда они крикнули:

— Дай ему, старуха!

Она вынула деньги и вручила ему, а он, взяв их, скрылся.

Товарищи долго ждали, пока он принесет гребень, но он не показывался.

Тогда явилась к ним старуха и сказала:

— Пришел ваш товарищ за деньгами, и я их ему дала, так как вы сами крикнули мне: «Дай ему, старуха!»

Они сказали:

— Мы ему велели принести гребень.

Старуха возразила:

— Он потребовал от меня денег.

Тогда они схватили старуху и повели ее к судье [...]

— Господин, [— сказали они,—] ты должен знать, что нас было трое и мы наказали ей ни одному из нас в отдельности денег не отдавать, но лишь тогда вернуть их, когда мы все трое явимся к ней.

И решил судья, что она должна вернуть им деньги.

Старуха вышла весьма опечаленная, вся в слезах. И повстречал ее пятилетний мальчик.

— О чем ты плачешь, бабушка? — спросил он.

Она ответила:

— Оставь меня в моем горе.

Но малыш был настойчив и не оставил ее в покое до тех пор, пока она не рассказала ему обо всем. Тогда он спросил:

— Дашь ли ты мне одну зузу* на покупку орехов, если я помогу тебе?

Она сказала:

— С большой охотой, если только ты мне поможешь.

— Вернись к судье, — сказал мальчуган, — и скажи ему следующее: «Мой господин, ты должен знать, что трое дали мне эти деньги на хранение, приказав вернуть им лишь тогда, когда все трое будут в сборе. Так прикажи им привести своего товарища. Когда они соберутся вместе, все втроем, я отдам им деньги».

Старуха вернулась к судье и говорила с ним так, как научил ее мальчик. И спросил судья тех двоих:

— Так ли обстояло дело, как рассказывает старуха?

— Так, — ответили они.

Тогда судья сказал:

— Приведите третьего товарища, и вы получите ваши деньги¹.
Сирийск., 79, 70

132. Мудрый заяц

Один человек нес на продажу пампельмусы, привязанные к двум концам коромысла. Его путь лежал мимо суда. Человек зашел в него и присел отдохнуть в зале.

Через несколько минут послышался какой-то шум. Судья спросил:

— Что это за звуки?

— Господин, — отозвался продавец пампельмусов, — это шум катящейся повозки.

— Нет, — возразил судья, — это не повозка.

Человек упорствовал:

— Это, безусловно, повозка.

— Если это окажется не повозка, то какое наказание ты готов понести? — спросил судья.

— Если это не повозка, господин судья, можете отрубить мне голову! Но если это действительно повозка, то что вы дадите мне, господин?

— Я дам тебе денег.

Шум приближался. Судья приказал, чтобы этот предмет оставили перед зданием суда; он сам вышел на улицу и спросил у возницы:

— Как это называется?

— Это называется дышлом.

— А это?

— Колесом.

— А вот это?

— Ступицей.

На дальнейшие вопросы судьи возница отвечал названиями других частей повозки.

— Я много спрашивал, — заключил наконец судья, — но я не слышал ничего, что назвали бы повозкой. Иди, тебе отрубят сейчас голову!

Продавец пампельмусов очень испугался. Он попросил:

— Подождите, дайте мне время найти защитника! Я хочу доверить ему свое дело. Если он не сможет доказать вам, что я сказал правду, то тогда прошу рубить мне голову.

Человек побежал к зайцу и сказал:

— Господин сопхеа *, придите мне на помощь. Большое несчастье нависло над моей головой, я очень боюсь!

Заяц осведомился о подробностях дела.

— И это все? — сказал он. — Не бойтесь. Я помогу. Я обещаю это вам.

Заяц и его подзащитный отправились в суд. Заяц спросил:

— Господин судья, какое дело этот несчастный затеял против вас?

— Мой дорогой сопхеа, — заявил судья, — этот человек — необыкновенный наглец! Вот что было: я услышал шум и спросил о причине. Этот человек взялся ответить. «Это шум повозки», — сказал он. Мы поспорили: если это не повозка, он согласился поплатиться головой. Со своей стороны, я обязался дать ему денег, если это окажется повозкой. Наконец появился предмет нашего спора.

Мы вышли вместе, чтобы посмотреть на него, и вот никто не назвал это повозкой! Следовательно, я выиграл!

— Господин,— заметил заяц,— вы говорите совершенно справедливо. Несомненно, вы выиграли. Итак, я прошу вас рубить голову этому человеку.

Ответчик ужаснулся. Он воскликнул:

— Это так-то, господин сопхеа, вы мне помогаете? Я доверил вам свою жизнь, а вы сами предлагаете судье рубить мне голову? И в этом заключается вся ваша помощь, которую вы мне оказываете?

— Молчи! — вскричал заяц.— Это было вашим условием; тебе не остается ничего другого, как поплатиться своей головой.

Бедняк, весь дрожа, склонил голову. Судья взял саблю и грозно замахнулся, но заяц остановил его.

— Извините, господин,— сказал он.— Обратите внимание на то, что вы собираетесь отрубить! Как это называется?

— Это волосы.

— А как называете вы это?

— Кожей.

— А что находится под кожей?

— Череп.

— Так что же вы хотите отрубить?

— Голову.

— Но, господин, я вижу волосы, кожу, череп, но не голову! Когда вы бились об заклад, вы не видели повозки. В свою очередь, я не вижу головы. Если вам будет угодно показать мне голову, я покажу вам повозку.

Было решено, что судья и продавец пампельмусов квиты.

Кхмерск., 121, 93

133. [Министр и кирпичник]

Однажды министр подал императору жалобу на кирпичника. Он утверждал, что кирпичник, копая глину, перерезал «драконову жилу»¹, в которой находилась могила его отца. Кирпичник пошел за помощью к Цяо Шуню.

— А кто был отец министра? — спросил Цяо.

— Тоже министр,— ответил кирпичник.

Тогда Цяо Шунь написал на листе бумаги: «Если его отец был министр и он сам министр — чего же он еще хочет?» Кирпичник принес эту записку императору. Император прочел ее и тотчас отстранил министра от должности. Так кирпичник с помощью Цяо Шуня выиграл это дело.

Китайск., 147, 113

134. Мудрый судья

В одной стране жили двое людей, всегда доверявшие друг другу. Один из них был богатым и уважаемым человеком, другой — бедным. Бедняк недоедал и плохо одевался, чтобы скопить денег. Собранные деньги он отдавал на сохранение богачу.

И вот однажды, когда для бедняка наступило трудное время, он пошел к богачу и попросил у него небольшую сумму из своих сбережений. В ответ на это богач сказал, что никаких денег не получал и не понимает, о чем идет речь. Несколько раз бедняк приходил к богачу и просил его сжалиться над ним и вернуть деньги, но тот был неумолим. Тогда бедняк решил обратиться к судье. Судья выслушал его и спрашивает:

— Когда ты давал ему деньги, были при этом свидетели?

— Нет, кроме меня и его, никого не было, — отвечает бедняк.

— В таком случае я допрошу его, а ты приходи ко мне через три дня, — сказал судья бедняку.

Мудрый судья вызвал к себе богача и говорит:

— Я вызвал тебя сейчас потому, что скоро уезжаю отсюда и оставляю службу. Я сам узнавал и просил других разузнать, кто здесь самый честный и надежный человек, и все говорят, что ты. Так вот, поскольку я не в состоянии сразу же взять с собой все свои вещи и деньги, я решил часть оставить у тебя. Потом я пришлю к тебе человека и ты передашь ему эти вещи и деньги.

«О, этот судья — важный человек! Он отдаст мне на сохранение много тысяч денег и различные вещи, — подумал богач. — Я возьму их, а потом скажу, что ничего у него не брал, и завладею этим богатством».

Поэтому он с радостью принял предложение судьи. Через три дня, как было условлено, бедняк пришел к судье. Судья сказал:

— Иди и скажи богачу, что, если он не отдаст тебе твоих денег, ты пожалуешься судье. Услышав это, он сразу же вернет тебе все.

Бедняк пошел к богачу и сказал то, что ему посоветовал судья. Тот смекнул, что, если бедняк пожалуется на него, судья узнает о его нечестности и, конечно, не станет оставлять на сохранение свои богатства, и тут же отдал бедняку его сбережения. Так рассказывают...¹

Амхарск., 51, 239

135. [Две луны]

Один лукавый человек занял деньги. Он дал расписку, помеченную первым днем пятого месяца лунного года, обязываясь уплатить долг и проценты, когда будет две полные луны.

В конце двух лун, то есть двух месяцев, заимодавец пришел требовать свои деньги. Так как должник отказался платить, то он принес жалобу в суд. Судья вызвал должника, который сказал:

— Я признаю, что занял деньги у жалобщика. Но, согласно нашему условию, я должен заплатить, когда будет две луны. И вот вдруг мой заимодавец приносит вам жалобу до наступления срока. Посмотрите паверх, господин судья: если вы увидите две луны, я заплачу немедленно.

Судья посмотрел на небо и увидел только одну луну. Он объявил, что, согласно расписке, должнику полагается заплатить долг, когда их будет две.

Заимодавец, которому было отказано в иске, посетил зайца соседа.

— Ваше дело простое,— сказал тот.— Идите за досками и бамбуком. Сделайте красивый плот. Вечером вы купите рисовой водки, приготовите ужин на плоту, и мы весело поужинаем!

Заимодавец послушался совета. А заяц пригласил судью разделить трапезу и попросил его захватить с собой обоих противников.

Когда наступил вечер, заяц привел приглашенных на плот и предложил им изысканные блюда и рисовую водку. Сам он не ел ничего, кроме спелых бананов и листьев аронника.

Покончив с едой, заяц навел разговор на дело о расписке. Он спросил судью, как тот собирается решить спор. Судья ответил, что дело еще не закончено, что он еще не может высказаться окончательно, но что, несомненно, он будет судить согласно точному смыслу расписки: в ней сказано, что долг должен быть уплачен, когда будет две луны.

Заяц спросил:

— Позвольте ли мне задать вопрос должнику?

— Конечно,— разрешил судья.

— Если я верно понял,— обратился заяц к должнику,— вы обязались заплатить ваш долг не через две луны, то есть два месяца, а когда будут видны сразу две луны? Вы именно так обещали?

— Именно так,— лукаво подтвердил должник.— Пусть мне покажут одновременно две луны, и я готов платить.

— Господин судья,— провозгласил заяц,— в таком случае я прошу вас заставить заплатить долг моему подзащитному немедленно.

Судья поднял глаза.

— Я вижу только одну луну,— сказал он.

— Посмотрите хорошенько, господин судья! Там наверху, в небе, одна луна, и вот другая, в воде. Видите ли вы, господин, две луны? Обе они красного золота, обе круглые и полные!

И тогда судья приказал должнику не сходя с места уплатить свой долг.

Кхмерск., 121, 94

136. Последователь пророка

Один шутник стал выдавать себя за пророка. Его схватили и привели к султану. Султан допросил его в присутствии кади и сказал:

— Этот человек позволил себе наглое святотатство. Что полагается в таких случаях делать по закону?

Кади ответил:

— Если он не откажется от своих утверждений и станет упорствовать, надлежит покарать его смертью.

— Слышишь? — сказал обвиняемому султан. — Как ты смеешь называть себя пророком? Если ты пророк, покажи нам чудо!

— Хорошо, — ответил человек, выдававший себя за пророка. — Тогда вели принести сюда острый меч.

— Зачем он тебе? — удивился султан.

— Я отрублю голову кади, а затем воскрешу его из мертвых.

Кади сразу понял, какую хитрость затеял тот, и перепугался до смерти.

— О почтенный! — закричал он вне себя от ужаса. — Я первый в тебя уверовал! Отныне считай меня своим последователем!

Турецк., 164, 197

137. Вор

Вор забрался в богатый дом. Хозяин, войдя, увидел его, хотел прибить палкой и схватить. Но вор опередил его и бил, говоря: «Почему, видя меня за работой, ты не сказал: „Бог в помочь!“?» Тот стал кричать, позвал на помощь людей и привел вора на суд. Когда судья спросил: «В каких добрых делах ты требовал благопожелания?» Тот ответил: «Если это не было добром для него, то для меня это было zelo добро». Но это ему нисколько не помогло, и было приказано его повесить.

Назидание: «Басня раскрывает обычай злодеев почитать себя хорошими, хотя другим они вредят; но в этом они не находят себе оправдания, а подлежат каре и здесь и там (т. е. в загробной жизни)».

Армянск., 47, 45

138. О хитром юноше

В одной стране был очень жестокий правитель, у которого была совершеннолетняя дочь.

Некий бедняк захотел наняться на службу к этому вельможе. Он написал вельможе письмо и ждал его на дороге, где тот проезжал на муле в сопровождении свиты. Когда вельможа подъехал к нему, он стал просить, чтобы вельможе передали его письмо. Вельможа приказал своему стражнику взять письмо и передать ему. В письме юноша просил взять его в услужение и кормить за его службу.

Вельможа спросил юношу, что он может делать, и тот ответил, что может выполнять любую работу.

Тогда вельможе стало жалко этого бедняка, и он дал приказ управляющему сделать его комнатным слугой.

Однажды вельможа, довольный расторопностью и трудолюбием своего слуги, спросил его:

— Как тебя зовут?

— Меня, — ответил он.

На следующий день супруга его господина сказала юноше:

— Я до сих пор не знаю твоего имени. Скажи мне, как же тебя зовут?

— Моя госпожа, меня зовут Муж, — ответил он с почтением.

Потом однажды их дочь сказала слуге:

— Скажи мне, как тебя зовут, чтобы я звала тебя по имени.

— Меня зовут Отец, — ответил он ей.

Прошло некоторое время, и юноша-бедняк от хорошей еды да еще в новой одежде стал очень красивым, и казалось, будто это сын вельможи. Поэтому дочь вельможи стала беседовать с ним, делиться с ним своими тайнами, и наконец она зачала от него.

Когда ее отец и мать поняли, что она должна родить, они спросили ее:

— Скажи нам правду: кто отец будущего ребенка?

— Этот слуга, — ответила она. — Ведь вы сами в первый же день, как он поступил к нам на работу, сделали его комнатным слугой и относились к нему так же, как к нам, вашим детям.

— Она права. Мы сами виноваты во всем. Мы слишком возвысили его, — решили они и, разгневавшись, приказали связать этого слугу по рукам и ногам и отвести в суд, чтобы судья вынес решение о его наказании.

Когда слуга предстал перед судьями, ему велели подробно рассказать о своем проступке и спросили его:

— Ты признаешь свою вину?

— Нет. Меня, бедняка, ни за что связали. Я вовсе не совершал подобного проступка, — ответил он им.

Тогда судьи приказали посадить слугу на время в тюрьму, а для того чтобы быстро разобраться в этом деле, они решили пригласить в назначенный день вельможу, его супругу и их дочь.

Когда все они пришли в суд, судьи вызвали их дочь и спросили у нее:

— От кого у тебя должен быть ребенок?

— От Отца,— ответила она.

Потом они спросили вельможу:

— Как вы думаете, от кого должна родить ваша дочь?

— Конечно, от Меня, а от кого же еще! — ответил он им.

Потом судьи спросили его супругу:

— Скажите нам, от кого должна родить ваша дочь?

И она ответила:

— Конечно, от Мужа, а от кого же еще!

Тогда судьи обратились к отцу и матери этой девушки и говорят:

— Зачем вы привели сюда этого бедняка? Вы хотели свалить всю вину на него? Мы решили так: за то, что вы связали его и издевались над ним, вы должны выплатить ему вознаграждение. Вы же, господин, совершили проступок, который карается законом и осуждается святым писанием, поэтому должны быть заключены в тюрьму. Таков наш приговор.

Так бедняк получил деньги и был отпущен на свободу. Так рассказывают.

Недаром в народе говорят: «Когда режут, то важно, как держат нож; когда судят, то важно, как говорят».

Амхарск., 22, 179

139. Счастливый случай

Однажды Нгой пришел в город и поступил на службу к одному европейцу. Вот как-то хозяин протягивает ему чек и говорит:

— Нгой, возьми этот чек и иди в банк, там дадут тебе тридцать тысяч франков.

— Мне дадут тридцать тысяч франков? — удивленно переспросил Нгой.

— Ну да.

— Вот спасибо!

Пришел он в банк и спрашивает, где можно получить деньги. Дежурный проводил его, и Нгой подал чек кассиру, а тот открыл большой сейф, начал отсчитывать по тысяче франков: одна, две, три, четыре... и так далее до тридцати, а потом спрашивает:

— Все верно?

— Хей,— отвечает Нгой.

Он спустился по широкой лестнице банка, но вместо того, чтобы идти с деньгами к хозяину, направился прямо к себе домой и радовался несказанно.

Спрятав часть денег дома, он с остальными пошел делать покупки. Прежде всего Нгои купил велосипеды: один для себя, другой для старшего брата, третий для среднего.

А потом пошел на почту и послал пять тысяч франков своим родителям.

Наконец хозяин хватился Нгои. Он позвонил в банк, но там ответили только, что посланный им человек действительно три дня назад получил деньги.

— Что могло с ним стрястись? — спрашивал себя европеец.

На четвертый день он призвал своих слуг и сказал:

— Пойдите и посмотрите, нет ли Нгои дома? Быть может, он заболел? Тогда возьмите деньги, которые он получил в банке по чеку, и тащите скорее сюда.

Вот двое слуг являются к Нгои, что же они видят? Сидит он себе преспокойненько перед домом и попивает пальмовое вино! Они и говорят:

— Слушай, друг, хозяин послал нас к тебе.

— Вот как? Почему? — удивился Нгои.

А они отвечают:

— Небось сам хорошо знаешь!

— Понятия не имею! — воскликнул Нгои.

Однако он надел свой лучший новый костюм, напялил шляпу и пошел к хозяину. Увидев нарядного Нгои, хозяин собрал все свое терпение и спрашивает:

— Где те тридцать тысяч франков, за которыми я посылаю тебя в банк?

— Но вы же сказали, чтобы я взял их себе, — невозмутимо ответил Нгои.

— Какая ерунда! — вскричал европеец. — Я говорил, чтобы ты получил и принес мне. Где деньги?

— А я их уже истратил! — ответил довольный Нгои.

Хозяин рассвирепел и потащил Нгои в суд. Там судья спрашивает Нгои:

— Как ты посмел истратить чужие деньги?

— Я не виноват, — отвечает ему Нгои. — Хозяин сказал: «Возьми этот чек, иди в банк, и тебе дадут тридцать тысяч франков». Я и подумал, что этот чек для меня.

Судья решил, что европеец сам оплошал, неточно объяснив свое поручение, и оправдал Нгои. Тому лишь пришлось вернуть хозяину деньги, которые еще оставались.

Тем и закончилось это дело.

140. Мудрый кролик

В давние времена жили брат с сестрой. Когда умерли их родители, они стали делить наследство. У родителей были очень красивые бык и корова. Брат взял себе красавца быка, сестра — красавицу корову, на том и поладили. Но через некоторое время корова отелилась. Брату очень уж приглянулся этот теленок. Ночью он увел теленка и подсунул его под своего быка: вроде бы это бык отелился. А утром началась ссора. Сестра кричит: «Это мой теленок!», а брат: «Нет, мой!» Наконец решили они пойти к судье. Брат нанял защитником птицу, а сестра обратилась к кролику. Судья назначил их дело на следующий день с утра.

В назначенное время все собрались, только защитник сестры, кролик, что-то запаздывал, и всем пришлось его ждать. Но вот наконец явился и кролик.

— Ты, кролик, не ценишь время, а еще берешься быть защитником! — упрекнул его судья.

— Да что вы, ваша милость, — стал оправдываться кролик. — Я ценю время. Но мне пришлось заняться одним важным делом.

— Неужто оно было важнее этого? — спросил судья.

— Да, господин, — отвечал кролик. — Загорелась земля, а мне стало жаль ее обитателей, вот я и бегал к океану, таскал корзины воду, чтобы погасить пожар. Потому и опоздал.

Судья расхохотался.

— Если бы загорелась земля, так, наверное, и мы бы здесь знали, а? И потом — как это можно таскать воду в корзине? Сдается мне, что ты, кролик, совсем рехнулся, вот и несешь какую-то околесицу!

Тогда кролик сказал:

— Если уж это околесица, то сегодняшнее дело — и подавно: где же это видано, чтобы бык отелился?

— А ты мудрый, кролик! — похвалил его судья и тут же решил дело в пользу сестры!

Бирманск., 110, 244

141. Хитрый и простодушный

Однажды в некоем городе жили два купца. Они дружили между собой. Один был хитер, другой — простодушен. И решили купцы отправиться торговать в другое место.

Не успели они далеко отъехать, как простодушный нашел кошелек, в котором была тысяча динаров. Свою находку он показал приятелю, после чего они повернули назад.

Приблизившись к городу, друзья уселись и принялись делить деньги. И сказал простодушный хитрому:

— Половина — мне, половина — тебе.

Но хитрый, надеясь, что ему удастся забрать у простодушного все динары, ответил:

— Зачем нам их делить? Если эти деньги останутся нашим совместным достоянием, то и дружба, которая нас связывает, останется непоколебимой. Пусть каждый возьмет сейчас сколько ему нужно на расходы, ну хотя бы по сто динаров.

Так они и сделали. Затем, зарыв остальные деньги под деревом, они удалились. Но вскоре хитрый тайком вернулся, забрал все деньги, заровнял место и убежал.

Спустя некоторое время простодушный обратился к хитрому:

— Мне нужны деньги. Давай-ка пойдем и возьмем немного из тех, что мы с тобой зарыли под деревом.

И они оба отправились к дереву, под которым были зарыты деньги. Но, раскопав это место, они ничего не нашли.

Тогда хитрый стал бить себя по голове и по груди, завопил и с упреком сказал простодушному:

— Никогда нельзя полагаться на друга! Ясно, что ты взял динары, ведь, кроме меня и тебя, о них никто не знал.

И он пошел к судье с жалобой: «Похищены мои деньги!»

Судья потребовал от хитрого свидетеля, и тот, не смутившись, сказал:

— У меня есть свидетель.

Судья спросил:

— Кто твой свидетель?

Хитрый ответил:

— Само дерево будет свидетельствовать в мою пользу.

Судья удивился: как может дерево быть свидетелем? Однако он отдал хитрого на поруки, повелев ему явиться на следующее утро для дальнейших объяснений. Хитрый же отпросился у поручителей домой и, поведав отцу обо всем, что произошло, сказал:

— Эти динары взял я, и если ты, отец, мне поможешь, я выиграю тяжбу.

Отец его спросил:

— Что мне надо делать?

Тот ответил:

— Дерево это внутри полое — в нем большое дупло. Если ты нынешней ночью залезешь туда и усядешься в дупле, никто этого не заметит. И когда я завтра явлюсь туда с судьей и он начнет задавать дереву вопросы, ты отвечай: «Динары, спрятанные у моих корней, забрал простодушный».

Отец ему возразил:

— Сын мой, умный человек остерегается такой защиты, кото-

рая приносит лишь вред, не говоря уж об обмане. Берегись, чтобы из твоей хитрости не вышло вреда.

И сказал хитрый:

— Отец, нам с тобой бояться нечего.

И пошел отец, как того пожелал его сын, и забрался в дупло. На следующий день к этому месту прибыл судья и стал задавать дереву вопросы. И вещал отец изнутри: «Динары, спрятанные у моих корней, забрал простодушный».

Это повергло судью в изумление, и он сказал:

— Тут что-то неладно.

Люди со всех сторон осмотрели дерево и обнаружили в нем дупло. Увидев его, судья приказал наполнить дупло сеном и поджечь. Человек, находившийся внутри, стал задыхаться от дыма. Он горестно кричал, а затем умер. Мертвеца извлекли оттуда, хитрого же по приказанию судьи высекли, а динары отдали простодушному¹.

Ассирийск., 57, 76

О СВИДЕТЕЛЯХ И ЛЖЕСВИДЕТЕЛЯХ

142. «Лучших свидетелей не найти»

Ходжа был у себя в городе кази. Один человек подал в суд жалобу: «У меня украли тамбур*, я видел инструмент на базаре у такого-то. Верните его мне». Ходжа велел привести в суд обвиняемого и допросил его. «Этот тамбур,— заявил тот,— я купил там-то». Ходжа потребовал доказательств, и человек представил ему свидетелей. «Что вы свидетельствуете?» — спросил ходжа. Свидетели показали: «Тамбур принадлежит этому человеку. Нижняя перегородка испорчена, винты ослабли, на нем шесть струн». Так как все на тамбуре было, действительно, так, как они говорили, ходжа собирался было оставить тамбур у ответчика, но истец заметил: «Нужно еще выяснить, что это за свидетели». Словом, он пожелал их опорочить¹, уверяя, что один из них сводничает мужчин, а другой женщин. Услыхав это, ходжа сказал: «Ну человеку, какая надобность подвергать их очищению? Когда спор идет о тамбуре, лучших свидетелей и не найти»².

Турецк., 25, 64

143. Как за деньги в суде показывали

Это сказка про сантала¹ и деко². Ростовщик-деко подал на сантала в суд за долги. Сантал-то был не большого ума. Все долги свои он уж давно заплатил целиком. Да только, когда он ходил долги отдавать, свидетелей с собой он не брал — вот где ему ума не хватило.

Долг давно уж уплачен, а ростовщик все к нему пристаёт:

— Мне с тебя столько вот причитается. Плати, а то в суд подам.

Много они на этот счет разных слов друг другу сказали.

Под конец ростовщик спрашивает:

— Ну ладно. Если ты со мной рассчитался, где твои свидетели? Кто видел, что ты тогда принес мне столько, а тогда столько? Веди своих свидетелей. Я их спрошу при тебе.

Раз свидетелей не было, так санталу и спорить не о чем. Сказать ему нечего: деньги-то плачены один на один.

Набрался он смелости и решил: «Ладно, он говорит, что я ему должен, хоть я ему столько денег отдал. Пускай в суд подает, чтоб ему пропасть. Хоть кончится наконец это поганое дело». А поля у сантала были обширные, земли хватало пахать пятью сохами. Надумал он, как было сказано, и разругался с ростовщиком в пух и прах.

Вот ростовщик и подал на него в суд. Пришла санталу повестка. Явился он в суд в назначенный день и час, но без свидетелей. А ростовщик заплатил и достал трех свидетелей. Все им сказал, как говорить. Вы, мол, говорите — про ростовщика, значит: «Он при нас дал тому санталу столько и столько».

А один из тех трех был придурковатый. Потому ростовщик не переставал их наставлять и, как шли по дороге, все повторял: «Говорите точно, как я сказал. Ничего другого не говорите. А я уж вас угощу и простоквашей и рисом и пива дам выпить». Так он их улещал всю дорогу. Ну а санталу брать с собой было некого, он шел один. И там, у суда, он ждал один, совсем будто потерянный.

Подходит к нему человек:

— Слушай, почтенный, ты по какому делу?

— Ростовщик на меня за долги подал в суд, — отвечает сантал. — Я ему все заплатил, а он все равно на меня подал в суд.

— А свидетели у тебя есть? — спрашивает тот.

— Нету, — отвечает сантал.

— Ну тогда дай мне две рупии, — говорит тот, — и расскажи все в подробностях с самого начала, а потом веди за свидетеля — тебя оправдают вчистую.

Сантал согласился:

— Ладно, я тебе дам. Только, смотри, пусть меня оправдают.

Рассказал он ему все с самого начала. Не забыл и про свои пять сох помянуть.

Выслушал тот человек все до конца, взял у него две рупии и говорит:

— Покажи мне своего ростовщика и его свидетелей.

Сантал так и сделал.

Тогда он пошел к тем свидетелям и принялся их расспрашивать. Назадал им всяких смешных вопросов и выведал, что у них на уме. Больше всего он спрашивал придурковатого. Ростовщик как увидел, что вокруг него толпа собралась, сразу подумал: «Этого свидетеля они сейчас мне испортят, это уж точно». Подошел к нему и говорит:

— Вот что я тебе скажу. Что бы тебе люди ни говорили, ты их не слушай. Что сахиб * скажет, то и говори, а с другими ни с кем не разговаривай. Говори только, что сахиб скажет.

Так он опять наставлял своего придурковатого свидетеля.

Скоро дошел черед до их дела. Сперва судья расспросил ростовщика и сантала, потом вызвали свидетеля сантала.

Привели его к присяге, и судья спрашивает:

— Что ты знаешь насчет слов этих двоих? Правду говори, правду; что знаешь насчет их слов?

Тот отвечает:

— Хузур, насчет сох я не знаю³. Кому знать, из сала они у него, или из асона, или из дхао⁴. Что пять сох он запрягает, это я знаю. А из какого дерева сохи сделаны, того я не знаю.

Как понес он такое, его и выставили. Потом спрашивают сантала:

— Есть у тебя другие свидетели?

— Нет, других нету,— говорит он.— Этот один.

Тогда стали вызывать свидетелей ростовщика. Первых двух спросили о чем-то, а потом им и сказать больше нечего.

Вызвали придурковатого. Вошел он, встал перед судьей, а чап-даси * его к присяге приводит, говорит ему:

— Говори правду.

А тот, рассказывают, ни слова в ответ, стоит и молчит.

Опять ему то же самое:

— Говори правду.

Он все молчит.

Судья спрашивает:

— Ты что, полоумный?

А он, говорят, сразу в ответ:

— Ты что, полоумный?

Судья велит:

— Ардали *, выведи его!

А тот руку протянул, как судья, и повторяет:

— Ардали, выведи его!

Ну, когда он так сказал, все, кто был в суде, расхохотались. Судья сам громче всех смеялся. Выставили их прочь и дело закрыли.

Вышли они из суда, сантал и спрашивает своего свидетеля:

— Ты о чем говорил? Я чего-то не понял.

— Ох! — тот отвечает. — Я хотел говорить об одном, а судья вдруг спросил меня совсем про другое, про сохи спросил: «Что насчет сох знаешь?» А ты мне про сохи ничего не сказал, из какого ты их дерева делаешь. Вот я ответил: «Из сала они, или из асо-на, или из дхао, я того не знаю. Знаю, что он пять сох запрягает». Вспомни, о чем мы с тобой говорили и как судья меня вдруг прервал. Я только хотел все про дело сказать, тут меня и прочь выгнали.

А две рупии он прикарманил, негодник.

И ростовщик, говорят, тоже стал корить своего придурковатого свидетеля:

— Слушай, я тебя спрашиваю, ты почему не отвечал?

Тот говорит:

— Да ты сам мне сказал: «Что судья скажет, то и говори». Вот я и говорил точно так, как судья. Чапраси мне говорил: «Говори правду». Провалиться мне, если я ему что сказал. Чего мне его слушать? Ты сам мне утром велел ни с кем не разговаривать. А что судья говорил, то и я говорил.

Так ростовщик проиграл свое дело, и пришлось ему выслушать такое решение: «Иск отклоняется».

Вот как сантал был оправдан.

Индийск., 123, 306

144. Лжесвидетель

Один человек привел на базар продавать лошадь. Подошел к нему вор и заявил:

— Это моя лошадь.

— Как ты можешь так говорить? — возмутился человек. — Это моя лошадь. Она родилась в моем доме.

Но вор продолжал твердить свое. Тогда человек нашел свидетеля, дал ему две монеты и сказал:

— Подтверди, что это моя лошадь.

Тот обещал. Но едва хозяин лошади ушел, как к тому же свидетелю пришел вор и тоже дал ему две монеты.

— Дай показания в мою пользу, — сказал он.

— Я бы не прочь, — ответил тот, — но хозяин дал мне деньги раньше, и я должен их окупить. Давай договоримся так: я буду

свидетельствовать в его пользу, и, когда лошадь присудят ему, ты обвини меня в лжесвидетельстве. Скажи судье так: «Этот человек не может быть свидетелем. Он даже не знает как следует молить». Спроси его, сколько раз надо произносить утреннюю молитву, и, если он ответит правильно, я возьму свои слова обратно».

Вор согласился, и они все пошли к судье.

— С чем вы пришли ко мне? — спросил их судья.

— Вот этот человек хочет присвоить мою лошадь, — сказал хозяин. — Он говорит, что это его лошадь. А лошадь моя, она родилась в моем доме.

— Есть у тебя свидетель? — спросил судья.

— Вот мой свидетель.

— Хорошо, пусть он даст показания, и тогда я вынесу приговор.

Свидетель сказал:

— Да, это его лошадь. Я видел, она родилась в его доме.

— Значит, она принадлежит ему, — решил судья.

Тут вор воскликнул:

— Правильно ли я расслышал? Разве можно верить этому человеку? Он не вправе быть настоящим свидетелем. Он не умеет молиться¹. Спросите его, сколько надо произносить утренних молитв, и, если он ответит правильно, как другие люди, тогда я возьму свои слова обратно.

— Эй, — сказал судья свидетелю, — говорят, ты не знаешь утренних молитв?

— Ха, как это не знаю? — ответил тот.

— И сколько же их следует произносить?

— Восемь.

— Это не свидетель, — сказал судья. — Ты прав, лошадь твоя, иди и забирай ее.

Вор забрал лошадь и исчез с ней.

Огорченный хозяин стал упрекать своего свидетеля:

— Как же так? Ты показал правду, а потом все сам же испортил. Даже дети и женщины знают утренние молитвы, а ты говоришь «восемь». Ты обесценил свое свидетельское, и судья прогнал нас.

— Ну сам подумай, — ответил ему свидетель. — Я сказал «восемь», и то он на меня рассердился. А если бы я сказал «две», он бы меня вовсе не выпустил.

Хозяин ничего ему не ответил. А лжесвидетель, получив деньги от обоих, ушел, довольный.

Канури, 158, 55

145. Мудрец

Объявился в одной стране мудрец и стал всех уму-разуму учить. Многие стали роптать: явился, мол, гость непрощеный, всех поучает, а мы сами не глупее.

И сговорились недовольные от мудреца избавиться.

Взял один барашка и повел на базар продавать. Как и было договорено, второй подходит будто бы покупать и говорит:

— Какой же это барашек, это же обыкновенный щенок.

Завязался у них спор, и обратились они к мудрецу, чтобы спор разрешить.

— Разве ты не видишь, что это баран? — говорит мудрец.

А тот свое знает твердит: щенок — и только.

Тогда мудрец сказал:

— Спросим у людей, как народ скажет — то и правда.

Отправились спорщики с мудрецом на базар. А там одни заговорщики и были, и все в один голос отвечали: не баран это, а щенок.

И воскликнул тогда мудрец:

— Что ж, наверно, это и впрямь щенок!

Грузинск., 42, 136

146. [Рубин]

Были два брата-бедняка. Пошли они бродить по свету и нашли на дороге мешок. Было в этом мешке золото да два рубина.

— Исполнилось мое желание, пойду я домой! — говорят младший брат.

А старший сказал:

— А я пойду бродить по земле!

Поделили они между собою свое добро. Старший брат отдал свою часть младшему и говорит:

— Мою часть отдай дома жене!

Пришел младший брат домой и не отдал братниной части его жене и рубина не отдал.

Через три года вернулся старший брат из странствия и не нашел рубина у своей жены.

Спрашивает он брата:

— Где рубин?

— Отдал я твоей жене! — отвечает тот.

— А она говорит, что ты ей не отдавал!

Говорит младший брат:

— Лжет она!

Услыхал это старший брат да и стал жене грозить. А она убежала к судье и рассказала ему все дело.

Призвал судья двух братьев и говорит младшему:

— Говори правду, отдавал ли ты братниной жене богатство или нет? Если же отдавал, кто твои свидетели?

— У меня есть два человека свидетелей! — говорит младший брат.

— Позови их!

Представил младший брат двух свидетелей судье. Дал им немного денег, они и солгали.

Говорит судья старшему брату:

— Отыскивай свой рубин у жены!

Как услышала это жена, побежала к царю и рассказала ему все событие.

— Отчего ты судье всего не рассказала? — спрашивает ее царь.

— Я к нему ходила, да он не рассудил нас хорошо! — говорит жена.

Позвал царь двух братьев и двух свидетелей. Расставил их отдельно: дал им в руки по куску воску и приказывает:

— Слепите форму рубина!

Два брата вылепили одинаковую, а оба свидетеля по разной.

— Лепи и ты! — говорит царь жене.

— Как мне лепить, когда я рубина не видала!

Услыхал царь эти слова и приказал повесить обоих свидетелей.

Сказал он им:

— Коль вы мне правду скажете, так не убью вас!

Повинились они и говорят:

— Лгали мы оба!

Стал тогда царь бить младшего брата. Говорит он:

— Махараджа! Великий грех я сделал! Прости меня!

— Почему ты правды не говорил? — спрашивает его царь да бьет.

Отдал младший брат рубин старшему¹.

Индийск., 54, 110

О «БОЖЬИХ СУДАХ»

147. Гора-свидетель

У подошвы горы раскинулась в густой зелени деревня. Вокруг — луга. В деревне был пастух. Только называть ли его пастухом? Он не брался пасти норовистую скотину.

Подойдет к нему сосед, станет упрашивать:

— А если, дорогой пастух, я заплачу тебе за одну корову как за двух, возьмешь ли ты ее в стадо?

Пастух, улыбаясь в усы, отвечает:

— С тех пор как я помню себя, все время пасу я скот в этих горах, знаю все яйлы *, да и животных хорошо знаю. Аллах наградил их шерстью такой же, как характер хозяина. Что скрывать, мне не нравятся твои дела. А вдруг у этой скотины, которая ест солому и пьет воду из твоих рук, нрав такой же, как у тебя! Лучшие пасаи ее где-нибудь на склоне горы или на лугу сам! Мои же пасутся там, где я говорю «трава», ложатся там, где я говорю «ложитесь». Я не могу взять твою скотину к себе в стадо и испортить моих покорных коров.

Скажет он так и отобьет всякую охоту дальше упрашивать. Тот, кто обижается, пусть обижается, а тот, кто сердится, пусть сердится, но что они могут поделать с пастухом!

В тяжелый год был мор на коров, скошил весь скот в деревне. Шкуры пошли на волынки, а кости на заборы. Но в стаде нашего пастуха ни у одной коровы даже кровь не потекла из ноздрей. Вся деревня удивилась. Все сходились на том, что нужно разузнать тайну. Кто приписывал это чудодейственной силе пастуха, а кто видел причину всего в корме, в траве.

Всюду много хороших людей, но нельзя сказать, чтобы не было и плохих. И когда так уставились на его стадо, разве может человек быть беспечным? Конечно, не может. Но это же сказка, и как-то однажды пастух забыл сказать: «Чтоб лопнули завистливые глаза...». А после этого разве не слезят хоть одну корову из целого стада?

Корова тетушки Гюльсюм околела, и от нее остался трехдневный теленок. Пастух в это время был на другом конце деревни. Узнав о беде, он бросил стадо, все свое имущество и кинулся со всех ног к тетушке Гюльсюм. Посередине двора растянулась рыжая корова, застывшая как камень, а рядом мычит ее теленок. Тетушка Гюльсюм высохла от горя, стоит, прижав руки к груди, и смотрит.

Пастух, словно он был причиной беды, начал ее утешать:

— Тетушка Гюльсюм, тетушка Гюльсюм, тебя постигло большое несчастье, но пусть все этим и кончится. Аллах милостив, он поможет тебе. Не ропщи, иначе он пошлет тебе еще испытание, а теленка отдай мне на попечение. Каждое утро я буду брать его с собой в горы. Да что там, у него желудочек с кулак, если утром раз, а вечером два раза пососет моих коров, то не пройдет и недели, как начнет сам щипать траву.

Как сказал, так и сделал пастух: без усталости водит теленка по дорогам, по низинам, нигде не отпускает от себя, смотрит за ним

пеустанно. Через несколько дней теленок стал гладким. Но вот теленку захотелось молока, и пошел он вслед за одной коровой. Все это хорошо, но не может же каждая корова быть ему матерью! Жестокая тварь поддела теленка рогами и чуть не столкнула с горы. Тут подоспел пастух и спас его от верной гибели, но только одна ножка у теленка оказалась сломанной.

Что делать бедному пастуху? Порвал он свой мятан *, крепко-накрепко перевязал сломанную ножку, а потом задумался: как сказать тетушке Гюльсюм?.. Что же ему сказать! Ведь эта женщина была одной из тех, кто не слышит того, что сама говорит.

Увидев теленка, она, не обращая внимания на народ, забыв стыд, пачала извергать на пастуха все то, что попадалось ей на язык:

— Эй, пастух, ты не лги мне, что корова ни с того ни с сего пала, а теленок с горы свалился. Опять в тебе шайтан играет, бешеная кровь в голову ударила. Наверно, ты сам бросил в него камнем и сломал ножку. Если это не так, где твои свидетели, где доказательства!

Тут и вся деревня кинулась на пастуха. Было много таких, кому не нравился его характер, они стали поддакивать:

— Да, да, где твой свидетель, где же он?

Пастух, совсем растерявшись, воскликнул:

— Вы, бесчеловечные, кого же я приведу в свидетели, когда в горах никого нет? Я не в долгу у лжи, что мне врать, горы и камни — свидетели мои, вот!

Склонил он тут голову к горе, под которой стояла деревня, и взмолился:

— Горы, камни, во имя Аллаха скажите: так ли все было? Не рыжая ли корова, боднув, сломала ножку теленку?

И вот когда он просил о помощи, бывает же так, — сорвались сверху два осколка, два камня и полетели прямо на деревню.

Пастух стоял на месте и открытой грудью встретил своих свидетелей, но ищи остальных! Со всех ног кинулись они кто куда, разбежались в разные стороны.

И с того дня называют эту гору Гора-Свидетель... Сейчас там, на месте той деревни, ветер гуляет, но родник бьет из-под горы, рассказывает всем путникам эту сказку.

Турецк., 132, 270

148. Ответ горного духа

Однажды дядюшка Дэнба нашел большой изумруд. Узнал об этом помещик и сказал Дэнбе:

— Все, что найдено на моей земле, должно принадлежать мне. Давай изумруд.

— Нет, изумруд нашел я, значит, он мой! — ответил Дэнба.

Долго они спорили, и наконец Дэнба предложил:

— Давай спросим горного духа, пусть он нас рассудит.

Помещик согласился, и пошли они в горы. Обратившись к большой горе, Дэнба закричал:

— Кому должен принадлежать изумруд?! Помещику или Дэнбе!

Горное эхо ответило:

— Дэнбе!

— Вот видишь, господин помещик, я тебя не обманываю. Горный дух говорит, что изумруд мой, а это самый справедливый судья на земле.

Нечего было ответить помещику. Повуро опустив голову, он поплелся домой.

Тибетск., 40, 375

149. Как огонь пришел к племени мой

Еще и поныне все племена, населяющие Аннамские горы,— будь то племя кам в Камбодже, мой — в Лаосе или седанг и ярай — во Вьетнаме и Лаосе — одеваются очень просто. Мужчины носят повязку на бедрах, а женщины короткие юбки... Вот что рассказывают об этом старики.

В давние времена, когда огонь был только на небесах, а люди еще его не имели, бог огня, Ян Дай, влюбился в прекрасную девушку из племени мой.

Звали девушку Ка Тао, и жила она в долине, которая называется Травяная равнина. Было ей без малого пятнадцать лет. У нее была нежная, светлая кожа, которую еще не огрубела тяжелая работа на рисовых полях. Она еще не знала ни горя, ни боли, поэтому у рта и в уголках глаз ее не было ни складочки, а на лбу — ни морщинки. В ушах у нее были красивые кольца из слоновой кости, и ничто ее так не восхищало, как звон браслетов, которые надела ей мать, когда Ка Тао было одиннадцать лет [...]

Вместе с семьей Ка Тао в большом, на толстых сваях, доме жило еще четырнадцать семей. Все умели ткать, и одежды их были прекрасны и яркие. Вечером, когда с гор в долину спускался холод, Ка Тао закутывалась в теплое покрывало, которое сама для себя соткала; оно было украшено пестрыми полосами и изображениями диких цветов джунглей. Не было равных ему по красоте.

И вот увидел ее Ян Дай, «Небесный огонь», бог неба, и влюбился в нее. Но Ка Тао была влюблена в ветер, что вечерами нежно ласкает траву, в землю, благоухавшую, как не благоухает земля ни в каком другом месте, в сказочную игру облаков, в речку, где она купалась.

Ян Дай, который мог сжечь все, что только попадется ему на пути, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни даже детей, к Ка Тао относился по-особенному. Он мягко гладил ее лицо своими пальцами и лишь нежно золотил ее кожу. Если он замечал, что его прикосновения слишком горячи и что на лице у девушки выступают бисеринки пота, он прятался за облака и иной раз был рад к вечеру покинуть землю, позволив ночной прохладе спуститься в долину.

Но однажды в деревне появился чужестранец, широкоплечий юноша, смелый, сильный и мужественный. Он рассказал, что пришел из лесов и что зовут его Ме Сао.

Вместе с людьми мои он пошел на поля и, увидев, с каким трудом выкорчевывают они своими мотыгами и каменными топорами лес и кустарник, засмеялся. Люди удивленно взглянули на него, но он продолжал смеяться, и тогда они рассердились.

— Не сердитесь,— сказал юноша.— Вы не знаете, что можно расчистить землю гораздо проще. В лесу, у моего народа, это делают иначе: разводят огонь, и он выжигает лес и кустарник, участок за участком, потом там сажают рис и маис, и они растут лучше, чем у вас.

Он нашел два куска дерева и стал тереть одним куском о другой. Люди племени мои смеялись, они не могли понять, что он делает. Но тот не обращал внимания на их смех, он тер и тер, потом вставил в отверстие кусочек сухого замшелого дерева, и все увидели маленький красный огонек. Огонек становился все больше и больше, а когда Ме Сао подул на него, вспыхнуло настоящее пламя. Потом оно стало еще больше, перекинулось на сухой кустарник и стало вгрызаться в него. Люди мои изумленно и испуганно отступили назад.

Ме Сао смеялся. Гордый повелитель огня, он прыгал через пламя, и одежда на нем не загоралась; да на нем и не было ничего, только полоска материи на бедрах да красная повязка на голове. Он казался людям жителем неба, сошедшим на землю.

А неподалеку от него стояла, будто оцепенев, девушка Ка Тао. И если другим этот чужестранец казался похожим на бога, для нее он был подобен всему остальному, что она до сих пор любила: воде, игре облаков, блеску солнца [...]

А бог неба, увидев, что Ка Тао и Ме Сао готовы приблизиться друг к другу, от ревности спрятался за плотными дождевыми тучами. Три дня не появлялось солнце, и все это время не переставая лил дождь. Люди спешили сажать в землю зерна маиса и риса, и уже на другой день появились крепкие зеленые ростки. Через три дня бог неба соскучился по Ка Тао; не выдержав, он разогнал тучи и стал, как обычно, сиять с высокого голубого неба [...]

Когда созрел урожай, в деревне, согласно старому обычаю, уст-

роили праздник. Маис и рис уродились хорошо, и вечером люди собирались принести в жертву буйвола. Хотя солнце было еще невысоко, кое-кто уже начал потягивать рисовую водку, и она оказалась сильнее многих.

Среди общего шума и суматохи, которая царила в деревне, на глазах у небесного бога, у которого от ревности готово было выскочить из груди сердце, Ме Сао предложил девушке, если она не прочь, принять, как положено по обычаю, его имя. Бог небесного огня увидел, что Ка Тао сейчас согласится, — и, не выдержав, полоснул своим огненным мечом по большой хижине. Хижина вспыхнула.

Но гуляки и пьяницы, среди которых был и здешний колдун, не увидели молнии. Они увидели только, как горит хижина, а вместе с ней все пожитки, вся прекрасная одежда, хранившаяся в сундуках, и посуда, и циновки, они увидели, как огонь охватил и соседние постройки, и поля, — и их обуял страх; они спрятали свои лица от гнева огненного бога.

— Это он, пришелец, навел на нас огонь! — закричал колдун. — Убейте его, убейте!

Колдун давно ненавидел юношу лютой ненавистью, да вдобавок он выпил немало водки. Поэтому он обрушил на его голову старинные проклятия...

Люди кинулись искать Ме Сао. Они нашли его у ручья. Он спал рядом с Ка Тао, обняв ее. В первую минуту их остановило выражение счастья на лицах обоих, но потом они набросились на юношу и схватили его.

— Ты умрешь, пришелец! — кричали они наперебой.

— Посмотри, что ты натворил!

— Все наше добро сгорело в твоём огне!

А колдун кричал:

— Устроим ему испытание водой!

И под горестный крик Ка Тао они потащили юношу в деревню, чтобы там опустить его в котел с кипящей водой. Если он выдержит испытание и выйдет из воды невредимым, значит, он невиновен. Но Ме Сао знал, что он просто сварится в кипятке, как буйволовое мясо. А если он выдержит испытание, его ждут еще более страшные муки.

Он вырвался из рук, державших его, и крикнул:

— Дураки, разве вы не видите, что я повелитель огня?

— Сожгите его! Сожгите его! — продолжал кричать колдун.

— Не шуми, колдун, — ответил Ме Сао. — Я сам могу тебя сжечь.

Возможно, бог огня хотел наказать Ме Сао за дерзость. Но, может быть, его поразило мужество юноши, и он пересилил ревность. Как бы то ни было, случилось так: он ударил из темной

тучи своим огненным мечом — и поразил не Ме Сао, а старого колдуна. Тот упал замертво.

Люди, ослепленные сверкающим мечом, упали на землю.

— Разве я не повелитель огня? — услышали они голос Ме Сао. — Я покарал колдуна. Я сжег ваши одежды, потому что они были неудобны. Теперь вы станете настоящими мои. Я сделаю огонь вашим рабом. Я возьму Ка Тао в жены, и мой сын, и сын моего сына, и все, кто родятся от меня, будут повелителями огня. О вас, мои, будут рассказывать всюду, от степей, поросших травой, до самого моря: все будут рассказывать, как служит вам огонь. С его помощью вы обрабатываете землю. Когда солнце вечером скрывается в темноте, он согревает вас. Он делает ваши пожи и наконечники копий крепче камня. Зачем вам теперь нужен старый колдун? Зачем вам нужны старые одежды? Теперь вы можете не печалиться, если солнце вечером покинет вас!

И он запел песню о Ка Тао, о своей большой любви.

Лаосск., 142, 326

150. Хвастливый бай

Рассказывают, что давным-давно у одного бая была корова. Корова была так стара, что бай решил больше не кормить ее. А надо сказать, бай этот был отчаянный хвастун. Вот он и придумал: «Что, если я не зарезу корову, а только прогоню со двора. Не похвалит ли меня народ за это?»

На другой день, когда в деревне выгоняли стадо, бай вывел корову и сказал при всех:

— Прощай, коровушка, двадцать лет ты кормила меня. А теперь иди себя корми.

Сказал это бай и гордый ушел в дом. А корова стала жить в поле одна.

Но вот пришла зима. Негде стало укрыться корове от холодного ветра и снега. Пожалел ее один бедняк и привел к себе домой. Привел и говорит своей старухе:

— Давай возьмем ее к себе, а то замерзнет скотина или с голоду помрет...

А у старика со старухой никогда не было никакой скотины. Поэтому взялись они ухаживать за коровой старательно. В благодарность за это стала корова давать им молоко целыми ведрами.

Прослышал об этом бай, пришел к старику и говорит:

— Ведь это моя корова. Отдай ее мне обратно...

А старик в ответ:

— Как твоя? Да вся деревня знает, что ты прогнал ее... А мы от дождя ее укрыли, кормили...

Долго спорили бай и бедняк. Наконец решили обратиться к казью — деревенскому судье.

Тот выслушал обоих и говорит:

— Тот из вас, кто правильное ответит на мои вопросы, получит корову. А вопросы мои таковы: что на свете самое жирное, что самое красивое, и третий вопрос — кто из вас умней?

— Ха-ха,— сказал бай,— ответить на эти вопросы мне ничего не стоит,

А старик приуныл: откуда ему знать про все это? Пришел домой, рассказал обо всем старухе. И грустно добавил:

— Видно, опять мы остались с тобой без коровы...

— Дурачок ты этакий. Скажи казью: самое красивое на свете — это душа хорошего человека, самое жирное — это земля, а наша собака Сарбай умнее бая — и победишь.

На другой день пришли бай и бедняк к казью.

Первым начал бай:

— Самое жирное на свете — это моя овца: я еще не видел ни единого существа более жирного, чем она. Самое красивое — это мой жеребец: такого жеребца во всей губернии не сыщешь. А уж умнее меня я никого не встречал. Корова моя.

Настал черед старика.

— Самое жирное на свете — это земля: все берет из нее свои соки. Самое красивое — это душа хорошего человека: все прекрасно в ней. Что касается ума, то бай, конечно; умный человек, но моя собака Сарбай умнее его.

Судья был озадачен.

— Два первых ответа твоих правильны. Но скажи мне, почему твоя собака умнее бая?

— Посмотри,— отвечает старик и, обращаясь одновременно к собаке и баю, говорит:— А ну марш отсюда! Скорей!

Собака убегает, а удивленный бай остается на месте. Тогда старик стал подаывать их к себе свистом. Собака подбежала, а бай даже не шевельнулся.

— Ну, кто из них умнее, казый, сам решай,— сказал старик.

— Твоя собака умнее,— ответил судья.— Забирай свою корову.

Татарск., 130, 212

151. Милосердный дух

Жил в давние времена простой студент по имени Дан Кон Хат. Он квартировал в чужой семье и, как всякий прилежный студент, вставал очень рано. Однажды, проснувшись, он увидел, как соседка во дворе развешивает для просушки белье. Но едва

она ушла со двора, как появилась другая соседка и стащила развешанное.

Вечером женщины стали браниться, одна обвиняла другую в воровстве. Ни до чего не добравившись, они решили пойти в деревенский храм, где обитал дух Тьен Вуонг, чтобы поклясться перед ним в своей невинности. Так они и сделали. Взяли с собой подарки, одна — курицу, другая — вареный рис, и пошли.

Дан Кюн Хат достал свою кисточку для письма и сделал запись об этой истории. Вскоре после этого он уехал сдавать экзамен, а вернувшись, застал воровку в добром здравии и благополучии.

«Теперь я знаю, чего стоит справедливость духов! — с усмешкой подумал студент. — Они бессильны даже наказать за ложную клятву».

Он пошел к храму, постучал в дверь — и вдруг Тьен Вуонг предстал перед ним.

— Эх, доктор, доктор, — сказал дух, качая головой. — Когда ты станешь мадарином — неужели у тебя хватит совести сделать человека несчастным из-за двух штук белья?

Вьетнамск., 144, 132

152. Заяц и дуикер

Один человек возделывал свое поле и выращивал на нем бобы. Но с некоторых пор кто-то стал похищать его урожай. Сколько ни старался человек выследить вора, никак он его не мог поймать.

Однажды человек увидел на своем поле спящего зайца и схватил его.

— Значит, это ты ешь мои бобы! — сказал он.

— Нет, — ответил заяц, — зря ты винишь меня. Твои бобы съедает дуикер, а я, заяц, тут ни при чем. Отпусти меня, я найду дуикера и пойду с ним на божий суд. Ты увидишь, кто виноват.

— Ладно, — сказал человек, — иди с дуикером на божий суд.

Отправился заяц к дуикеру и сказал ему:

— Человек подозревает кого-то из нас в воровстве. Пошли с тобой на божий суд.

— Почему должен идти только я один? — ответил дуикер. — Позови и слона, и других зверей.

— Хорошо, — согласился заяц.

Созвал он всех зверей. Звери пришли, вырыли большую яму, зажгли в ней огонь и раздули его посылней. Первым вызвался прыгать заяц. Он разбежался и перепрыгнул яму. Дуикер и другие звери тоже перепрыгнули. Остался один слон. Он прыгнул и упал в яму, прямо в огонь.

Тогда все сказали:

— Приговор пал на господина слона. Значит, он был виновен.

Но дуикер сказал зайцу:

— Ты меня оклеветал. Теперь нам двоим надо пойти на божий суд. Какой суд мы испытываем?

Заяц ответил:

— Давай оба вариться в котле. Кто сварится, тот, значит, и проиграл дело.

Поставили они на огонь котел с водой. Заяц залез в него первым, когда вода еще не закипела, а была только чуть теплой.

— Накрой меня крышкой,— сказал он.

Дуикер накрыл зайца крышкой. Заяц закричал:

— Выпусти меня, выпусти!

Дуикер выпустил зайца, и тот сказал:

— А теперь, дуикер, залезай ты.

Дуикер залез в котел, и заяц накрыл его крышкой.

— Выпусти меня, выпусти! — закричал дуикер.

Но тот придавил крышку тяжестью, и дуикер сварился. Заяц вынул его из котла и съел.

Тонга, 163, 122

153. Как звери на одном поле сеяли

Было это давно, в далекие времена.

Встретились как-то звери — лев, пантера, гиена и маленький заяц. Встретились, поговорили и решили возделывать на всех одно большое поле.

И вот собрались они все вместе, возделали большое поле и засеяли его просом ндийямири. Вырастили просо, дождались, когда оно созреет, дружно собрали урожай. И сложили все снопы проса ндийямири в амбар на столбах, чтобы оно просохло для обмола. Потом сказали друг другу:

— Разойдемся! У нас у всех свои дела. Отдохнем, а потом соберемся вместе. Соберемся на праздник нового урожая!

Все были согласны, и маленький заяц Кумба тоже. Но когда звери разошлись, маленький заяц вернулся тайком к амбару. Он вытащил все просо, перенес его в джунгли и спрятал. Всю ночь бегал он туда и обратно. Из амбара тащил просо, а в амбар — помет гиены, который подбирал на тропинках. И под утро проса почти не осталось, зато весь пол был усеян пометом гиены.

Когда взойшло солнце, звери начали собираться на праздник. Они сошлись на большой поляне и встали в круг. Все были здесь: лев, пантера и гиена Силли Демба. Только маленького зайца не хватало.

— А ну-ка позови его! — приказал лев гиене.

— Эй, заяц Кумба, где ты? — закричала гиена Силли Демба. Заяц Кумба приглушил свой голос и ответил из-за кустов еле слышно, словно издалека:

— Эхей! Я здесь!

— Беги сюда, заяц Кумба! — снова закричала гиена.

— Эхей! Бегу! — ответил заяц чуть погромче.

— Скорей, все тебя ждут! — опять закричала гиена Силли Демба.

— Эхей! Сейчас, сейчас прибегу! — ответил заяц Кумба почти полным голосом.

Тут он вылез из-под куста, добежал до ручья и окунулся в воду раз, другой, третий. А потом выскочил весь мокрый на поляну.

— Что с тобой, заяц Кумба? — спросили звери.

— Я был далеко-далеко! — ответил заяц. — Долго бежал, бежал. Видите, весь вспотел!

— Да, — сказали звери маленькому зайцу. — Мы видим. Ты, паверное, очень устал, бедняжка.

— Ничего, — ответил заяц Кумба. — Пойдемте в деревню на праздник.

Начали звери собираться на площади. Только маленький заяц Кумба опять где-то задержался. А задержался он потому, что бежал в джунгли за просом ндийямира. Принес он проса ндийямира своей матери и сказал:

— Поскорее обрушь это просо! И обменяй его на просо саммэ, просо старого урожая, у матери гиены. Она жадная, согласится.

Так мать Кумбы и сделала.

Собрались звери на пир. Они плясали, пели под гром тамтамов, пили пальмовое вино. И матери всех зверей угощали их кускусом и кашей из проса саммэ. Только мать гиены принесла на пир кашу из проса ндийямира.

Заподозрили звери неладное.

— Откуда у матери гиены просо нового урожая, просо ндийямира? — спрашивали они друг друга.

— Пойдемте посмотрим, цел ли наш амбар! — решили звери.

И следом за львом все они отправились к амбару.

Дошли звери до амбара и увидели, что вокруг раскиданы снопы проса. И еще увидели они помет гиены.

Забеспокоились звери. Сказали маленькому зайцу:

— А ну, Кумба, прыгни в амбар, посмотри, цело ли наше просо!

— Как же я туда прыгну? — возразил заяц. — У меня слишком короткие лапы!

— Тогда полезай туда ты, Силли Демба! — приказал лев гиене. — И сбрось нам просо!

Влезла гиена в амбар, взяла один сноп проса, сбросила вниз. Взяла второй сноп проса, сбросила вниз. Сбросила последний, третий сноп проса, и вместе с ним посыпался на землю помет гиены. А больше в амбаре ничего не оказалось.

Горько зарыдала гиена. Услышали это звери и сказали пантере:

— Прыгни туда, посмотри, почему Силли Демба рыдает.

Впрыгнула пантера в амбар и увидела, что он пуст, лишь помет гиены валялся повсюду на полу.

— Это ты, Силли Демба, украла наше просо! — зарычала пантера.

— Нет, это не я, клянусь! — ответила гиена и зарыдала еще горше.

Соскочила пантера на землю, рассказала зверям обо всем, что увидела.

И тогда решил слон Диалло:

— Чтобы не было споров и подозрений, все мы должны пройти испытание водой. Большая река сама покажет, кто украл просо.

И пошли они к Большой реке.

Слон прыгнул через реку — и не коснулся воды.

Лев прыгнул — и не коснулся воды.

Пантера прыгнула — и не коснулась воды.

Гиена прыгнула — и не коснулась воды.

Заяц прыгнул и упал прямо в реку.

— Вот он, вор! Вот кто украл наше просо! — закричали звери.

— Да нет же, нет! — запищал в ответ Кумба. — Вы же знаете, когда вы собрались, я был далеко-далеко, бежал к вам долго-долго, даже весь вспотел. Вы же знаете: моя мать, как и все матери, сварила кашу из проса саммэ, только мать гиены сварила просо ндийскими. Вы же знаете, в амбаре полно помета гиены и ни одного заячьего орешка! Не я вор!

Смутились звери, задумались. Что же делать? Проса нет, есть нечего. И решили они:

— Придется нам продать своих матерей!

И вот каждый приготовил веревку, чтобы наутро вести свою мать на базар. Но каждый жалел свою мать. И все звери выбрали веревки похуже, чтобы их легко можно было оборвать. Все, кроме глупой гиены Силли Дембы. Она взяла самую крепкую веревку.

И вот наутро повели звери своих матерей на базар. Но по дороге мать льва оборвала веревку и убежала. Потом убежала мать

пантеры. Потом мать Кумбы. И только гиена Силли Демба довела свою мать до базара и продала в рабство.

— Вот кто бесчестный вор! — сказали звери. — Она продала свою мать, значит, она и наше просо украдала!

И гиену с позором изгнали из деревни.

А хитрый заяц только посмеивался в усы.

Сенегальск., 95, 71

154. Почему умирающая змея ложится на спину

Однажды случилось, что пауку Ананси понадобились деньги. Он отправился к соседям просить помощи, но об Ананси шла дурная слава, и никто не хотел дать ему займы. Тогда он пошел к леопарду, потом к слонихе, но и они ему отказали. Ходил он к цесарке, к черепахе, к ястребу, но и у них ничего не добился. Тогда он отправился в дальнюю деревню, где жила змея Ово. Она дала ему займы, сколько ему было нужно, с условием, что он вернет деньги через двадцать один день.

Но когда прошел двадцать один день, у Ананси не оказалось денег для расплаты. Вот и начал он думать, как бы ему выйти из положения. Он пошел в свой огород и накопал целую корзину ямса. Корзину он поставил себе на голову и отнес к дому змеи.

— Настал день, когда я должен вернуть тебе те деньги, — сказал он. — Но дело в том, что еще два или три дня у меня денег не будет, и я надеюсь, ты будешь так добра, что согласишься подождать. А пока, чтобы отблагодарить тебя за помощь, я принес тебе немного ямса *.

Ананси наговорил змее много приятных слов, и змея согласилась подождать еще три дня.

Ананси отдал змее половину принесенного ямса, и тем, что ей досталось, она поделилась с друзьями. Свою часть Ананси оставил в корзине.

Змея была гостеприимна и пригласила Ананси остаться на ночь в ее доме. И Ананси остался.

По в середине ночи Ананси, не поднимая шума, встал с циновки и незаметно выскользнул за дверь. Он унес свою долю ямса и спрятал в зарослях.

Вернувшись, он поставил пустую корзину перед домом и снова лег спать.

Утром он вышел из дома змеи и спросил ее:

— Где мой ямс?

Но змея ничего не знала о ямсе. Ананси взял пустую корзину и вернулся домой. Он пошел к вождю и пожаловался, что у него украли ямс.

Люди по всей округе забеспокоились и стали говорить друг другу:

— Что же это за вор, который осмелился обокрасть Ананси, поступившего так благородно?

Божь созвал всех на суд, чтобы найти виновного. Собрались туда со всех деревень. И Ананси сказал:

— Есть только один способ найти виновного. У меня есть волшебный нож. Я коснусь им каждого из присутствующих, и тех, кто не виновен, он не порежет. А порежет он только того, кто виноват.

Тогда все звери по очереди стали выходить из круга, чтобы подвергнуться испытанию.

Первой к Ананси подошла цесарка, и он провел своим ножом по ее перьям, но провел не острием, а тупой стороной ножа. То же самое он проделал с черепахой, кроликом и другими животными. И никто из них не получил даже царапины.

Наконец подошла очередь змеи, и она сказала:

— Я тоже хочу пройти испытание.

Но Ананси отказался.

— О нет! — воскликнул он. — Ведь немисливо, чтобы, после того как ты дала мне взаймы, ты бы украла мой ямс!

Но змея настаивала на своем.

— Я должна тоже пройти испытание. Ты был в моем доме, когда у тебя украли ямс. Все другие звери уже прошли испытание. Я тоже должна доказать свою невиновность.

Ананси убеждал ее, что это лишнее, но змея настаивала на своем, требуя, чтобы с нее тоже было снято подозрение.

— Ну ладно, — сказал наконец Ананси. — Раз ты сама этого хочешь, подвергнем и тебя испытанию.

И Ананси провел по ее коже ножом, но на этот раз не тупой стороной, а остро отточенной — и убил ее.

Тут все закричали:

— Она не выдержала испытания! Значит, она виновна!

Когда Ово умирала, она повалилась на спину, животом к небу; словно зывая: «О, боже! Посмотри на мой живот! Съела ли я ямс у Ананси?!»

И вот почему всякий раз, когда убивают змею, она поворачивается животом к небу, призывая бога быть свидетелем ее невиновности.

Ашанти, 109, 161

155. Хитрые воры

Однажды муж и жена, которые были ворами, пошли в лес. Они выискивали, что бы украсть. Муж сказал:

— Сделаем так: я буду красть то, что выращивают женщины, — маниоку *, бананы, перец ивьям, а ты — скот из загонов, за которым смотрят мужчины. Тогда никто не подумает на нас.

Жена согласилась. И вот они стали воровать повсюду. Ни одного дня не проходило без кражи. Люди удивлялись:

— Что же это такое?! У нас совершаются кражи, а мы не знаем, кто это делает! Маниока исчезает, бананы исчезают, мясо тоже исчезает.

И вот люди стали искать воров и наконец в чаще леса наткнулись на мужа и жену.

— Вы живете здесь, в лесу, а не в деревне, так откуда же у вас еда? — спросили их люди.

Они повели воров в деревню, чтобы судить и убить. А в те времена человека, которого подозревали в воровстве, бросали в костер. Если он погибал, то люди знали, что кражу действительно совершил этот человек.

Но эти воры, муж и жена, были очень хитрыми. Муж сказал:

— Я хитрый человек, муж Нзеки, я завтра вернусь домой.

И жена ответила ему:

— Я Нзека Екила, жена хитреца, я завтра вернусь домой.

Тут мужа и жену бросили в костер.

— Я не воровал скот из ваших загонов! — закричал муж, и пламя пощадило его, так как действительно скот воровал не он, а его жена.

Жена вора закричала:

— И я не воровала бананы, маниоку, ивьям!

И она тоже не сгорела, потому что сказала правду.

Так муж и жена всех перехитрили и остались невредимыми. Люди щедро одарили их, и они вернулись домой¹.

Монго, 109, 468

156. Суд панчей

Давным-давно жил человек из племени киратов по имени Чукмиба. Был он не по годам умен и смекалист и потому, хоть и чтил обычаи старины, не больно считался с поверьями да приметам, почитая их за пустые бредни.

После того как Чукмиба женился, вскорости должен был он, как это принято, совершить обряд дулан — отпустить жену погостить к ее родным. А у них в деревне установился такой поря-

док: день, когда надлежало отправляться молодой в родительский дом, обычно определял местный звездочет, пандит Джокхана. Поэтому и ждали соседи, что Чукмиба пригласит к себе достойного пандита, дабы испросить у него совета. Однако тот и не подумал обращаться к звездочету. Чукмиба сам выбрал подходящий день, и с утра пораньше, захватив подарки для тестя и тещи, они вместе с женой отправились в путь.

Узнали об этом соседи и только руками развели:

— Ну и дерзок этот Чукмиба! Смотри ты, своим умом хочет жить!

А пандит Джокхана, узнав, что Чукмиба с женой ушли, не посоветовавшись с ним, впал в страшную ярость и решил отомстить дерзкому парню. Не долго думая он бросился в погоню по горной тропе вслед за молодоженами и очень быстро нагнал их.

Как раз в это время жена Чукмибы захотела пить. Солнце стояло высоко, отчаянно припекая, и с каждым шагом жажда мучила женщину все сильнее и сильнее. В конце концов молодая уселась под деревом и заявила, что не сдвинется с места до тех пор, пока ей не дадут напиться. Отправился Чукмиба за водой, да разве легко найти ее в горах! Лазил, лазил парень, в конце концов увидел банановое дерево, сделал надрезы на стволе и стал собирать живительный сок, чтобы напоить им жену. Тем временем коварный Джокхана, приняв образ Чукмибы, приблизился к молодой женщине и протянул ей кувшин с водой.

— Вот, попей женушка! Да и в путь пора, а то нам еще целый день идти.

Утолила жажду молодая и зашагала вместе с мужем дальше. И невдомек ей было, что шел с ней рядом теперь не Чукмиба, а хитрый пандит, колдовством своим превратившийся в ее мужа.

А Чукмиба собрал сок из ствола банана и заторопился к тому месту, где оставил жену. Добежал до дерева, под которым она сидела, смотрит, а там никого нет. Долго Чукмиба кричал и звал жену, но отвечало ему только горное эхо.

«Должно, так измучилась бедняжка от жажды, что не выдержала и бросилась со скалы», — подумал Чукмиба и взглянул на небо, ища там коршунов, первых вестников смерти. Но небо было чистое. «Слава богу, стервятники не кружат, значит, жена моя жива! Поднимусь-ка я на вершину, оттуда наверняка увижу ее, где бы она ни была».

Чукмиба вскарабкался на ближайшую гору, осмотрелся и вдруг далеко внизу на дороге увидел двух путников.

— Эге, да никак кто-то похитил мою жену! — вскричал он в гнев. — Ну погоди, негодяй, далеко тебе все равно не уйти! — И парень бросился догонять шагавших по дороге.

Он бежал очень быстро, и не прошло и часа, как он нагнал свою жену и пандита. Когда Чукмиба был уже настолько близко, что мог рассмотреть лица людей, он вдруг в изумлении застыл на месте: его жена шла об руку... с ним самим!

У бедного кирата даже в глазах зарябило. Уж не сон ли ему видится? А может, он и вовсе с ума спятил? Сорвал Чукмиба листок титенати * и принялся жевать его. Во рту до того горько стало, что Чукмиба еле отплевался. Поглядел опять на идущих: точно, он с женой по дороге шествует. Да что же происходит, на самом деле?! Опять потряс головой, потом сорвал стебелек ганде-джахара *, размял в пальцах и поднес к носу. Тьфу! Вонь такая, что дух перевести невозможно! Значит, точно, не сон все это и не видение!

«Выходит, кто-то принял мой образ и обманул жену, а она, бедняжка, даже и не подозревает этого», — подумал Чукмиба и опять бросился вслед уходящим.

Очень скоро он нагнал их, схватил жену за руку и закричал: — Ну-ка взгляни хорошенько, с кем ты идешь?

Оглянувшись молодая, видит, за руку ее еще один Чукмиба держит! Тут уж она глаза выпучила и язык у нее отнялся.

— А ну иди за мной, не видишь разве, что это плут и обманщик! — кричит Чукмиба.

— Да не слушай его, женушка, он сам надуть тебя хочет! — завопил в ответ Джокхана.

— Ах ты, мерзавец! — взорвался Чукмиба. — Я — законный муж этой женщины, а не кто-нибудь еще!

С этими словами кират размахнулся и вlepил здоровенную оплеуху хитрому пандиту. А тот не долго думая залепил ему ответную. Тогда кират схватил Джокхану за волосы и ткнул его лицом в скалу, но пандит вцепился противнику в горло, пытаясь задушить его. Неизвестно, чем кончилась бы эта драка, не повись тут вдруг божество, которое обитало в здешних горах.

— Что за шум в моих владениях?! — вскричало божество. — Остановитесь-ка да расскажите толком, что тут случилось и чего вы не поделили?

Джокхана вытер кровь с лица и поспешил сказать первым:

— Я шел со своей женой по этой дороге. Вдруг подбежал этот мерзавец, схватил ее за руку и потащил за собой...

— Да врет он все, это моя жена! — перебил его Чукмиба. — Мы с ней только-только поженились и отправились к ее родителям. По дороге она захотела пить, я ушел искать воду, а тем временем этот негодяй, приняв мой образ, похитил у меня жену. Так как же мог я не всыпать ему?

Выслушав их, божество сказало:

— Оба вы утверждаете, что женаты на этой женщине. И она

не может рассудить, кто из вас настоящий муж потому, что вы похожи друг на друга как две капли воды. Но есть способ установить правду...— И божество показало на кувшин с тонким длинным носиком.— Видите этот кувшин? Так вот, кто из вас сумеет пролезть через его носик, тот и есть настоящий муж этой женщины.

«Ну это для меня пустяк»,— обрадовался Джокхана, мигом превратился в червя и без труда пролез через тонкий носик кувшина.

Когда настала очередь Чукмибы, тот сказал:

— Вот так правосудие! Да разве простому смертному пролезть через носик кувшина! Я — обыкновенный человек, не искушенный в колдовстве, и потому моими судьями могут быть только обыкновенные люди. Я требую суда панчей.

Согласилось божество, и отправились все к панчам* в ближайшую деревню. Когда собрались старейшины, божество обратилось к их главе — мукхью.

— Вот эти двое,— сказала оно, показывая на Чукмибу и Джокхану,— подрались из-за этой женщины. Они так похожи друг на друга, что женщина сама не может решить, кто же из них ее настоящий муж. Спорящие — люди, поэтому им нужен ваш суд [...]

Тут Джокхана и Чукмиба стали доказывать панчам свое право на женщину. Выслушали их панчи и, узнав, что Джокхана пролез через носик кувшина, а значит, сведущ в колдовстве и может принять облик другого, решили дело в пользу Чукмибы.

Так панчи вернули Чукмибе жену и доказали, что людской суд — самый правый.

Непальск., 46, 45

157. Волшебные щипцы из Пагана

В одной из многочисленных пагод Пагана в давние времена стояли огромные щипцы. Царские судьи приводили обыкновенно тяжущихся в пагоду, и каждая из сторон должна была сделать заявление, держа руки в раскаленных щипцах.

Всякий раз, когда кто-либо лгал, щипцы сразу же больно сжимали его руки. Поэтому в государстве перевелись мошенники и воры, а судьи, не имея никаких дел, обрели полный покой.

И вот как-то некий купец, один из многочисленных покровителей монастырей благословенного Будды, отправляясь в дальний путь, оставил на хранение монаху, который был в своей обители и экономом, слиток золота.

Монах, получив золото, решил уже с ним не расставаться и долго ломал голову, как провести купца, а главное — щипцы.

В конце концов ему пришла на ум замечательная мысль. Он расплавил слиток и залил жидкое золото в полый посох.

Когда купец возвратился в Паган и потребовал свое золото обратно, монах заявил, что уже отдал его. Потерпевший воззвал к правосудию. И тогда судья привел тяжущихся к щипцам. Держа руки в щипцах, купец заявил:

— Я утверждаю, что доверил этому монаху один слиток золота. Я также утверждаю, что он не вернул мне его назад.

Народ выжидательно смотрел на щипцы. Но те оставались неподвижными. Тогда, опираясь на свой посох, вперед вышел монах.

— Подержи-ка, дружок, мой посох, пока мои руки будут в щипцах,— сказал он потерпевшему.

Ничего не подозревавший купец взял посох, а монах заявил:

— Я утверждаю, что взял на хранение золото, но также утверждаю, что возвратил его и теперь оно находится у хозяина.

Все с надеждой смотрели на щипцы, но они по-прежнему молчали. Судья был озадачен, а народ закричал:

— Щипцы никуда не годятся!.. Один из них — вор!.. Где же истина?!

И люди стали насмехаться над щипцами.

Однако судья, погружившись в размышления, все-таки разгадал уловку монаха. Купец получил обратно свое золото, а монах был наказан. Но после этой истории щипцы, казалось, почувствовали отвращение к людям и перестали помогать вершить правосудие. Они никогда больше не сжимают рук тяжущимся, даже если те заведомо лгут¹.

Бирманск., 72, 106

158. Божий суд

Есть город Шалипура, в нем жил купец Шалига с женой Джаликой. У них был сын Гункара, женатый на Шриядеви. А Шриядеви состояла в связи с кушом Субддхи. Несмотря на то что об этом уже появился слух в народе, влюбленный в нее муж ничего слушать не хотел [...]

Однажды свекор застал Шриядеви спящей с любовником. Она почувствовала, что свекор снял с ее ноги браслет. Тогда она отпустила любовника, привела мужа и легла спать с ним. Потом она разбудила мужа и сказала: «Твой отец снял у меня с ноги браслет и унес». Муж ответил: «Завтра я сам у отца возьму его и верну!» Гункара, ругаясь, потребовал у отца браслет. Отец сказал: «Я взял браслет, потому что увидел твою жену спящей с чужим мужчиной». Жена возразила: «Я спала с твоим сыном.

Готова хоть божьему суду подвергнуться. Тут в северной части деревни есть изваяние якши¹. Я пройду между его ног. Известно, что, кто прав, тот может пройти между ног статуи». Свекор согласился.

Неверная жена еще до наступления дня отправилась к любовнику и сказала ему: «Милый, сегодня утром я по божьему суду буду проходить между ног статуи якши. Ты приходи к статуе, изобрази помешательство и бросься обнимать меня». Тот согласился, и она вернулась домой.

Утром она собрала весь народ, взяла цветов, невыколосившихся злаков и прочее, пошла к храму якши, совершила омовение в ближайшей реке, и, когда пришла совершить молитву, ее любовник по уговору, как одержимый бесом, охватил ее за шею руками. «Ах, что же это такое?» — вскричала она и пошла опять омыться. Люди схватили бесноватого за горло и удалили отсюда. Жена, омывшись, подошла к статуе якши, принесла в жертву цветы, благовония и прочее и сказала во всеуслышание: «О достойный якша! Если ко мне когда-нибудь прикасался какой-либо мужчина, кроме моего мужа и этого бесноватого, то пусть не пройду я между твоих ног». С этими словами она на глазах всего народа прошла между ног якши. И якша стоял неподвижно, одобряя про себя такую сметливость. Все стали ее хвалить, говоря: «Вот верная жена». И она пошла домой.

Индийск., 88, 221

159. Слон и заяц

Жил-был слон. Он обрабатывал свое поле и кормился урожаем с него. Однажды на поле пришел заяц, собрал весь урожай и хотел его унести. Но слон поймал зайца и сказал ему:

— Ах, заяц, ах, разбойник, зачем ты уносишь мою еду?

— При чем тут еда? — ответил заяц. — Ты посмотри сначала на поле. Чье это поле?

— Это мое поле, — ответил слон.

— Ты лжешь, слон, — сказал заяц, — поле принадлежит мне. Это знают все. Даже богу это известно.

— Ладно, — сказал слон, — завтра это дело будет разбираться.

Слон отправился собирать всех зверей: львов, гиен и диких свиней. А заяц ночью пошел к обезьяне и сказал ей:

— Завтра я буду судиться со слоном. Пойди заберись на высокое дерево. Ты будешь изображать бога. Как только я произнесу слово «бог», ты скажи: «Это правда, поле принадлежит зайпу».

Потом заяц пошел к гермиту¹ и договорился с ним о том же.

Рано утром явился слон в сопровождении множества зверей.

— Полюбуйтесь-ка,— сказал он им,— вот этот заяц собирал урожай с моего поля.

— Это мое поле,— возразил заяц.— Бог знает это.

Едва он произнес эти слова, как обезьяна с дерева крикнула:

— Да, это правда!

Все посмотрели вверх на дерево, но никого там не увидели и сказали друг другу:

— Бог подтвердил, поле принадлежит зайцу.

И термит сказал тихо:

— Да, это правда.

Тут звери сказали слону:

— Поле действительно принадлежит зайцу. А тебе, слону, нечего здесь делать. Уходи в лес.

С тех пор и до нынешнего дня слон терпеть не может зайца. А обезьяна и термит, напротив, очень с ним дружат².

Дяго, 145, 23

III. РАССКАЗЫ О ПРИГОВОРАХ

О НАКАЗАНИИ ВИНОВНЫХ И ПОЩРЕНИИ ПРАВЫХ

160. Визирь и осел

У одного старика был черный осел. Старик очень любил своего осла и хорошо его кормил. Еще бы! Ведь без осла на своих старых больных ногах куда он мог пойти? Только до ворот.

— Мой черный осел очень умный, умнее, чем визирь! — говорил старик. — И память у него прекрасная.

Люди на базаре улыбались, смеялись, а некоторые и хмурились.

— Ты поосторожней! — кто-то сказал старику. — Дойдут такие слова до ушей визиря — не сносить тебе головы!

— Но ведь это правда! — со смехом сказал старик, сел на осла и поехал сквозь толпу.

А слова его переходили от одного к другому, от другого к третьему и к вечеру дошли до ушей визиря. Он побежал к императору.

— О великий хуанди *! — сказал визирь. — Защитите мою честь! Меня оскорбил паршивый старикашка с базара. Он сравнивает меня со своим черным ослом и говорит даже, что осел умнее меня, что память у осла лучше!

Император сказал:

— Я сам буду его судить.

И послал пятьсот солдат, чтобы поймать этого старика и привезти во дворец. Солдаты долго его искали, но наконец нашли, посадили в кожаный мешок и привезли к императору.

Испуганный старик вошел в огромный зал. На золотом троне восседал сам хуанди. В его ногах лежал тигр. По бокам стояли телохранители с копьями. Дальше стояли воины и придворные.

— Подведите старика поближе, — сказал император.

Старика подвели поближе.

— Отвечай, жалкий урод, ты говорил, что твой паршивый осел умнее, чем мой прославленный визирь? — спросил император.

— Да, мой дорогой хуанди, я это говорил, ибо это так и есть, — ответил старик.

— Значит, ты признаешь себя виноватым, признаешь, что это твои слова! Ну а почему ты так говоришь? Разве можно сравнить осла с визирем? Ведь мой визирь не просто человек, но ученый человек!

— Если вы разрешите мне говорить, высокочтимый хуанди, если вы согласитесь выслушать меня, я отвечу.

Все придворные с любопытством разглядывали старика, с удивлением слушали, как спокойно он разговаривает с императором.

— Говори! — сказал хуанди.

— Слушайте, — начал старик. — Ехал я однажды на осле в город. На дороге была яма, полная грязи. Я хотел ее объехать. Но осел упорствовал. Он не хотел поворачивать, чтобы обойти яму. И шагнул прямо в глубокую грязь. Но не сделал он и трех шагов, как споткнулся о камень и упал. Еле-еле мы выбрались из грязи. Переднюю ногу осел ушиб. Это бы еще ничего! Но и я захромал после падения! Тогда я как следует отлупил осла палкой и поехал дальше. В городе на базаре я купил что надо и двинулся назад. Подъехал к яме с грязью. Я нарочно направлял осла в эту яму. Но он не шел. Тогда я стал его бить. И все-таки он обошел яму и пошел по ровной, твердой дороге! Вы видите, какая у моего осла прекрасная память! Он не повторяет прежних ошибок.

— Так неужели ты думаешь, старик, что у моего визиря память хуже? — спросил император.

Визирь зло глянул на старика, а потом посмотрел на императора и расплылся в улыбке. Все воины, все придворные напряженно ждали, что скажет старик. А он сказал:

— О высокочтимый хуанди, конечно, у визиря память хуже, да кроме того, у него не хватает ума. Вы однажды запретили ему брать деньги из казны без вашего разрешения, а он все-таки берет. Казначей доложил вам об этом, вы наказали визиря, а он вскоре забыл и приказание и наказание. И опять берет. Ума у него совсем мало. Нет бы ему подумать, почему другие придворные не берут золото из казны. Конечно, ему далеко до моего осла.

Воины и придворные заговорили, загалдели. Раздались выкрики:

— Старик прав!

Тогда визирь вскочил и побежал. Но воины с копьями его оставили.

Император решил, что старик — мудрец, и сделал его своим советником.

Дунганск., 45, 164

161. Бедняк и богатей

Жили-были бедняк со своей женой. Вот каким-то образом раздобыл бедняк десять туманов. Дошли об этом слухи до богатей, и он решил, что бедняк не сумеет ими воспользоваться, поэтому надо его обмануть и забрать у него эти десять туманов.

Он пошел к бедняку домой, вызвал его на улицу и сказал:

— Отдай мне свои деньги.

Бедняк отвечает ему:

— У тебя и так много денег.

— На свои деньги я приобрел скотину, — говорит богатей, — у меня ничего не осталось, поэтому прошу тебя, дай мне свои десять туманов.

Долго вели они разговор. Наконец богатей стал угрожать бедняку. Тот испугался и сказал:

— Ладно, посоветуюсь с хозяйкой.

Жена сказала ему:

— Бедная жизнь нам привычна, а он может убить тебя или нанести тебе какой-либо другой ущерб. Лучше отдай ему свои деньги.

Вынес бедняк свои деньги богатей и сказал ему:

— Отдаю тебе свои деньги, только хорошо бы иметь свидетеля.

— Нет, свидетель совершенно не нужен, — сказал богатей.

— Нужен, — настаивал бедняк.

— Какой тебе нужен свидетель? — прикрикнул богатей на бедняка.

— Возможно, ты не хочешь, чтобы нашим свидетелем был житель земли, но ты ведь знаешь, кто тебя создал? — спросил бедняк.

— Знаю, — ответил богатей.

— В таком случае пусть он будет первым свидетелем нашим! Затем, знаешь ли ты, что, когда ты умрешь, тебе предстоит уйти в землю?

— Знаю, — сказал богатей.

— В таком случае пусть она будет вторым нашим свидетелем.

— Согласен, — сказал богатей, довольный, что свидетелем не будет никто из людей земли.

Бедняк отдал свои деньги богатей и спросил его:

— Когда же вернешь их мне обратно?

— Через неделю, к тому времени я продам свою скотину и вручу тебе в руки твои десять туманов.

Взял богатей деньги и ушел.

Прошла неделя, прошла другая, а богатей все не возвращает

бедняку его денег. Бедняк посоветался с женой, и они решили, нужно пойти к нему, узнать, что он скажет.

Вот отправился бедняк к богатей. Вызвал его из дому; богатей вышел рассерженный и стал кричать:

— Что тебе надо? Какое у тебя тут дело?

Стал он угрожать бедняку, наседать на него, тот все пьтится от него назад, а богатей поднимает крик, чтобы слышали люди:

— Вот этот бедняк обвиняет меня в том, что я ему должен десять туманов. Но кто и когда видел у бедняка десять туманов? За такое обвинение надо его убить!

Вернулся бедняк домой, стали они с женой плакать.

— Пропали наши десять туманов да вдобавок он нанес нам оскорбление!

Стали они раздумывать, что же делать, что им предпринять.

До бедняка дошел слух, что в далекой стране заседают судьи; он велел своей жене испечь ему на дорогу кардзын * и отправился в эту страну. Много лишений перенес он в дороге, но все-таки достиг этой страны. Явился к судьям и изложил им свою жалобу. Услышав, что он и богатей призывали в свидетели бога и землю, судьи решили между собой, что бедняк совершенно прав.

— Мы принимаем твою жалобу,— сказали они бедняку,— но, чтобы богатей не причинил тебе какого-либо зла, отойди пока в сторону, чтобы тебя не видно было. Мы призовем его к себе и поговорим с ним.

Вызвали они богатей. Явился он на их вызов.

— Бедняк пришел к нам с жалобой,— сказали судьи богатейю.— Но если бы он и не явился к нам, мы и без того знаем, что ты занял у него десять туманов и истратил их. Такие дела не должны иметь места между людьми. Ты должен вернуть бедняку его десять туманов.

Богатей возразил на это судьям:

— Откуда у этого бедняка могли взяться десять туманов? Я так богат, неужели вы верите, что я мог у него занять десять туманов?

Долго убеждали пять членов суда богатей, но он стоял на своем. Наконец они сказали ему:

— Вот в этом саду есть дорога, иди по ней вперед и вперед и не возвращайся обратно, пока не дойдешь до самого конца дороги.

Пошел богатей по дороге и видит: на одной перекладине висят три котла, под ними горят одинаковые костры; два крайних котла полны воды до краев и кипят, средний котел висит пустой и разогрелся от огня докрасна. Из двух крайних котлов вылетают большие брызги воды и падают из одного в другой, пролетая поверх среднего котла.

Смотрит богатей и удивляется: что за чудо, почему брызги кипящей воды не попадают в средний котел?

Он вспомнил, что ему приказано дойти до конца дороги, и пошел дальше, все время оглядываясь на три котла. Идет он дальше и видит: на обочине дороги, растянувшись, спит сука. Она не проснулась, но щенята из ее утробы принялись громко лаять на богатей.

Он еще больше удивился:

— Вот это совсем чудо! Почему сама сука не просыпается и как узнали меня щенята из утробы своей матери и подняли такой лай?

Постоял, потом вспомнил, что надо идти дальше.

Идет он дальше и видит новое чудо: на одном дереве сидят все пернатые мира, а самая большая из птиц ощипывает их. От пуха под деревом не было уже прохода.

Сильно удивился богатей и говорит сам себе:

— Их ведь больше, почему же они позволяют мучить себя, почему совместно не уничтожат эту птицу? Да, много на свете чудес, ничего подобного я не видел! Для чего мне еще идти до другого края сада? Не буду больше ни на что смотреть, пойду обратно!

Он прикрыл рукой свои глаза и повернул обратно. Идет обратно с закрытыми глазами. Наконец открыл глаза, чтобы узнать, идет ли он по дороге или сошел с нее, и видит: прямо перед его ртом висит очень красивое краснобокое яблоко. Богатей откусил его, а там внутри оказался конский навоз; он поплевался-поплевался, прикрыл глаза свои и боязливо пошел по дороге обратно, не желая уже видеть ничего больше.

Подошел он к тем судьям, и, не дав им ничего сказать, сам говорит:

— Вы должны объяснить мне, что означают все эти чудеса!

— Какие ты видел чудеса? — спрашивают судьи богатей. — Расскажи-ка нам.

Богатей сказал:

— Три котла висят на одной перекладине; два крайних котла до краев полны водой, средний между ними висит пустой. Из одного крайнего котла большие брызги кипящей воды падают в другой поверх среднего котла, который остается раскаленным докрасна. А между тем под тремя котлами разведены костры, и они горят одинаково. Что это за чудо? — спрашивает богатей у судей.

Они отвечают:

— Три дома будут жить рядом. Оба крайних — богатые, будут приглашать к себе друг друга, а средний дом бедняцкий, они его не будут приглашать к себе, и бедняк будет охвачен нена-

вистью к ним... Ну а каковы другие чудеса? — спрашивают судьи.

— Как сама сука не проснулась и не почувала меня, — говорит богатей, — а щенята у нее в утробе почували и подняли лай? Что это за диво такое?

Судьи отвечают:

— Наступит такое время, когда старики будут лишены права говорить и будут сидеть спокойно, а дела будут вершить молодые. Ну, какое чудо ты видел еще? — спрашивают они богатея.

Богатей говорит:

— Все пернатые сидели на одном дереве, а одна большая птица выщипывала их, и пух под деревом загородил проход. Что же это за чудо?

— Некий царь назовет себя более могущественным, — говорят судьи, — и наступит время, когда он будет изводить бедный народ всякими мучениями.

Судьи знали, что богатей не дошел до самого конца сада, но все-таки спросили его:

— Дошел ли ты до конца или нет?

— Нет, не дошел, — сказал богатей. — Сердце мое было напувано этими чудесами, и я повернул обратно. Я прикрыл глаза, чтобы больше ничего не увидеть. Но через некоторое время я открыл глаза, чтобы узнать, не сошел ли я с дороги, и увидел прямо перед моим ртом яблоко. Я откусил его, но внутри яблока оказался конский навоз, и я, отплеываясь, пошел по дороге дальше. Что это еще за чудо? — спрашивает он судей.

Они отвечают:

— Наступит такое время и будут такие люди, которые будут блистать своей внешностью, но в сердцах своих они будут питать друг к другу скверные чувства. А теперь, — сказали они ему, — верни добровольно бедняку долг. Если же не вернешь, мы заставим тебя жить с подобными людьми.

Богатей перепугался и стал просить судей:

— Вы угодные великому богу судьи, прошу вас, велите привести сюда бедняка!

Привели бедняка, богатей ему говорит:

— Я возвращаю тебе вместо десяти туманов двадцать туманов и называю тебя братом, ибо благодаря тебе я удостоился видеть этих угодных великому богу судей.

Бедняк получил свои деньги, а потом радостный возвратился домой.

— Ну как, муженек, чем кончилось твое дело? — спрашивает его жена.

Бедняк отвечает весело:

— Благодаря мудрости судей я получил обратно свои деньги, и он дал мне вдобавок еще десять туманов.

Вот так испокон веков богатей притеснял бедняка.

А вы, слушатели, благополучно живите до его возвращения!

Осетинск., 81, 57

162. Сварливая жена

Жили-были муж и жена. Кроме общих детей у каждого были еще дети, рожденные в первом браке. Несмотря на то что муж делал все, что полагается делать мужчине, жена всегда была недовольна им и постоянно ворчала:

— Никуда ты не годишься. Не умеешь ты ничего делать, что делают другие мужчины! Ни на что ты не годен! Никакой ты не муж, никакой ты не мужчина!

— Почему это я не муж? Почему это я не мужчина? Что такое делают другие мужчины, чего я не смог бы сделать? Они идут на реку ловить рыбу, плывут по реке в каное, и я тоже плыву в каное, и я тоже ловлю рыбу! Они ставят ловушки, и я тоже ставлю ловушки! Они возделывают землю, и я возделываю землю! Они разводят свиней и кур, и я тоже. Торговать на рынке я тоже умею, как все другие! Все спят со своими женами, и мы спим с тобой вместе! И беременеешь ты от меня так же, как женщины беременеют от своих мужей! Все имеют детей, и я имею детей! Что же в конце концов умеют делать другие мужчины такого, что я не умел бы делать?! — возмущенно спросил ее однажды муж.

— Айюе! Отстань, все равно ни на что ты не годишься!

И столько раз он слушал эти несправедливые обвинения, что в конце концов решил обратиться за советом в собрание старейшин, которые обычно совещались под деревом, возле жилища вождя. Здесь люди отдыхали, здесь собирались старейшины на совет.

И вот, как обычно, собрались старейшины, пришел вождь, и еще много простых людей сбежалось. Люди всегда любопытны.

— Вы, вожди и старейшины, старые люди и молодые, вы, среди которых есть и высокие и низкие, среди которых есть и толстые и худые, вы, которые могут быть моими старшими братьями или моими младшими братьями, позвольте мне обратиться к вам с вопросом. Могу я сказать все то, что хочу?

И несколько голосов ответило:

— Говори все, что хочешь!

— Ну вот я и скажу все, что хочу! Если один человек постоянно говорит другому: «Ты никуда не годишься! Ты ничего

не умеешь! Ты ничего не можешь!», как вы считаете: должен другой человек все это терпеть?

— Нет, такие слова оскорбляют человека! — сказал один из мужчин.

И несколько голосов поддержало его:

— Можешь говорить все, что хочешь! Мы слушаем!

Тогда один из старейшин спросил:

— Послушай-ка, этот разговор идет между двумя мужчинами, между двумя женщинами или между мужчиной и женщиной?

— Не просто между мужчиной и женщиной, а между мужем и женой.

— И кто же эти мужчина и женщина?

— Этот мужчина — я, а эта женщина — моя жена.

— Ай-ай-ай! Тогда все это должны решить старейшины и сам вождь.

— Ну давай расскажи все подробно! — подтвердил один из советников вожды.

— Слушайте, старейшины и советники, люди старые и молодые, высокие и низкие, толстые и худые, эта женщина постоянно говорит мне: «Никакой ты не мужчина! Ни на что ты не годишься! Ничего ты не умеешь делать того, что делают другие мужчины!». Но я ведь вместе с другими плаваю на каное, ловлю рыбу не хуже других, ставлю ловушки тоже не хуже других. Все землю возделывают, и я землю возделываю. Все разводят свиней и кур, и я развожу. Все торгуют на рынке, и я торгую. Ну, конечно, иногда лучше, иногда хуже, это понятно. Когда мы с ней встретились, у меня уже были дети, так же как и у нее. Но потом мы еще родили детей вместе. И спим с ней вместе, и беременеет она от меня. Словом, я делаю все то, что делают другие мужчины. Почему же она все время меня ругает? Почему она попрекает меня, что я не умею делать ничего такого, что делают другие мужчины?

— Слушай! — решил один из старейшин. — Твоя жена, наверное, хочет, чтобы ты получил талисман! Тогда она успокоится! — И, обратившись к вождю, спросил: — Скажи, почтеннейший, верно я говорю или неверно?

— Все верно. Пускай этот человек получит талисман, и тогда его жена успокоится, — подтвердил вождь.

И человек последовал их совету. Он отправился к колдуну с просьбой дать ему хороший, верный талисман.

— Зачем тебе нужен талисман? Что у тебя случилось? — спросил колдун. — Мне это надо знать, против кого должен действовать талисман, кто станет его жертвой.

И человек снова повторил свою историю. Как жена твердит: «Никакой ты не мужчина! Ни на что ты не годишься! Ничего ты

не умеешь делать того, что делают другие мужчины!», и объяснил колдуну, что он все делал, как другие мужчины: и ловил рыбу, и ставил ловушки, и возделывал землю, и родил детей...

— Хорошо. Я все понял. Дам тебе талисман. Но жертвой его станет не твой сын, рожденный от другой женщины, не сын, рожденный ею от тебя. Жертвой колдовства станет ее старшая дочь или ее старший внук. Это для того, чтобы она наконец поняла, что была не права, что ты все можешь! Иди домой. Вот тебе талисман.

Человек вернулся домой и никому не сказал ни слова.

А через несколько дней, когда старший внук сварливой жены вместе с другими детьми ел плоды акажу, зернышко попало ему в горло. Он поперхнулся, закашлялся и умер.

Стали выяснять причину смерти мальчика и узнали, что во всем виноват дед.

Все родственники — и матери и отца — собрались и стали обсуждать случившееся.

— Хотя ребенок и погиб по вине деда, но дед прав! — объявили все вместе. — Слишком долго он терпел унижения от своей жены. Нельзя обижать хорошего человека.

Так муж доказал жене, что он все может.

Авгольск., 56, 14

163. Ловкач и глупец

Жили два брата — ловкач и глупец. Каждый день они должны были добывать еду для своих родителей. Однажды пошли они вместе к реке, чтобы наловить рыбы, которая остается во время отлива на берегу и обгладывает корни деревьев. Глупец поймал и оглушил рыбу, а ловкачу все никак это не удавалось. Подошел он к глупцу и спрашивает:

— Глупец, ты поймал что-нибудь?

А тот отвечает:

— Да, ловкач, хоть я и глупец, но вот, видишь, поймал.

Говорит ловкач:

— Да ты и впрямь глупец! Увидел небось, что я ловлю рыбу, которая плывет в твою сторону, и схватил ее поскорей! Это моя рыба! Отдавай ее мне.

Нечего делать, отдал глупец ловкачу свою рыбу. Пошли они домой, а ловкач и говорит отцу:

— Смотри, отец, какую я здоровенную рыбу поймал. А глупец ничего не принес.

Мать разделала и приготовила рыбу, отец с ловкачом поели, а глупцу не оставили ни кусочка.

Назавтра братья снова пошли на рыбалку, и глупец быстро поймал рыбу. А ловкач и спрашивает:

— Ты слышал, как я из лука стрелял?

— Нет,— отвечает глупец.

Ловкач удивленно повернулся к нему.

— Вот так здорово! Смотри, вон у твоих ног лежит рыба, которую я подстрелил!

— Что ж, ладно,— говорит глупец.— Возьми эту рыбу себе.

Вернулись они домой, отдали рыбу матери. Та ее приготовила, и опять отец и ловкач-сын принялись за вкусное кушанье, а глупца даже к столу не позвали.

Вдруг большая кость застряла у отца в горле. Ловкач кликнул брата и велел ему бежать за лекарем. Но тот отказался идти и запел:

Каждый день мою рыбу едите,
Глупцом зовете меня,
Рыбы мне не дасте,
И, чтоб я помогал вам, хотите!

Ловкач воскликнул:

— Да как ты можешь петь, когда твой отец страдает?

Но глупец продолжал:

Ты все ел да ел до отвала,
В горле кость у тебя застряла,
Скоро гибель твоя придет.
В горле кость у тебя застряла!
А вот сын твой любимый — хитрец,
Много рыбы тебе он поймал, отец,
А я все равно голодаю.
Но теперь приближается твой конец,
И тогда, быть может, поест глупец?

Пока глупец пел, отец умер. Сбежались родственники, соседи, и все накинулись на глупца: как он смел петь, когда отец умирал? А глупец ответил:

— Нас у отца было двое — ловкач и глупец. Но только глупец ловил рыбу и кормил родителей, а ловкач присваивал себе всю добычу и морил брата голодом. Отец же верил одному ловкачу. Поэтому вы не должны сердиться на глупца за то, что он поет, когда страдает отец. Ведь и он страдал, но никто не жалел его.

И народ, узнав всю историю, решил, что глупец прав, а отец справедливо наказан за то, что не давал есть сыну.

Бакоинго, 63, 50

164. Справедливость знает только Аллаха

У одного человека пропала верблюдица. И вдруг он видит, что она пасется вместе со стадом одного очень уважаемого человека, знаменитого своей щедростью, красноречием и воинскими доблестями. А тот говорит:

— Я знать ничего не знаю. Если хочешь, можешь подавать на меня в суд.

Тогда хозяин верблюдицы обратился к старейшинам, и они взялись рассудить их.

Но судьи боялись похитителя верблюдицы и решили дело в его пользу. Хозяин верблюдицы не признал решения этого суда. Выбрали новый суд. Но и эти судьи судили пристрастно, и верблюдица опять не была возвращена законному хозяину.

После того как он вторично проиграл дело, его спросили:

— Ну что, потребуешь нового суда?

— Я решил довериться Ине Санвейне, — ответил он.

А надо сказать, что Ина Санвейне был близким родственником похитителя верблюдицы. Дело было передано Ине Санвейне.

После того как выступили истец и ответчик и были опрошены свидетели, Ина Санвейне встал и сказал похитителю:

— Справедливость не знает ни шурина, ни тестя, ни родства, ни свойства, ни детей, ни братьев, ни отца, ни матери, она не знает ни жены, ни мужа, ни дядьев, ни теток, ни ближних, ни дальних, ни друзей, ни знакомых. Справедливость знает только Аллаха. Отдай верблюдицу.

Тут хозяин верблюдицы встал, подошел к Ине Санвейне и другим судьям и, пожав им всем руки, сказал:

— О Ина Санвейне! Славу о тебе я разнесу по всему свету.

Затем он вернулся домой в свое племя и всю свою жизнь, о каком бы деле ни зашла речь, говорил:

— Надо обратиться к Ине Санвейне.

Так Ина Санвейне стал знаменит на весь свет.

Сомалийск., 109, 488

165. Человек маленького роста

Как-то раз некий городской вор, чтобы забраться в чужой дом, подкапывал стену. Стена обвалилась, и вор сломал себе руку. Тогда вор пришел к негусу и стал жаловаться:

— О негус! Я, ваш городской вор, подкапывал стену одного дома, а она обрушилась, и я сломал себе руку. Ясно, что хозяин дома делал стену кое-как.

Негус был большим сумасбродом, поэтому он приказал позвать хозяина дома, сказав:

— Действительно, это из-за него мой городской вор сломал себе руку.

Когда хозяин дома пришел, негус спросил его:

— Почему ты так плохо построил дом, что из-за тебя мой вор сломал себе руку?

— Я не виноват. Это каменщик плохо сложил стены,— ответил хозяин дома.

Негус приказал позвать каменщика.

— Ты почему так плохо сложил стены? Из-за тебя мой вор сломал себе руку,— сказал негус каменщику.

— Я тут ни при чем. Стена обрушилась потому, что плохо крыли крышу. Виноват тот, кто крыл крышу,— сказал каменщик.

Тогда позвали кровельщика, и негус сказал:

— Ты плохо крыл крышу дома, а поэтому из-за тебя мой вор сломал себе руку.

— О негус! Я не виноват,— ответил кровельщик.— Когда я крыл крышу, мимо проходила красивая, накрашенная девушка, и я засмотрелся на нее. Вот почему получилась плохая крыша. Это девушка виновата во всем.

Тут сумасбродный негус устал и собрался уходить. Но прежде чем уйти, он распорядился:

— Если увидите человека маленького роста, повесьте его!

А так как среди присутствующих самым маленьким был этот вор, его схватили и повесили. Так рассказывают.

Амхарск., 22, 260

166. [Суд Синукуана]

Дело было давным-давно. В одной из пещер горы Арайат жил Синукуан¹, судья зверей. Когда-то Синукуан жил в городе, но его смелость, честность и прямота у многих вызывала досаду, а то и ненависть. Против него устраивались заговоры, и наконец, опасаясь за свою жизнь, он оставил в городе все свое имущество, всех друзей и, поселившись на горе Арайат, решил завести дружбу с обитавшими там животными.

Звери очень скоро полюбили Синукуана. Он обладал способностью превращаться в кого угодно и, когда к нему приходило какое-либо животное, всегда принимал его обличье. Вскоре все обитатели Арайата признали его своим судьей, мудрецом и правителем и приходили к нему со своими делами и тяжбами.

Однажды на суд к Синукуану явилась птица и попросила его наказать лягушку, которая ночью так кричала, что не дала ей спать. Синукуан вызвал к себе беспокойную лягушку и спросил ее, почему она так недостойно себя вела.

— Господин,— почтительно ответила лягушка,— я просто звала на помощь, потому что увидела, как черепаха тащит на спине свой дом. Я испугалась, что она меня задавит этим домом.

— Что ж, причина уважительная,— сказал Синукуан.— Можешь быть свободна.

Вызвал он в суд черепаху и попросил ее объяснить свое поведение.

— Достопочтенный судья,— смиренно ответила черепаха,— я понесла свой дом, потому что светлячок рядом с ним размахивал огнем и я испугалась, как бы он не поджег дом. Разве я не вправе защищать свое жилище от огня?

— Твоя причина уважительна,— сказал Синукуан.— Можешь быть свободна.

На другой день явился в суд светлячок. Судья спросил, почему он размахивал огнем. Светлячок тихим голосом ответил:

— А как еще я мог защитить себя от москита, который угрожал мне своим острым кинжалом?

Его довод тоже был признан убедительным, и светлячка отпустили с миром.

Наконец позвали на суд москита, и тот никак не смог толком объяснить, зачем ему понадобилось доставать свой кинжал. Синукуан приговорил его к трем дням тюрьмы.

И пока москит отбывал заключение, у него вдруг пропал голос. С тех пор у москитов-самцов нет голоса и кинжалов своих они больше не достают, боясь наказания².

Пампанго, 148, 385

167. Почему у мухи нет хвоста

Однажды собрались все звери на совет, только удав не пришел. Послали за ним антилопу. Антилопа прискакала к удаву, но подойти близко побоялась, остановилась, не доходя до его хвоста, и стала кричать:

— Эй, удав, все звери собрались на площади, ждут тебя!

И поскорее побежала обратно.

Ждали звери удава, ждали, не дождалась и послали за ним мангусту. Но мангуста тоже боялась удава и поступила точно так же, как антилопа.

Не дождавшись удава и на этот раз, звери послали за ним муху. Муха прилетела к удаву, увидела, что он спит, и подняла такой шум, что удав проснулся. Не поняв, в чем дело, он с перепугу быстро заполз в мышиную нору.

Мышь, как увидела удава, так и обмерла:

— Ох, зачем это страшилище заползло в мою нору? Надо отсюда убежать, а то как бы не было беды мне и моим деткам!

Собрала она свои пожитки, захватила детей и через запасной ход выскочила из норы.

В это время мимо пролетела птица-медоедка. Увидала она мышь и сказала сама себе:

— Мышь с детьми выбегает из норы средь бела дня. Это неспроста.

На лету она все оглядывалась да оглядывалась на мышь и не заметила, как с разгону налетела на антилопу — прямо ей между ног!

— Ой, беда! — закричала антилопа. — Кто-то выстрелил в меня и попал мне между ног!

От страха она так рванулась вперед, что наткнулась на дерево. А на дереве сидели муравьи. От удара они слетели вниз и попали на слона, да с перепугу стали его кусать. Слон тоже испугался, побежал куда глаза глядят и наступил на краба, который сидел у источника!

Краб умер, а источник сразу иссяк.

Все звери пришли в великий гнев.

— Кто повинен в смерти краба? — стали допытываться они. — Краб делал нам добро, давал нам воду. А теперь он умер, и у нас больше нет воды.

Черепашка сказала:

— В смерти краба виноват слон.

Позвали звери слона и закричали на него:

— Эй, слон, что же ты наделал? Зачем ты убил краба?

Слон ответил:

— Дорогие братья, пощадите меня! Меня так искусали муравьи, что я спросонья испугался и побежал куда глаза глядят.

Позвали муравьев и спросили:

— Зачем вы искусали слона?

— Пощадите нас! — сказали муравьи. — Мы спокойно сидели на дереве. Вдруг на него налетела антилопа и так сильно стукнула, что мы упали прямо на слона. Тогда мы стали его кусать, чтобы он проснулся и не терял времени. Ведь если антилопа от кого-то бежит, надо быть начеку, не то попадешь в беду.

Вызвали антилопу, и она сказала:

— Дорогие братья, осторожности нечего стыдиться. Птица-медоедка налетела на меня, прямо между ног. Я подумала, что кто-то в меня выстрелил, и поскакала прочь.

— А ну-ка, медоедка, подойди поближе, — сказали звери. — Почему же это ты летаешь не глядя?

— Господа звери, — ответила медоедка, — и вы, господин судья черепаха! Послушайте, что я вам скажу. Видали ли вы когда-нибудь, чтобы мышь средь бела дня выносила из норы детей и все свои пожитки?

— Нет,— сказали звери.

— Так вот, дело было так,— продолжала медоедка:— я увидела, что мышь выбегает из норы с детьми и всем своим добром. На лету я все смотрела на них и пролетела между ног антилопы, просто чтобы предупредить ее. Ведь мудрая пословица не даром говорит: «Мышь выползает из норы — значит, жди опасности».

Позвали мышь и сказали ей:

— Ты никогда среди бела дня не выползаешь из норы. Что с тобой случилось на этот раз?

Мышь ответила:

— О дорогие братья, послушайте меня! Все это случилось из-за удава. Сколько я живу, никогда не было, чтобы он заползал в мою нору. Увидев его так близко, я испугалась, как бы не было беды мне и моим детям. Поэтому я забрала их, захватила все свои пожитки и убежала.

Позвали тогда удава и сказали:

— Ты слишком велик, чтобы лазить по мышиным норам! Что тебе там понадобилось?

И удав ответил:

— Я спал, вдруг налетели мухи, стали шуметь и изо всей силы бить меня по щекам. Спросонья я испугался и залез в мышиную нору. Не казните меня без вины!

Добрались до мухи.

— Подойди сюда,— сказали ей звери.— Как тебе взбрело на ум налететь на удава, когда он мирно спит, да еще бить его по щекам? Разве мы тебя за этим послали?

— Нет,— сказала муха.

— Зачем же ты так сделала?

Муха молчала, не зная, что ответить.

И вынесен был приговор: «В смерти краба виновата муха. За это отныне и на веки веков она останется без хвоста»².

Вот почему у мухи нет хвоста.

Дуала, 146, 142

168. [Суд Дахо]

Два человека спорили из-за большого медного таза. Разрешить спор обратились к Дахо. Каждый кричал, что таз принадлежит ему.

— Вот уж сколько лет прошло, как я его купил! — говорил один.

— Этот таз мне в наследство от матери достался! — утверждал другой.

— Он верно говорит,— сказал Дахо.— Я сам видел, как этот таз вырос в их доме.

Персидск., 69, 38

169. Дочери агелита

Парень был красив, силен и умен. Каждый был бы рад взять его себе на службу. Нанялся он к одному агелиту*, который славился всюду как мудрый судья. После того как парень пробыл у агелита несколько дней, тот сказал ему:

— Мне надо съездить по делам, разрешить на местах кой-какие споры. Заменить меня некому. Поэтому я хочу попросить тебя: не побудешь ли ты здесь вместо меня? Ты первый, кто кажется мне достаточно умным для такого дела.

Сказав это, агелит уехал. А парень пошел во двор и стал обдумывать его слова.

— Остаться мне или не остаться? — спросил он сам себя вслух.

— Если ты не дурак, то останешься,— произнесли сзади него два голоса.

Парень оглянулся и увидел двух красивых девушек. Они как раз входили в дом. Это были дочери агелита. Потом из дома допелся их смех.

«Недурная пожива для умного»,— подумал юноша.

Вечером агелит вернулся, и юноша сказал ему:

— Не буду долго раздумывать. Я решил принять ваше предложение и остаться вместо вас.

На другое утро агелит уехал. Едва он удалился, к юноше пришли обе красавицы девушки, засмеялись и сказали:

— Не хочешь ли ты с нами поспорить? Ты красив и силен, женщине одно удовольствие иметь с тобой дело. Так вот скажи, хочешь ли ты держать с нами спор?

— Хочу,— ответил юноша.— Говорите, о чем вы собираетесь спорить.

— Мы готовы дать тебе пятьдесят золотых монет, если ты сумеешь взять нас двадцать раз подряд. А если не можешь — пятьдесят золотых за тобой.

Юноша засмеялся и сказал:

— Не будем тратить времени и начнем.

Он взял их двадцать раз, но на последнем разе силы ему отказали.

— Ты красивый и сильный парень,— заявили ему девушки,— но пятьдесят золотых ты не получишь. Наоборот, тебе придется уплатить пятьдесят золотых нам. Ты взял нас двадцать раз, но на двадцатом ослабел.

Юноша ответил:

— Это сложный вопрос, его может решить только судья. Давайте передадим дело на суд агелиту, вашему отцу.

Девушки закричали:

— Что ты говоришь! Да отец нас убьет, если услышит, что мы делали! Он разрубит нас на мелкие куски, если только узнает о таком споре! Ни в коем случае не говори ничего отцу!

— Вам нечего опасаться,— ответил он.— Я не собираюсь рассказывать вашему отцу, какими делами мы тут с вами занимались. Я вообще ни о чем подобном не буду с ним говорить. Но раз у нас возник спор, а я в этом доме замещаю судью, мне надо услышать, что он мне скажет.

Девушки были так напуганы, что когда вернулся отец, они спрятались в хлеву рядом с жильем. Едва агелит приехал, как юноша вошел к нему, приветствовал его, сел рядом и сказал:

— Вчера ко мне приходили два человека, у которых возник спор. А спорили они о том, кто из них выиграл. Одному из них принадлежала сильная лошадь. И он поспорил на пятьдесят золотых, что она сумеет сжевать подряд двадцать мер зерна. А другой, торговец зерном, поставил пятьдесят золотых, утверждая, что лошадь двадцать мер в себя не вместит. Поспорили и устроили испытания. Лошадь съела одну за другой девятнадцать мер зерна. А двадцатую взяла в рот, разжевала, но не удержала во рту. Торговец зерном сказал, что лошадь не осилила двадцати мер, и потребовал от ее хозяина пятьдесят золотых. Но тот ответил, что лошадь вместила в себя все двадцать мер и выполнила задачу. А если она потом двадцатую не удержала, то это ее дело. Поэтому хозяин потребовал пятьдесят золотых себе.

— И что ты об этом думаешь сам? — спросил агелит.

Юноша ответил:

— Я думаю, владелец лошади выиграл спор. Ведь лошадь действительно вместила все двадцать мер зерна. Так что торговец должен уплатить ему пятьдесят золотых.

— Я бы решил точно так же,— сказал агелит.— Я вижу, у тебя такие же взгляды на справедливость и несправедливость, как у меня. Ты умеешь правильно рассудить. Я рад, что ты так умен. В следующий раз я уеду со спокойной душой.

Вечером к парню пришли обе девушки и отдали ему пятьдесят золотых. Они тихо посмеялись и сказали:

— Спасибо тебе. А денег этих нам не жалко, у нас их хватает[...]

170. Забота Моллы

Как говорит предание, однажды Моллу Насредина назначили правителем того города, в котором он жил.

Через два дня после того, как он приступил к своим обязанностям, стражники поймали двух воров и привели к нему. Одного поймали ночью, другого — днем.

Молла расследовал дело и того, кто воровал ночью, отпустил, а того, кого поймали днем, посадил в тюрьму.

Хозяин того дома, где вор совершил кражу ночью, пожаловался Тимуру, что Молла вел дело несправедливо.

Тимур прислал Молле приказ: поймать вора, совершившего кражу ночью, и как следует наказать.

Молла получил этот приказ, прочел его и подумал: «Наверно, законы изменились, а я этого не знаю».

Он поймал этого вора и посадил в тюрьму, а того, который воровал днем, освободил, украденные им вещи отобрал у хозяина и отдал вору.

На сей раз этот хозяин пришел к Тимуру жаловаться на Моллу.

Тимур рассердился и вызвал Моллу к себе.

— Что ты делаешь? — спросил он. — Почему ты освободил этого вора?

— По твоему приказанию, — ответил Молла.

— Как по моему приказанию? — еще больше рассердился Тимур. — Когда я писал, чтобы ты освободил его?

— Слава повелителю! — сказал Молла. — Один из воров совершил кражу днем, другой — ночью. Еще со времен наших предков мы знаем: воруют всегда ночью, а днем — никогда. Поэтому тот, кто ворует днем, нарушает и законы и обычаи. Вот я и посадил в тюрьму того, который совершил кражу днем, и выпустил пойманного ночью. Потом я получил за твоей подписью приказ: нужно поймать и посадить того, кто воровал ночью. Я и подумал, что законы, наверно, изменились. Поймал того, кто воровал ночью, а пойманного днем освободил.

Тимур совсем разгневался:

— Сейчас же иди поймай и этого.

— О повелитель! — возразил Молла. — Это же несправедливо! Если нельзя воровать ни ночью, ни днем, то что же им, беднягам, остается? Когда же им заниматься своим делом?

Азербайджанск., 23, 45

171. Эпенди тоже двуличный кази

Когда Эпенди был кази, к нему пришел один незнакомец и обратился с жалобой:

— На поле паслись коровы, и одна из них, пятнистая, кажется ваша, распоролла брюхо нашей корове. Какую меру наказания можно применить в этом случае?

— Хозяин здесь ни при чем. А с животного не спросишь за пролитую кровь,— ответил Эпенди.

— Ах, я ошибся, наоборот, моя корова распоролла брюхо вашей корове,— поправился пришелец.

Тогда Эпенди заявил:

— Ну это совсем другой разговор. А ну-ка подай мне скорей вон ту книгу в черной обложке.

Туркменск., 133, 161

172. Неправый суд

Пришли к судье двое и попросили тяжбу разрешить. Истец принес судье большой горшок масла, а ответчик кабана во дворе привязал.

Выслушал судья обе стороны и оправдал ответчика.

Разобиделся истец, явился в тот же день к судье домой и говорит:

— Как тебе не совестно! Разве я для того горшок масла тебе принес, чтобы ты моего противника оправдал?

— Что подделаешь,— вздохнул судья,— его кабан поддел клыком твой горшок и разбил! ¹

Грузинск., 49, 36

173. Суд выдры

Однажды в большом лесу, которым правила выдра, произошел такой случай. Во время прогулки по лесу обезьяна разрушила гнездо певчей птицы. Птица была возмущена разбоем и отправилась с жалобой к выдре. Выдра обещала сурово наказать вероломную обезьяну. Суд над обезьяной должен был состояться на следующий день.

В назначенное время птица отправилась к выдре. В клюве она несла веточку с маленькими плодами, чтобы подарить ее главному судье — выдре. Пришли к судье и другие звери. Теперь все ждали прихода обезьяны.

Тем временем обезьяна готовилась к ответу. Она понимала, что

виновата и ее ждет наказание. Но хитрая обезьяна стала думать, как бы избежать кары. Она долго вспоминала, что любит главный судья — выдра. И вспомнила, что выдра любит рыбу. Обезьяна тут же поймала самую большую рыбу и отправилась к выдре.

Когда обезьяна появилась на суде, довольная выдра доедала плоды, что принесла ей в подарок птица. Выдра была очень довольна подарком и заверила птицу, что обезьяну ждет суровое наказание. Обезьяна подошла к выдре и положила свой подарок за ее спиной.

Потом она почтительно приблизилась к выдре и сказала ей:

— Уважаемый суд, разбирая дело, должен смотреть вперед и назад.

Выдра поняла намек, обернулась и увидела за спиной рыбу, которую она так любила. Посмотрела опять вперед и увидела плоды, что принесла птица. Но рыбу выдра любила больше, чем плоды. Поэтому она еще раз взглянула вперед и назад и объявила:

— Обезьяна не виновна. Зачем ты, птица, строила свое гнездо там, где гуляет обезьяна? Ты поступила незаконно: построила гнездо не там, где нужно. Поэтому и должна быть наказана.

Бирманск., 110, 249

174. Лай и заяц

Однажды Лай спросил зайца ¹:

— Заяц, я знаю, ты бывал в подземном мире. Хорошо ли там?

— Да, — ответил заяц. — Когда-то я бывал там со своим отцом. Если ты попадешь туда, ты найдешь там много еды ².

— А можно ли туда попасть? — спросил Лай.

— Да, — ответил заяц, — как раз в эти дни туда можно пройти. Но без проводника попасть в подземный мир трудно. Лучше тебе отправиться со мной. Меня там хорошо знают.

— Хорошо, пойдем вдвоем, — сказал Лай. — А когда мы сможем отправиться?

— Иди сначала домой, — сказал заяц, — и возьми три горшка меду, чтоб мы могли купить в подземном мире все, что нам нужно.

Лай обрадовался и пошел за медом. А заяц отправился домой к своей жене и сказал ей:

— Натри свое тело илом, с одной стороны красным, с другой черным. Потом пойди к месту, которое я тебе укажу, и спрячься там. Я приду туда с Лаем и воскликну: «Господин подземного мира, позволь нам пройти!» А ты должна спросить низким голосом: «Кто ты?» Я скажу: «Я заяц, а со мной Лай!» Ты некоторо время помолчи. Тогда я второй раз крикну: «Господин подземного

мира, разреши пройти в твои владения!» И ты на это ответь: «Ты, заяц, можешь пройти в подземный мир, а второго, по имени Лай, я пропустить не могу. Пусть он оставит здесь свой горшок с медом, а сам пойдет домой и принесет курдючную овцу».

Утром Лай пришел к зайцу. [Дальше все происходит так, как задумал заяц. Лай оставляет ему горшок меда, но, вернувшись домой за овцой, понимает, что его обманули. Через несколько дней он уговаривает зайца повторить попытку.]

Рано утром они отправились в путь. Заяц опять отправил вперед свою жену. А Лай думал про себя: «Хорошо же, посмотрим, кто сегодня останется в дураках».

Пришли они на то самое место, и заяц громко воскликнул:

— О господин подземного мира, а как на этот раз? Не сможем ли мы сегодня вдвоем с Лаем пройти в твои владения?

— Нет,— ответил голос,— Лай и мать его³ не могут ко мне пройти.

— Почему? — спросил заяц, а сам тихо шепнул Лаю: — Он сегодня очень не в духе. Что же нам делать?

— Ничего, пусть сердится,— ответил Лай.— Подожди, что он еще скажет.

А голос продолжал:

— Ты, заяц, можешь проходить, а Лай пусть убирается.

— Слышишь? — прошептал заяц.— Делать нечего, ступай своей дорогой, а я пойду туда.

— Да, я так и сделаю,— ответил Лай, а сам отошел немного в сторонку и спрятался.

Через некоторое время жена зайца вышла из своего укрытия и пошла вместе с зайцем домой.

— Видишь, какой я умный? — спросил ее заяц.

— Я тоже не глупа,— ответила жена.— Разве я плохо ему сказала?

Лай все это слышал. «Значит, вот как,— подумал он.— Вы съели мой мед, и вдобавок жена зайца меня оскорбила, меня и мою мать». Он пошел вслед за зайцем и его женой. Заяц обернулся и увидел Лая.

— Ну как там, в подземном мире? — спросил его Лай.

— Все в порядке,— ответил заяц.— Я на этот раз зашел недалеко, всего до третьего моста.

— Да, ты сегодня очень рано вернулся. С чего бы это?

— Разве ты не видишь, что со мной моя жена? — сказал заяц.— У меня заболел ребенок. Она догнала меня и позвала домой.

Лай выразил ему сочувствие.

— Да,— сказал он,— в наши дни развелось много болезней. Значит, твоя жена ходила тебя искать?

— Да, да,— отвечал заяц.

Они прошли еще немного. Лай был очень разгневан, но виду не показывал.

— Когда мы опять отправимся в подземный мир? — спросил он зайца.

— Подожди, пока мой ребенок выздоровеет. А потом опять пойдем. Конечно, если ты получишь разрешение.

— Опять спрашивать разрешения у этого дурака?

— Эй, не говори так! — закричал заяц. — Ведь он слышит, как ты его оскорбляешь.

— Ничего,— сказал Лай,— пойдем-ка сейчас туда опять. А твоя жена пусть остается и ждет нас здесь.

Заяц попробовал было возражать, но Лай потащил его силой. Пришли они на то же самое место. Заяц весь дрожал. Лай с палкой стал возле него.

— Начинай! — крикнул он.

— О господин подземного мира! — начал заяц дрожащим голосом.

— Как следует говори! — прикрикнул Лай. — Скажи ему: господин подземного мира, я и Лай опять пришли к тебе.

— Нет,— ответил заяц,— этого голоса сейчас нет на месте.

Тогда Лай залепил ему оплеуху и крикнул:

— Почему это его нет на месте? Теперь я убью тебя и твою жену! Ты думаешь, я так глуп и не догадался, что ты спрятал свою жену изображать господина подземного мира? А она меня оскорбила? Пойдем-ка к ней! Ты меня еще узнаешь!

Они вернулись к жене зайца, и Лай закричал на нее:

— Ты, ничтожная зверюшка, ты оскорбила мою мать! Теперь трепещи! Я Лай, знаешь ли ты меня? Трепещи, ибо ты сегодня умрешь!

В это время мимо пробежала дикая собака.

— О чем вы спорите? — спросила она.

Но Лай и на нее закричал:

— Не вмешивайся в мои дела! Я Лай, равного которому нет среди людей!

Дикая собака испугалась и побежала к черепахе-султану⁴.

— О султан,— сказала она,— Лай хочет убить зайца и его жену. Нельзя этого допустить.

Черепаша тотчас послала к Лаю антилопу.

— Здравствуй, Лай,— сказала антилопа дружелюбным голосом.— Меня послал к тебе наш султан...

— Какой еще султан? — закричал на нее Лай.— Знать я не хочу вашего султана!

— Зачем нам ссориться? — сказала антилопа.— Можно говорить дружелюбно. Я пришла сюда, потому что меня послал за то-

бой наш султан черепаха. Лучше бы тебе пойти к ней. Неужели ты боишься черепахи?

— Ладно, — сказал Лай, — пойдем. И ты тоже пойдешь, — крикнул он зайцу. — И твоя жена пусть идет.

А те оба только дрожали от страха.

Пришли они к черепахе.

— Лай, — сказала черепаха, — я слышала, ты хочешь убить зайца и его жену. Но чтобы убивать других — такого закона нет. Что тебе сделал заяц?

— Я знаю, что он мне сделал, — ответил Лай, — и я его убью сейчас же на месте.

Услышав такие слова, черепаха очень испугалась.

— Заяц, — спросила она, — что ты сделал этому человеку?

Заяц рассказал ей все как было. Выслушав его, черепаха посмотрела на камни, где были написаны законы, и сказала:

— Лай оскорбил господина подземного мира и хотел убить тебя. Значит, он и согрешил, а ты, заяц, невиновен.

— Я согрешил? — закричал Лай. — Я вижу, черепаха, ты сама согрешила!

— Что ты говоришь, Лай! — сказала черепаха. — Я смотрю в закон, а закон не может быть неправ.

— Что у тебя за закон? — ответил Лай. — Этот камень у тебя — закон?

— Да, — сказала черепаха, — этот камень у меня — закон. Или ты его не уважаешь?

— Я очень его уважаю, — ответил Лай. — Я сейчас заброшу твой камень в пори.

— Подожди, подожди, — испугалась черепаха. — Сейчас я еще разок загляну в закон. Может, я что-то неправильно там разобрала.

А про себя она подумала: «Когда убивают другого, это все-таки не так страшно, как если убивают тебя».

— Да, — сказала она, — я разобрала не совсем точно. Теперь я вижу, что виноват заяц. Почему ты обманывал Лая? — обратилась она к зайцу. — Почему твоя жена оскорбила его?

— Твой суд глуп! — закричал на черепаху Лай. — Разве это настоящий закон? Я заброшу твой закон в пори, а потом убью и тебя.

Черепаха с перепугу спряталась в свою нору. А Лай ударил зайца так сильно, что тот на месте испустил дух. Жена зайца стала просить Лая о пощаде, но он ответил:

— Нет, я не могу оставить тебя в живых, потому что ты оскорбила мою мать.

Схватил он свою палку и убил жену зайца. А сам пошел своей дорогой.

175. Кошка Лая

Однажды в дом Лая забралась мышь и стала грызть его обувь. Кошка Лая схватила ее. Мышь жалобно запищала. А Лай услышал этот писк и крикнул кошке:

— Держи ее как следует, не упусти! Будешь ловить мышей, которые грызут мою обувь, — дам тебе много молока!

— Нет, она у меня не убежит, — сказала кошка и убила мышь. А Лай дал ей много молока.

Жена мыши пожаловалась леопарду. Леопард пошел к черепахе и сказал:

— О наш султан, я пришел к тебе с жалобой на кошку. Она убила мышь!

— Как так! — рассердилась черепаха. — Я же сказала, что никто не имеет права убивать другого!

— Да, звери перестали тебя уважать, — сказал леопард. — Они не выполняют твоих приказов.

Черепаха послала за кошкой. Гонец побежал за ней, но не нашел и вернулся ни с чем.

— Ты не нашел ее? — удивился леопард. — Да ведь она живет в доме Лая!

— Ах, — сказала черепаха, — значит мышь убита там? А что она делала в доме Лая?

— Она хотела съесть его обувь.

Тогда черепаха сказала:

— Ох, оставьте меня с этим Лаем! Он опасный человек.

— Ты что, боишься Лая? — насмешливо спросил леопард.

Черепахе это показалось обидным, и она велела позвать Лая вместе с кошкой. Кошка пришла к султану первой, а Лай спрятался позади дома.

— Что же это такое, кошка? — сказала черепаха. — Почему ты убила мышь?

— Я убила ее потому, что она ела обувь моего господина, — ответила кошка.

— Ты служишь человеку! — воскликнула черепаха. — Почему ты живешь у Лая?

— Я живу у него потому, что он кормит меня, — ответила кошка.

Черепаха посмотрела на свои камни и сказала:

— Ты, кошка, очень провинилась. Ведь я издала приказ, чтобы никто из зверей не убивал друг друга. Но чтобы разобраться в этом деле до конца, надо вызвать самого Лая.

Лай все это услышал и сам вбежал в дом.

— Здравствуй, султан! — сказал он.

— Послушай, Лай, — закричала на него черепаха, — каждый

день ты что-нибудь вытворяешь в нашей стране! Почему ты поговорил кошку убить мышь?

— Она все время грызла мою обувь,— ответил Лай.

— Если она даже и делала это,— вставил леопард,— ее нельзя винить. Должна же она чем-то питаться!

— Никогда не слыхал, чтобы человеческая обувь служила пищей для мышей,— возразил Лай.— Если бы таков был приказ султана, я бы не велел убивать мышь.

Черепаша посмотрела в свои законы и сказала:

— Ты, Лай, и твоя кошка — вы оба виноваты и должны понести наказание.

— Что ж,— сказал Лай.— А посмотри-ка в свои законы, велико ли должно быть наказание?

— Лучше всего было бы наказать их обоих палками,— радостно воскликнул леопард.

— Да, Лай,— согласилась черепаха,— тебя стоит наказать палками.

— А кошку? — спросил Лай.

— Кошка — другое дело,— сказала черепаха.— Больше всех виноват ты. Дикая собака, принеси две палки!

Леопард хотел схватить Лая, но тот швырнул его на землю и крикнул:

— Ах, так? Сегодня вы узнаете, кто такой Лай! Вы все распрощаетесь с жизнью.

Одной рукой он схватил леопарда, другой черепаху, стукнул их друг о друга и бросил на землю. Леопард тотчас испустил дух, а черепаха взмолилась:

— Пощади меня, Лай, теперь я вижу, как ты велик!

— Эх ты, великий султан,— крикнул ей Лай,— посмотри-ка еще раз в свои законы и скажи, кто виноват.

— Виновата я,— ответила черепаха,— я очень, очень виновата. Можешь сам посмотреть в мои законы.

— Твои законы — простые камни,— ответил Лай.— Какая в них может быть справедливость?

Ираку, 160, 89

176. Семь братьев-мышей

Давным-давно жили на земле семь братьев-мышей. У них была своя юрта величиной с ладонь.

Однажды утром проснулись они и увидели, что за ночь снегу навалило — стены скрыло! Сделали братья деревянные лопаты и начали разгребать снег. Целый день трудились, очень проголодались.

И вдруг на том месте, где только что отгребли снег, все увидели кусочек мяса. Он лежал прямо перед носом Самого Младшего Брата. Не успели все и рта раскрыть, как он съел это мясо.

Самый Старший Брат закричал:

— Что ты наделал?! Все съел сам! Вот я тебя сейчас!

И на глазах у перепуганных братьев-мышей он прыгнул и проглотил Самого Младшего Брата прямо с хвостиком. Тогда пять братьев накинудись на него, связали и поволокли на суд к хану. Долго шли, очень устали, пока добрались до хана. Связанного брата оставили у дверей, а сами вошли в юрту.

Хан величественно восседал на троне. Он с усмешкой посмотрел на взмокших, запыхавшихся мышей.

— Откуда вы пришли? — спросил хан.

— Мы пришли из-за семи рек, из-за семи перевалов, — ответили мыши.

— Это и видно, вон как язычки-то высунули! — заметил хан.

— Нас было семеро, — сказали мыши.

— Ого, как много! — засмеялся хан.

— У нас была юрта величиной с вашу ладонь, — сказали мыши.

— Большая юрта! — усмехнулся хан.

— Когда мы разгребали снег, наш Самый Младший Брат нашел кусок мяса и съел. И тогда Самый Старший Брат проглотил его прямо с хвостиком.

— О, какой он страшный! Где же он? — спросил хан.

— Мы его связали и приволокли к вам на суд. Он лежит за дверьми. Он очень большой. Когда мы его нашли, он был совсем маленький, мы взяли его к себе и стали звать наш Самый Младший Брат, но он рос быстрее всех, и скоро мы стали его звать Наш Самый Старший Брат. Он стал спать уже не в юрте, а снаружи.

— Втащите его сюда! — приказал хан.

Братья-мыши втащили связанного Самого Старшего Брата.

— Ха-ха-ха! — захохотал хан. — Да ведь это — кот! — И он стал развязывать травинки, которыми были спутаны лапы кота.

— Хан, как вы его накажете? — спросили мыши.

— А вот как: развяжу и отпущу. Он хорошо сделал, что съел мышью! И пусть он всех вас сожрет! — крикнул хан.

Испугались братья-мыши и разбежались кто куда.

А хан самого старшего их брата сделал своим котом.

С тех пор кот не дружит с мышами. Он помнит, как они волокли его, связанного, через семь рек, через семь перевалов на суд к хану.

А мыши обиделись на хана, что он оправдал кота-преступника, и начали таскать у хана зерно, лепешки, сало, масло.

Вот с тех пор и стали мыши врагами людей, а кошки — врагами мышей.

Тувинск., 131, 187

177. [Он нам не так нужен]

Деревенский кузнец убил человека, и кадий приговорил его к смертной казни. Жители деревни толпой пришли к кадию и заявили:

— Кузнец у нас один. Если ты его казнишь, кто же будет подковывать наших мулов и ослов? Пусть казнят вместо него бакалейщика, он нам не так нужен.

Кадий подумал и ответил:

— Зачем же убивать бакалейщика? Он тоже один. Давайте казним одного из слугителей бани — ведь их там двое.

Персидск., 85, 52

178. Цена закону

Много лет назад жил в Монголии слепой музыкант.

Триста шестьдесят пять дней в году странствовал он по стойбищам, ходил из юрты в юрту, играл людям на хуре*, пел песни, сказывал былины.

Слепой музыкант откладывал каждую лишнюю монетку на черный день, когда заболит и не сможет бродить по стойбищам. Свои деньги он носил в мешочке, а мешочек прятал за пазухой и никогда с ним не расставался.

Однажды, когда музыкант играл на многолюдном сборище и пел свои песни, подошел к нему щегольски одетый незнакомец. Растволкав людей, он протиснулся вперед, сел на корточки перед музыкантом и стал пристально смотреть на него своими черными глазами. На пришельце были шелковый халат, а поверх него зеленая плюсовая куртка; на ногах — добротные кожаные гутулы*; шапка из черного шелка сдвинута набок.

Когда музыкант кончил играть и народ разошелся, незнакомец воровато осмотрелся и запустил руку за пазуху музыканта. Слепой музыкант испугался, схватил вора за руку, стал кричать:

— Люди! В ясный день, под золотыми лучами солнца человека грабят!

Не успел грабитель вытащить руку из-за пазухи музыканта, как сбежались люди и схватили его.

— Так хорошо одет, а кого вздумал грабить! — возмущались они. — Бедного слепого музыканта. Позор тебе!

А пришелец и не думал выпускать из рук мешочек.

— Подумайте, откуда у этого паршивого слепца может быть столько денег? — кричал он. — Это мои деньги! Он у меня хотел их огнять!

Народ еще пуще возмутился.

— Мошенник, хочешь оклеветать бедного музыканта! — закричали люди и повели его к нойону*.

Выслушал нойон, что говорили ему люди, усадил слепого музыканта и стал допрашивать мошенника.

— Встань на колени! — приказал он. — Ты, презренный вор, среди ясного дня, под золотыми лучами солнца вздумал ограбить бедного слепого музыканта. Как смеешь ты так поступать, живя под властью своего милостивого владыки?

— Мой нойон, — ответил мошенник. — Я из самой благородной семьи. Мой отец — знатный человек. Зачем мне заниматься грязными делами? Неужели я стал бы грабить ничтожного музыканта и пятнать доброе имя своих родителей?

— Как смеешь ты говорить, будто вышел из знатного рода? — вскипел нойон. — Будь это так, ты бы не обворовал этого бедняка!

— Мой нойон! Смее уверить вас, отец имеет почти такой же титул, как и вы, — стоял на своем мошенник. — Во всех четырех сторонах света нет человека, который не знал бы моего отца.

Еще пуще рассердился нойон и говорит:

— Кто может знать недостойного отца, который воспитал такого дурного сына?

— Мой нойон! Вы тоже знаете имя моего отца.

— Придется и твоего негодного отца привлечь к ответу. Говори его имя! — закричал нойон.

Вор посмотрел на нойона, чуть заметно подмигнул ему и сказал:

— Лицо моего отца бугристое, спина горбатая, а имя ему Старый Сребреник.

Нойон задумался. Долго молчал он, потом улыбнулся:

— Придется завтра заняться вашим запутанным делом.

И приказал посадить под замок слепого и вора, каждого в отдельности.

Ночью вор попросил отвести его к нойону и дал ему взятку — тридцать серебряных монет с рельефной чеканкой на лицевой стороне.

Утром оба предстали перед нойоном. На этот раз он обрушил свой гнев на слепого музыканта.

— Презренный вор, как смел ты нарушить закон? Говори, что заставило тебя оклеветать честного человека?

Музыкант ничего не ответил. Он сел и начал копать землю руками, изредка наклоняясь, словно прислушиваясь.

«Что делает этот слепой черт?» — удивился нойон, а вслух спросил:

— Эй, вор, ты что, с ума сошел?

— Мой нойон, — ответил слепой музыкант. — Только вчера здесь говорил закон. Сегодня закон онемел за тридцать серебряников, словно сквозь землю провалился. Вот я и рою, может, найду закон, а может быть, монеты?

Нойон изменился в лице и приказал поскорее прогнать слепого музыканта.

Монгольск., 75, 257

179. О несправедливом суде

В одной стране жил человек, у которого была очень большая семья. Человек уважал законы и обычаи. Однако в этом мире богатство и бедность, почет и унижение постоянно сменяют друг друга. Настало голодное время, и человеку стало трудно кормить свою многочисленную семью. Тогда он решил найти такую страну, где он и его семья могли бы жить в достатке. Взял он с собой жену и детей и отправился в путь.

Много дней провели они в дороге. Как-то встретили они крестьян и спросили, не знают ли те такой страны, где от хлеба ломились бы крома. И крестьяне, указав на дальние горы, сказали:

— В том краю есть страна, в которой очень много хлеба. Там плодородная земля, но судьи несправедливы, и в стране царят беззаконие и беспорядки. В соседней же стране живется не особенно вольготно, но там честные судьи, а закон и справедливость торжествуют.

Вслушал их человек и подумал: «Я беден. У меня нет ни земли, ни скота, ни имущества. Меня не интересует — справедливый судья или несправедливый, соблюдаются законы или нет. Я хочу лишь своим трудом заработать на пропитание. Мне не из-за чего ссориться с людьми».

И он твердо решил отправиться в ту страну, где много хлеба, но нет справедливости. Вскоре человек достиг этой страны. Построил он хижину для своей семьи и, трудясь день и ночь, мог прокормить свою жену и детей.

Прожил он в этой стране несколько месяцев, и вот однажды подходит к нему сосед и говорит:

— Кто все эти люди, которые живут с тобой?

— Это моя жена, а остальные — дети.

— Неужели у тебя столько детей? — не унимался сосед.

— Конечно, — отвечал тот.

Тогда сосед говорит:

— Ты отец такого большого семейства, а я одинокий человек. Отдай мне свою жену. Пусть она и мне родит ребенка.

— Как это отдать тебе жену?! Нет, не отдам, — отвечает он.

Тут они поссорились, и сосед говорит:

— Ах, ты не хочешь отдать мне свою жену?! Тогда пойдешь к судье.

«Хоть здешний судья и несправедлив, но он не скажет мне, чтобы я отдал этому человеку мою жену», — подумал отец семейства, и они направились к дому судьи.

Как только они пришли к судье, сосед и говорит:

— Господин, рассудите по справедливости! Уже прошло много времени с тех пор, как этот человек приехал сюда из другой страны и поселился здесь. Так как с ним приехало много людей, я спросил его, что это за люди, и он ответил мне, что это его жена и дети. А я одинокий человек. Вот я и попросил его дать мне жену, чтобы она родила мне ребенка, но он отказался. Когда я увидел, что он ревнивец и думает только о себе, я решил обратиться за помощью к вам. Я уверен, что вы, узнав о такой несправедливости, заставите его отдать мне свою жену.

Судья выслушал его и говорит:

— Послушай, пришелец! Ты откуда приехал сюда? Ты совсем не знаешь законов и обычаев. У тебя много детей, а у него ни одного, и, когда этот человек просит у тебя жену, чтобы она родила ему хотя бы одного ребенка, ты возражаешь! Какой же ты чудак! Сейчас же отдай ему свою жену! Если же не выполнишь моего приказа, тебя постигнет суровое наказание!

Отдав свою жену, отец семейства от гнева и печали заболел и слег в постель. Проболел он всю неделю, а в воскресенье соседи собрались и, направившись к дому больного, решили по дороге:

— Если он все еще болен, положим его на носилки и понесем хоронить. Ведь иначе он умрет в рабочий день, когда мы будем работать на землях негуса!

Придя к больному, они сказали:

— Сегодня воскресенье. Мы свободны и можем похоронить тебя.

— Как это так? Я же не умер, а вы хотите похоронить меня?! — удивился он.

Тогда они ему говорят:

— Ты пролежал всю неделю, а теперь собираешься умереть в рабочий день и заставить нас бросить работу на землях негуса?! Нет, мы похороним тебя сегодня. А если не хочешь, пойдём к судье, и пусть он нас рассудит. Ты всегда был плутом. Когда твой сосед попросил у тебя жену, ты тоже отказывался, но наш справедливый судья разоблачил тебя, и тебе все-таки пришлось отдать жену.

Человек отказался идти вместе с ними к судье.

Тогда они насильно подняли его и потащили с собой.

Явившись к судье, они сказали:

— О судья, рассудите по справедливости! Этот человек приехал к нам из другой страны и поселился здесь. В понедельник он заболел и слег в постель. Мы боялись, что он внезапно умрет и из-за него нам придется бросить работу на землях негуса, но благодаря божьей милости он протянул до воскресенья. Поэтому мы собрались сегодня и решили похоронить его, а он отказывается и доставляет нам лишние хлопоты. Вот мы и пришли к вам, чтобы услышать ваш справедливый приговор.

Тогда судья поднялся и говорит:

— Уж не тот ли это человек, который недавно говорил, что не отдаст свою жену? До каких пор он будет издеваться над нами?! Это же ревнивец и плут, не признающий законов и обычаев! Откуда он взялся?! Заболел, провалялся всю неделю, а теперь еще смеет говорить, что его не должны хоронить! Уж не хочет ли он умереть в рабочий день, чтобы из-за него прекратилась работа на землях негуса?! Сейчас же похороните его!

Люди поблагодарили судью за его приговор и пошли хоронить пришельца.

Так рассказывают.

Амхарск., 51, 106

180. Праведник

Жил на свете праведный человек. Жители его родного города были плутоватые и порочные, ему стали в тягость их дурные дела, и он покинул родной город и отправился в другой.

Пришел он в другой город и решил совершить намаз. Подошел к мечети и слышит, как муэzzин * провозглашает:

— По словам жителей этого города, «Аллах акбар»¹, по словам жителей этого города, «Нет бога, кроме Аллаха».

Праведник очень удивился и решил спросить об этих странных словах имама мечети. Входит он в мечеть, видит: суматоха там какая-то.

— В чем дело? — спрашивает он и вдруг видит: сидит на полу не то мулла, не то имам, поставил рядом с собой бутылку вина и Коран и приговаривает:

— Клянусь Кораном, вино не разбавлено!²

«Что за странный город? — подумал праведник. — Пойду-ка лучше к имаму мечети и спрошу, что они тут вытворяют».

Подошел он к самому михрабу, видит, что имам совершает намаз, а другие молящиеся следуют его примеру. Но имам, когда

стоял, приподнимал ногу, а когда опускался для коленапреклонения, то задирает ногу выше головы. Видит праведник, было две загадки, а стало три!

— Пойду-ка я разузнаю, где находится их кадий, и расспрошу его, что тут происходит.

На улице он стал спрашивать и ему показали, где найти кадия. Вошел он в присутствие, видит там портного и хаммала *. А кадий выносит решение: вырвать один глаз у портного и один — у хаммала.

Праведник очень удивился и воскликнул:

— Всеславный Аллах! Что они тут вытворяют?!

С этими словами он выбежал на улицу и стал спрашивать, как разыскать другого кадия, самого главного в городе. Ему показали дом самого справедливого и главного кадия в том городе.

Вошел он в присутствие главного кадия — ну и дела! — один мужчина при всем народе творит блуд с другим! Праведник так ошалел, что выскочил на улицу и побежал. Увидел прохожего и взмолился:

— Друг, покажи мне в вашем городе богобоязненного кадия!

— Вот этот кадий,— сказал прохожий,— самый уважаемый в нашем городе. К нему приходят за советом другие кадии.

Праведник пришел к тому кадию и говорит:

— Почтенный кадий! Я покинул родной город и прибыл в ваш, чтобы поселиться там, где берегут благочестие. Пришел я сюда и вижу, что блуда и греховности здесь еще больше.

— Добрый человек,— спрашивает кадий,— что же греховного ты видел в нашем городе?

— Что может быть хуже этого! — воскликнул праведник.— Вхожу я в ваш город, подхожу к мечети, вижу — муэззин провозглашает: «По словам жителей этого города, «Аллах акбар», по словам жителей этого города, «Нет бога, кроме Аллаха». А сам-то он какой же веры?!

— Это я придумал,— говорит кадий.— Мы назначали много муэззинов, но все они либо проворывались, либо требовали увеличить жалованье. Тогда я велел назначить муэззином одного сврея. Вот потому-то он так странно провозглашает азан *.

— А почему тот мулла клянется на Коране и продает вино?

— Это тоже я придумал. Люди не покупали его вина. И я посоветовал ему клясться на Коране, что вино у него неразбавленное.

— Уразумел и это,— сказал праведник.— Но почему в доме кадия при нем самом двое предаются мерзкому блуду?

— И это я придумал. Один купец в нашем городе перед смертью завещал не передавать имущества его сыну, пока тот не достигнет совершеннолетия. Ко мне стали приходиться родные и просить передать сыну наследство, уверяя, что он уже совершенно-

полетный. И наконец я, чтобы убедиться в его совершеннолети, приказал совершить этот мерзкий поступок.

— Мудрое решение! Но скажи мне, почему кадий велел вырвать один глаз у портного, а другой — у хаммала.

— Да ведь и это я придумал, — сказал кадий. — Этот портной совершил тяжкое преступление. И я вынес решение вырвать ему оба глаза. Потом вижу я, что это грешно, ведь каждый человек нуждается в обоих глазах, кроме хаммала, которому достаточно и одного. Вот потому я велел заменить один глаз портного глазом хаммала.

— Хвала тебе! Хвала! — воскликнул праведник. — Мудрое решение ты вынес. Но почему тот имам в мечети во время совершения намаза поднимает ногу над головой?

— И это я придумал! — воскликнул кадий. — Да потому, что когда имам шел в мечеть, то угодил одной ногой в нечистоты, а настала уже пора намаза, собрались правоверные, и у него не было времени помыть ноги. И тогда я посоветовал ему во время намаза не касаться молитвенного коврика оскверненной ногой.

Удивился праведник, попрощался. Было у него две ноги, так он еще две взял взаймы и поспешил в родной город. «Хоть и развратен наш город, но все-таки намного лучше других», — сказал он себе.

Персидск., 102, 180

181. Как Ахмет-Ахай разоблачил бахчисарайского кадия

[...Однажды увидел Ахмет-Ахай] — едет один человек с женой верхом на ослице. Когда они поравнялись с ним, он притворился слепым и стал просить их:

— Если можно, возьмите и меня, пожалуйста, с собою.

Хозяин был добрый человек, пожалел слепого. С ослицы слез и посадил его впереди своей жены.

По приезде в город хозяин-муж говорит сидящему на осле Ахмет-Ахаю:

— Мы уже приехали. Теперь можешь сойти на землю.

Тот отвечает:

— Почему я должен со своего осла слезать на землю?

— Что за вздор плетешь? Разве это твоя ослица? Ты еще скажешь, что и эта женщина — твоя жена?

— Конечно, если жена моя, я иначе и говорить не буду.

— Ты в своем уме? Как она может быть твоей женой, если она моя жена?

Начался спор. Собрался народ. Что такое? Что произошло?

Муж своей жены говорит людям:

— Пожалел я слепого и уступил ему свое место впереди жены. Теперь он говорит, что и ослица его, и жена тоже его.

— Слушайте его поменьше,— закричал Ахмет-Ахай.— Он пользуется тем, что я слепой, хочет у меня отбить и жену, и осла. Люди добрые, заступитесь за меня!

Сиорящих направили в суд к кадию.

Кадий предложил Ахмет-Ахаю говорить первому, и притворщик начал:

— Света белого я не вижу, вот он и хочет воспользоваться моей слепотой, забрать осла.

А сам хлопает себя рукой по груди, где у него был спрятан камень,— дает кадию понять, что приготовил для него хороший подарок.

Тут кадий спрашивает хозяина ослицы:

— Ты утверждаешь, что животное, на котором ехал этот слепец, твое. Так ответь же мне: осел это или ослица?

Тот отвечает:

— Ослица.

— А ты, любезный, что скажешь? — обращается кадий к Ахмет-Ахаю.

— Осел,— отвечает тот.

— Вот мое решение,— говорит тогда кадий.— Тот, кто ехал с женщиной на осле, может взять ее. А осла я поставлю в мой ослятник, где он будет находиться до тех пор, пока не разродится осленком, и тогда ты, называющий себя хозяином ослицы, получишь ее. А если пройдет положенный срок и осленка не будет, приходи за ним ты, называющий себя хозяином осла.

Человек, проигравший все, что имел, хватает себя за волосы и кричит:

— Что же я наделал, Аллах небесный мой! Неужели я потерял разум?

И тут Ахмет-Ахай сказал:

— Не плачь, уважаемый хозяин. Жена твоя мне не нужна. И ослица как была твоя, так твоей и останется. Я не слепой с большой дороги, а, как и ты, зрячий. Но ведь и слепой может разглядеть, как бессовестно судит наш многоуважаемый кадий [...] ¹

Татарск., 73, 208

182. Халат верховного казия

Возвращаясь поздно ночью от больного, Насреддин Афанди увидел на улице лежащего без движения человека.

Подшел Афанди, осветил фонарем и видит: лежит в пыли и грязи верховный казий Бухары, совершенно пьяный.

— О, — сказал Афанди, — за одну пиалу вина ты, господин верховный казий, приговариваешь несчастного к наказанию по сорок палок. Интересно, сколько ты выпил пиал, если валяешься здесь, как свинья, потеряв человеческий облик!

Пинком ноги Афанди перевернул безжизненное тело, снял с верховного казия шитый золотом халат и чалму и отправился домой.

Верховный казий был настолько пьян, что только на рассвете очнулся. С трудом он поднялся и, крадучись, пробрался в свой дом.

Здесь только верховный казий осмотрелся и увидел, что раздет, а его дорогой золотошвейный халат и чалма индийской кисеи исчезли.

Возмущенный тем, что какой-то вор осмелился ограбить его, самого верховного казия, он решил во что бы то ни стало найти преступника и предать его мучительной казни.

Вызвал он полицейских и приказал им:

— Бегите по городским базарам и того человека, в руках которого окажутся мои халат и чалма, немедленно схватите и приведите сюда.

Полицейские низко поклонились и бросились выполнять приказ.

Верховный казий призвал палача и стал ждать, заранее наслаждаясь местью.

Полицейские побежали по базарам Бухары, обшарили, словно пси-ищейки, каждый закоулок и вскоре нашли Афанди с халатом и чалмой верховного казия.

Связав руки Афанди, полицейские притащили его к верховному казию.

— Вот вор, — сказали полицейские.

— Откуда у тебя мой халат и моя чалма? — грозно спросил верховный судья. — Говори правду. Видишь, палач стоит по правую мою руку.

Тогда, смиренно склонив голову, Афанди ответил:

— Господин, сегодня ночью я натолкнулся на неизвестного, валявшегося в грязи на улице и потерявшего человеческий облик. Человек был совершенно пьян. Я взял у него халат и чалму. Если этот пьяный были вы, верховный судья, я готов вам вернуть халат и чалму.

Испугался, затрясся верховный казий. Понял он, что будет опозорен на всю Бухару, если народ узнает, что он, верховный казий, предается пьянству.

Милостиво улыбнувшись, верховный казий сказал:

— Блюстителю законов не подобает и прикасаться губами к пиале с вином. Тот пьяный, конечно, был не я. Халат и чалма не мои. Иди с миром.

Но вся Бухара знала, кому принадлежали халат и чалма. И народ прославил Афанди, сумевшего осмеять верховного судью.

Узбекск., 53, 93

183. [Цяо Шунь и чиновник]

Один чиновник сказал Цяо Шуню:

— Я на тебя сердит. Ты отнимаешь у меня весь заработок. Давай померимся с тобой хитростью. Кто проиграет дело, тот будет наказан.

— Хорошо,— согласился Цяо.— Сделаем так: ты будешь мой отец, а я твой сын. Я дам тебе две пощечины, а ты за это покалешься на меня в суд.

Чиновник решил, что в таком деле он, конечно, возьмет верх, и согласился.

Они сделали, как договорились, и пришли на суд к уездному начальнику. Тот выслушал чиновника и обрушился было с угрозами на Цяо. Но тот ничего не отвечал, только разводил руками. Начальник неожиданно изменил тон и велел служителям задать палок истцу.

Чиновник никак не мог понять, почему он проиграл дело. Тогда Цяо показал ему свои ладони. Лишь тут чиновник заметил, что на одной из них был написан иероглиф «лазание», а на другой «зола», что вместе значило «кое-кто заводит пашни с женщиной».

Стоило уездному начальнику увидеть эту надпись, как он вынес приговор в пользу Цяо.

Китайск., 147, 113

184. В шкуре собаки

У Насреддина Афанди издохла любимая собака. Он так дорожил ею, что после трехдневного оплакивания решил хоронить ее как следует. Завернув труп собаки в саван и пригласив имама, он тайно закопал труп на кладбище.

Об этом стало известно жителям города, и они потащили Афанди к казнию *.

— Волею Аллаха,— заявил Афанди,— моя собака перед копытой заговорила по-человечьи, ваша милость. Разве может животное заговорить по-человечьи, если на то не было воли Аллаха?

— Никому не дано сомневаться в силе всевышнего,— ответил казий.— А что сказала тебе собака?

— Моя собака сказала так: когда я умру, похороните меня в саване по обычаю. И пожертвуйте господину казию сто таньга. Афанди оправдали.

Узбекск., 53, 91

185. Отравленное молоко

Жил однажды человек, и устроил он званый обед, на котором потчевали гостей молоком. Когда все молоко было выпито, он послал за молоком на базар свою рабыню. И взяла она сосуд, пошла на базар и купила молоко. Но когда она возвращалась домой, держа сосуд с молоком на голове, над ней пролетел коршун, в клюве которого была змея. И подул сильный ветер, и встрепелась змея, и выпустила струйку яда в сосуд с молоком, а рабыня этого не заметила.

Она принесла молоко своему хозяину, он угостил им присутствующих, и все они скончались. Кто же виноват в их смерти? [Вопрос был задан философам и мудрецу Синдбану в присутствии царя и его сына.]

Первый философ сказал:

— Виноват хозяин дома. Ибо, прежде чем угощать молоком своих друзей, он должен был дать рабыне попробовать его.

Второй философ сказал:

— Не в этом дело. Хозяин ни в чем не виноват. Во всем виновата змея.

Третий философ поднялся и сказал:

— Ты тоже не прав. И змея не виновата, ибо не по злему умыслу, а по воле обстоятельств она выпустила яд из своего жала [...]

Тогда встал Синдбан. Он сказал:

— Знайте же, что все сотворенное богом, все, в чем есть живая душа, наделено от природы определенными свойствами. И коршун питается лишь тем, чем ему предопределено питаться свыше. Следовательно, коршун тоже ни в чем не виноват.

Тогда царь обратился к своему сыну и сказал ему:

— Я думаю, что мои советники не знают, чья здесь вина. Каково твое мнение?

Царевич ответил:

— Поистине, мой повелитель и царь, ни один из мудрецов Каира не сумел определить подлинного виновника гибели гостей, пивших отравленное молоко. Лично я полагаю: они погибли потому, что такая смерть была им суждена¹.

Сирийск., 79, 67

186. Странный чиновник

О чиновнике Хване люди вспоминают до сих пор. Он занимал высокие должности при разных правителях. Самым замечательным в чиновнике Хване было то, что он всегда говорил людям только «да». Его губы неспособны были выговорить «нет», даже если это было крайне необходимо. Казалось, ему безразлично все происходящее. Никогда лицо его не выражало озабоченности.

Однажды двое его слуг поспорили о чем-то и никак не могли прийти к согласию. Наконец один из них обратился к своему господину и сказал:

— Я поспорил с товарищем. Пожалуйста, рассудите нас!

И он рассказал ему суть спора. Чиновник выслушал его и ответил:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Но потом пришел другой слуга, рассказал о том же самом споре и тоже попросил чиновника рассудить. Хван и ему сказал:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Случайно при этом присутствовала его жена. Она засмеялась и сказала:

— О мой господин, почему вы не вынесете ясного решения? Вы ведь слышали, что двое ваших слуг спорили друг с другом. Разве не правильнее и не проще было бы одному сказать: «Ты прав», а другому: «Ты неправ»?

— Да, верно,— ответил тот,— ты права.

Эти слова дошли до наших дней. И сейчас, когда люди хотят сказать, что кто-то не может рассудить спор, они говорят: «Ты судишь, как чиновник Хван!»¹

Корейск., 161, 156

187. Как поссорились гиена и павиан

Гиена и павиан поссорились и пошли к судье, чтобы он их рассудил. Они подробно рассказали ему о своем деле, и судья опечалился, не зная, как ему поступить. «Если я вынесу приговор не в пользу павиана, он за один день уничтожит все мои посевы и у меня пропадет весь урожай, если же я вынесу приговор не в пользу госпожи гиены, она за один день уничтожит весь мой скот»,— думал он и, поразмыслив, сказал:

— В таком деле должны разбираться старейшины, а я помочь вам не могу. Идите к старейшинам, и они вас рассудят.— И он, назвав им имена старейшин, послал их к ним.

Гиена и павиан пришли туда, куда он их направил, и говорят:

— Отцы наши! Мы поссорились между собой и пошли к судье. Мы подробно рассказали ему, из-за чего произошла ссора, и он

сказал нам, что в таком деле должны разбираться старейшины, а не судья, и только старейшины могут рассудить нас. Вот мы и пришли к вам в надежде на то, что вы нас рассудите.

Старейшины выслушали то, что им рассказали госпожа гиена и господин павиан, и, призадумавшись, опечалились, не зная, что делать.

— Ведь судья прислал их к нам потому, что понимал: если он вынесет приговор не в пользу павиана, тот опустошит его посевы, а если он осудит гиену, она съест его скот. Так же получится и с нами: если мы осудим павиана, то за один день будет съеден весь наш урожай, если же осудим гиену, она съест наш скот,— рассудили старейшины. Тут они вспомнили о том, что в деревне есть бедный старик, у которого нет ни скота, ни поля и которому нечего терять, и сказали гиене с павианом:

— У нас есть один мудрый старик, который сможет лучше, чем мы, рассудить вас. Вот к нему вы и идите.

Гиене и павиану не оставалось ничего другого, как пойти к этому старику и рассказать ему обо всем.

Ну а бедняк ведь всегда бывает искренним и добрым. Вот он и решил помирить их.

Старик сказал павиану:

— Иди туда и посиди там, пока я не спрошу госпожу гиену.

Когда павиан отошел на большое расстояние, старик говорит гиене.

— Госпожа гиена, как же так? Как это ты, такая молодчина, пускаешься в спор с этакой облезлой обезьяной? Меня это удивляет и поражает! У тебя такой зычный голос! Ты такая сильная, что можешь одна унести лошадь или мула. Как ты можешь стоять рядом и разговаривать с этой мордой! Даже если он тебя обидит, не роняй своего достоинства, уступи и не ссорься, не затевай тяжбу. Лучше успокойся и помирись с ним!

— Да ведь ты прав. Когда мне не с кем говорить и я спускаюсь к нему в овраг побеседовать, ничего, кроме отвращения к нему, я не испытываю. А теперь, как ты мне посоветовал, я лучше уступлю и помирюсь с ним. Теперь никто уж не увидит меня рядом с ним,— сказала гиена, пораженная его мудростью, и ушла.

Потом старик позвал павиана и говорит ему с укоризной:

— Господин павиан, ты такой молодец и при всем народе пускаешься в спор с этим ничтожным пожирателем падали! Меня это очень удивляет. И тебе не стыдно?! Ведь у тебя такой же грозный вид, как у льва, а когда ты, окруженный своими детьми, идешь, переваливаясь с боку на бок, ты похож на вельможу, сопровождаемого своей свитой. Когда ты появляешься на краю оврага, ты страшен, как воин, поднявший копье, чтобы нанести удар. Ты же знаешь, что о тебе говорят люди, когда ты еще только появляешь-

ся вдали. «Вот он!» — говорят они. А сейчас ты дошел до того, что разговариваешь с этой прожорливой, питающейся падалью трусихой. И тебе не стыдно? Какой же ты безголовый, братец! Ну ладно, что прошло, то прошло, а на будущее, если даже она обидит тебя, ты уступи и не ссорься с ней и не роняй своего достоинства!

— Конечно! Теперь мне все понятно. Я уронил свое достоинство, и я виноват. Пойду лучше уступлю и помирюсь, — сказал господин лавица, согласившись со стариком.

А бедняк, собрав их вместе, спросил:

— Ну, теперь помиритесь, как я вам сказал?

— Да, — ответили они и низко поклонились ему.

Тогда он сказал им на прощание:

— Ну идите по домам и больше чтоб не ссориться!

Когда речь идет о защите справедливости, не следует думать о своей выгоде.

Амхарск., 22, 191

188. Судья

Жили когда-то два брата. Младший был судьей, а старший вел хозяйство.

Вот как-то младший брат говорит старшему:

— Я бы на твоём месте вел хозяйство по-другому.

Старший обиделся и говорит:

— Легко тебе рассуждать, сидя дома. Только и знаешь, что отдыхаешь. Вся твоя работа — болтать языком. Попробовал бы ты сам вести хозяйство, сразу понял бы, как это тяжело.

— Ну что ж, — отвечает младший. — Если тебе кажется, что быть судьей проще, давай поменяемся. Ты будешь выполнять мою работу, а я — твою.

Так они и сделали. Старший брат стал судить, а младший вел хозяйство.

Однажды пришли к ним в дом двое охотников и попросили разрешить их спор. Тут старший брат, который должен был рассудить их, говорит:

— Расскажите, как было дело.

Один охотник говорит:

— Шел я по лесу, увидел марала и выстрелил. Пуля попала ему в голову. Так что это я убил его.

— Нет, — возражает второй охотник, — марала убил я. Я выстрелил, и пуля пробила заднюю ногу и ухо марала.

Старший брат рассудил их так:

— Марал принадлежит первому из вас, так как одна и та же пуля не может попасть сразу в ногу и ухо.

Первый охотник остался очень доволен новым судьей.

Когда охотники ушли, младший брат говорит старшему:

— Ты рассудил неверно. Похоже, что правду говорил второй охотник. Если марал тер задней ногой ухо, то пуля действительно могла одновременно пробить и ногу и ухо.

Пришлось старшему брату признать правоту младшего.

Через несколько дней на суд пришли еще два человека. Они жили по соседству, и каждый из них имел верблюдицу. Однажды они увидели, что обе верблюдицы облизывают одного верблюжонка. «Верблюжонок мой!» — решил каждый из них. Они поссорились и пришли к судье, чтобы он разрешил их спор.

Старший брат взглянул на верблюдиц, которых спорщики привели с собой, и сказал, указывая на одну из них:

— Верблюжонок произвела на свет вот эта верблюдица: у нее живот втянутый.

Тут младший брат не выдержал и говорит:

— Не обижайся, но ты рассудил неверно. По-моему, этот спор можно разрешить так: надо посадить верблюжонка в лодку и оттолкнуть ее от берега. Тогда мать верблюжонок бросится в воду, а другая верблюдица не тронется с места.

Спорщикам понравилось это решение, и они ушли. Так старший брат наконец понял, что судья из него никудышный, и принялся за свои прежние дела.

Ногайск., 77, 175

189. Как пьяницы поспорили

В одной деревне жили два друга — Тей Наун и Пхоу Аун. Они занимались тем, что делали вино из плодов пальмы тхан*. Сами они пили это вино столько, что иной раз на людей переставали походить. В деревне они прослыли заядлыми пьяницами.

Однажды Тей Наун возвращался в деревню, неся на плече горшок с вином. Навстречу ему попался Пхоу Аун.

— Э, приятель, — приветствовал друга Пхоу Аун, — что, сегодня уже с утра ноги не держат?

Тей Наун обиделся:

— Вот те на! Это когда же я от вина пьян бывал? Может, это за такими молодцами, как ты, водится?

— Тут рассердился Пхоу Аун:

— И это ты мне такое говоришь? Ну-ка давай на спор — кто больше выпьет!

Тей Наун не стал долго раздумывать, а сразу согласился.

Они пошли туда, где росли пальмы тхан и стояли чаны с броющим соком и вином, уселись и стали состязаться. Пустели чаш-

ка за чашкой, горшок за горшком, а приятели все не хмелели. Наконец стало все же у них немного мутиться в голове. Потом пасхау у них развязались и сползли, языки стали заплетаться, и оба повесели уже что-то невнятное. Наконец сознание и вовсе их оставило, и приятели заснули.

Когда Пхоу Аун и Тей Наун проснулись, стоял туман. Пхоу Аун посмотрел на небо и сказал:

— Эй, погляди-ка! Видишь, какая луна яркая?

— Да ты пьян совсем! — ответил приятель. — Какая же это луна? Ведь мы заснули вчера вечером, а сейчас уже другой день, взошло солнце. Это солнце, а не луна!

— Сам ты пьян! — огрызнулся Пхоу Аун. — Никакое это не солнце! Самая настоящая луна!

— Да откуда ей взяться? — не уступал Тей Наун. — Солнце это! Солнце, тебе говорю!

— Беда с тобой! — стоял на своем Пхоу Аун. — А я тебе говорю, что это луна!

Долго они так пререкались и вдруг увидели невдалеке какого-то человека.

— Что мы зря спорим! — сказал тогда Тей Наун. — Лучше давай спросим этого человека.

— Хорошо! — согласился Пхоу Аун. — Вот и узнаем, кто пьян — ты или я!

Тей Наун подошел к человеку и спросил, показывая пальцем:

— Вот эта штука, что сейчас на небе, — это луна или солнце?

А человек, которого спрашивал Тей Наун, и сам был навеселе. Он взглянул не на небо, а на пальму тхан и пробормотал в ответ:

— Я, приятель, нездешний. Откуда мне знать, сколько эта пальма вина дает.

Он пошел прочь пошатываясь, а приятели так и остались ни с чем¹.

Бирманск., 110, 287

190. Нубийский счет

Один нубиец пришел к другому и попросил у него взаймы пиастр.

Тот дал ему две монеты по двадцать парасов, потому что в пиастре как раз сорок парасов. Но когда пришел срок возвращать долг, второй нубиец принес первому не две монеты по двадцать парасов, а пиастр.

— Нет, — сказал первый нубиец. — Я дал тебе две монеты по двадцать парасов, вот и верни мне две монеты.

— Но ведь в пиастре ровно сорок парасов*!

— Нет и нет! Взял две монеты — верни две монеты!

Слово за слово, сначала поспорили, потом чуть не подрались. И решили оба идти к судье-кади, чтобы он их рассудил.

Долго бился с ними кади, пока уразумел, в чем дело. Еще дольше пытался примирить спорщиков. Наконец вышел из терпения, взял у второго нубийца пиастр, а первому отдал две монеты по двадцать парасов из своего кошелька.

— Теперь ты доволен? — спросил кади.

— Слава Аллаху! — воскликнул первый нубиец. — Наш кади — золотой человек, справедливый. А главное — умеет считать!

Нубийск., 119, 107

191. Ходжа разбирает тяжбу красавиц

Когда ходжа был в Сиврихисаре кази, пришли к нему красавицы. Вот одна и говорит:

— Эфенди, я заказала этой женщине сплести обыкновенную бечеву, а она начала прясть тонкие-претонкие нитки, вроде моих волос. Если она будет делать так, я отказываюсь от уговора; пусть она вернет мне деньги.

Так говоря, она кокетливо приоткрывала лицо и показывала ходже пряди своих волос.

Ходжа, в смущении призывая имя Аллаха, обернулся к другой женщине и спросил:

— Что ты скажешь на это?

А та, придав своему голосу дрожь и волнение, с жаром, как будто от гнева, отвечала:

— У нас уговор был насчет обыкновенных веревок для белья, толщиной вот с мой палец, и вовсе не требовалось плести веревки толщиной в кисть моей руки, — говорила она и, чтобы доказать свою правоту, показала белоснежную руку...

Бедный ходжа остановил ее и, оглядев обеих с ног до головы, сказал, улыбаясь:

— Ну, девочки, столкнитесь как-нибудь между собой. Ты, — продолжал он, обращаясь к ответчице, — немного толще пряди; только не натягивай так сильно, чтобы не надорвалось сердце вашего ходжи, как это только что было.

Красавицы засмеялись и ушли.

Турецк., 25, 120

192. Рассказ об Абу-Юсуфе

Рассказывают, что Джафар Бармакид однажды вечером разделял с ар-Рашидом¹ трапезу и ар-Рашид сказал ему:

— О Джафар, до меня дошло, что ты купил такую-то невольницу, а я уже давно стремлюсь купить ее, так как она прекрасна до предела и мое сердце занято любовью к ней. Продай мне ее.

— Я ее не продам, о повелитель правоверных,— ответил Джафар.

— Ну так подари мне ее,— молвил ар-Рашид.

И Джафар сказал:

— Не подарю!

И тогда ар-Рашид воскликнул:

— Если ты не продашь мне невольницу или не подаришь мне ее, Зубейда трижды разведена² со мной!

И Джафар сказал:

— Моя жена трижды разведена со мной, если я тебе продам эту невольницу или подарю ее тебе!

А потом они опомнились от хмеля и поняли, что попали в великое дело, и были бессильны придумать какую-нибудь хитрость, и ар-Рашид воскликнул:

— Вот происшествие, для которого не пригодится никто, кроме Абу-Юсуфа!³

И его потребовали, а это было в полночь, и, когда посланный пришел, Абу-Юсуф поднялся, испуганный, и сказал про себя: «Меня призывают в такое время только ради какого-нибудь дела, достигшего ислам!»

И он поспешно вышел и сел на мула и сказал своему слуге:

— Возьми с собой торбу; может быть, мул не получил весь свой корм, и, когда мы приедем в халифский дворец, привяжи ему торбу, и он будет есть оставшийся корм, пока я не выйду, если он не получил всего корма сегодня вечером.

И слуга отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

И когда Абу-Юсуф вошел к ар-Рашиду, тот встал перед ним и посадил его на ложе с собою рядом (а он не сажал с собою никого, кроме него) и сказал ему:

— Мы потребовали тебя в такое время лишь для важного дела, и оно обстоит так-то и так-то, и мы бессильны придумать какую-нибудь хитрость.

— О повелитель правоверных,— сказал Абу-Юсуф,— это дело самое легкое, какое бывает! О Джафар,— молвил он,— продай повелителю правоверных половину невольницы и подари ему половину, и вы оба исполните таким образом клятву.

Арабск., 134, 102

193. Летающая лань

Поспорили в деревне два юноши. Один говорил, что лань прыгает. «Нет, летает», — твердил другой. Спорили они, спорили — никак не могли друг друга переспорить; каждый продолжал стоять на своем. Наконец пошли они оба к судье и попросили, чтобы тот их рассудил.

— Хорошо, — сказал судья первому юноше, — когда ты видел, что лань прыгает?

— Однажды весной, — ответил тот. — Я шел по лесу и видел, как лань скакала и прыгала.

— А ты, — обратился судья к другому, — когда ты видел, что лань летала?

— Однажды в седьмой месяц года, — ответил тот, — мы праздновали шестидесятилетие тестя. Все были веселы и хмельны. Когда, возвращаясь домой, мы проходили по опушке леса, я увидел, как лань идет по верхушкам кустарника, а тот даже не шелохнется. Разве это не значит, что лань летает?

Судья тотчас все понял, но сказал, что хочет на месте посмотреть, как все было. Пошли они втроем на опушку и, действительно, увидели лань, которая быстро удалялась по склону холма, покрытого кустарником.

Чтобы не портить отношений ни с кем из спорщиков, умный судья сказал:

— Вы оба правы. Весной лань прыгает, а осенью летает.

Оба были очень довольны таким решением, уплатили судебные издержки и разошлись добрыми друзьями¹.

Корейск., 161, 146

194. Глазная болезнь

Одного чиновника назначили судьей. Уселся он в зале и начал разбирать судебное дело. Истец и обвиняемый стали приводить свои доводы.

— Оба вы говорите резонно, — сказал судья. — Поскольку истец прав, то присуждаю двадцать палочных ударов обвиняемому. Но и обвиняемый прав, поэтому присуждаю двадцать ударов палками истцу.

Объявив приговор, судья пошел из зала. Приказные бросились за ним и просили отпустить их домой.

— В чем дело? — спросил судья.

— С глазами плохо. Слепнем! — хором кричали приказные.

— А я вижу, у вас глаза в порядке. Почему вы кричите «слепнем»?

— Конечно, вы видите нас ясно, а мы как посмотрим на вас, так словно глухость глаза застилает...

Китайск., 67, 211

195. Коза

А вот еще какая история приключилась с хелемским меламедом *. Как-то по окончании школьного года¹ в его кошельке оказался целый капитал — десять звонких монет. Он долго сидел со своей женой и думал, на что употребить эти деньги.

Наконец жена сказала ему:

— Отправляйся, супруг мой, в местечко, которое славится своими козами, и купи козу. Недаром говорят люди: «Коза в доме — достаток в доме».

Меламед послушался жену, отправился и купил козу. В пути, когда он вел козую домой, его застала ночь. Страшно стало меламеру на безлюдной дороге, он свернул на постоянный двор и решил там заночевать.

Когда меламед блаженствовал за стаканом чаю, а коза его жевала в сарае сено, к нему подсел хозяин постоянного двора. Слово за слово, и уже через минуту тот знал, что его поздний гость — не кто иной, как хелемский меламед. Смекнув, какую шутку можно с ним сыграть, хозяин пошел в сарай и заменил козу козлом.

Назавтра чуть свет меламед зашел в сарай, взял за веревку козла и пошел своей дорогой. Домой он прибыл в прекрасном настроении и, увидев жену, воскликнул:

— В добрый час! Я привел тебе козу. Иди и подои ее.

Женщина взяла подойник, вышла во двор и видит — перед нею не коза, а козел. И она начала громко бранить козла, своего мужа и весь божий свет, нимало не смущаясь тем, что ее слышат дети, ученики меламеда.

Честь меламеда была задета. Он вскочил и поклялся, что тотчас вернется в местечко и на весь мир опозорит наглого обманщика, который осмелился вместо козы всучить ему козла.

— Он меня еще узнает! — кипятился меламед.

Схватив веревку, привязанную к рогам козла, он повел его в местечко, к человеку, который продал ему козу.

По дороге он завернул на постоянный двор, чтобы рассказать хозяину, какие бывают на свете обманщики. Улучив минуту, хозяин шмыгнул в сарай и заменил козла козой.

Отдохнув немного, меламед повел свою скотину дальше. В местечке он быстро нашел человека, продавшего ему козу, и набросился на него с бранью:

— Где твоя совесть? Как ты смел вместо козы подsunуть мне козла?!

Тот громко рассмеялся и сказал:

— Глупый ты человек, а еще меламед. Разве ты не видишь, что это коза, а не козел?

Он позвал свою жену, и та на глазах у меламеда надоила полный кувшин молока. Меламеду стало совестно: зря он, выходит, сбругал человека. Взял он козу и отправился домой. В пути стемнело, и он завернул на постоянный двор. А когда наутро меламед вернулся домой, жена обнаружила, что он снова вместо козы притащил козла, — это уж постарался хозяин постоянного двора.

Женщина принялась проклинать мужа и всю его родню до десятого колена, и опять в присутствии его учеников. Разгневанный меламед поклялся, что теперь он непременно отомстит обманщику. Он схватил веревку и потащил козла в местечко. По дороге, как и прежде, он зашел на постоянный двор и в местечко привел опять не козла, а козу.

Снова посмеялся над ним продавец и обзвал меламеда круглым дураком, не отличающим козы от козла. И он опять позвал жену, чтобы она подоила козу. Но меламед решил, что на этот раз он не даст так легко обвести себя вокруг пальца.

— Знаем мы ваши штучки! — кричал он. — Видели таких умников! Я не поверю, что это коза, пока сам раввин вместе с духовным судьей не удостоверит это.

Пошли к раввину, и тот, вместе с духовным судьей обследовав со всех сторон животное, в присутствии всех собравшихся выдал хелемскому меламеду свидетельство, что это доподлинно коза. Бумага была подписана всеми присутствующими и скреплена печатью раввина.

— Теперь у меня нет к тебе никаких претензий, — сказал на прощание меламед бывшему владельцу козы. — Прости, что я невольно обидел тебя.

Он взял козу, свидетельство и пошел домой.

По дороге меламед по обыкновению завернул на постоянный двор. А когда завтра он предстал перед женой, оказалось, что и на сей раз — увы! — он привел козла, а не козу. Жена всплеснула руками и заплакала:

— О, наказание божье! Зачем мне козел?

Тут уж меламед рассердился не на шутку:

— Дурная твоя башка! У меня есть свидетельство раввина и духовного судьи, подписанное ими и скрепленное печатью; в нем говорится, что это коза, а не козел.

Не прошло и десяти минут, как весь двор был полон народу.

Одни кричали:

— Женщина права! Это козел, а не коза. Все признаки налицо.

Другие возражали:

— Меламед прав! У него же на руках бумага, где черным по белому написано, что это коза.

В конце концов меламед и его жена, сопровождаемые толпой, повели козла к хелемскому раввину, дабы он обследовал животное и вынес окончательное решение.

Хелемский раввин водрузил на нос очки и три часа кряду изучал животное, а также выданное меламеду свидетельство. Наконец он вынес решение:

— Прав, бесспорно, меламед. От рождения это коза, что подтверждает выданное по всей форме и найденное в полном порядке свидетельство. Но всевышний, должно быть, повелел, чтобы козы, вступив на хелемскую землю, тотчас превращались в козлов.

Еврейск., 112, 126

196. [Пусть подождет]

Давным-давно жил в столице один сват. Целыми днями подыскивал он женихов и невест.

Однажды он просватал пятнадцатилетнюю девушку за тридцатипятилетнего мужчину, скрыв его возраст. Но родители невесты вскоре прослышали, что жених стар.

— Мы ни за что не отдадим дочь: ведь между возрастом жениха и невесты двадцать лет разницы,— сказали они.

Что мог поделывать сват? Он решил пожаловаться судье. Судья вызвал обе стороны и спросил родителей девушки:

— Вы дали слово, по какой же причине теперь отказываетесь?

— Сват обманул нас: жених на двадцать лет старше невесты, поэтому мы не согласны. Мы бы отдали ее, если бы он был хотя бы только вдвое старше ее.

— Пусть будет, как вы хотите. Отдайте ему свою дочь через пять лет. Жених обязан это время подождать. Тогда ему исполнится сорок, а ей — двадцать и жених будет старше невесты как раз вдвое.

Так порешил судья, и обе стороны с извинениями удалились. Поистине мудрое решение!

Японск., 112, 385

197. [Сварливая жена]

У одного человека была сварливая жена. Она постоянно затевала с ним ссоры. Однажды она так его рассердила, что он не удержался и дал ей пощечину. В это время к ним приехал отец жены. Он проезжал мимо и решил по пути навестить их. Дочь стала рассказывать ему про то, что случилось.

— Он так ударил меня,— говорила она,— что у меня глаза на лоб полезли.

Муж сидел поблизости и все слышал.

— Я тебя еще раз ударю! — сказал он в гневе.

— Ты хочешь ударить мою дочь на моих же глазах? — спросил пораженный отец.

— О да, господин!

Услышав это, дочь схватила палку да так ударила мужа по лицу, что у него пошла кровь. Тогда он тоже взял палку и так ударил ее, что она упала на землю. Тут и тесть замахнулся на своего зятя, но тот перехватил его удар, сломав его палку на двое, и сам стукнул тестя по спине. Тесть убежал домой.

На другое утро он вернулся с двумя палками. Дочь его тоже схватила две палки. Человек подумал: «Нехорошо, если я стану бить ее отца»,— и побежал прочь. Отец с дочерью погнались за ним, но догнать не смогли и вернулись домой.

Вскоре человек отправил посыльного в дом тестя.

— Скажи старику,— велел он ему,— пусть его дочь больше не появляется в моем доме. И пусть он вернет мне назад выкуп за нее¹.

Посыльный передал эти слова. Тесть ответил:

— Хорошо, я и сам хочу, чтобы она осталась со мной. Но выкупа он обратно не получит, потому что он ударил меня палкой по спине.

Из-за этого выкупа у них начался долгий спор. Зять говорил тестю:

— Ладно, допустим, я тебя ударил, но это не причина не возвращать мне выкупа. Твоя дочь тоже меня ударила, причем первая. Я хочу получить свой выкуп.

Но тесть стоял на своем.

— Иди и жалуйся, если хочешь,— сказал он.

Ну что ж, пошел человек жаловаться к султану. Изложил он правителю страны суть дела. Султан выслушал его и велел позвать другую сторону: отца и дочь. Прежде чем начать речь, старик показал султану свою спину:

— Посмотри, султан!

— Что там у тебя на спине?

— Он меня ударил!

— В самом деле? — чуть не засмеялся султан.— Видно, ты перед ним сильно провинился? Или он сошел с ума?

— Да, он сошел с ума,— сказал тесть,— он потерял рассудок. Он каждый день жалуется на мою дочь.

— Ты действительно бил его? — спросил султан.

— Нет,— ответил тот,— я его еще не бил, вот только сейчас пачу.

— Неужели ты будешь меня бить? — запричитал тесть.

— Но ведь вы сами, ты и твоя дочь, били меня!

— Да, в этом деле непросто разобраться, — сказал султан. — Все вы били друг друга. Но твоя дочь осталась при тебе, а у него жены больше нет. Так что ты должен вернуть ему выкуп.

Но тесть продолжал кричать:

— Он же меня ударил, а я должен отдавать ему выкуп!

— Не начинай спор заново, — сказал султан. — Не хочешь отдавать выкуп, верни ему свою дочь.

— Чтобы моя дочь вернулась к нему?! Он меня ударил, он и мою дочь будет бить, если она к нему вернется.

— Ты так его боишься? — засмеялся султан. — Бить он тебя больше не будет, а дочь приведи к нему обратно.

Тут она сама воскликнула:

— Нет, я ни за что не хочу возвращаться к нему, ведь он сумасшедший! Посмотри, султан, как он ударил по спине моего отца!

И муж тоже сказал:

— Нет, она мне больше не нужна, мне нужен только мой свадебный выкуп.

— Раз так, — сказал султан, — то тебе, старик, придется отдать ему выкуп.

— Ах, — сказал тесть, — мне уже все равно. Я отдам ему выкуп. Я соберу его, но он сможет его получить только через месяц.

— Тридцать дней?! — сердито воскликнул муж. — Кто станет ждать так долго? Тогда пусть твоя дочь эти тридцать дней живет у меня. Когда уплатишь выкуп, получишь ее обратно.

— Да, это будет правильно, — заключил султан.

Тесть уже не в силах был спорить.

— А моя спина? — только и сказал он. — Что он даст мне за удар по спине?

Султан опять засмеялся.

— За это он ничего тебе не будет платить. Ведь ты и твоя дочь тоже побили его. А разве вправе жена бить своего мужа?

— Ах, теперь мне все равно, — сказал старик. — Свой выкуп он получит через четыре дня.

— Ты согласен? — спросил султан.

— Нет, на четыре дня я не согласен. Пусть платит мне сегодня же. Как только я получу свой свадебный выкуп, я пойду своей дорогой, а он с дочерью — своей.

— Нет, султан, — испугался отец женщины, — сегодня я не могу уплатить. Посодействуй мне.

— Что я могу сделать? — возразил султан. — Таков закон. И ведь твоя дочь ударила своего мужа.

— Так и он меня тоже ударил! — чуть не заплакал тесть.

— Все это я уже слышал,— сказал султан,— и больше слушать не хочу.

Старик пошел к себе и собрал весь выкуп. Для этого ему пришлось залезть в долги. Все это он принес своему бывшему зятю, и тот вернулся к себе домой без жены, а она пошла со своим отцом.

Ираку, 155, 58

198. Долг правителя

Однажды утром два соседа увидели, что какая-то собака нагадила на пустыре между их домами. Никто из них не хотел убирать за собакой. Дело у них дошло до драки, и оба пошли к городскому правителю жаловаться друг на друга.

Правитель был не в ладах с Моллой Насреддином и поэтому решил поручить ему разбор этого дела. Позвали Моллу, собрался народ. Правитель насмешливо обратился к Молле:

— Молла, эти два человека поспорили. Дело очень важное, потому я послал за тобой. Ты такие дела решаешь быстро и правильно.

Молла выслушал жалобу соседей и понял, что правитель позвал его, чтобы оскорбить. Он, нисколько не смутившись, сказал спорщикам:

— Собака нагадила на улице. Это место принадлежит не вам, а повелителю. А у него здесь есть представитель — правитель города. Поэтому убирать за собакой должны не вы, а правитель!

Азербайджанск., 23, 83

199. Дележ «по-божески»

Как-то раз три человека нашли мешок с орехами, принесли к Анастратину и попросили, чтобы он разделил между ними орехи по-божески. Анастратин развязал мешок, дал одному горсть орехов, другому — один орех, а третьему — все остальное.

Они ему говорят:

— Ходжа, ты разделил несправедливо!

— Глупые вы люди! — отвечал он им. — Разве бог не делит именно так? Одному даст много, другому мало. Вот если бы вы попросили меня разделить по-человечески, тогда бы каждый получил поровну¹.

Греческ., 164, 509

200. Как Насреддин делил воровскую добычу

Поставил однажды ходжа Насреддин посреди поля дверь так, чтоб ее видно было от дома, запер дверь на ключ, а ключ спрятал у себя.

— Что это ты придумал? — спросила его жена.

Ходжа объяснил:

— Я поставил эту дверь, чтоб отличать честных людей от нечестных. Добрый человек обойдет эту дверь стороной, а плохой прямо к ней направится.

Прошло некоторое время, и вот Насреддин увидел: идут по полю девять человек — и прямехонько к двери. Он вышел к ним и спрашивает:

— Куда путь держите, люди добрые?

— Какое тебе дело? — отвечают. — Мы идем своей дорогой.

— Вы вору и идете воровать, — сказал им ходжа Насреддин. — Возьмите и меня в свою шайку, не то я донесу на вас.

А это действительно были вору. Удивились они пронизательности Насреддина.

— Ты прав, — говорят. — Видимо, ты умеешь угадывать, что люди думают и чем занимаются. Идем с нами, пусть нас будет десятеро.

Пришли они к другой деревне, увидели на околице девушку-пастушку с отарой овец, подкралась поближе. Насреддин и говорит своим приятелям:

— Вы оставайтесь в лесу, а я пойду к девушке и постараюсь заговорить ей зубы. Как только я покажу пальцем на солнце — выскакивайте и уводите овец.

Сказано — сделано. Все вышло так, как задумал Насреддин. Утащили вору незаметно десять овец, он и сказал пастушке:

— Счастливо оставаться, малютка. Мне пора к своим.

Догнал он их уже возле своего дома и спрашивает:

— Как мы теперь разделим этих овец?

— Ты самый старший из нас, — сказали вору, — самый умный и самый справедливый. Как ты поделишь, с тем мы и согласимся.

— Что же, — сказал Насреддин, — если так, начнем с богом. Нас всех десять, и овец тоже десять. Но вас девять. Берите себе одну овцу, тогда и вас будет десять. А я себе возьму остальных, тогда и нас будет десять.

— Это несправедливо, ходжа, — сказал один из воров.

— Ах, если несправедливо, — отвечал Насреддин, — идите жалуйтесь на меня кади. Я расскажу ему все как было, пусть судит нас по законам божеским и царским¹.

Сербск., 164, 467

201. «По справедливости»

Волк, лиса и лев решили охотиться сообща. Дела пошли у них хорошо — они поймали козу, оленя и зайца.

— Дели добычу,— обратился лев к волку.— Только по справедливости.

— Хорошо,— согласился волк.— Козу, я полагаю, надо отдать тебе, зайца — лисе, а себе я возьму оленя.

Услышав это, лев разгневался и растерзал волка.

— Теперь дели ты,— сказал он, обращаясь к лисе.— Только по справедливости.

— С удовольствием,— сказала лиса.— Пусть коза будет тебе на завтрак, заяц — на обед, а олень — на ужин.

— Вот это правильно,— сказал лев.— Кто научил тебя так хорошо делить?

— Лежащий возле тебя растерзанный волк, о мой повелитель! — ответила лиса ¹.

Сирийск., 92, 177

202. Два брата

У одного князя было два сына. После смерти отца сыновья долго жили вместе, но потом решили разделиться. Они разделили все имущество, кроме жернова и ковра. Когда дошли до них, братья поспорили, потому что, если жернов покрутить вправо, он давал всевозможные яства, а если влево — давал золота столько, сколько хочешь. А ковер, если ему скажешь: «Ковер, готовься!» — поднимался и нес куда захочешь.

В то время, когда братья спорили из-за жернова и ковра, мимо проходил умный человек.

— О чем спорите? — спросил он.

— Спорим из-за жернова и ковра.

— Почему же вы их не поделите?

— Не можем поделить, потому что, если жернов покрутить вправо, он дает всевозможные яства, а если влево — золота столько, сколько хочешь. Ковер же понесет туда, куда скажешь.

— Я вас примирю,— сказал прохожий,— только идите и станьте подальше, но так, чтобы слышали мой голос.

— Хорошо,— сказали братья, отошли подальше и стали.

Тогда прохожий поднял жернов, положил его на ковер, стал сам туда же и сказал: «Ковер, готовься!» Ковер полетел.

Пролетая мимо братьев, прохожий крикнул:

— Прощайте! Я взял ваш ковер и жернов. Теперь вам не о чем спорить! ¹

Абхазск., 17, 212

203. Корову съел кади

Два соседа затеяли тяжбу из-за коровы. Незадолго до суда каждый тайком от другого сходил к кади и дал ему две сотни асперов *,— чтобы тот вынес решение в его пользу.

Вот пришли оба на суд и привели свою корову.

— Сколько стоит ваша корова? — спросил у них кади.

— Четыреста асперов.

— Тогда я не понимаю, о чем вам еще судиться,— сказал тот.— Каждый из вас дал мне по двести асперов. Считайте, что вы ее уже уступили мне.

Спорщики посмотрели друг на друга.

— Да,— сказали они,— бессмысленно продолжать тяжбу. Нашу корову уже съел кади ¹.

Турецк., 164, 215

204. [Рассказ ворона]

Жил я раньше на одном дереве. И под этим деревом жила одна птица, куропатка... Однажды куропатка отиравилась с другими птицами за пищей в одно место, богатое свежим рисом, и не вернулась вовремя... Заяц по имени Шигхрага залез на восходе солнца в то дупло, а я, отчаявшись в возвращении куропатки, не удержал его. Между тем та куропатка, сильно разжирев от питания рисом и вспомнив о своем убежище, вернулась туда на следующий день [...] И увидя, что в дупло забрался заяц, она с упреком сказала: «Эй, эй, заяц! Нехорошо ты сделал, что проник в мое жилище. Поэтому уходи поскорей». Тот ответил: «Глупая! Разве не знаешь ты, что жилищем можно пользоваться, лишь пока занимаешь его?» Куропатка сказала: «Если так, давай тогда спросим соседей. Сказано ведь в книгах закона:

[...] Коль споры начинаются: чей дом, колодец или луг,
Чья роща иль надел земли,— пусть судит спорящих сосед».

Тогда заяц ответил: «Глупая! Разве не слыхала ты слов предания, гласящих:

[...] Решает споры у людей владенье сроком в десять лет,
А споры у зверей и птиц решает обладание.

Поэтому, если это — твое жилье, все равно я занял его, когда оно пустовало. Итак, оно — мое». Куропатка сказала: «О, если ты упоминаешь предание, то пойдем со мной. Мы спросим знатоков предания. Пусть они отдадут жилище тебе или мне». Решив так, они отправились разрешать свой спор. А я подумал: «Посмотрю, что тут будет», и с любопытством последовал за ними.

И пройдя немного, заяц спросил куропатку: «Дорогая! Кто же разрешит наш спор?» Та ответила: «Кто же, если не кот по имени Дадхикарна, полный сострадания к живым существам, ревностно исполняющий обет поста и воздержания. Он живет на берегу блаженного Ганга, громко шумящего от ударов быстрых разбивающихся волн, поднимаемых сильным ветром» [...]

А Дадхикарна, скрывавший свои прирожденные свойства, чтобы легким способом добывать средства к жизни, услышал эти слова. И, чтобы вызвать в них доверие, он поспешно обратился морду к солнцу, уселся на задние лапы, поднял вверх передние, зажмурил глаза и, желая обмануть их благочестивыми мыслями, произнес такое добродетельное наставление: «Увы! [...] Мгновенна бренная жизнь. Сновидению подобно общение с любимыми. Нет поэтому другого пути, кроме добродетели» [...]

И, услышав его добродетельное наставление, заяц сказал: «О куропатка! На этом берегу реки стоит отшельник, произносящий благочестивые речи. Так спросим его». Куропатка ответила: «Ведь по природе своей он — наш враг. Поэтому спросим его, став подальше». И оба они начали его спрашивать: «Эй, отшельник, наставник в законе! У нас возник спор. Дай же нам совет, согласный с учением закона. Кто говорит неправду, пусть будет съеден тобой». Тот ответил: «Дорогие! Не говорите так. Я отвернулся от жестоких дел, указывающих дорогу в ад [...] Поэтому я никого не съем. Однако я стар и плохо слышу издали ваш разговор друг с другом. Как же определю я победу и поражение? Зная это, подойдите ближе и расскажите мне о вашей тяжбе. Тогда я скажу свое слово, зная, в чем суть спора, и не наложу на себя оков в том мире [...] Поэтому доверьтесь мне и отчетливо говорите прямо в мое ухо».

К чему много слов? Этот низкий вызвал в них такое доверие, что они приблизились к нему. И тогда он одновременно схватил одного из них лапой, а другого зубами, схожими с пилой. Так оба они лишились жизни и были съедены.

Поэтому я и говорю:

Когда злодей свершает суд, то ждет несчастье спорящих.
Так зайца с куропаткою постигла смерть из-за кота.

Индийск., 84, 208

205. Как судилась лиса и собака

Как-то раз лиса и собака нашли кусок мяса и стали спорить, кому он должен принадлежать. Спорили, спорили, ни к чему не пришли и обратились к обезьяне, которая считалась мудрейшей

среди зверей, чтобы она их рассудила. Обезьяна внимательно выслушала их и сказала:

— Так как вы оба нашли мясо одновременно, я разделю его между вами и дам каждому равную часть.

Обезьяна на глазок разрезала мясо на два куска и положила их на весы. Конечно, один кусок оказался тяжелее. Обезьяна откусила от него немного и опять положила на весы. Теперь тяжелее оказался другой кусок. Обезьяна откусила кусок от него и стала взвешивать снова. Опять оказался тяжелее первый кусок, и опять обезьяна от него откусила. Так она кусочек за кусочком съела все мясо, пока на весах не осталось ничего.

Лиса и собака ушли ни с чем. Можете представить, каково у них было настроение и как они злились на судью, который обманул их обоих! ¹

Корейск., 161, 104

206. [Беру на себя две очереди]

Некая красивая женщина повела своего мужа к кадию и стала жаловаться, что муж не справляется со своими обязанностями:

— Я не могу губить свою молодость,— говорила она,— молодость не вещь, которую можно продать и потом купить.

Кадий — большой шутник — спросил мужа:

— Почему ты не удовлетворяешь свою жену?

— Клянусь Аллахом, я стараюсь как могу,— оправдывался тот.

— Ничего и знать не хочу,— упорствовала жена.— Если каждую ночь он не будет стучаться во врата этого серебряного дворца пять раз, то придется найти для этого дворца другого владельца.

— Я не могу более трех раз входить в этот священный храм,— пытался отвертеться муж.

— Я осведомлен в делах судьбы,— сказал кадий,— и мне придется отдать вам часть своего имущества, чтобы прекратить вашу тяжбу. Поэтому я беру на себя две очереди, чтобы округлить счет.

Персидск., 85, 54

207. [Загадочно дело сие]

Пришли однажды к судье Мухаммаду Имами двое.

— Этот человек,— воскликнул один из них, указав на другого,— сказал, что совращаю я женщин честных. У меня и свидетель есть.

— Да нет, он сказал, что нет у тебя силы в чреслах,— поправил его свидетель.

— Загадочно дело сие и темно,— сказал судья жалобщику,— ибо как можешь ты совращать женщин, коли нет в тебе силы мужской?

Персидск., 21, 111

О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ И ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

208. Почему у баклана нет хвоста

Жил-был когда-то царь, повелитель всего живого на земле. При дворе его служили и люди, и звери, и птицы, и рыбы. А одним из придворных был баклан. Птица эта очень гордилась своей красотой. Баклан с важным видом прохаживался по царскому дворцу, помахивая длинным хвостом. А хвост у него был пречудесный, с раздвоенным кончиком, весь в черных пятнышках, как, впрочем, и все оперение.

Однажды царь приказал всем своим подданным явиться ко двору и предстать перед ним. И тут-то пескарь, направляясь в тронный зал, увидел стоящего у входа баклана. Сердце пескаря замерло: ведь баклан питается рыбой и больше всего на свете любит пескарей! Но вспомнив, что в стольном городе всем строгойше предписано соблюдать мир, пескарь успокоился. А у баклана даже слюнки потекли при виде такого лакомства. Однако он знал, что его обвинят в государственной измене и казнят, если даже он просто прикоснется к пескарю. И все же робость и неуверенность, которых нельзя было не заметить во взгляде и движениях пескаря, так и подталкивали баклана пострадать его. Баклан уставился на пескаря, а когда тот испуганно взглянул на него, неожиданно подмигнул левым глазом. Пескарь громко вскрикнул и, выбежав из царского дворца, помчался во весь дух к своему дому. Но бедную рыбку тут же схватили и обвинили в измене.

— Почему ты нарушил порядок и покинул дворец без моего разрешения? — грозно спросил царь.

— Ваше величество,— отвечал пескарь,— мой заклятый враг баклан, стоявший у входа в тронный зал, посмотрел в мою сторону так, как будто бы собирался меня съесть.

Поскольку тщательное расследование подтвердило слова пескаря, он был помилован. Баклану же за то, что он напугал бедную рыбку, было приказано в тот же самый вечер задать в честь пескаря пир.

Баклан устроил пир и так радушно угощал пескаря разными винами, что тот свалился с ног и уснул. Тогда коварный баклан оторвал у него хвост и спрятал его в ветвях дерева. Он хотел им полакомиться, когда его перестанут искать.

А пескарь, проснувшись утром, обнаружил пропажу и горько заплакал. Баклан уверял его, что хвост украден ворами, которых так много в городе. Однако пескарь, хорошо зная коварные повадки баклана, не внял его доводам и обратился в суд.

Заслушав свидетелей, суд решил, что, поскольку хозяин несет ответственность за жизнь и имущество гостя, баклан обязан возместить ущерб, нанесенный пескарю, отдав ему свой хвост, который был тут же отрезан и приставлен к обрубку хвоста пескаря.

Вот почему кончик хвоста у пескаря раздваивается и покрыт черными пятнышками, которых нигде на теле у него больше нет.

А баклан не посмел снять с дерева украденный у пескаря хвост и воспользоваться им вместо своего. Ведь тогда бы все узнали, что он вор. Вот почему у баклана и по сей день нет хвоста.

Бирманск., 72, 32

209. Приговор мудрого негуса

Однажды к одному человеку в виноградник забрались чужие овцы и обглодали виноградную лозу. Владелец виноградника разыскал хозяина овец и повел его к судье. Когда они пришли к судье, владелец виноградника сказал:

— Да поможет вам господь рассудить нас! Овцы этого человека забрались ко мне в виноградник и объели всю лозу. Я ему говорю: «Заплати за мой виноград, который они съели», а он отвечает: «Я их не заставлял есть твой виноград и платить не буду». Поэтому я и привел его к вам.

Судья выслушал и говорит хозяину овец:

— Ну что ты ответишь на это?

И хозяин овец сказал:

— Да поможет вам господь рассудить нас! Мой господин, я не позволял моим овцам есть его виноград. Дело было так: они ушли от меня, забрели к нему в виноградник и поели виноград.

— Если бы ты смотрел за своими овцами, этого бы не случилось, — возразил судья, — а раз ты допустил, чтобы они поели его виноград, так изволь заплатить ему. Пусть старейшины подсчитают, сколько стоил виноград!

Старейшины подсчитали и сказали судье, что цена съеденного винограда равна цене овец с их ягнятами.

Тогда судья сказал хозяину овец:

— Ты должен отдать своих овец вместе с ягнятами хозяину виноградника!

— Это несправедливо! — возразил тот. — Пусть нас рассудит его величество! — И они отправились к негусу.

Когда они предстали перед негусом, хозяин овец сказал:

— Да поможет вам господь рассудить нас! О негус! Мои овцы ушли от меня, забрели в виноградник этого человека и поели весь виноград. Судья и старейшины сказали мне, что я должен отдать ему за это моих овец вместе с ягнятами. Тогда я решил прийти к вашему величеству, чтобы вы рассудили нас.

— Так ли было дело? — спросил негус владельца виноградника.

— Да, ваше величество! — ответил тот. — Старейшины подсчитали стоимость моего винограда и сказали, чтобы он отдал за него своих овец вместе с ягнятами.

Тут негус подумал и спрашивает владельца виноградника:

— Овцы этого человека поели плоды или ветви с листьями?

— У меня поспел виноград, и они поели его, а ветви с листьями оставили. Но какая польза теперь от ветвей и листьев, если на них нет винограда!

Тогда негус вынес такой приговор:

— Если бы его овцы поели ветви с листьями и плодами, ты должен был бы взять у него за это овец с их шерстью и ягнятами. Но ведь они поели только плоды. Поэтому ты возьми у него только ягнят, а овец с их шерстью оставь хозяину.

Недаром говорится в пословице: «Сердце мудрого подобно весам».

Амхарск., 51, 95

210. Забывчивая женщина

В одной богатой деревне жил когда-то охотник. Каждый день он уходил в лес добывать дичь, а когда возвращался, продавал мясо жителям деревни.

Как-то раз к одному деревенскому богачу приехали гости из другой деревни. Они жили у него несколько дней, и каждый день богач угощал их самыми лучшими блюдами.

Но однажды гости сказали хозяину:

— Почему ты ни разу не угостил нас дичью? Мы слышали, у вас в деревне есть охотник, который каждый день бывает с добычей. Дай нам попробовать и этого лакомства.

Хозяин не заставил себя просить дважды. Он тотчас послал к охотнику свою жену. Но к этому времени он успел уже распродать все мясо, и женщине пришлось вернуться ни с чем.

Однако богач не хотел отступить. Он опять послал к охотнику жену:

— Объясни ему, что у нас гости. Они прослышали, какую дичь приносит из леса охотник и во что бы то ни стало хотят ее отведать. Попроси его выручить нас. Не то гости станут презирать нас и расславят повсюду, что мы поскупились доставить им удовольствие. Как мы сможем такое терпеть?

Все это женщина передала охотнику, но тот опять отправил ее ни с чем. Тогда она пошла к жене охотника и стала ее просить дать для гостей хоть немного мяса.

— Мой муж со слугами сегодня еще раз собирается на охоту, — ответила та. — Он дал мне кусок оленины, чтоб я зажарила его им в дорогу. Но я не могу его тебе дать, а больше у меня нет ничего.

— Дай хоть посмотреть на этот кусок, — взмолилась жена богача. И когда ей его показали, она стала еще пуще упрашивать жену охотника: — Уступи мне этот кусок. Я дам тебе за него много риса.

Наконец жена охотника уступила и отдала ей свой кусок оленины. Та, счастливая, вернулась к себе домой и приготовила своим гостям такую вкусную еду, что те не могли найти слов, восхваляя деревню и ее счастливых жителей.

А про обещанный рис жена богача забыла. Вскоре жена охотника умерла, за ней умерла и жена богача.

И вот умершие предстали перед повелителем царства мертвых.

— Что доброго вы сделали на земле? — спрашивал их он. — Подавали ли вы милостыню? Давали ли людям деньги? Помогали ли им как-нибудь иначе?

Первой перед грозным судьей предстала жена охотника.

— Что я могла особенного сделать для людей? — сказала она дрожащим голосом. — Я всего лишь бедная женщина. У нас никогда не было ни золота, ни имущества. Жили мы только тем, что мой муж приносил с охоты. Мы продавали мясо и покупали за эти деньги самое необходимое для жизни.

— А не давала ли ты хоть когда-нибудь мяса человеку, у которого не было денег? — спросил судья.

— Был такой случай, — сразу вспомнила та. — Однажды я дала жене богача мясо, которое оставила для своей семьи. Она очень уж просила, обещала отблагодарить за это рисом. Но это было давно, риса я так и не получила.

Призвали к судье жену богача:

— Так ли было дело?

Что она могла ответить?

— Я забыла отдать ей рис, — вот все, что она могла сказать в свое оправдание.

— Сейчас же верни ей, что обещала, — приказал повелитель царства мертвых.

— Но здесь у меня ничего нет. Что я могу ей отдать, как могу выполнить твой приказ?

— Тогда расплатись своим собственным мясом, — решил судья.

Так и было сделано. А потом повелитель царства мертвых подарил им обоим жизнь.

Обе опять оказались на земле. Жена богача вернулась в свою семью. Но она тщательно скрывала, что у нее теперь нет одной груди. Только однажды подул ветер, откинул край ее покрывала, и соседки все увидели. Они сразу расславили это по всей деревне, и на бедную женщину обрушились насмешки. Несчастная этого не выдержала. Она взяла веревку, повесилась и вернулась опять в царство мертвых.

А жена охотника прожила со своей семьей еще много лет в счастье и мире, пока повелитель царства мертвых не призвал ее снова к себе.

Индийск., 162, 13

211. [Кошелек]

Потерял богач кошелек, где было двести золотых монет, и поклялся: «Кто найдет кошелек — получит ровно половину монет».

Один из его слуг нашел кошелек и вернул ему. А богач был очень жадный, он сразу же позабыл о своем обещании и не захотел дать своему слуге сто золотых. Чтобы отделаться от него, он сказал слуге:

— Кроме этих золотых монет в кошельке был драгоценный камень. Верни его, и получишь свою долю.

Пошел слуга к судье и рассказал ему все как было. Судья пригласил обоих в суд.

— Ты говоришь, что у тебя в кошельке было двести золотых и драгоценный камень, — сказал судья богатому, — а в этом кошельке нет камня, значит, это не твой кошелек. Отдай его слуге, пока не найдется хозяин. А ты продолжай кричать, что потерял кошелек с двумястами золотыми и драгоценным камнем. Может быть, он найдется.

Тогда, не говоря ни слова, богатый отдал слуге сто золотых, да еще заплатил десять золотых штрафа¹.

Ассирийск., 57, 239

212. Наказание

Когда Насреддин был кадием, к нему пришла девушка и пожеловалась на одного парня, что он, мол, поцеловал ее насильно.

— Я думаю так,— сказал Насреддин,— наказание должно соответствовать проступку. Ты тоже поцелуй его насильно.

Персидск., 74, 164

213. Справедливый султан

Жили два человека, богатый и бедный. У бедняка была единственная овца, а у богатого их было много. Однажды пришел богач к бедняку и спросил его:

— Как поживаешь, что у тебя нового?

— Ничего нового, все хорошо,— ответил тот.

— А слышал ли ты послание правителя нашей страны? — спросил богач.

— Что за послание?

— Ты нужен султану,— сказал богач.

— Зачем я ему?

— Он хочет, чтобы ты дал ему свою овцу.

— Но султан куда богаче меня,— возразил бедняк,— зачем ему моя единственная овца?

— Как бы то ни было, он велел, чтобы я привел ему твою овцу,— ответил богач.

Бедняк был послушный человек, отдал он богачу свою овцу. Богач привел ее к себе домой, забил там и вместе со своими домочадцами досыта ваелся мяса.

На другой день бедняк встретил султана. Он приветствовал его и сказал:

— О властитель страны, ты богат и велик, у тебя большое состояние. А я бедный человек. Зачем же ты забрал мою единственную овцу?

— Когда я мог взять твою овцу? — удивился султан.

— Вчера ты прислал ко мне богача,— сказал бедняк.

— И что он тебе сказал? — спросил султан.

— Он взял мою овцу и сказал, что должен отвести ее султану.

Султан тотчас послал за богачом и, когда тот пришел, спросил его:

— Ты взял вчера у этого бедняка овцу?

— Да,— ответил тот.

— Зачем ты ее взял? Разве у тебя нет своих?

— Есть, но я хотел иметь еще и эту. Мои мне слишком дороги, я не хотел их убивать.

Тогда султан сказал.

— Раньше у этого бедняка была единственная овца, но, думаю, теперь их у него станет больше.

— Каким это образом? — спросил богач.

— Ты сейчас же отдашь ему всех своих овец.

— Не отдам, — сказал богач. — Я взял у него только одну овцу, почему же я должен отдать ему всех?

— Мое слово — закон, — сказал султан. — Ты забрал у него все состояние и расплатишься всем.

И он послал к богачу людей, чтобы они забрали у него овец и отдали их бедняку.

— Султан, султан, — возмущался богач, — ты стал плохим судьей!

— Теперь ты станешь беден, — сказал ему султан, — а бедняк станет богатым.

И бедняк получил всех овец богача, а тот в слезах вернулся домой.

Ираку., 155, 69

214. Изменница Хантиру

Жила-была женщина по имени Хантиру. Каждый день она уходила со своей маленькой дочкой Тинелáбио в шамбу *. Там она укладывала дочку на землю, а сама шла работать на просяное поле...

Однажды Хантиру положила дочку на землю и ушла далеко, к другому мужчине. Девочка начала сильно кричать, но мать ее не слышала. Пришел большой павиан, схватил ребенка и увес с собой в горы.

Хантиру вернулась к месту, где оставила ребенка, но никого не нашла и стала причитать: «Где моя дочка? Куда она делась?» Она искала ее всюду и сильно плакала, но не нашла и вернулась в деревню...

[Дальше рассказывается, как ворон с помощью сородичей разыскал девочку, похитил ее у павианов и вернул в семью].

На следующее утро Хантиру сказала:

— Я пойду в шамбу.

Она взяла ребенка и пошла в шамбу. Там она работала, пока не наступил час, когда она обычно ходила к другому мужчине. Тогда Хантиру опять оставила девочку одну лежать на земле, а сама ушла.

Девочка начала сильно плакать. Муж Хантиру, Мунчу, услышал этот плач. А потом услышал и песню — песню, которую Хантиру пела другому мужчине. «Надо посмотреть, где моя же-

на», — решил он и тихо пошел на ее голос. Шел, шел и увидел свою жену. «Что делать? — подумал он. — Я должен убить этого мужчину». Он взял стрелу и пустил ее в прелюбодея. Стрела попала прямо ему в бок. Хантиру хотела убежать, но Мунчу поймал ее и как следует отколотил. А соперник его уже лежал на земле мертвый.

Потом Мунчу сказал жене:

— Один раз наш ребенок уже потерялся, его похитили павианы. А ты опять повторила то же самое! О чем ты только думаешь? Ведь я твой муж, зачем ты ищешь другого?

Он взял тетиву со своего лука, связал ею жену, привязал ребенка к спине матери, и они вместе пошли домой.

На другой день Мунчу созвал весь народ. Пришли и старейшины.

— Зачем ты созвал нас? — спросили они.

— Подождите, — ответил Мунчу.

Но вот собрались все, в том числе и родственники Хантиру.

— Все здесь? — спросил Мунчу.

— Да, все, — ответили ему.

— Теперь слушайте, — сказал Мунчу, — что я хочу вам сказать.

Помните, как однажды моя жена потеряла ребенка в пори? Вы, матери, и ты, моя бабушка, вы все — слушайте! Моя жена потеряла тогда ребенка потому, что в шамбе у нее был другой мужчина. Она ходила к нему каждый раз. Зачем ты занималась этим с другим мужчиной? Теперь я забираю себе своего ребенка, а вы, родители Хантиру, забирайте себе своего. Старейшины, вы слышите это?

Старейшины ответили:

— Да, мы слышим это.

— Старейшины, видали ли вы когда-нибудь подобное? — продолжал Мунчу. — Если б мне тогда не помог ворон, я бы никогда больше не нашел ребенка.

— Это плохое дело, — сказали старики.

— Видели, слышали ли вы когда-нибудь подобное? — продолжал Мунчу. — Мужчину, которого я застал с матерью этого ребенка, я убил на месте.

— Это твое право, — сказали старики.

— Я думал, что эта женщина вышла замуж за одного меня, — сказал Мунчу, — а она замужем за всем миром.

Тут поднялся один из старейшин и сказал:

— И все-таки, Мунчу, ты сделал плохо, убив человека!

Мунчу ответил:

— Я слышу твои слова, старик, и сделаю так, как вы распорядитесь. Я слушаю, что вы решите.

Тогда старик сказал:

— Я думаю, твоя жена должна вернуться к тебе.

— Но я не хочу, чтобы она опять входила в мой дом, — возразил Мунчу.

И другие старики сказали отцу Хантиру:

— Она должна понести наказание.

Начался долгий большой совет. Он длился с раннего утра до позднего вечера.

Наконец старейшины сказали:

— Сегодня мы не можем решить это дело. Сначала всем надо поспать.

Ого! Вот как наказали Хантиру на другой день: е решили запереть в одном доме со множеством юношей и мужчин. Целых пять суток должна она была спать в доме со всеми мужчинами, пять дней и ночей! Все эти пять дней и ночей она не получала никакой еды: мужчины были ее пищей. Через пять дней и ночей Хантиру ослабела и сказала:

— Теперь с меня довольно!

Она так устала, что не могла ходить. На шестой день мужчины оставили Хантиру, и старухи отнесли изменницу в дом ее родственников.

— Видишь, — сказали старухи, — видишь, чем это кончается? В другой раз больше так не делай.

Бурунги, 156, 44

215. Леопард в книжном ящике

Жил некогда человек, которого звали мастер Мак Ту. Однажды он шел по лесу, неся на спине книжный ящик. Вдруг навстречу ему выбежал леопард, спасшийся от охотников.

— Помоги мне! — кричал леопард. — Спрячь меня, иначе я погиб!

Мак Ту был добрый и жалостливый человек. Он поставил свой ящик на землю, открыл его и спрятал там леопарда.

Только он успел это сделать, как появились охотники.

— Не видал ли ты леопарда? — спросили они мастера.

— Нет, — ответил Мак Ту, и они помчались дальше по лесу догонять зверя.

Леопард в ящике все это слышал. Когда охотники удалились, он стал просить Мак Ту поскорее выпустить его из ящика, а то он уже задыхается. Мак Ту открыл дверцу и освободил его. Какое же было его ужас, когда он увидел, что леопард собирается броситься на него! Он схватил свою палку, чтобы защититься, и кричал:

— О неблагодарное, вероломное животное, что ты хочешь делать?!

Но тут же понял, что стыдить зверя бесполезно, и сказал:

— Что толку с тобой спорить! Давай пойдём вместе по дороге, и, если кто-нибудь из встречных признает твоё поведение правильным, тогда можешь меня сожрать.

Леопард согласился, и они вместе пошли по дороге, ни слова не говоря друг другу. Так они шли, пока не встретили буйвола.

— Скажи,— спросил его леопард,— как по-твоему, вправе я съест этого человека?

— Что ты об этом спрашиваешь? — ответил старый буйвол.— Когда я был ещё молодым, мой господин заставлял меня целыми днями работать в поле. Благодаря мне он нажил богатство. А когда я стал стар и слаб и не смог больше приносить ему пользы, он нашёл случай продать меня на бойню. Люди неблагодарны, поэтому ты, леопард, вправе спокойно съест человека. Зачем щадить таких неблагодарных?

Но Мак Ту заявил, что одного мнения недостаточно.

— Будем спрашивать до трёх раз,— сказал он.— Первый раз из трёх — в твою пользу.

Они пошли дальше и увидели абрикосовое дерево.

— Скажи,— спросил его леопард,— могу я съест этого человека?

— Когда я было молодым,— ответило дерево,— я цвело и плодоносило, и мой господин разбогател благодаря мне. А теперь я состарилось и не приношу плодов, поэтому он хочет меня срубить и сжечь. Люди неблагодарны и несправедливы. Зачем их падить? Можешь спокойно съест человека.

Третьим встретился им старик, и Мак Ту рассказал ему все, что с ним случилось, рассказал и о суде буйвола и абрикосового дерева. Старик сказал леопарду:

— Я хочу посмотреть, правда ли то, что рассказывает этот человек. Что-то не верится, чтобы ты мог поместиться в его ящике. Чтобы поверить, мне надо убедиться в этом собственными глазами. Покажи мне, как это было, залезь туда опять.

Леопард так и сделал. Старик убедился, что Мак Ту сказал правду. Но когда он опять открыл ящик, леопард вновь захотел броситься на своего спасителя. Старик в возмущении выхватил меч и заколол зверя.

— Неблагодарный! — воскликнул он.— Тебе сделали добро, а ты хотел отплатить злом?

Так умер неблагодарный леопард, а Мак Ту, целый и невредимый, понес свой ящик к себе домой¹.

Вьетнамск., 144, 97

216. [Коварный крокодил]

Поспорили река и крокодил, кто сильнее.

— Я выпью тебя досуха,— сказал крокодил Нилу.

— А я подниму тебя и заброшу в пустыню,— сказала река.

И она схватила крокодила, занесла далеко в пустыню и там оставила, а сама вернулась в свое русло.

Лежал крокодил в пустыне и увидел араба с верблюдом.

— Будь добр,— закричал ему крокодил,— возьми меня и принеси на берег реки! Я дам тебе за это золота.

Араб взял его и принес на берег.

— Занеси меня подальше,— сказал крокодил,— пока вода не дойдет тебе до колен.

Араб так и сделал. А крокодил сказал:

— Понеси меня еще дальше, пока вода не дойдет тебе до пупка.

Араб сделал и это.

— А теперь еще дальше,— сказал крокодил,— пока вода не дойдет тебе до шеи.

Араб занес его так глубоко, как только мог, но крокодил все его не отпускает.

В это время мимо проходил лис.

— Дядюшка,— закричал ему араб,— крокодил меня не отпускает! Будь добр, расцепи нас!

Лис сказал:

— Я не слышу, что ты говоришь. Выйдите сюда на берег.

Араб с крокодилом вышли на берег. Лис сказал:

— Крокодил и сын араба, я свяжу вас.

Он связал араба листьями лука, а крокодила волосатыми веревками и сказал:

— Кто из вас не сумеет разорвать своих пут, того мы разделим на части и съедем.

Араб разорвал свои путы раньше крокодила. Тут араб и лис убили крокодила, разделили на части и съели¹.

Нубийск., 159, 166

217. Торговец и мальчик

Нанял торговец мальчика, чтобы тот поехал с ним за товарами. А по возвращении обещал дать ему денег¹. Поездка продолжалась два года и была нелегкой для мальчика. Но при расчете торговец дал мальчику лишь грошовый нож. Заплакал мальчик и пошел к судье жаловаться.

Судья позвал торговца и сказал ему:

— Этот мальчик говорит, что ты не заплатил ему обещанную плату.

— Я ему все заплатил, — отвечал торговец.

— Ты лжешь! — закричал мальчик. — Ты ничего мне не дал, кроме этого маленького ножика.

— Так ли это? — спросил судья.

— Так, — ответил торговец. — Ведь я обещал, когда мы вернемся из поездки, дать ему то, чем едят мясо. Вот я и выполнил обещание.

— Теперь я все понял, — сказал судья.

Он приказал слуге принести мясо и положить на него нож, который торговец дал мальчику.

— Нож, ешь мясо! — воскликнул судья.

Но нож лежал неподвижно.

— Все видите, что нож не ест мяса? — спросил судья. — Мясо едят зубами, а поэтому вырвите зубы у торговца и отдайте мальчику.

Торговца схватили и начали выдергивать ему зубы.

— О уважаемый, стой! Я отдам мальчику все, что прикажешь, — закричал торговец.

— Хорошо, — сказал судья, — тебе придется выкупить свои зубы. За каждый зуб ты заплатишь один фунт².

Получилось, что торговец должен уплатить мальчику тридцать два фунта. Так он и сделал. И еще судья заставил его заплатить судебные издержки³.

Хауса, 122, 52

218. Сон

Однажды, когда Молла был кази, один хитрюга богач притащил к нему своего соседа, бессловесного простака, и сказал:

— Мне приснилось, что он мне должен. Сейчас я прошу его вернуть долг, а он отказывается.

Молла подумал немного и сказал:

— Ты прав! Раз ты увидел во сне, значит, он тебе должен. Но в этих проклятых книгах закона ничего не разберешь. Закон не позволяет получать приснившийся долг. Пойди и засни. И если тебе опять приснится тот же сон, ты, не просыпаясь, прибеги ко мне и я взыщу твои деньги¹.

Азербайджанск., 23, 90

219. «Как наелся — так и расплатился»

Как-то один бедняк шел по дороге, держа в руках сверток с едой. Вся еда была — один рис, даже без приправы. У дороги он увидел женщину, которая жарила рыбу. «Вот и славно! — обрадовался бедняк. — Рис у меня без приправы, так я хоть рыбный запах буду вдыхать — все рис вкуснее покажется».

Он устроился неподалеку от женщины и стал есть свой рис, с удовольствием вдыхая запах жареной рыбы.

Когда же бедняк кончил свою трапезу и собрался уже идти дальше, женщина сказала ему:

— Ты вот рис с рыбным запахом ел. А чьей это рыбы запах? Вот и плати за него, сколько положено!

Бедняк растерялся: у него не было ни гроша. Тогда женщина повела его к судье.

Судья расспросил бедняка, как было дело. Бедняк рассказал все, и судья решил:

— Ты, бедняк, должен уплатить за рыбный запах, с которым ел свой рис, пять джа. Но коль то, что ты получил, всего лишь дым, ты можешь взамен расплатиться блеском монеты.

Бедняк сказал судье, что у него все равно нет монеты — где же ему взять блеск ее.

— Хорошо, — согласился судья. — Я заплачу за тебя.

Он вынул одну монету в пять джа и протянул ее бедняку. Тот поймал монетой луч солнца и направил солнечный зайчик на жадную женщину.

— Вот тебе, — сказал он, — блеск пяти джа за запах рыбы!

Бедняк повертел на солнце монету и отдал ее судье.

Какой убыток понесла жадная хозяйка рыбы — такую прибыль и получила.

А с тех пор и пошла поговорка: «Как наелся — так и расплатился»¹.

Бирманск., 110, 298

220. Ничто за ничто

Когда Насреддин был кадием, к нему пришли двое с тяжбой. Истец заявил:

— Этот человек позвал меня и попросил взвалить ему на спину груз. «А что ты мне дашь?» — спросил я его, а он ответил: «Ничего». Я помог ему и теперь прошу заплатить мне «ничего», а он отказывается.

— Прекрасно, — решил Насреддин, — ты имеешь право на плату. Подними-ка этот коврик, я уплачу тебе вместо ответчика.

Истец поднял коврик, а Насреддин спрашивает его:

- А под ним что?
- Ничего,— ответил истец.
- Ну так и забирай себе это «ничего»¹.

Персидск., 74, 69

221. Плата за покрякивание

Афанди был казнем. Пришли к нему два человека — один с топором, другой с пилой.

— Рассуди нас,— просит тот, что с топором.— Подрядились мы дрова рубить. Топор был только у меня, у него — пила. Вот я рублю, рублю, а он стоит и с каждым ударом покрякивает. Хозяин видел, что дрова рубил я, мне он и деньги отдал. Но напарник требует поделить их с ним. Справедливо ли это, казий?

— Что ты скажешь?— обратился Афанди к человеку с пилой.

— Верно,— отвечает тот.— Дрова рубил он, а я только покрякивал. Но дров было так много, что я даже устал, пока он рубил.

— Сколько же раз тебе пришлось крякнуть? — спросил у лентяя Афанди.

— Сто раз! Нет, двести! — вошел в азарт лодырь.

— Хорошо,— улыбнулся Афанди.— Сейчас я с тобой рассчитаюсь по справедливости.

С этими словами он взял кошелек у человека с топором и поставил человека с пилой двести раз подбросить его. Кошелек падал на землю, золотые звенели в нем. Лентяй подбирал кошелек и снова подбрасывал — даже вспотел от усердия. Когда он подбросил в двухсотый раз, Афанди сам поднял кошелек и подал его человеку с топором.

— Слышал звон золотых? — спросил он у лентяя.

— Слышал,— отвечает тот.

— Так это тебе плата за покрякивание¹.

Уйгурск., 136, 42

222. Ростовщик и бедняк

Жил когда-то бедный, но очень хитрый человек. Однажды он отправился к ростовщику и попросил взаймы рубль, обязавшись пазавтра вернуть два. Он вернул ростовщику два рубля в тот же день, к вечеру.

Через некоторое время бедняк попросил у ростовщика десять рублей, пообещав через две недели вернуть пятнадцать. И недели не прошло, как он принес и долг и проценты.

Потом бедняк взял займы уже сто рублей, с тем чтобы через месяц вернуть сто двадцать. Спустя двадцать дней ростовщик получил от него сто двадцать рублей. При этом бедняк сказал ростовщику:

— Деньги твои оказались счастливыми, они принесли мне большую прибыль.

Ростовщик остался очень доволен и даже сказал:

— Когда бы ты ни пришел, мои деньги всегда к твоим услугам.

Прошло немного времени, и бедняк вновь пришел к ростовщику; на этот раз он попросил сто туманов *, пообещав вернуть через год сто сорок, и даже написал обязательство: если он задержит долг хотя бы на один день, ростовщик в наказание вырежет из его тела фунт мяса.

Прошел год, за ним второй, а бедняка и след простыл. Но ростовщик все-таки разыскал бедняка, и не успел он сказать и слова, как бедняк стал его упрекать:

— Зачем ты дал мне деньги, которые приносят несчастье? Из-за них я разорился! Мне нечем платить долги!

Ростовщик потребовал, чтобы бедняк пошел с ним к судье [...]

[Там он] предъявил расписку бедняка и потребовал свой фунт мяса. Судья дал ростовщику острый нож и сказал:

— Вырежь ровно фунт, но не меньше и не больше! В противном случае разница будет вырезана у тебя.

— Разве я Аллах, чтобы вырезать ровно фунт! Я не согласен с таким решением.

Тогда судья взыскал с него десять туманов в пользу бедняка [...]¹

Аварск., 19, 23

223. Как Суан разбогател

Жили два приятеля, Суан и Педро. Педро покойные родители оставили богатое наследство, Суан же был беднее самого бедного нищего.

Однажды утром пришел Суан к своему приятелю и спросил:

— Скажи-ка, Педро, не найдется ли у тебя лишнего бревна для свай?

— Найдется, — сказал Педро. — А зачем тебе?

— Я строю дом, и мне не хватает свай.

— Раз так, бери, — сказал Педро. — Платить мне не надо, я даю тебе даром.

Суан, не ожидая никакого подвоха, взял бревно и пошел достраивать дом. Дом вышел на славу — даже выше, чем у Педро.

Педро увидел это, и его разобрала досада. Пошел он к Суану и потребовал свое бревно назад.

— Как же я тебе его отдам? — сказал Суан. — Если я выну сваю, дом разрушится. Хочешь, я тебе уплачу за это бревно или достану в деревне другое и отдам тебе взамен?

— Нет, — ответил Педро, — мне нужно только мое.

Спорил с ним Суан, спорил, уговаривал-уговаривал, наконец рассердился и заявил:

— Не отдам я тебе твое бревно, и все!

— Смотри, Суан, я пожалуюсь на тебя королю!

— Пожалуйста! Можешь жаловаться!

— Тогда пойдем к королю в следующий же понедельник! — сказал Педро.

— Когда угодно. Я готов.

Наступил понедельник, и оба собрались идти во дворец. Педро, больше всего на свете дороживший деньгами, взял с собой в дорогу побольше серебряных монет. А у Суана денег не было; он взял в дорогу вареного риса и рыбы.

Шли они, шли, и к полудню остановились отдохнуть. Суан достал свой сверток с едой и принялся за еду. Педро тоже очень проголодался, но что он мог купить себе посреди дороги? Суан великодушно пригласил Педро поесть вместе с ним, и они оба как следует пообедали. А потом отправились дальше [...]

Пришли они во дворец.

— С чем вы ко мне явились? — спросил их король.

— Я пришел к тебе с жалобой на Суана, — ответил Педро. — Он взял у меня бревно и не хочет возвращать.

— Так ли было дело? — спросил король Суана.

Суан кивнул головой и добавил:

— Но когда мы шли сюда, Педро съел часть моего риса и рыбы.

— Вот мое решение, — сказал король. — Пусть Суан отдаст Педро его бревно, а Педро вернет Суану его рис и рыбу [...]

С тем они и ушли от короля.

Вернувшись домой, Суан достал бревно Педро, взял острую бритву и пошел к дому своего приятеля.

— Вот твое бревно, — сказал он. — А теперь ложись-ка, я хочу забрать у тебя свой рис и свою рыбу.

Педро перепугался и забормотал:

— Ладно, бревно можешь мне не возвращать.

— Ну нет, — ответил Суан, — королевские решения надо выполнять.

— Не будь таким жестокосердным! — взмолился тот. — Если ты откажешься от своего требования, я отдам тебе половину своего состояния.

— Нет, — сказал Суан, — мне нужен только мой рис и моя рыба.

Он взял Педро за плечо и поднес острую бритву к его животу.

— Не режь меня! — закричал тот в ужасе. — Я отдам тебе все свое добро!

Так Суан стал самым богатым человеком в деревне¹.

Тагальск., 148, 35

224. Суд Анастратина

В квартале, где жил Анастратин, была харчевня. В обеденную пору ходжа часто прогуливался мимо и наслаждался запахами, которые доносились из печи.

Как-то утром пришел в харчевню мулазим*, дал хозяину гуся и велел зажарить его к обеду. Хозяин поставил гуся в печь. Когда гусь поджарился, хозяин вынул его, положил на скамью рядом с прочими блюдами и стал дожидаться мулазима. В это время проходил мимо Анастратин. А надо сказать, он тогда был кади. Остановился он, как всегда, чтобы насладиться запахом кушаний, увидел гуся — и прямо слюнки у него потекли.

— Чей это гусь? — спросил он хозяина.

— Мулазима, — ответил тот.

— Вели-ка отнести этого гуся ко мне, — сказал Анастратин.

— Но как же мулазим? — испугался хозяин. — Что я ему скажу, когда он придет потребовать своего гуся?

— Слушай лучше меня, — стоял на своем Анастратин. — Тебе выгоднее иметь добрые отношения с кади, чем с мулазимом. Пришли этого гуся мне, не пожалеешь.

— Но что же тогда сказать мулазиму?

— А мулазиму скажи, что гусь вдруг ожил и улетел, — ответил ходжа. — Остальное не твоя забота.

Только он ушел, явился мулазим и потребовал своего гуся. Хозяин, как ни в чем не бывало, взял лопату, сунул ее в печь и стал делать вид, будто ищет гуся. Он возил ею в печи и так и этак, но ничего не достал.

— Странное дело, — говорит. — Гусь улетел.

— Знаешь что, поторапливайся, — отвечал мулазим. — Время обеденное, и я чертовски голоден.

А гуся нет как нет. Мулазим кричит, хозяин все ковыряет лопатой в печи и твердит свое: улетел гусь. Вокруг уже собрался народ. Наконец мулазим потерял терпение и кинулся на хозяина с кулаками. Тот выхватил из печи лопату, чтобы защищаться, да угодил прямо в лицо еврею, который стоял рядом, и вышиб ему глаз.

Увидел хозяин, в какой он попал переplet, бросил лопату и стал улепетывать во все лопатки. Мулазим, еврей и их друзья — за ним.

По дороге хозяин харчевни увидел открытую дверь, вбежал в нее, чтобы спрятаться. А у дверей сидела беременная женщина. Увидела она, что к ней ворвался человек, а за ним гонится толпа, да со страху выкинула.

Хозяин харчевни стал искать, где бы спрятаться. Теперь к его преследователям присоединились и родственники женщины. К счастью, в доме оказался черный ход, он выбежал через него, толпа — за ним.

В поисках спасения хозяин харчевни забежал в мечеть, поднялся на минарет, смотрит сверху: преследователи его настигают. Он видит — делать нечего, и кинулся с минарета на мостовую, да угодил прямо на менялу, который сидел внизу на своей скамье. Тот сразу испустил дух.

Схватили тут хозяина харчевни и повели к кади, который как раз только что разделался с гусем. Все наперебой стали выкрикивать свои обвинения.

— Тихе, давайте по порядку, — строго сказал Анастратин. Он уже успел встать из-за стола и сел на свое судейское место. Перед ним лежала большая священная книга, по которой он правил суд.

— Что ты имеешь к этому человеку? — спросил он мулазима.

— Эфенди, утром я принес ему гуся и попросил поджарить. А теперь он мне говорит, что гусь улетел. Я требую, чтобы он вернул мне моего гуся.

Анастратин открыл книгу, долго листал страницы и наконец прочел, что такие чудеса действительно случаются раз в сто лет. А со времени, когда чудо произошло в последний раз, прошло именно сто лет. Потерявший гуся таким образом блажен, ибо гусь этот полетел прямехонько в рай и там будет поджидать своего владельца.

Услышал это мулазим и, сияя от радости, удалился.

Пришла очередь еврея с выбитым глазом.

— Эфенди, — сказал он, — этот человек выбил мне лопатой глаз.

Анастратин вновь принялся листать свою книгу и объявил, что истец вправе теперь поступить с обидчиком так же, как тот с ним. Но поскольку, согласно книге, глаз турка равноценен двум глазам еврея, надо, чтобы хозяин харчевни сначала выбил истцу второй глаз, а он в ответ выбьет ему один.

Не успел хаджа закончить свой приговор, как еврея уже и след простыл.

Третьим заговорил муж женщины, у которой случился выки-

дыш. По этому поводу книга гласила, что хозяин харчевни должен сделать этой женщине нового ребенка. Разумеется, и третий жалобщик предпочел удалиться ни с чем.

Наконец, заявил свой иск брат убитого менялы. И для него ходжа нашел в книге приговор: пусть он расправится с хозяином харчевни таким же образом, а именно — заберется на минарет, велит виновному усесться внизу, а сам прыгнет на него сверху и убьет.

Когда и этот поскорее пустился науек, хозяин харчевни стал благодарить ходжу — и тут-то вспомнил его слова, что лучше иметь в друзьях кади, чем мулазима¹.

Греческ., 164, 515

225. Суд над Бирбалом

Однажды в беседе с падишахом Бирбал сказал:

— Владыка мира! Ежели я когда провинюсь, то пусть меня судят люди, которых я сам назначу.

Падишах согласился.

Рад был вазир, крепко верил он слову падишаха.

Вскорости падишах осерчал за что-то на Бирбала. Решил он вазира наказать — наложить на него штраф в несколько тысяч рупий. Проведал Бирбал о замысле падишаха и все загодя обдумал.

Зовет падишах Бирбала на суд.

— Бирбал! Недостойно ты поступил, и будет тебе за твою вину наказание — денежный штраф.

Бирбал не стал отпираться, повинился.

— Ну раз ты и сам признаешь свою вину, я накажу тебя непременно.

— Владыка мира! Сами вы не можете меня наказать, — напомнил Бирбал. — Придется вам позвать судей, которых я назначу.

— Ладно. Выбирай пятерку¹, и я велю им судить тебя. Что они ни решат, я наперед согласен.

— Моими судьями будут пятеро чамаров². Я приму от них любое наказание.

Удивился падишах.

— Как! Разве могут вершить суд такие низкородные люди?! Почему ты не выбираешь ростовщиков, торговцев?

Но Бирбал стоял на своем: пусть судят чамары.

Созвали во дворец чамаров — пять старшин из пяти деревень. Падишах растолковал им, в чем Бирбал провинился, и велел его судить. Бедняги не ждали такой великой чести, обрадовались несказанно.

Стали судьи совет держать.

— Ну, други,— говорит один чамар,— Бирбал нас всегда гнет и мнет, как его душе угодно, а нынче он к нам в руки попался. Надо его так проучить, чтобы вовек не забыл.

— Присудим ему заплатить семь двадцаток да еще одну десятку³ сверх того,— молвил другой чамар.

— Эка ты куда хватил! — с опаской сказал другой судья.— Да ведь его хозяйство прахом пойдет, пустим человека по миру. На нашей совести будут слезы его детей. По мне, так хватит с него и пяти двадцаток.

— Вах! Вот так пожалел! — подивился третий судья.— Да разве ж это мало?! Где он возьмет такую уйму денег? И три двадцатки — целая мошна. Коли нет вашего согласия, то накиньте еще десятку. И такие-то деньжищи отдать, поди глаза на лоб полезут.

— Не согласный я с вами. Поменьше присудить надо,— сказал четвертый чамар.

Пятый судья поддакнул четвертому. Спорили они, спорили и порешили: пусть Бирбал заплатит две двадцатки и сверх того еще десятку.

Потом старший из судей почтительно сложил руки и промолвил:

— Защитник бедных! Мы долго думали, держали совет про-меж себя и в один голос порешили это дело. Коли приказать соизволите, то я оглашу приговор.

Падишах приказал огласить приговор.

— Благодетель наш милостивый! Велика вина господина ви-зира, и кара поделом быть должна — тяжкая. Мы и присудили ему кару — вовек не забудет: две двадцатки и сверх того десятку. И срок уплаты — одна неделя. Нелегко будет Бирбалу справиться с таким бременем, потому да будет наш взор к нему милостив.

Падишах в душе хвалил Бирбала за ум и хитрость. Отпустил он чамаров и, усмехаясь, пошел к Бирбалу. Взглянул на него и вдруг расхохотался. Гнева как не бывало. «Назначенную чамарами кару — пятьдесят рупий — бери не бери, все одно», — рассудил падишах и простил Бирбала.

В глазах падишаха провинность вазира была очень велика, а такие-то деньги для обоих были мелочью. Другое дело — бедные чамары. Они на тысячи и считать-то не умели. Как чамар ни трудись, как ни ломай спину, а больше чем сорок-пятьдесят рупий за год не соберет. По своим доходам они и счет ведут. Об этом-то и подумал Бирбал, когда назначал чамаров своими судьями.

Индийск., 48, 222

226. Черепаха и обезьяна

Был жаркий полдень. Солнце палило всюю. Звери искали прохлады у воды.

На берегу реки, в тени большого дерева черепаха и обезьяна вели неторопливую беседу о временах минувших, нынешних и грядущих. Вдруг они увидели, что по воде плывет банановое дерево.

— Как ты думаешь,— сказала обезьяна,— не достать ли нам это дерево и не посадить ли его? По-моему, это было бы неглупо.

— А ты умеешь плавать? — спросила черепаха.

— Я-то не умею, зато ты умеешь.

— Что ж,— сказала черепаха,— я выловлю дерево. Только давай мы его разделим. Я хочу, чтоб моя была верхушка, с листьями.

Обезьяна согласилась. Но когда дерево вытащили на берег, всю верхушку с листьями она забрала себе. Черепахе остались одни корни.

Что ей было делать? Не драться же с обезьяной! Взяла черепаха свою долю, отнесла корни в лес и там их посадила. Прошло немного времени, и из них выросло целое деревце с гроздьями спелых бананов. А у обезьяны, конечно, ничего не выросло.

Узнала обезьяна, что у черепахи созрели бананы, и пришла к ней.

Черепаха говорит:

— Если ты залезешь на дерево и сорвешь мне бананы, я дам тебе половину.

— С удовольствием,— ответила обезьяна, и в ту же минуту была уже на верхушке. Там она быстро оборвала бананы и стала их есть, а черепахе вниз бросала одну кожуру. Бедняга не знала, как ей и быть. Не могла же она вскарабкаться наверх!

— Вот что я сделаю,— сказала она себе наконец. Нашла несколько острых палок и воткнула их в землю вокруг бананового дерева. А потом как закричит:

— Охотники! Охотники идут!

Обезьяна испугалась и прыгнула вниз, прямо на острые палки. Палки вонзились в ее тело. Тут ей и конец пришел.

Черепаха освеживала обезьяну, мясо завялила и продала его другим обезьянам, жившим по соседству. Но оказалось, что тут она допустила промашку: кусочки обезьяньего меха попали в мясо, и обезьяны сразу догадались, что это мясо одного из их братьев. Схватили они черепаху и повели к своему вождю.

Вождь обвинил черепаху в убийстве и устроил над ней суд. Когда вина черепахи была доказана, обезьяны стали думать, какую ей учинить казнь.

— Сжечь ее! — сказал вождь обезьян.

Но хитрая черепаха ответила:

— Огонь мне не страшен. Видите красные следы на моей спине? Отец много раз бросал меня в огонь, а мне хоть бы что.

— Что ж, раз огонь не может причинить ей вреда, — сердито сказал вождь обезьян, — разрежем ее на куски.

— Это для меня не наказание, — ответила умная черепаха. — Посмотрите, моя спина вся в рубцах. Отец сколько раз хотел меня разрезать!

— Как же с ней быть? — задумались глупые обезьяны.

Наконец самая сообразительная из них придумала:

— Давайте утопим ее в озере!

Черепаха, услышав это, обрадовалась: ведь вода ей была не страшна. Но она ничем не выдала своей радости, притворилась испуганной и стала умолять обезьян, чтобы они не бросали ее в озеро. А сама думала: «Ловко я обманула этих глупых обезьян!»

Те тотчас потащили ее к озеру и бросили в воду. Черепаха нырнула, но тут же высунула голову из воды и громко рассмеялась.

Так благодаря своему уму она сласла себе жизнь¹.

Пампанго, 148, 366

227. Спор глухих

Когда-то жили в одной деревне четверо глухих. Один из них был сборщиком пальмового сока, второй пастухом — пас коз, третий торговал солью, а четвертый был старостой.

Однажды пастух потерял свое стадо. Он искал его всюду, ходил по окрестностям и забрел в пальмовую рощу. Огляделся вокруг — у кого бы спросить — и тут увидел на вершине пальмы человека, собиравшего пальмовый сок. Пастух крикнул ему:

— Эй, друг, не поглядишь ли ты с пальмы, куда забрели мои козы?

— Если ты ищешь мою тещу, — ответил на это сборщик пальмового сока, — иди на восток.

И человек помахал рукой, указывая направление.

— Спасибо, друг. Если найду свое стадо, то подарю тебе козленочка, — сказал пастух и пошел на восток.

К счастью, там он нашел своих коз. Пастух был очень доволен. Взял маленького козленка и отнес его к подножию пальмы, на которой сидел сборщик сока. Тогда человек с вершины дерева закричал:

— Эй, я не крал твоего козленка! Не впутывай меня в это дело.

— Уж, пожалуйста, не отказывайся от козленка. Я тебе объясаю и хочу отблагодарить.

— Да как ты смеешь обвинять меня в краже?

— Раз уж я тебе обещал, то должен сдержать слово. Бери же своего козленка.

Сборщик сока слез с пальмы, и они, не понимая друг друга, принялись яростно спорить. Навстречу им шел торговец солью. Надеясь, что он разрешит их спор, глухие рассказали ему, в чем дело.

— Этот человек плетет, будто я украл его козленка, вот он и пришел с ним к моей пальме.

— Я обещал подарить этому человеку маленького козленка, а он требует с меня большого козла.

— Эх, друзья,— вздохнул в ответ торговец солью,— вся моя соль пропала. Могу дать вам только по горсточке, а больше и не просите.

Торговец подошел к двум глухим и насыпал каждому в ладонь по горсти соли. Это уж совсем сбило с толку спорщиков.

Теперь они стали кричать втроем и, ничего не понимая, решили отправиться к старосте. Как раз в это время староста поссорился с женой и был печален.

Каждый из спорщиков обратился к старосте:

— Староста, я не крал козленка у этого человека, а он пришел к моей пальме и хочет тащить меня в суд.

— Неправда, это не так! Я обещал ему маленького козленка, а не взрослого козла.

— Вся моя соль пропала, где же я могу ее взять? Вот и пришлось дать им всего лишь по горсточке.

Выслушал все это староста, покачал головой и сказал:

— Эх, друзья, не уговаривайте меня. Все равно я с этой женщиной разведусь!

Бирманск., 110, 289

228. Умная девушка

В старые времена был один вор. Однажды он ограбил сокровищницу падишаха. Вдогонку за вором падишах послал всех своих сыщиков. Вора схватили и отняли у него награбленное. Тут падишах спросил своего главного везира:

— Как поступить с этим вором?

— Нужно собрать все население города и при всем народе этого вора зарезать,— отвечал везир.

А у падишаха была дочь. Падишах спросил ее:

— Правильно ли говорит везир?

— Везир рассудил по сути,— отвечала девушка.

Тогда падишах спросил среднего везира:

— Как поступить с этим вором?

— Нужно сложить побольше дров, посадить на них вора и поджечь.

И снова падишах спросил у своей дочери:

— Как ты находишь то, что сказал везир?

И дочь падишаха снова отвечала:

— Твой везир рассудил по сути.

Наконец падишах спросил своего младшего везира:

— Как поступить с вором?

— Нужно одеть вора с головы до ног, дать ему все, чтобы живот у него всегда был полон, и отпустить его.

Падишах опять спросил у дочери:

— Как ты находишь то, что сказал везир?

— Твой везир рассудил по сути,— отвечала девушка.

Тогда падишах сказал:

— Ты о каждом из трех везиров говорила, что он рассудил по сути. Что же ты имеешь в виду, объясни нам.

И девушка отвечала:

— Главный везир, который сказал, что вора нужно зарезать, по происхождению, должно быть, из мясников. Твой средний везир, видно, из обжигальщиков кирпича. А младший везир по всей своей сути — благороден.

Падишах проверил, и оказалось, что девушка была права. С вором поступили, как советовал младший везир: накормили до сыта, дали на расходы денег и избавили от смерти. А младшего везира сделали главным везиром¹.

IV. О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИГОВОРОВ

229. Справедливый мандарин

Жил в Намдине мандарин, знаменитый своей справедливостью и неподкупностью.

Как-то один судья приговорил к смерти разбойника. Когда разбойника выводили из суда, он вдруг бросился в ноги человеку, которого ограбил, и стал просить его о милости.

— Наказание, к которому я приговорен, справедливо, — сказал он. — Своим преступлением я не заслужил ничего другого. Прошу я только об одном: пусть справедливый мандарин ничего об этом не знает.

Потом разбойника отвели в тюрьму, и он стал дожидаться утра, когда его должны были обезглавить.

Но люди болтливы. В тот же вечер до мандарина дошел слух о смертном приговоре и о странных словах разбойника. Он пошел к судье и сказал ему:

— Я вижу, у этого разбойника сохранилось чувство стыда. Он еще не до конца испорчен. В нем есть добрый росток. Поэтому я прошу тебя отпустить его.

Судья удивился таким словам, но сделал все, как его просил мандарин. Когда утром наступило время казни и разбойника не оказалось среди приговоренных, ограбленный, который находился среди зрителей, почувствовал досаду. Ему не удалось удовлетворить свое чувство мести. И он сказал несколько недобрых слов в адрес мандарина, весьма нелестно отозвавшись о его разуме и еще менее лестно — о его справедливости.

Поскольку человек этот был хорошим купцом, довольно скоро ему удалось восполнить потерю, и он опять стал зажиточным человеком. Он возил свои товары по разным местам и торговал с большой прибылью.

С годами, однако, занятие это давалось ему все тяжелее и тяжелее. Ведь он сам носил свои товары на коромысле, и его слабым от старости плечам это становилось уже не под силу. А люди на дороге несли каждый свой собственный груз, и никто не помогал ему.

Поэтому он так обрадовался, когда однажды вечером близ

Намдния какой-то немолодой человек сам вызвался поднести ему груз до города. Купец спросил доброго прохожего, как его имя, но тот скромно ответил, что имя не имеет значения, и не успел купец его поблагодарить, как неизвестный помощник уже исчез.

Вскоре купец нанял для переноски товаров молодого подручного. Однажды (это было год спустя), возвратясь из торговой поездки, он с ужасом обнаружил, что кошелек со всей его выручкой куда-то исчез. Бедняга стал искать его повсюду, но не мог найти и даже не знал, где он его мог потерять.

Вдруг послышался стук и кто-то спросил из-за двери, не потерял ли купец чего-нибудь. Тот сказал «да» и открыл дверь. Каково же было его изумление и радость, когда вошедший подал ему кошелек! Он нашел его на рынке, на том самом месте, где купец раскладывал свои товары.

Купец взгляделся в этого честного человека внимательнее и увидел, что это тот самый, кто когда-то помог ему поднести груз. Преисполненный благодарности, он стал предлагать ему вознаграждение, но тот отказывался. Тогда купец стал допытываться, как его зовут. Сперва неизвестный не хотел себя называть, но потом поддался уговорам и сказал, как его зовут.

Это был не кто иной, как помилованный разбойник.

Тогда купец пошел к справедливому мандарину и попросил простить его за то, что он когда-то усомнился в его справедливости и мудрости.

Вьетнамск., 144, 106

230. Не верю тебе!

Каждому бедняку, приходившему с жалобой на баев, казий говорил:

— Ты не видел вора своими глазами, не поймал своими руками — не верю тебе! — и выгонял беднягу прочь.

Вот как-то богатый сосед увел со двора Салая Чаккана его осла. Делать нечего: пошел бедняк жаловаться казию. Выслушал тот Салая и ответил ему, как и всем:

— Ты не видел вора своими глазами, не поймал своими руками — не верю тебе!

Мало ли, много ли времени прошло, но вот как-то казий позвал к себе Салая Чаккана.

— Говорят, ты болтаешь везде, будто нет бога? — спросил казий.

— Да, господин, — ответил Салая.

— В своем ли ты уме! — возмутился судья. — Как можно сомневаться в существовании всевышнего!

— Но ведь ты сам, господин, неустанно твердишь нам, что нельзя верить в то, чего не видел своими глазами, не поймал своими руками!

Уйгурск., 136, 27

231. Как аист судил птиц

В провинции Кёнсань жил богатый человек, и был у него мотродственник, который все время вымогал у него деньги. В конце концов богатому это так надоело, что он велел арестовать родственника и доставить его в Сеул, где они должны были предстать перед судьей.

Но родственник этот сделал судье богатый подарок, и тот решил дело в его пользу. Тогда богатый попросил разрешения рассказать одну историю.

— Пожалуйста,— сказал судья.— Разрешаю. Я люблю слушать истории.

И тот рассказал такую басню: «Поспорили однажды три птицы, кто из них лучше поет: кукушка, дрозд или журавль. Пришли они к аисту и попросили его быть судьей. Но поскольку журавль сам хорошо знал, как ужасен его крик, он перед началом суда пошел к рисовому полю, наловил там лягушек и насекомых и принес аисту в подарок. Наконец наступил день, когда предстояло решить, чье пение лучше. Судья-аист по очереди выслушал всех. Пение дрозда он нашел слишком слабым, пение кукушки слишком однообразным, пение же аиста, который кричал совсем ужасно, нашел превосходным, даже очаровательным, и сказал: «Да, это голос полководца!»

Услышав эту басню, судья не рассердился за папек, а велел освободить осужденного и наказать виновного.

Так осужденный богач сравнил судью с неразумным аистом, который позволил себя подкупить.

Корейск., 161, 112

232. [Судьи и шакалы]

...[Парень и кузнец купили корову.] Расплатились они, обвязали корове шею веревкой и двинулись в обратный путь. В дороге застигла их ночь. Идут они через большую деревню — там даже базар был — и размышляют: «Где бы на ночь остановиться? Хорошо бы заночевать здесь у кого-нибудь на веранде». С такими мыслями шли они вдоль по улице и, как увидели дом с верандой, зашли и попросили:

— Послушай, хозяин. Пусти-ка ты нас переночевать где-нибудь здесь у тебя на веранде.

— Ну что ж,— отвечает тот.— Почему бы не дать вам заночевать?

Вот они здесь и остановились. Поужинали вареным рисом, привязали корову и легли на веранде. Только заснули, хозяйка отвязала корову, а на ее место свою, совсем старую, привязали и тоже легли. Утром, как рассвело, парень и кузнец увидели, что корова не та, и к хозяину:

— Слушай, отец, ты не подменил нашу корову? Эта корова — не наша. Ты нашу взял, а вместо нее поставил другую.

— Да нет, это ваша корова,— заспорил хозяин.— Я сам видел, вы ее вчера тут привязали.

— Ну нет,— говорят.— Вон наша корова. Ты ее к себе в хлеб поставил.

— Нет, эта корова моя. С чего мне ее вам отдавать? Забирайте вашу корову и идите своей дорогой. Чего ради должен я вам мою отдавать?

Так они спорили и спорили, наконец хозяин им говорит:

— Нет, мы так ни на чем не столкуемся. Давайте я народ соберу, и пусть нас рассудят.

Пошел он прямо к старосте, а потом туда собрались другие почтенные люди, и он им сказал:

— Мне приглянулась корова одного прохожего. Я ее взял себе, а взамен подsunул ему свою, старую. Я вам это напрямик говорю. Решите в мою пользу — я вас отблагодарю.

— А ты сколько нам дашь? — спросил один.

— Поможете мне выиграть дело, пять рупий дам.

— Ладно,— сказали они[...]

И когда он их так подкушил и уговорил решить в его пользу, они все пошли к нему в дом. Начавши судить, стали винить парня и кузнеца и говорили, что корова у них была старая и пусть ее-то они и берут. Тогда парень им сказал:

— Что ж, почтенные. Что ж, староста, и ты, помощник старосты, и вы, пятеро! Мы не согласны с вашим судом. Мы видим, что суд ваш несправедливый. Подождите, дайте нам кого-нибудь привести, кто бы правду сказал.

— Ладно, ведите,— говорят те.

А про себя они, конечно, подумали так: «Эти двое здесь чужаки. Пусть они даже найдут человека, кто покажет в их пользу; так это будет кто-то из здешних, не иначе, а уж ему-то мы вправим мозги». Вот поэтому они и сказали: «Ладно, ведите».

Тогда парень обернулся к своему спутнику.

— Послушай-ка, друг,— говорит.— Ты пока останься здесь и последи за нашим добром, а я схожу в ту деревню и позову сюда

человека или двоих. Если уж и они подтвердят, что это наша корова, значит, придется нам ее взять.

С такими словами он встал и ушел. Дорогу искать он не стал, а пошел напрямик — туда, где вдали виднелась деревня. Только вскоре он потерял деревню из виду. Вокруг росли густые кусты, и в этом кустарнике он совсем запутался. Вдруг видит он сквозь кусты двух шакалов — они куда-то по своему делу бежали.

— Эй, вы! Подождите! Пойдите! — кричит. — Вас-то я и ищу.

Остановились шакалы и спрашивают:

— Зачем ты нас ищешь?

Парень им все рассказал.

— Я сирота, — говорит. — Отец мой умер, когда я был еще во чреве у матери. А все добро, какое он нажил, забрали дядья — старший и младший. Да они еще мать мою почем зря изругали. И землю они у нас отняли. А теперь, когда мы поденной работой и сбором колосьев скопили малость деньжат, я купил телку и уже вел ее домой, да только пришлось заночевать по пути на веранде у одного человека — вон в той деревне, где базар. Пока мы с приятелем спали, хозяин увел мою телку, а на ее место привязал свою старую корову. Утром я увидал, что это не та корова; гляжу, а моя корова — та, что я привел, — стоит у него в хлеву. Тогда я сказал ему: «Слушай, батюшка, не моя это корова. Вон та вот — моя. А он говорит: «Да нет, это та самая, что ты вчера привел. С чего я тебе стану свою отдавать?» Тут мы крепко поспорили, и тогда он созвал своих деревенских. Те стали судить да рядить и порешили с пристрастием — в его пользу. А я с этим судом не согласился. Я сказал пятерым: «Ладно, почтенные, я не согласен с вашим судом. Подождите, дайте я приведу кого-нибудь, кто за меня скажет». Вот я и пошел искать кого-нибудь и встретил вас. Пойдите со мной, рассудите нас.

Шакалы его спрашивают:

— А что, не брали ли деревенские взятку?

— Не знаю, — говорит парень. — Сам я этого не видал.

— Ну ладно, — сказали шакалы. — Пойдем. Мы попробуем решить твое дело. Раз ты нам доверился, мы вас рассудим.

А по дороге шакалы говорят парню:

— В деревню мы не пойдем — собаки нас загрызут. Давай встретимся где-нибудь за деревней под большим деревом. Приведи с собой коров — ту и другую, и, пока суд да дело, мы их привяжем где-нибудь поблизости.

Так они дошли до баньяна, что рос за околицей у самой дороги. Тут шакалы сказали:

— Веди их сюда, к этому дереву. Здесь мы все и рассудим.

Шакалы остались под деревом, а парень пошел в деревню. Позвал он старосту, и помощника старосты, и народ из деревни, и

вперашнего своего хозяина — всех их прийти к баньяну. Обои ковров привели тоже. Вот все собрались под деревом и спрашивают у парня:

— А где твои свидетели? Кто будет говорить за тебя?

Шакалы-то сидели в сторонке. Показал на них парень.

— Вот они сидят, — говорит.

— Так это шакалы, — ему отвечают.

— Ну и что же? Я их привел, — говорит.

— Ну ладно, — сказали те.

Все расселись под деревом. Шакалы подошли поближе и тоже сели сбоку. Все сидят и молчат, никто слова не молвит.

Староста говорит:

— Что же все замолчали? Рассказывайте, как дело было.

— Кому говорить-то? — кто-то спрашивает. — Пока тот, кто нас позвал, не расскажет, в чем дело, что мы сможем сказать?

— Значит, тебе начинать, — обратились все к парню. — Расскажи, что приключилось, зачем ты нас позвал. Расскажешь — мы будем знать, что тебе надо.

— Хорошо, почтенные, — говорит тот. — Это верно. Раньше, чем услышишь про дело, его не поймешь. Вот, почтенные, дело такое. Сегодня утром мы о нем толковали, так надо бы разобраться.

— Что? — удивились они. — Мы утром и рассудили. Чего тебе еще надо? Бери корову, какую сказано, и уходи.

— Я ведь не согласился с тем, как вы решили, — возразил парень. — Я ее и не взял. И от меня в вашем суде никого тогда не было. А теперь я привел двоих, так разберитесь при них еще раз. Присудите мне опять ту корову — придется мне ее взять.

Пока шел такой разговор, шакалы тихо сидели и головы свесили. Тут все принялись толковать между собой:

— Вот это свидетели! Видно, всю ночь пробегали за крабами да за кузнечиками, а теперь их сон сморил. Будь они в состоянии говорить толком, разве б они так сидели? Они и слова не вымолвили.

Вдруг шакал-самец говорит:

— Да, почтенные, мы свидетели. Вы говорите: «Их сморила дремота». Это неправда — нас не клонит ко сну. Мы тут поспорили промеж себя. Мы пришли сюда по делу этого парня. Верно, нам надо помочь разобрать его дело. Об этом мы не забудем. Только раз уж выпала нам такая удача встретить здесь весь ваш совет, рассудите сперва нас самих. Вы в таких делах понаторели — рассудили же вы дело этого парня. Это хорошо, мы считаем. Так вот, вы сначала нас рассудите, тогда мы вам скажем, что и дело этого парня решено верно. А если вы наш спор не решите, значит, вы судьи нестѣящие,

Тут пятеро говорят:

— Ладно, рассказывайте, в чем у вас дело.

— Дело вот в чем, — сказал шакал. — Мы с ней, с моей самкой, повсюду бегаем вместе, едим одну пищу, пьем одну воду, так почему же она испражняется дважды? Я хожу только раз в день, а она — два. Рассудите, сделайте милость, почему это так.

— Кто же может сказать, с чего так получается, что она ходит в день дважды? — удивились они.

— Тогда сделайте милость, вы у нее у самой про это спросите: зачем она ходит дважды, — просит шакал.

Ну они ее и вправду спросили:

— Верно, что ты ходишь дважды или он врст?

Спросили так, а сами смеются.

— Ну-ну, не смейтесь, — отвечает самка шакала. — Смеяться тут нечему. В старину говорили: «Если сидишь с почтенными людьми в совете, не пересмешничай». Вот почему, я вам говорю, смеяться тут нечему. Вы и не смейтесь.

Тогда они перестали смеяться и просят:

— Скажи, почему ты ходишь дважды? Вы оба бегаеете вместе, едите и пьете вместе, так почему ты ходишь дважды?

Она говорит:

— Это все верно. Мы бегаем вместе, мы едим и пьем одно и то же, только, в самом деле, я хожу дважды. Такое мне вышло веление: один раз я хожу как все, и кал мой падает на землю и на ней остается; а еще раз я хожу для того, чтобы этот мой кал падал в рот потомкам тех неправедных судей, кто берет взятки и за то обижает вдов и сирот, бедняков и неимущих. И уста всех их потомков, из колена в колено, во веки вечные не очистятся от этого кала. А если тот, кто взял взятку, признается перед советом и обратится ко мне за прощением, с него это проклятие может быть снято; но если он не признается, тогда его потомков ждет та судьба, о какой было сказано. Вот зачем мне вышло веление ходить дважды в день. Вы это, сделайте милость, запомните.

Самец-шакал тоже сказал:

— Сделайте милость вы, почтенные пятеро, запомните это. И если с кем-то из вас случалось такое, лучше признайтесь в том сразу перед советом. Ведь вы теперь знаете, какая судьба вам уготована.

Тут те, кто уже принял взятку или только собрался ею попользоваться, сами начали сознаваться и рассказали все, как оно было. Парню присудили его корову, а все дело повернули против обидчика и наказали его штрафом в пять рупий. Парень ушел и увел с собой корову, разошлись и остальные, каждый своим путем. Шакалы пошли вслед за парнем и дошли с ним до лесной опушки. Здесь они сказали ему:

— Ну, сынок, веди корову домой. А нам надо сюда.
На том они и расстались[...]

Индийск., 123, 313

233. Козел и лис

Козел с лисом дружбу свели. Вспахали они поле исполу, сжали хлеб, связали в снопы, обмолотили. Зерно сложили в одну кучку, мякину — в другую. Козел и говорит лису:

— Теперь, братец, давай урожаем делить.

А лис ему:

— Да что тут делить? Кучка — мне, а охпка — тебе.

Козел на это не согласен:

— Почему же? Надо и зерно делить поровну и мякину.

Тогда лис пошел за своим дядькой волком: он, мол, нас рассудит. Пока лис ходил за дядькой, козел позвал двух псов и спрятал их в мякине. Лис привел своего дядьку, и тот, грозно сверкая глазами, заорал на козла:

— Зачем моего племянничка обижаешь?

— Что ты, сударь, да разве это я его обижаю? Он же сам говорит: хлеб, дескать, ему, а мякину — мне.

— Ну так что ж, разве плохо он надумал?

— А по-твоему, значит, справедливо это, сударь?

— Вполне справедливо, — сказал волк.

— Ах так, ну тогда подымись-ка вон на тот пригорок и покляпись всем святым, что от чистого сердца говоришь.

Взбежал волк на кучку мякины да как взвоеет — это он так по-своему клялся. Выскочили тут из мякины псы и давай рвать шкуры волку и его племяннику. И мякина, и зерно — все козлу досталось.

Грузинск., 42, 23

234. Насреддин и кадий

Как-то случилось, что Насреддин подрался с односельчанином. Противник был известный силач и без особого труда одолел Насреддина. С разбитым носом пошел Насреддин к сельскому кадию жаловаться на обидчика.

— Посмотри, что сделал со мной этот негодяй. Неужели на него нет управы?

— В таких случаях полагается штраф в пользу пострадавшего — один аббаси*, — ответил кадий, который недолюбливал Насреддина.

— Вот как,— ответил Насреддин и расквасил нос кадию.— Причитающийся тебе аббаси возьмешь с моего обидчика¹.

Аварск., 18, 893

235. Штраф за оскорбление

Поссорившись на улице с одним человеком, эфенди* сильно его оскорбил. Тот потащил эфенди к судье. Оштрафованный на одну таньгу*, эфенди воскликнул:

— О, штраф за оскорбление невелик!

Вынув из кармана две таньги, отдал одну судье:

— Это — за того человека, а это...

И, выругав судью площадным ругательством, эфенди швырнул ему вторую таньгу:

— Это штраф за оскорбление, которое я сейчас нанес вам!

Таджикск., 23, 406

236. Казий побежден

Один бедняк приехал в город по делу. Переночевать ему было негде, вот и зашел он в караван-сарай. Хозяин дал ему на ужин курицу, вареное яйцо и половину лепешки.

Утром, собираясь в путь, бедняк признался:

— Сейчас у меня нет денег, но я скоро вернусь обратно и заплачу за ужин.

Прошло три месяца, бедняк вернулся в город и на ночьлег устроился все в том же караван-сараяе. И опять хозяин накормил его курицей, вареным яйцом и половиной лепешки. Утром бедняк спросил, сколько же стоят эти два ужина?

Долго считал хозяин караван-сарая и наконец сказал:

— Двести золотых.

Такая цифра ошеломила беднягу.

— Неужели две курицы, два яйца и лепешка стоят двести золотых? — переспросил он.

— А как же,— отвечал хозяин.— Посчитай сам. Три месяца назад ты съел курицу. Если бы ты ее не съел, она и по сей день была бы жива. За три месяца она, самое малое, снесла бы пятьдесят-пятьдесят пять яиц. Из них вывелось бы сорок-пятьдесят цыплят. А ну, посчитай-ка, сколько это будет стоить? Я еще пожалел тебя и в ущерб себе беру меньше.

Так и не договорившись, бедняк и хозяин караван-сарая пошли разрешать спор к казию.

— Вы заранее договорились о цене курицы и яиц? — спросил казий у бедняка.

— Нет, господин, я не спрашивал цену,— отвечал бедняк.

— Вы предупредили хозяина караван-сарая, что вернетесь через три месяца?

— Нет, господин, я сам не знал точно, когда вернусь.

— Как считаете, курица, будь она жива, смогла бы снести столько яиц, сколько говорит хозяин, и вывести столько цыплят, сколько называет он?

— Да, смогла бы.

— Значит, он прав, вы должны расплатиться,— заключил казний.

Горько заплакал бедняк и пошел за советом к афанди. Выслушав его, афанди потребовал нового суда. Казий назначил суд через три дня.

Когда в назначенный день собрались все на суд, то оказалось, что афанди не явился. Стали ждать его. Наконец, когда все хотели уже расходиться, ходжа пришел. На вопрос казия, почему он опоздал, мудрец ответил:

— Извините, господин, мы договорились с одним дехканином засеять пшеницей поле. Он явился сегодня, и мы весь день жарили в казане семена. Поэтому я и задержался немного.

— Глухой ты человек! Разве семена перед посевом жарят? Разве они прорастут после этого?

— Но если жареная курица может снести пятьдесят яиц, почему бы жареной пшенице не дать одного колоса? — возмутился афанди.

Казий понял, что ему с ходжой не тягаться умом. И тут же прекратил дело против бедняка¹.

Уйгурск., 136, 44

237. Сказка о справедливом Мардахе

Расскажу я вам про одного бедняка. Было у него трое детей — один другого меньше, а в доме ничего не было. Однажды, когда у бедняка оставалось лишь немного отрубей, он сказал жене:

— Я пойду на заработки. Останусь живым — вернусь и обниму своих детей, а если погибну, значит, такова судьба. А ты испеки из отрубей лепешки и накорми детей.

Наекла жена лепешек из отрубей, часть дала мужу в дорогу, часть оставила детям. Обнял бедняк жену, поцеловал детей и ушел из дому.

Вскоре он уже шагал по дорогам к Дербенту. Бедняк был одет в рваный халат, шел без шапки и босиком, а дни стояли холодные, как в месяц шавада.

Долго ли шел бедняк или недолго, но вот добрался он до дер-

бентской крепости. Толкнулся бедняк в чугунные ворота, а они смерзлись и не открываются. Тогда бедняк пошел вниз, к кварталам.

В то время жил в Дербенте один богач, бек Абдула, и бедняк оказался возле его дома. Смотрит бедняк: сидит на балконе Абдула со своей женой, перед ними стоят бутылки араги и вин, а из бараньего плова пар так и валит. Ну что вам говорить: все, что нужно было хозяину, все выложили слуги на стол. Смотрит бедняк на все это и слюни глотает. Очень ему захотелось есть. Достал он свою лепешку из отрубей и начал жевать, да с таким удовольствием, будто он не лепешку ест, а фады со стола Абдулы.

И надо же такому случиться — взглянул Абдула и увидел бедняка. Подозвал бек свою жену и говорит ей:

— Видишь этого босого человека? Если захочу, убью его. Этих оборванцев следует опасаться.

И Абдула приказал слугам привести бедняка в дом.

Сказано — сделано, привели бедняка к беку Абдуле.

— Почему ты в такой мороз ходишь босиком? — спрашивает бек.

— У меня дома трое малышей сидят голодные и холодные, а я вышел, чтобы у таких, как ты, почтеннейший, просить помощи, — отвечает бедняк и кланяется Абдуле.

— Прошу, только не подходи ко мне близко, от тебя нечистым пахнет, — говорит бек. — Я могу тебе кое-что предложить. Ты пойдешь к морю и войдешь в воду по самое горло. Если до утра сможешь пробыть в воде и останешься живым, я дам тебе сто туманов. Если же умрешь — значит, умрешь. Согласен?

Думал-думал бедняк да и согласился.

— Ладно, — говорит, — я согласен, но давай заключим договор. Если я останусь живым, ты дашь мне сто туманов.

Написали они договор, скрепили подписями и на том разошлись.

И вот слуги бека повели бедняка к морю. Мороз лютый, ноги к снегу прилипают, а бедняк идет босиком и без шапки. Идет и думает: «А может быть, и выживу. Возьму тогда эти сто туманов, пойду домой и детям всего накуплю».

Наконец дошли они до берега, и слуги Абдулы говорят бедняку:

— Полезай в воду!

Бедняк разделся и по самое горло вошел в холодную воду. А слуги бека бегают по берегу, толкают друг друга, чтобы согреться. Абдула запретил им разводить костер — а вдруг бедняк в море согреется от него. Потом слуги начали пить араги, но и это не помогало. Но если и они мерзли, то каково же было бедняку в ледяной воде! Прыгал он с ноги на ногу, тер себе тело и приговаривал:

«Охощ! Охощ!». Медленно тянулось для него время. К рассвету бедняк до того заоченел, что хоть душу богу отдавай. Неподалеку от того места жил хозяин рыбного промысла. Утром, еще затемно, его жена встала и зажгла у себя в доме керосиновую лампу. Их дом был виден с моря, и бедняк заметил полоску света в окне. Протянул бедняк ладони к лучу и воскликнул:

— Охощ, огонь!

Увидели это слуги бека и спрашивают:

— Что ты делаешь?

А бедняк отвечает:

— Греюсь!

Хотели слуги посмеяться над глупостью бедняка, но не смогли: мороз сковал им губы.

Тем временем стало светать. Обрадовался бедняк и спрашивает слуг:

— Можно выходить?

Те говорят:

— Нет, побудь еще немножко. Когда совсем рассветет, тогда и выйдешь, а то бек разгневется.

Наконец стало совсем светло, и слуги разрешили бедняку выйти на берег. Вышел бедняк из воды, и тут же тело его покрылось льдом. Тогда он накинул свой рваный халат и помчался к дому бека Абдулы. Постучался бедняк в окно и ждет. Абдула в это время завтракал. Услышал он стук, позвал к себе слугу и говорит:

— Пойди посмотри, кто там. Если одет хорошо — впускай, если же оборванец — гони прочь.

Сказано — сделано. Вышел слуга к воротам и спрашивает:

— Кто там?

— Я тот самый бедняк, которого бек послал на всю ночь в море. Я пробыл в воде до утра, а теперь пришел получить с бека сто туманов.

Слуга доложил об этом Абдуле.

— И как он только выжил в такой мороз! — воскликнул Абдула.

Но договор есть договор, и беку нужно было отдать сто туманов. Только бек Абдула был очень жаден и не хотел расставаться с деньгами.

— Я этого бедняка скорее убью, чем отдам ему сто туманов, — сказал он своей жене. Потом позвал бедняка и говорит ему:

— Никогда не поверю, чтобы человек в такой мороз мог целую ночь пробыть в воде. Признавайся, как удалось тебе обмануть моих слуг? Если не расскажешь правду — голову тебе отрублю!

Бедняк воскликнул:

— Позови своих слуг, спроси у них! Они же глаз с меня не спускали!

Позвал бек Абдула своих слуг и спрашивает:

— Как он выжил? Рассказывайте! Обманул он вас?

Слуги рассказали беку все как было, но тот кричит:

— Он вас обманул!

Тогда один из слуг сказал:

— Уже под утро в окне дома Жавадава зажгли лампу, и свет от нее доходил до моря. И я видел, как бедняк протягивал руки к свету и приговаривал: «Охош, огонь!». Но из воды он не выходил. Этого наши глаза не видели.

И другой слуга сказал:

— Да, да, это я тоже видел.

Тогда бек Абдула закричал на бедняка:

— Значит, огнем грелся? И еще денег хочешь? Ах ты негодяй! Вон отсюда! Чтобы глаза мои тебя не видели, обманщик! А не то я тебе голову отрублю!

Что оставалось делать бедняку — он ушел. Ведь ни договор, ни бог ничего не значат для беков. Власть в их руках, а удел бедняков — терпеть да молчать.

Из дома Абдулы бедняк пошел к градоначальнику. Тот выслушал бедняка и говорит:

— Конечно, Абдула прав. Ведь вы же договорились, что ты ничем не будешь греться. А ты обманул его и грелся огнем от лампы. Ничем не могу тебе помочь.

Бедняк стал было доказывать свою правоту, но градоначальник вышвырнул его за дверь.

Пошел бедняк вниз к татскому кварталу, и по пути ему встретился сам Мардахай-Овшолум. Этого человека все боялись: и беки, и богачи, и даже сам градоначальник. Не было человека, который бы осмелился вступить с ним в спор. Зато сам он никого не боялся. И еще надо сказать, что Мардахай был всегда и во всем справедлив.

И теперь, увидев разутого бедняка, Мардахай-Овшолум спросил:

— Что с тобой? На тебе лица нет, будто ты из могилы вышел!

И бедняк рассказал все как было.

Мардахай-Овшолум пригласил его к себе домой и велел жене напоить гостя крепким чаем. Выпил бедняк чаю и согрелся, а Мардахай предложил гостю искупаться и побыть у него. Тем временем он послал ребятишек с записками к беку Абдуле и к градоначальнику. А в записках было сказано: «Очень прошу пожаловать ко мне в гости, есть дело. Не придете — обижусь».

Градоначальник и бек Абдула прочли записки и собрались ехать к Мардахай-Овшолуму.

Пока они ехали, Мардахай дал бедняку переодеться и посадил к горячему очагу.

Наконец приглашенные приехали.

— Какое опять у тебя дело, говори! — еще с порога кричит градоначальник.

— Сначала садитесь, я угощу вас пловом, — отвечает Мардахай-Овшолум.

Градоначальник и бек Абдула сели и ждут. Хозяин молчит, молчат и гости. Час молчали они, два молчали, три молчали, подошел вечер, наступило время ужинать, а Мардахай-Овшолум все молчит.

Проголодавшиеся гости спрашивают:

— Где же твой плов? Не сварился, что ли?

Мардахай-Овшолум отвечает:

— Пусть бек Абдула пройдет в ту комнату и посмотрит, не сварился ли плов.

Прошел бек Абдула в другую комнату и видит: в очаге вместо дров стоит горящая керосиновая лампа, а горшок с рисом оставлен в угол комнаты.

Бек Абдула удивился и говорит:

— Валлах, Мардахай, горшок с рисом в углу стоит! А в очаге вместо дров — лампа.

Мардахай-Овшолум молчит, ничего не отвечает.

Не выдержал градоначальник и сам пошел посмотреть, не сварился ли плов. Смотрит и видит: в самом деле, вместо дров горит керосиновая лампа, а горшок с рисом стоит в дальнем углу комнаты.

— Если так плов варить, он до нашей смерти не сварится! — воскликнул градоначальник.

А Мардахай-Овшолум и говорит:

— Мне кажется, он и после вашей смерти не сварится.

— Правда в твоих словах, Мардахай, — говорят градоначальник и бек Абдула.

Вот тут-то Мардахай-Овшолум и говорит им:

— Но если плов не сварится от лампы в углу, то как же бедняк в море мог согреться от лампы на окне?

Бек Абдула и градоначальник молчали. Что они могли сказать? Конечно, будь на месте Мардахай-Овшолума кто другой, — они бы нашли ответ.

— Отвечайте! — говорит Мардахай-Овшолум.

И пришлось беку Абдуле и градоначальнику согласиться с тем, что бедняк не мог согреться от лампы.

Тогда Мардахай-Овшолум сказал:

— Пусть бек Абдула, согласно договору, отдаст бедняку сто туманов да еще столько же штрафа за нечестность.

Абдула стал было возражать, но Мардахай-Овшолум пригрозил ему:

— Скажешь «нет» — пеняй на себя!

Очень не хотелось беку Абдуле отдавать бедняку двести туманов, но отдать все же пришлось. Знал жадный бек, что Мардахай-Овшолум не потерпит несправедливости.

Так бедняк получил деньги, поблагодарил справедливого Мардахая и поспешил к себе в аул. А жадный бек Абдула и его покровитель градоначальник тоже пошли по домам, злясь и проклиная Мардахай-Овшолума.

Пусть же все проклятия, которые они слали на его голову, падут на них и на наших врагов, а добрые пожелания пусть достанутся Мардахай-Овшолуму и нам¹.

Татси., 52, 198

238. Наказание до преступления

По ложному навету злых людей, приписавших шуту какое-то преступление, судья приказал дать ему пятьдесят розог. Но впоследствии судья узнал, что шут ни в чем не повинен и пострадал напрасно. Тогда судья сказал:

— Я наказал тебя по ошибке!

— Беда невелика! — ответил шут. — Ты лучше пометь у себя, что я был избит, и, когда я действительно совершу преступление, пусть мне зачтется уже полученное наказание.

Сирйиск., 92, 223

239. Наказанный судья

Однажды Насреддин с султаном отправились на охоту. Все взяли с собой ловчих соколов, а Насреддин — ворону. В поле все пустили своих соколов, и он пустил свою ворону. Ворона села на быка. Насреддин тотчас привязал к его рогам веревку и повел за собой, как свою добычу, — ведь ворона его поймала.

Но хозяин быка не захотел отдавать животное. Пошел он к кади и подал жалобу на Насреддина. Услышал об этом Насреддин, побежал к кади и пообещал ему подарок, если тот присудит быка ему.

Вот пришли они оба в суд, хозяин быка и ходжа Насреддин. Судья говорит:

— Ворона ходжи поймала быка, это его охотничья добыча, и, стало быть, бык принадлежит ему.

С этими словами он прогнал хозяина быка.

На следующий день ходжа Насреддин пошел к кади домой и понес ему горшок. Почти до самых краев горшок был наполнен бычьим навозом, на него ходжа положил лист капусты и лишь сверху залил все маслом. Этот подарок он передал кади.

К ночи пришел кади домой, и как раз ему захотелось масла. Велел он жене принести горшок. Только зачерпнул ложкой — и увидел, что там. Рассердился он, велел позвать Насреддина.

Пришел к нему Насреддин.

— Ах ты негодяй, — говорит кади, — чем же ты меня угощаешь?

— Ты сам себя так угостил, почтенный кади, — ответил ему ходжа Насреддин. — Ты уже наелся из этого горшка, когда вынес приговор. Разве ворона может поймать быка?

Сказал и пошел прочь¹.

Сербск., 164, 253

240. Жадный судья

Привели в суд некоего человека, чтобы судья установил его вину. Разобрав дело, судья понял, что человек действительно виновен. Перед тем как вынести приговор, он спросил обвиняемого:

— Хочешь ты сказать что-нибудь?

Тот ответил, что ему нечего сказать, и незаметно для других показал судье три пальца.

Заметив этот знак, судья тотчас прекратил разбор дела и отпустил всех по домам. А человек этот, вернувшись домой, послал судье три кабачка. И только тут судья понял, что его провели. Судья велел позвать человека и, когда тот пришел, закричал:

— Лжец! Ты обманул меня! Аллах тебя накажет! Вон, пошел вон!

Человек выбежал и крикнул судье:

— Верно! Тот, кто копает яму другому, сам в нее попадет!¹

Хауса, 122, 55

241. Как появился кокосовый орех

Много лет тому назад к берегу Бирмы прибило плот с тремя чужеземцами. Их привели к царю, и эти люди поведали ему свою историю. Все они совершили в своей стране преступления и веле-нием ее правителя были отданы на милость волн. Один из них пострадал за воровство, женщина колдовала. Третий же чужеземец был наказан за то, что был зачинщиком ссор и дразн. Где только этот человек ни появлялся, люди ожесточались друг против друга и не было им покоя.

Царь пожаловал вора домом с тысячей серебряных монет и разрешил ему поселиться в Бирме, сказав:

— Он воровал только потому, что был беден, а теперь станет добрым подданным.

Колдунья также получила дом и тысячу серебряных монет.

— Она вредила людям только из зависти,— сказал царь,— потому что сама была бедна и несчастна. Теперь все будет иначе.

А склочника было приказано сразу же казнить.

— Склочник — всегда склочник. Тут уж ничего не поделаешь,— пояснил царь.

И третьему чужестранцу отрубили голову.

На следующий день один из царских сановников, проходя мимо места кары, к своему изумлению, заметил, что голова казненного покачивается из стороны в сторону. Бедняга так и ахнул от удивления, когда она вдруг открыла рот и несколько раз повторила:

— Передай своему повелителю, чтобы он явился сюда и встал передо мной на колени, а не то я приду и снесу ему голову.

Сановник со всех ног бросился во дворец. Но ему никто не поверил, а царь, подумав, что его хотят осмеять, пришел в ярость.

— О государь,— запинаясь, проговорил тогда сановник.— Слова мои подтвердит каждый, кто побывает на месте казни.

— Ладно,— ответил царь, заколебавшись,— сходите туда вдвоем.

И двое сановников отправились на городскую площадь. Но голова молчала. Узнав об этом, царь велел предать сановника казни.

Как только опустилась секира, голова чужестранца открыла рот и засмеялась.

— Ага,— сказала она,— хоть я и мертва, а вот видите!

Тут придворные поняли, какая ужасная несправедливость постигла беднягу сановника, и доложили обо всем царю. И тогда царь, прослезившись, велел вырыть глубокую яму и закопать злополучную голову. Утром на том месте все увидели странное дерево, усыпанное еще более странными плодами, похожими на голову склочника. Это дерево — кокосовая пальма. Вначале его называли «Гоун бин»¹. Но прошло много-много лет, и слово это стали произносить по-другому: «Оун бин»².

Если вы потрясете кокосовый орех, а потом приложите его к уху, то услышите булькающий звук. Это, даже став орехом, голова склочника все еще хочет злословить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРОТКИЕ АНЕКДОТЫ, ПОСЛОВИЦЫ И АФОРИЗМЫ О СУДАХ И СУДЬЯХ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ, ВИНЕ И НАКАЗАНИИ

Волчий суд

У одного крестьянина волки сожрали мула. Пришел крестьянин в суд жаловаться.

— Мы волков не судим,— ответил ему судья.

— Сильных вы не судите, а с беззащитными и наш староста хорошо справляется! — сказал крестьянин.

Грузинск., 42, 15

Числа нет

Когда Афанди был казием, у него спросили:

— Много ли друзей у тебя?

— Сейчас не знаю, сколько их. Когда я не стану казием, тогда будет точно известно,— последовал ответ.

Уйгурск., 136, 42

[Свидетель]

К кадию пришли два человека с тяжбой: один из них предъявил другому иск об уплате долга.

— Кто твой свидетель? — спросил истца кадий.

— Мой свидетель — бог.

Присутствовавший при этом Маулана Кутбаддин воскликнул:

— Ссылайся на такого свидетеля, которого признает кадий!

Персидск., 85, 54

Если бы люди были справедливы, судьи ушли бы на отдых.

Арабск., 26, 21

Не принимай решения, выслушав только одну сторону.

Японск., 10, 191

Сердце мудрого подобно весам.

Ахмарск., 51, 96

Людской суд — самый правый.

Непальск., 46, 51

Справедливость и угнетение вместе не уживаются.

Турецк., 10, 205

Если ешь вместе со слепым, будь справедлив.

Арабск., 26, 21

У съевшего чужую козу горит голова (ср. На воре шапка горит).

Чеченск., 139, 257

Вора воров вылавливают, колючку колючкой вытаскивают.

Бенгальск., 10, 306

Хитер вор, да когда-нибудь попадетя.

Тамильск., 129, 20

Лжец клянется, вор ссылается на свидетелей.

Монгольск., 10, 191

Свидетель сельского старосты — его же рассыльный.

Армянск., 27, 14

Борода у него рыжая — вот еще одно доказательство!

Персидск., 10, 113

Клеветник умрет от клеветы.

Уйгурск., 10, 306

Что сделаешь, то и в ответ получишь.

Непальск., 10, 263

Око за око, зуб за зуб.

Др.-еврейск., 10, 264

При пахоте сказанное при молотье нашлось (ср. Что посеешь, то и пожнешь).

Чеченск., 139, 258

- Путника настигает темнота, лжеца — разоблачение.
Вьетнамск., 39, 42
- Волк расплачивается за долги шкурой.
Осетинск., 10, 246
- Арбуз склевала ворона, а наказали цаплю.
Вьетнамск., 39, 41
- Один быка съел, другой за него платит.
Осетинск., 10, 264
- Кто украл — поскорей убегает, а кто видел — под суд попадает.
Бешгальск., 10, 246
- Закон — для богача, а наказание — для бедняка.
Армянск., 27, 13
- Когда неправый силен, правый оказывается виноватым.
Турецк., 10, 318
- Жаба сваливает вину на лягушку, а лягушка — на головастика.
Вьетнамск., 39, 42
- Наш осел сызмала был бесквостым (о человеке, который на суде под нажимом отказывается от своих слов).
Персидск., 86, 209
- Ловишь другого — попадешься сам.
Корейск., 10, 24
- Гиену можно обвинить в любом преступлении, но моток ниток она не украдет.
Хауса, 10, 280
- Волк стал защитником овцы.
Таджикск., 10, 307
- В споре рак всегда принимает сторону краба
Корейск., 10, 129
- Вместо сокола ворона стала судьей.
Армянск., 27, 14

- Мандарин смотрит на тяжбу, как муравей на сало.
Вьетнамск., 39, 39
- Бывает и палач с совестью, бывает и судья без совести.
Армянск., 27, 13
- Трудно с богатым судиться и с богатырем бороться.
Бурятск., 10, 315
- Бедняку судиться с богачом — все равно что пытаться разбить камень
тыквой.
Амхарск., 51, 261
- Деньгам заксыны нипочем.
Вьетнамск., 10, 318
- Где права сила, там бессильно право.
Японск., 10, 318
- Право есть, да закона нет.
Армянск., 27, 13
- Чтобы выиграть тяжбу, надо проиграть быка.
Вьетнамск., 39, 40
- У судьи нет глаз, а есть уши.
Армянск., 27, 13
- Собачьему закону никто не будет подчиняться.
Арабск., 26, 21
- С деревом не борись, с беком не судись.
Уйгурск., 10, 135
- Когда режут, то важно, как держат нож, когда судят, то важно, как
говорят.
Ахмарск., 22, 179
- Наказание — по проступку, а награда — по заслугам.
Корейск., 113, 253
- Справедливость не знает родных и друзей, справедливость знает толь-
ко Аллаха.
Сомалийск., 109, 488

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1. ¹ Знаменитый библейский рассказ; различные варианты его широко распространены в мировом фольклоре (AaTh 928). А. Н. Веселовский [4] предлагает индийское сказание о том, как Будда, прочертив на полу черту, велел женщинам, спорившим о ребенке, тянуть его к себе. Ср. камбоджийскую сказку «Спор о ребенке» [121, 36]: две женщины претендуют на ребенка; бодисаттва предлагает им доказать свои права, силой вырвав ребенка. Настоящая мать жалеет ребенка и отпускает его. Сюжет использован в литературе (см. вступительную статью). Выражение «Соломонов суд» употребляется как поговорка для обозначения мудрого, справедливого решения. «Соломоново решение» обозначает также предложение компромиссное, способное (якобы) удовлетворить обе стороны (разделить ребенка пополам).

Хотя в самой Библии известен лишь один суд Соломона, обозначение это в позднейшей литературе (апокрифической, талмудической, в мусульманских легендах на библейские темы) объединяет целую группу рассказов о судах самого разного содержания; см. [4], а также примеч. к № 26, 211.

№ 6. ¹ Эта версия сюжета из «Двадцати пяти рассказов Веталы» приведена здесь из-за ее краткости. Сомалева [125] приводит гораздо более обширный вариант («О том, кому же приписать жертву»), поясняющий некоторые подробности. Вор, которого первым встретила женщина, не просто осужден — он посажен на кол; тем удивительней звучит его просьба отдать ему в жены дочку. «Зачем она тебе?» — спрашивает женщина, и вор объясняет: «Нет у меня сына, а жизнь моя кончается. А ведь у кого нет сына, тот не вкусят небесного блаженства. Если же согласишься ты на мою просьбу и она родит от кого-нибудь, будет ее младенец моим сыном кшетраджа» [125, 216]. По индийскому средневековому праву, поясняет комментатор, если по каким-то обстоятельствам у жены от законного мужа не было сына, то муж мог дать согласие на зачатие женой ребенка от какого-либо другого мужчипы. В этом случае родившийся младенец обладал всеми законными правами сына от законного мужа. Такого сына и называли терминном «кшетраджа».

Вот почему раджа проявляет не просто ум, но и знание юридических норм своего времени, отвечая на вопрос, за разрешением которого в версии Сомалева царь напрасно обращался к брахманам: «Отдать жертву надобно в руку вора, так как царь... его сын, а не кого-нибудь другого, хотя и зачат другим» [125, 220].

№ 7. ¹ Л. Фробеннус в т. 9 своего «Атлантика» («Сказки центрального Судана») приводит аналогичную сказку племени керри-керри [152, 117], которая также заканчивается дилеммой. И в том же томе такая же история, записанная от тех же хауса, дает одно из возможных решений. Здесь охотник ранит сына по собственной неосторожности, промахнувшись, и убегает от окровавленного тела. «Мимо проезжал человек на лошади. Он увидел

тяжело раненного мальчика и подумал: «Бог не дал мне детей. Возьму его к себе».

Всадник поднял юношу к себе в седло и привез домой. Там он перевязал его, выходил, а потом женил на красивой девушке и дал в подарок сто верблюдов.

На свадьбу пришел и родной отец юноши. Он увидел своего сына со множеством верблюдов и велел ему возвращаться домой...

— Хорошо,— сказал приемный отец,— если ты так настаиваешь, вот тебе лошадь, поедем в лес.

Они с юношей тоже сели верхом и поехали в лес. Там приемный отец дал юноше меч и сказал:

— Я тебя выходил и воспитал. Он твой родной отец. Если хочешь вернуться с ним, убей меня, если хочешь остаться со мной, убей его.

Сын решил остаться у приемного отца, а родного убил. Затем он вернулся в деревню и справил свадьбу» [152, 109].

Пример хорошо показывает, что и в фольклоре одного и того же народа, в данном случае хауса, сюжет может бытовать с разными концовками.

№ 10. ¹ Ср. индийский рассказ «Корабельщик-плут» [48, 237]: корабельщик захотел присвоить товары купца. Судья, чтобы испытать их, предложил обоим продать товары с убытком. Настоящий хозяин на это не согласился. Ср. также № 11.

№ 13. ¹ Плоды дерева дорава обычно кладут в похлебку.

² Перец кимба используется как приправа к кушаньям и как слабительное.

³ Тазаргаде — ароматная трава, используемая для изготовления лекарств.

№ 15. ¹ ВС 1546А * Ср. польскую сказку «Простачок распознает, где ложь, где правда» («Польские народные легенды и сказки». М.— Л., 1965, с. 276); индийскую «Правитель Манипура испытывает Бирбала» [48, 209]. Аналогичный персидский анекдот объясняет происхождение поговорки «*Не совсем был самец*». Здесь хозяин верблюда, чтобы разоблачить человека, желавшего присвоить животное, накрыл его попоной и спросил, самец это или самка. Человек ответил «самец», а верблюд оказался самкой. Человек, растерявшись, сказал: «И мой верблюд был не совсем самец». Поговорку приводят, когда кто-нибудь, попавший в неловкое положение, пытается оправдаться [86, 186].

Ср. также уйгурский анекдот «Приметы коня»:

«Один бай обвинил афанди в том, что тот украл его лучшего коня. Афанди не сознавался:

— Конек у меня есть и, действительно, неплохой. Но он мой собственный.

Потачил бай ходжу решать спор к казию.

— Какие приметы у вашего коня? — спросил судья у бая.

Округлил тот свои маленькие глазки, надул щеки и говорит важно:

— Если ветер дул с правой стороны, то грива у моего коня всегда была с левой, если ветер дул с левой стороны, то грива у коня всегда была с правой. Есть еще примета. Когда конь пьет воду из арыка, то обязательно запачкает ноги глиной.

Посмеялся афанди над такими «приметами», побежал домой за конем. Привел, держит за уздцы коня, грива которого коротко подстрижена и дыбятся, ноги лоснятся.

— Как видите,— обратился казий к баю, беспомощно разводя руками,— ни одна из ваших примет не сходится» [136, 39].

Из текста не совсем ясно, чей это все-таки был конь: хитрец афанди мог «подготовить» украденного коня, т. е. подкоротить ему гриву и проч.,

посмеявшись над глупцом, который не смог назвать более убедительных примет. В таком случае, если арабский вариант представляет собой трансформу «а» (настоящий хозяин знает свое имущество и сможет это знание доказать перед судом — см. также № 13, 14), то уйгурский можно считать трансформой «б».

№ 17. ¹ Аналогичная сказка африканской народности мунги [153, 333] имеет другую концовку: там кролик, хитростью забравший поле у куропаки, отдает часть урожая судье, вынесшему приговор в его пользу; затем по пути пытается убить судью, но неудачно; испугавшись последствий, хитрец сам убегает, оставляя судье весь урожай.

В сказке народности тем (Того) паука, ставший благодаря своей хитрости владельцем поля, покупает у ограбленной им ящерицы еще и ее одежду, сделанную из мух; мухи разлетаются, он остается голым, и для всех, кто только что вынес приговор в его пользу, это оказывается доказательством его неправоты [153, 145].

№ 19. ¹ Нзамби— мать-прародительница всего сущего, олицетворение земли у баконго.

№ 20. ¹ Ср. сказку хауса «Трудная задача» [109, 205], узбекск. «Разделил по совести» («Похождения Ходжи Насреддина», Таш., 1965, 218), азерб. [23, 91].

К числу сказок о хитроумном дележе имущества можно отнести и широко известный сюжет о дележе одного или нескольких гусей на семью (АА * 1580; ногайск. «Находчивый бедняк» [77, 36], ассирийск. «Дележ гусей» [57, 233]).

№ 24. ¹ АаАн * 222В. В комментарии к сборнику [17, 437] указывается на исследования И. Левина, который проследил историю сюжета на основе всех доступных (около трехсот) вариантов этого повествовательного типа, «одного из древнейших, засвидетельствованных уже в аккадской литературе произведений словесности».

№ 25. ¹ Ср. ассирийск. сказку «Как братья топор делили». Там сюжет имеет продолжение:

«Когда дело дошло до топора, братья призадумались. Наконец один из них догадался: „Положим топор в воду и будем молчать до тех пор, пока он не размякнет“.

Так и сделали. Говорят, что братья все еще молчат: ждут, когда придет время делить топор» [57, 49].

№ 26. ¹ Компромиссное решение подобного типа приписывается Соломону в одной из мусульманских легенд о его судах. Вот как пересказывает ее А. Н. Веселовский: «Соломону было всего 13 лет, когда к отцу его пришли два человека судиться. Истец купил у ответчика землю, в которой, копя погреб, нашел клад; он требовал, чтобы ответчик взял себе этот клад, так как он покупал у него только землю; а тот отнекивался, говоря, что не имеет на это права. Давид решил, чтобы каждый взял себе половину; но Соломон вздумал иначе: он велел женить сына истца на дочери ответчика и клад отдать им» [4, 97]. Ср. также № 27.

№ 35. ¹ Ср. афганскую сказку «Восемь лепешек» [107, 133].

№ 36. ¹ В кхмерской сказке аналогичного содержания «Кошка и пожар на корабле» [89, 266] судья-король выносит иное решение: три четверти ущерба возмещает тот, кто отвечал за большую лапу кошки, четверть ущерба распределить между тремя остальными, отвечавшими за три здоровые лапы.

№ 38. ¹ В старом Китае военные чиновники имели более низкое социальное положение, чем штатские.

№ 42. ¹ См. примеч. к № 53.

№ 45. ¹ Сюжет требует пояснения относительно кастовой системы, сложившейся в древней Индии. Выделялись четыре большие группы каст,

так называемые варны: шудра, охватывающая рабов и некоторые категории крестьян и ремесленников; вайшья, объединяющая различные торгово-промышленные касты, кшатриев — воинские касты и брахманов — различные категории жрецов. Решение раджи более подробно обосновано в другой версии: «Как это шудре-ткачу отдать в жены кшатрийку? И как это можно выдать ее за вайшью? Да и на что годится его знание языка зверей и прочих? А на что годится этот брахман, уронивший себя тем, что забыл о своем призвании, воображающий себя героем и живущий колдовством? Поэтому надлежит ее отдать только кшатрию... равному ей по касте и прославленному своим искусством и доблестью» [126, 164]. Равенство по касте — песочницей главным критерий.

Ср. также абхазскую сказку «Три героя» [17, 23], где трое претендуют на девушку-пленницу. Судья, вызвавшийся решить спор, предлагает каждому рассказать о своих подвигах. Предпочтение отдается герою, оживившему мертвеца.

№ 46. ¹ Ср. АaTh 945-Пв. Очень распространенный сюжет, восходящий к древнеиндийскому источнику. Схема его может варьироваться. Так, в ассирийском [57, 211], язгулямском [117, 44] и персидском [102, 21] вариантах спорят только трое (отсутствует золотых дел мастер). В кхмерской сказке «Четыре волшебника» [89, 262] первый претендент наделил колоду человеческим обликом, второй — красотой, третий превратил дерево в плоть, четвертый вдохнул в нее жизнь.

Если принять решение белуджской сказки (невеста принадлежит тому, кто дарит одежду; таково же решение в язгулямском варианте [117, 44]) за трансформу «а», то в других версиях мы встретим решения, опровергающие эту логику (трансформа «б»).

Так, в ассирийской сказке «Три друга» [57, 211] судья решает отдать женщину священнику, по просьбе которого бог вложил в статую душу, а остальным лишь оплатить работу («б₁»). Такое же решение в абхазской сказке «Кому из нас она принадлежит?» [17, 86] выписот «сельское правление». Ср. это с решением судьи в индийской сказке «Кукла» [112, 154]: плотник, сделавший куклу, и брахман, ожививший ее, будут девушке отцами, портной, спиравший ей одежду, — дядей (ибо дарить одежду к свадьбе — обязанность дяди); мужем становится тот, кто подарил ей драгоценности (ибо драгоценности обычно дарит невесте жених). Разница решений, видимо, зависит от различий в обычаях, характере дарения свадебных подарков (трансформа «б₂»). В названной кхмерской сказке решение короля судьи таково: первый заменит девушке мать, второй (т. е. тот, кто наделил изваяние красотой) будет ей мужем, третий — братом, четвертый — отцом («б₃»).

Трансформа «в» (все имеют право на девушку или никто не имеет на нее права) представлена в разных вариантах. Так, в одной персидской версии [102, 21] дочь падишаха последовательно признает правоту каждого из трех претендентов («в₁»). В другом персидском варианте [50] к четырем претендентам вначале последовательно присоединяются все, кого они приглашают в судьи (странник, правитель, городской судья). Наконец некий старец предлагает «божий суд»: все семеро поискателей отправляются к «дереву судей», прихватив с собой женщину. «Изложили они обстоятельства дела и попросили решения. Тотчас же дерево раскололось, невеста эта вошла в дупло и исчезла в нем. Из листьев же дерева послышался голос, который возвестил: «Всякая вещь возвращается к первоисточнику своему» [50, 62]. Это трансформа «в₂».

Во всех случаях нетрудно представить себе бытование сюжета в виде дилеммы, когда решение требует от слушателей (трансформа «г»). Автор комментария к абхазскому варианту приводит сведения, сообщенные ему А. Е. Бертельсом: «На Ближнем Востоке сюжет обособился и рассказывается

как веселый анекдот или как «сказка», между тем исконно это притча для пояснения высоких теософских истин. В этом понимании сюжет бытовал у исмаилитов Средней Азии, преимущественно в рукописях мистиков» [17, 463]. Ср. также № 48, 49 и комментарий к ним.

№ 47. ¹ Знаменитый рассказ, восходящий к древнеиндийской версии. Первая фиксация этой легенды встречается в санскритском сборнике XII в. «Шукасапатаи». В XIV в. она переводится на персидский язык и через Иран распространяется по многим странам Востока, появляется на арабском, турецком и других языках. В Среднюю Азию сюжет проникает также и из Индии. См. индийские версии [44, 65]; [126, 149].

№ 48. ¹ Рассказ восходит к древнеиндийской версии. (Ср. [44].) В индийском варианте девушка не кончает с собой, а умирает «по воле судьбы». «Когда ее сожгли, то один из брахманов тем пеплом свое тело посыпал, волосы в знак подвижничества в косу заплел и отправился странствовать. Другой брахман собрал ее кости и пошел по разным святым местам. Третий же на месте ее сожжения хижину построил и там... жил». (У Сомадевы именно этот третий, а не первый назван подвижником.) В дальнейшем подвижник находит средство оживить девушку (волшебную книгу) и возвращается к месту ее сожжения. «Другой брахман, посетив разные святые места и омыв ее кости в священных водах, тоже туда явился. А третий, карауливший место сожжения, и так был там. И вот второй и третий, собрав кости и прах, сделали фигуру Мандаравати, а подвижник прочел мантру из принесенной им книги и таким образом оживил ее». Решение возникшего спора напоминает притвор непальских судей: «Тот, кто мантру прочел, отец для нее, так как он ее воссоздал. Тот, кто кости ее по святым местам посыл, — ее сын, ибо выполнял он сыновний долг. Тот же, кто прах ее охранял, муж ей, так как он заботился о ней» [44, 37—38]. У Сомадевы объяснено подробнее: «Кто на ложе из ее пепла, обняв ее, совершал подвижничество на кладбище, по любви к ней, и должен быть ее супругом, потому что все, что он совершил, глубокой любовью вызвано» [126, 133]. Ср. № 46, 49.

№ 49. ¹ Таксила — город в древней Индии, славившийся буддийскими храмами и монастырями.

² Такое же решение выносится в аналогичной вьетнамской сказке «Трое умельцев» [37, 40].

Ср. распространенный фольклорный сюжет об искусных друзьях (чаще братьях; AaTh 653). Силезские, вестфальские, датские, шведские, исландские, бретонские, итальянские, греческие, болгарские и иные варианты приводят И. Больте и Г. Поливка (J. Bolte, G. Polivka. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd 3. Lpz., 1918, с. 45). Вот, например, одна из немецких версий: «У крестьянина три сына, один из них звездочет, другой — вор, третий — охотник. Звездочет узнает о девушке, похищенной драконом, вор выкрадывает ее с острова, где она заточена, а охотник убивает дракона. Затем братья начинают спорить, кому из них девушка должна достаться. Бросают кости, и жребий падает на охотника» (своеобразный вариант «божьего суда»). Близкие варианты приводятся в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева [76, № 145—147, 561]; здесь, однако, братья ищут царю (Елену Прекрасную) по приказу царя. В одном из вариантов девица достается вору [№ 145], в остальных — царю. П. А. Гринцер указывает на проникновение сюжета и в письменную литературу. Он встречается, например, в «Усладительных почках» Страпароллы, где спор о девушке ведут солдат, плотник и знаток птичьего языка (примеч «до сих пор еще дело ожидает своего разрешения»), у Базиля в «Пентамероне», а также в персидской, турецкой, монгольской обработках. «Во всех пересказах мы имеем дело с типичным случаем «казуса». Внимание читателя заострено на завершающем сказку споре; решение же спора самое раз-

лично... Такая структура сюжета с очевидностью указывает на его индийское происхождение» [6, 221—223].

№ 50. ¹ Известны различные сказочные сюжеты о соревнованиях за право получить руку невесты; если это царская дочь, одновременно испытывались способности будущего правителя. В связи с этим уместно привести замечание Дж. Фрэзера: «Очень возможно, что эти предания отражают действительно существовавший обычай соревнования за невесту. (Фрэзер конкретно имеет в виду соревнования в беге, но в дальнейшем упоминает и другие состязания.— М. Х.) ...Возможно, это было пережитком... древнего брачного обычая, предназначенного испытать достоинства кандидата в мужья. С особой строгостью такое испытание должно было применяться к будущему царю» [13, 181—182].

№ 52. ¹ Пзамби Мпунгу — божество, олицетворяющее небо, гром, тучи. № 53. ¹ AaTh 653A. Чрезвычайно распространенный сюжет, восходящий к древнеиндийскому источнику. Наиболее типичная общая схема сюжета такова: спор возникает между несколькими (чаще всего тремя) соперниками, влюбленными в одну девушку. Наиболее распространенный вариант: один становится обладателем волшебного предмета, позволяющего видеть на расстоянии (зеркало — погайск. [77, 27], шугнанск. [117, 34], язгулямск. [117, 44], белудж. [100, 49], адыгейск. [99, 24], абхазск. [17, 21], казахск. [60, 147]; очки — ганда [109, 170]), другой получает волшебное транспортное средство, способное мгновенно переносить в нужное место (ковер — погайск. [77, 27], белудж. [100, 49], адыгейск. [99, 24], абхазск. [17, 21], казахск. [60, 147]; катапульта — ганда [109, 170], прядильное колесо — язгулямск. [117, 44], верблюда — шугнанск. [117, 34]); третий становится владельцем лекарства или волшебного средства, способного излечить больную и даже оживить умершую (яблоко — погайск. [77, 27], абхазск. [17, 21], казахск. [60, 147], снадобе — ганда [109, 170], чаша с водой — шугнанск. [117, 34] и язгулямск. [117, 44], бисер — белудж. [100, 49], кубан — адыгейск. [99, 24], хлыст в приведенной сказке ашанти и т. п.). В других версиях соперники становятся обладателями не волшебных предметов, а волшебных качеств или просто искусными мастерами своего дела. Так, в таджикской сказке [127, 203] спорят гадалщик (узнавший о болезни), знахарь (вылечивший девушку) и мастер, сделавший волшебного коня; в ассирийской — искусный астроном, узнающий о болезни по звездам, инженер, верно определивший расстояние, и врач [57, 212]); ср. также амхарск. [22, 67].

Вопрос ставится так: кто из претендентов имеет право взять девушку в жены?

Сюжет, по существу, представляет собой загадку, ответ на которую иногда не дается, иногда дается в самом тексте. Эти ответы (решения, приговоры) бывают самые разнообразные и в совокупности демонстрируют возможность любых логических схем.

В казахской сказке «Как дочь хапа выбирала себе мужа» [60, 147] девушка выбирает того, кто оживил ее яблоком, объясняя: «Ваши подарки (волшебный ковер и зеркало.— М. Х.) я могу возвратить, а его — нет: яблоко я съела». Та же логика в абхазской сказке; здесь жених сам лукаво предлагает: «Я уступаю вам девушку... Только извлеките мое яблоко из невесты и целиком дайте мне». Поскольку это невозможно, невесту присуждают ему. То же — в погайской сказке [77, 27], в тувинской [131, 171]: выбирается тот, кто понес невозвратимый убыток, т. е. добывший лекарство. В шугнанской версии [117, 34] девушка выбирает сама: «Я люблю того, кто меня оживил». В язгулямской [117, 44] предпочтение также отдается обладателю целебного средства, но без объяснений, как само собой разумеющееся; то же и в таджикском варианте [127, 201]: естественным кажется присудить девушку знахарю.

Между тем в других вариантах не менее естественными кажутся другие

обоснования. Так, в сказке белуджей «Три чудесных подарка» судьи ссылаются на закон: «По закону девушка должна принадлежать тому, кто увидел ее в зеркале. Ибо он увидел ее в последний момент, когда женщины обмывали ее тело» [100, 50]. К этому же типу решений принадлежит приговор в ассирийской сказке «Три брата»: «Врач спас девушку, ему надо за это заплатить. Инженер верно определил расстояние, ему тоже надо за это заплатить. Но астроном предсказал, что, если врач вовремя не придет, девушка умрет. Следовательно, это он спас жизнь девушки и она должна принадлежать ему» [57, 214].

В казахской сказке «Спор братьев и решение Шукоте» [62, 86] мудрец решает, что вся сила — в верблюде, доставившем женихов к невесте; его решение расценивается как справедливое. Т. е. приговор выносится в пользу владельца транспортного средства. Если первое решение (в пользу владельца лекарства или целительных способностей) обозначить как логическую трансформу «а», то два других могут быть обозначены как «б₁» и «б₂».

Но возможны и другие логические решения (трансформа «в»): девушка должна принадлежать всем одновременно («в₁») или никому («в₂»). В сказке народности гада «Очаг» [109, 170] девушка говорит претендентам: «„Вы все трое меня спасли. Значит, мы не должны расставаться. Будем жить вместе. Я буду готовить вам пищу“.— И только она это сказала, как превратилась в горшок, в котором готовят пищу, а трое юношей превратились в три камня». (Этиологическая концовка объясняет устройство очага.) В сказке народности палу (Бисау) невеста заявляет претендентам: «Если я выйду замуж за одного — поссорю его с двумя другими. Поэтому я вам всем буду старшей сестрой, а вы женитесь на трех моих младших сестрах» [111, 124]. Все очень довольны таким решением. В адыгейской сказке «Чья заслуга больше?» [99, 24] конфликт заканчивается тем, что, пока братья судились, девушка снова заболела и умерла. Ср. также № 51, где девушку делят на три части. Эта сказка предлагает вообще своеобразный вариант сюжета: девушку сначала оживляют, затем переносят с помощью волшебной пиповки в другое место.

Наконец, приведенная в сборнике сказка ашанти демонстрирует образец трансформы «г» — сказку-дилемму. Как уже говорилось (см. вступительную статью), такие сказки рассказывались слушателям как загадки и в принципе могли закончиться любым приговором. Конечно, характер его зависит от религиозных и других представлений. Так, в индийских сказках важным для приговора является равенство или неравенство по касте (ср. № 45), представление о возможности других рождений и т. п.; у мусульманских и других народов, где принято многоженство, возможны своеобразные решения типа «в». Но и в сказках одного и того же народа возможны разные решения. Выше приводился пример таких решений в двух казахских вариантах. В либерийской сказке «Прекрасный юноша» [96, 10] четыре женщины оказывают услуги юноше и не могут решить, кто должен стать его женой. Сказка так и заканчивается вопросом. В другой либерийской сказке почти такого же содержания, «Браслет вождя» [143, 103], спора даже не возникает: все четыре женщины становятся женами юноши; лишь после его смерти сыновья, затеяв спор о наследстве, обосновывают свои преимущественные права особыми заслугами матерей.

№ 54. ¹ Апуннаки у шумеров и вавилонян — духи земли, порожденные богом Аном и подчиненные старшим пятидесяти богам.

² Дуку — дом богов.

³ Эпки — шумерский бог мудрости.

⁴ Полба — вид пшеницы.

№ 59. ¹ Плавающие поля — поля, устроенные на небольших плавающих островах озера Инлей (очень распространены у народности инта).

№ 60. ¹ Ананси — имя паука, популярного героя фольклора ашанти.

№ 62. ¹ Сказка (позднего происхождения) отражает реальность колониальной эпохи, когда вожди не выбирались, а назначались колониальной администрацией.

№ 64. ¹ АА 9.

№ 65. ¹ Ср. АаTh 1332. Ср. узбекскую сказку «Два дурака» [38, 53]; непальскую «Кто глупее», а также кхмерскую «Четыре глухих жениха» [89, 286], где глупейшим признается тот, на чьем теле сохранились следы, подтверждающие историю о его глупости.

№ 66. ¹ Муладева — популярный образ плута, выступающий во многих индийских сказках.

² Бхутаваса — «жилище бхутов». Бхуты — злые духи, прислуживающие богу Шиве.

№ 67. ¹ АаTh 653. Ср. сказку ашанти «Почему на небе есть луна» [109, 55]. Там шестеро братьев, обладающих разными чудесными свойствами («тот, кто умеет предугадывать беду», «строитель дорог», «умеющий осушать реки», «потрошитель дичи», «метатель камней», «лежащий на земле, как подушка»), спасают отца, который упал в реку, был проглочен рыбой, а затем унесен ястребом. В награду наиболее отличившемуся предначалась луна. «Ньяма, бог неба, так и не мог решить, кто из них достоин награды. Он долго слушал спор. Наконец это ему надоело, он встал со своего места, поднялся на небо и увес с собой луну. Вот почему луна теперь на небе» (трансформа «в»). См. также № 68 и комментарий к нему.

№ 68. ¹ Ср. либерийскую сказку «Хлыст из коровьего хвоста» [109, 164]. Там отец братьев пропадает без вести в лесу, и лишь много времени спустя самый младший, родившийся уже без отца, вспоминает о нем. Старшие, проявляя каждый свои чудесные способности, находят в лесу кости отца, собирают их, одевают мускулами, наполняют тело кровью, возвращают дыхание, наделяют силой движения и даром речи. Но награду наиболее отличившемуся, хлыст из коровьего хвоста, получает младший, который первым вспомнил о нем: «И до сих пор в тех местах можно часто слышать поговорку: „Человек жив до тех пор, пока о нем помнят“». Ср. также № 67 и комментарий к нему.

№ 70. ¹ Разнообразные споры о превосходстве, особенно если наградой был трон, рука принцессы или другие привилегии, заставляют опять вспомнить «Золотую ветвь» Дж. Фрэзера (см. примеч. к № 50). «В некоторых случаях право на руку принцессы и на трон, видимо, оспаривалось в состязании. Ливийцы Алитемпия награждали царством быстрого бегуна. У древних пруссов претенденты на дворянство на конях скакали к королю, и тот, кто прибыл первым, получал дворянство. Самые первые Олимпийские игры, по преданию, были проведены Эндимионом, который устроил своим детям соревнование в беге, а призом в этом соревновании сделал царство». И далее, говоря о смысле разнообразных спортивных испытаний при отборе претендентов, Фрэзер замечает: «Такое испытание должно было применяться к будущему царю, чтобы никакой телесный недостаток не лишил его возможности исполнять священные обряды, от которых, согласно поверьям, безопасность и процветание общины зависели больше, чем от исполнения гражданских и воинских обязанностей» [13, 181—182]. Возможно, какие-то отголоски этих архаических обычаев нашли отражение в сказочных сюжетах о состязаниях.

№ 71. ¹ Знаменитый рассказ, имеющий много соответствий в мировом фольклоре. Ср. кхмерскую сказку «Взял топор — вернул топор, взял горшок — вернул горшок» [89, 315]. Ср. АаАн 613.

² Кар — область, принадлежавшая египтянам, на крайнем юге их владений в Нубии.

³ Эннеада — боги города Гелиополя: Ра-Атум, породивший бога воздуха

Шу и его жену Тефнут, от которых произошел бог земли Геб и богиня поба Нут, и дети последних: Иснда, Сет и Нефтида.

⁴ В сказке нашли свое отражение реальные правовые нормы древнего Египта, в частности тот факт, что «потерпевший должен был в своей жалобе указать как наказание, которое, по его мнению, полагается виновному, так и размер вознаграждения, которое он высказывает» [8, 64].

⁵ Остров Амона (Пауамон) — одно из названий центра XVII нома Нижнего Египта, современный Эль-Баламул.

⁶ Очевидно, имеются в виду горы, окаймляющие долину Нила.

⁷ Великая река — основное русло Нила.

⁸ Амон почитался в Египте как царь богов.

№ 72. ¹ «На хранение в древней Индии отдавались самые разнообразные движимые вещи... В случае, когда принявший на хранение не возвращал предмета хранения добровольно, он допрашивался судьей, который при отсутствии свидетелей должен был проверить его честность... Принявший на хранение не отвечал перед собственником, если предмет хранения был украден или унесен водой. Он отвечал только тогда, когда брал что-либо для себя из принятых на хранение предметов» [8, 113].

Ср. персидский вариант этого же сюжета в «Тути-паме» [50]. Здесь старик похищает сыновей обмашника-ювелира и заявляет, что они превратились в медведей. На суде он показывает медвежат, предварительно выдрессированных; медвежата ласкаются к ювелиру; суд решает, что превращение действительно могло произойти; ювелир возвращает похищенное.

В другой персидской версии [102] помочь пострадавшему берется шут Бахлул. Он добивается назначения на должность «шаха мышей» и начинает преследовать мышей, «съевших железо». Для этого он велит землеопам подрыть сначала дом кадия, высшего абсурдный приговор, затем дом самого обманщика. И тот и другой, чтобы отделаться от Бахлула, письменно заверяют, что мыши железа не едят. С этими заявлениями в руках Бахлул добивается пересмотра дела в пользу пострадавшего.

Ср. также ассирийскую сказку «Когда мыши грызут железо» [57, 75]; здесь конфликтующие стороны выясняют отношения без суда.

№ 73. ¹ В местности Мамаисара, где был записан этот текст, круглые хижины имеют два этажа. Верхняя часть, поддерживаемая сваями, служит спальней, внизу располагается очаг, и на ночь сюда же, за ограду, загоняют скот.

² В предыдущих историях это была обычная проделка Лая: коровы разбивали горшок с медом и хитрец в возмещение требовал от хозяина корову.

№ 79. ¹ Ср. казахскую сказку «Старик и его дочка» [58, 193].

№ 84. ¹ Как можно понять из дальнейшего, речь идет о изображении луны.

№ 89. ¹ См. вступительную статью. Ср. близкий по смыслу рассказ, объясняющий происхождение русской пословицы «Вора выдала речь».

У митрополита Платона украли хомуты. Он распорядился созвать всех на молитву и, войдя, обратился к ним с вопросом:

«— Усердно ли вы молитесь?»

— Усердно, владыко.

— Все ли вы молитесь?»

— Все молимся, владыко.

— И вор молится?»

— И я молюсь» [9, 43].

Ср. также рассказ сенегальского писателя Бяраго Диопа «Суд». Муж прогнал жену, потом захотел ее вернуть. Жена отказалась вернуться к человеку, который ее прогнал. Муж заявил, что не прогнал ее. Судья, к которому они обратились, после молитвы быстро спросил: «Где тот чело-

век, который отказался от жены?» — «Я». — «Твой язык опередил твои мысли» [33, 16].

№ 90. ¹ Ср. аналогичные анекдоты: узбекский «Волшебная палка» [53, 103], индийский «Вор» [54, 98].

№ 91. ¹ Ср. ассирийскую сказку «Вор» [57, 242].

№ 93. ¹ Подслушивание разговоров тяжущихся как прием следствия: ср. китайскую сказку «Чей зонтик?» [68, 182], кхмерские «Как один парень влюбился в чужую жену» [89, 289] и «О человеке, который почевал в здании суда» [89, 307] и др. В сенегальской сказке «Мудрость Мадиакате Калы» [95, 223] человек, взявший на хранение деньги, отказывается их отдавать. Его и истца по очереди заставляют носить тяжелые погребальные носилки; спрятавшиеся в них люди подслушивают разговоры и устанавливают истину.

№ 95. ¹ Ср. афганскую сказку «Мудрый судья» [107, 147], персидскую «Свидетель» [85, 50], казахскую «Верное решение» [62, 315], индийскую «Дерево-свидетель» [48, 200], узбекскую «Дерево-свидетель» [53, 88], турецкую «Показания дерева» [25, 238] и др.

№ 97. ¹ Одна из популярных сказок, связанных с именем справедливого судьи Бао Чжэна, или, как зовут его в народе, Бао-гуна, господина Бао. В эпоху Сун в Китае действительно жил такой неподкупный судья, дела которого описываются в династической хронике. Народные предания рисуют его как заступника обиженных и пострадавших. (См. также вступительную статью.)

№ 98. ¹ AaTh 976, 976A. Ср. персидскую сказку «О туркмене, ларце с драгоценностями, слепом верблюде и судье» [87, 458], туркменскую «Три спорщика» [90, 327], непальскую «Кто вор» [46, 333], кхмерскую «Как отшельник на золото позарился» [89, 270.] уйгурскую «Мудрый старец» [135, 247], казахскую «Суд бия Бальтея» [62, 294]. В курдской сказке «Три Ахмада» [70, 68] находят не вора, а незаконнорожденного.

В Европе особую популярность сюжет приобрел благодаря Боккаччо, который использовал его в «Декамероне» (день десятый, новелла пятая). Мадонна Дианора, жена Джильберто, обещает мессирю Ансальдо стать его любовницей, если тот создаст в яшваре цветущий сад. Ансальдо при помощи некроманта выполняет ее желание. Джильберто требует, чтобы жена исполнила свое обещание, но Ансальдо, узнав о великодушии мужа, отпускает Дианору, а некромант отказывается от платы за свое искусство. Слушателям предлагается решить, кто из них великодушнее. Этот вариант не связан с отысканием вора; тем не менее П. А. Гринцер связывает его с формой «казуса» (см. вступительную статью). Упомянув о других вариантах сюжета (шотландском, русском, турецком, арабском), он пишет: «У нас нет прямых данных, откуда непосредственно заимствовал содержание своей новеллы Боккаччо... но структура новеллы, композиция и форма сказки... все это указывает на то, что родину данного сюжета мы должны искать в каком-либо из литературных памятников древней Индии. Таким памятником оказываются „Двадцать пять рассказов Веталы“, где мы и находим оригинал рассказа (Вет. Шив., 9; Вет. Джамбх., 10). Дочь купца обещала одному юноше, что в брачную ночь она придет к нему. Муж, которому она об этом рассказала, отпустил ее. По дороге ее захотел ограбить вор... но затем, пожалев, не тронул. Юноша также пощадил ее и сразу же послал обратно домой. На вопрос Веталы, кто самый великодушный, Викрамадитья в рецензиях Шивадасы и Джамбхаладатты дает разные ответы: в первой он называет вора, во второй — мужа. Здесь перед нами форма „казуса“ в чистом виде. Остальные восточные и западные версии и варианты, сохранившие его своеобразную структуру, тем самым бесспорно обнаруживают свое индийское происхождение» [6, 226—227].

Ср. также язгулямский вариант [117, 44], персидский [50, 101]. Интере-

сен приговор в таджикской сказке «Красивая и умная Фарихтамох». Если во всех других вариантах предпочтение отдается кому-то из мужчин, здесь женщина-слушательница замечает: «Вы очень узко мыслите!.. Вы забыли о преданности девушки. Ведь, чтобы остаться верной, она сделала все, что могла, и при этом проявила редкую храбрость. Разве прославляемая вами человечность в поведении девушки ничего не значит?» [127, 212]. В систанской сказке «Братья-прорицатели» аналогичную историю рассказывают трем братьям, спорящим о наследстве, чтобы рассудить, кто из них вправе претендовать на большую долю. Двое старших заявляют, что они тоже отпустили бы девушку. Иное дело младший. «Я никогда не отказываюсь от куска, который сам мне в рот лезет». — «Значит, ты и хочешь большую долю в наследстве, — говорит девушка (взявшаяся их рассудить. — М. Х.). — Возьми вместо этого меня в жены» [101, 148]. Наследство, впрочем, поделили поровну.

Разнообразие суждений и приговоров как внутри одного сюжета, так и в разных его версиях особенно наглядно подтверждает мысль, как несходны могут быть у разных судей представления о справедливости, благородстве, человечности и т. п.

№ 99. ¹ Ср. китайскую сказку «Умный крестьянин» [67, 229], персидский анекдот «Дровосек и прохожий» [85, 55] и др.

№ 100. ¹ АaTh 655. Ср. персидский народный рассказ «О туркмене, ларце с драгоценностями, слепом верблюде и судье» [87, 458], сказку хауса «Владелец верблюдицы и три мальчика» [122, 58], таджикскую «Три мудрых брата» [127, 220], индийскую «Пропавший верблюд» [162, 28]. Особую проницаемость проявляют герои ягзулянской сказки «Три мудрых брата»: они узнают не только приметы пропавшего верблюда, но описывают женщину, сидевшую на нем. Этот мотив встречается сравнительно редко, поэтому стоит его привести:

«— Откуда же вы узнали, что на верблюдице ехала верхом женщина?»

Братья ответили:

— Один раз она слезала, чтобы присесть у кустика, а женщины делают это не так, как мужчины.

Судья спросил:

— А откуда вы узнали, что женщина была беременной?

— Если бы она не была беременной, она бы прямо поднялась с корточек, а она опиралась на руки.

Судья спросил:

— А откуда вы узнали, что в животе у нее мальчик?

Братья ответили:

— Если бы она была беременна девочкой, она опиралась бы больше на левую руку, а поскольку это был мальчик, она на правую руку оперлась» [117, 333].

В абхазской сказке «Три брата» [17, 66] герои называют приметы вора, не объясняя, как им это удалось (и само воровство произошло давно). Это дало основание комментаторам говорить о плохом изложении сюжета. Между тем известны варианты, где фигурируют не следопыты, а ясновидящие; такова, например, систанская сказка «Братья-прорицатели» [101, 11]. Видимо, и абхазская сказка относится к этому варианту. В обоих случаях братьям приходится еще раз подтверждать свою способность к ясновидению у судьи (в систанском варианте — у царя).

№ 101. ¹ Раздельный допрос как прием следствия известен еще из Библии (ср. № 102). Сходную логику доказательства можно увидеть и в древнеиндийском сюжете «Рубин» (№ 146): жесвители не могут вылепить форму камня, которого никогда не видели.

№ 102. ¹ Ср. арабскую сказку из сборника «1001 ночь» «Рассказ о женщине и лживых старцах». Сюжет заканчивается приговором Аллаха:

«И Аллах великий низвел карающую молнию, и она сожгла обоих стариков» [134, 116].

№ 103. ¹ Пекинский диалект («язык мандаринов») — официальный язык пекинских чиновников. В рассказе обыгрывается гомофония китайских слов: небольшие неточности в произношении искажают весь смысл. Глупец, не понимая этого, думает, что речь идет о разновидности магических формул. В ряде вариантов этого рассказа обыгрывается чрезмерная изощренность официального языка, из-за которой простой крестьянин неверно употребляет слова.

№ 104. ¹ Ср. чеченскую сказку «Как молла доказал свою правоту» (№ 99), где притворяется немым действительно невиновный, чтобы доказать свою невиновность.

№ 105. ¹ Амида (Амитаба) — буддийское божество.

№ 108. ¹ Амапрми — зооантропоморфное чудовище; у ираку — чаще всего в виде огромной женщины с хвостом, которая пожирает людей и зверей.

№ 109. ¹ Ср. аналогичные рассказы: индийский «Лавочник-мошеник» [48, 166], еврейский «Находчивый мальчик» [112, 121] и др. См также прим. к № 113.

№ 112. ¹ Этнографической основой сюжета является анималистический культ деревьев. Ср. № 113 и примечания к нему.

² Лянг — старая мера веса, более 37 г.

³ Ученый старец — имеется в виду ученый-конфуцианец.

№ 113. ¹ Ср. сходную индийскую сказку «Мудрый судья» [112, 181], китайскую «Как пытали каменную плиту» [68, 179]. В обоих случаях пытаются камень, смеющихся зрителей штрафуют, деньги опускают в воду и по следам жира находят вора (ср. № 109, 112).

№ 119. ¹ Рассказ восходит к древнеиндийскому источнику; ср. [44, 39]. «Двадцать пять рассказов Веталы» послужили также основой для монгольско-ойратского варианта этого сюжета («Волшебный мертвец». П. — М., 1923).

² Серендиб — остров Цейлон.

³ Холладж — очень популярный на мусульманском Востоке мистик-еретик, почитаемый многими как подвижник.

№ 125. ¹ Ср. аналогичный турецкий анекдот [25, 41].

№ 127. ¹ В старом Китае сын, ударивший отца, подлежал смертной казни.

№ 129. ¹ АаАн 1609. Ср. аналогичные рассказы: туркменский «Эпенди и торговец» [133, 145], хакасский «Как бедняк с богачом судился» [137, 103], ираку «Богатый и бедный» [155, 192], турецкий «Ходжа и еврей» [25, 35], узбекский «Небесный дар» [53, 86], суахили [98, 33] и др.

№ 131. ¹ Ср. аналогичные рассказы: индийские «Хитрый судья» [54, 100] и «Два мошеника» [48, 138], аварский «Умный мальчик» [19, 15], афганский «Старуха и мудрый судья» [107, 182] и др.

№ 133. ¹ Согласно представлениям китайской геомантики, в земле существуют так называемые «драконы жилы». Если кто-то похоронен в такой жиле, значит, его сына ожидает особый успех. Но так как министр уже добился наивысшего возможного для него чина, император усмотрел в его притязаниях опасность: не метит ли он на его трон?

№ 134. ¹ Ср. абхазскую сказку «Жадный мулла» [16, 260], индийские «Вероломный друг» [48, 180] и «Нечестный факир» [48, 175] и др.

№ 140. ¹ Ср. АаТн 875 В4. Мотив разоблачения на суде ложного и нелепого утверждения при помощи другого нелепого утверждения распространен в самых разных вариантах. Ср. сказку другой бирманской народности, чинов, «Маленький мудрец»: «Если креветки не могут взобраться на гору и есть плоды с верхушки смоковницы, то может ли олень попасть в

кашпан, поставленный на дереве?» [110, 93]; осетинские сказки «Дочь вдовы-ведуньи»: «Раз твой мерин может ожеребиться, то почему рыба из воды не может выбраться на сушу?» [81, 325], «Поп и жена алдара» [81, 86] (та же сентенция); амхарскую: «Если теленок мог появиться на свет от козы, то почему я не могу извлечь из камня прекрасную музыку?» [51, 234]; сказку баньянга: если козел может родить козленка, то и самец другого животного может родить [63, 217]. Свообразен вариант ангольской народности куаньяма «Лев и пакал»: Шакал попросил у Льва козла к своей козе, чтобы она могла родить козленка. За это Лев требует себе одного из двух родившихся козлят, а затем и обоих: «Если бы не мой козел, твоя коза не родила бы ни одного детеныша. Оба детеныша мои, потому что это мой козел их породил» [56, 12]. Как видим, требование не совсем абсурдно; однако на суде хитрая Черепаха пристыжает Льва типичной нелепицей: мой отец должен родить. Суд отвергает притязания Льва.

Существует целая группа аналогичных по характеру сюжетов, где рассказанная пелепица приводит к абсурду уже вынесенный несправедливый приговор и вынуждает его пересмотреть; один такой рассказ приведен в разделе «О последних приговорах»: см. № 236 и примеч. к нему.

141. ¹ В тексте дерево названо просто «свидетелем», но, по существу, речь идет, конечно, о «божьем суде» перед священным деревом. Известны разные варианты этого сюжета, где о сакральном характере обращения к дереву говорится вполне определенно (и судья, конечно, не удивляется, как может дерево быть свидетелем). Так, в негидальской сказке «Хитрец и Силач» Хитрец предлагает: «Пойдем,— говорит,— на мольбище, где приносим жертвы духам неба. И пусть небо укажет, кто же из нас хозяин» (спор идет о свинье). Затем Хитрец отправляется на мольбище. «Развел огонь под деревом, к которому они обычно приносили жертвы духам неба, сварил, как полагается, шшено. Затем вырыл под деревом яму и спрятал в эту яму свою мать» [118, 294]. Мать подает голос в пользу Хитреца, но обоим постигает возмездие: Силач тычет палкой в место, откуда слышен голос, и убивает мать Хитреца. Ср. также индийский рассказ «Отец на дереве» [84, 122], аварский «Ламарт и Чумарт» [19, 39], тибетский «Цзянбо и Гунба» [91, 41]. В разделе «О божьих судах» приведена сходная сказка народности диго «Слон и заяц», где подобная же хитрость удается безнаказанно (см. № 159 и примеч. к нему).

№ 142. ¹ Стремление опорочить свидетелей связано с существенной чертой мусульманского судопроизводства, согласно которому показания свидетеля, не пользующегося уважением, могут не иметь законной силы. «Законность свидетельских показаний в момент их дачи обуславливается следующими требованиями, которым должен отвечать свидетель: быть мусульманином, не ерегиком, быть в здравом уме, обладать правоспособностью, пользоваться уважением» [15, 119]. Ср. № 144.

² С точки зрения правоверного мусульманина, профессия музыканта является зазорной.

№ 143. ¹ Санталы — индийская народность группы мунда.

² Деко — так санталы именуют индуистов (кроме тех, кто относится к низшим кастам). Кошки-деко — презрительное прозвище индусов ростовщиков и торговцев.

³ Непереводаемая игра слов. Судья обращается к свидетелю на урду, служившем в конце прошлого и начале нынешнего века основным языком судопроизводства в Британской Индии. Свидетель путает заимствованный из арабского языка термин, имеющий значение «обстоятельство», с созвучным ему словом хинди, обозначающим соху.

⁴ Сал, асон и дхао — распространенные в Индии древесные породы, идущие на различные поделки.

№ 144. ¹ См. примеч. 1 к № 142.

№ 145. ¹ Ср. ВС 1423*.

№ 146. ¹ Ср. аналогичные сказки: калмыцкую «О пастухе Кэбюне и мудром сыне хана Зантяджа» [64, 137], афганскую «Три брата и рубль» [29, 192] и др.

№ 150. ¹ Разгадывание загадок в данном случае можно считать своеобразной разновидностью «божьего суда»; см. вступительную статью. Ср. абхазскую сказку «Судья» [17, 314].

№ 155. ¹ Мотив обманутого «божьего суда». Ср. также № 157, 158. Если утверждение «Божий суд не обманешь» («бог правду видит») принять за логическую трансформу «а» (см. № 147 и др.), то вышеизванные сюжеты представляют трансформу «б». Вьетнамский рассказ «Милосердный дух» (№ 151) демонстрирует двойственную логику: дух знает правду, но в то же время не наказывает виновного (трансформа «в»).

№ 157. ¹ Сходный сюжет был использован Сервантесом в «Дон-Кихоте» (см. вступительную статью). Одну из мусульманских версий суда, связанную с именем царя Давида, отца Соломона, описывает А. Н. Веселовский. Речь идет о чудесной трубе: кто, прикоснувшись к трубе, вызовет эстон, тот прав. Однажды к Давиду на суд пришли два человека. «Один жаловался, что другой взял у него жемчужину и до сих пор не возвращает. Но ответчик утверждал, что он ее отдал». Труба подтверждает правдивость каждого. После нескольких проб Давид заметил, что ответчик отдавал свою трость истцу всякий раз, как прикасался к трубе. Он догадался, что в этой трости и была спрятана жемчужина [4, 73].

№ 158. ¹ Янши — полубожественные существа; согласно легенде, они служат богу богатств Кубере и способны принимать любой облик.

№ 159. ¹ Заяц старается заручиться поддержкой термита, потому что его постройки находятся на поле и он считается сведущим в земельных вопросах.

² См. № 141 и примеч. к нему; там хитрость мнимого «бога» показывается. Несомненно, подобные сюжеты об обращении к деревьям как к божествам или духам отражают обычай обожествления деревьев, существовавшие в древности у многих народов мира. Дж. Фрэнсер посвятил этой теме целую главу своей «Золотой ветви» («Поклонение деревьям»). Приведенные здесь сказки отражают более современное, уже малопочтительное и даже юмористическое отношение к древним поверьям. Интересно в этом смысле сравнить кхмерскую легенду «Предание о Та Каеу и Та Тыне» и вьетнамскую сказку «Тигр, охотник и заяц», которые в данном сборнике не припадают из-за недостатка места. Во вьетнамской сказке хитрец заяц вызывает помочь охотнику и под большим баньяном изображает горного духа Янгконга. Когда охотник с тигром приходят к нему на суд, он дает каждому по стреле и предлагает пустить друг в друга, чтобы узнать, кто прав, кто виноват.

«— Не согласен,— зарычал тигр.— Охотник он на то и есть, чтобы метко стрелять. Наверняка он в меня попадет, и тогда мне конец.

Янгконг рассмеялся и сказал:

— Не бойся, тигр. Эти стрелы волшебные: они никогда не поразят тебя, если ты не виноват» [37, 164].

Охотник пользуется возможностью и убивает тигра. Между тем не прав в конфликте был, без сомнения, он. Интересно здесь то, что сказка юмористически, в каком-то смысле даже пародийно, переосмысливает ситуацию легенды, известной по кхмерскому сборнику. Там бог Индра, к которому апеллирует судья, совершает чудо всерьез: «одна стрела ушла высоко в небо, а другая вонзилась в грудь» виновного [71, 178].

№ 166. ¹ Синукан — верховное божество чампанго до принятия ими христианства; здесь старый языческий бог выступает в роли повелителя и законодателя зверей и птиц.

² «Судебный» вариант так называемой «кумулятивной» сказки, когда одно событие влечет за собой другое (ср. АЛ * 241 II); в данном случае один сваливает вину на другого; в таких сказках обычна этиологическая концовка. Ср. кхмерскую сказку «Почему у аиста голова лысая»: аист раздвинул перепеленку, потому что испугался цапли, которая, в свою очередь, испугалась баклана и т. д. Наконец цепочка обвинений опять замыкается на аисте; его в конечном счете и признают виновным и решают исклечь ему голову. «С той поры у аистов голова лысая» [71, 56]. Ср. также араканскую сказку «Лягушка и птичка хнапсоу» [110, 201], качинскую «Сова и белка» [110, 126], а также № 165, 167.

№ 167. ¹ Краб у некоторых африканских народов считается дарителем воды.

² Ср. № 166, а также кхмерскую сказку «Кто виноват», где всем участникам аналогичной истории была назначена соответствующая часть пени [89, 32].

№ 172. ¹ Один из вариантов сюжета о так называемых «судейских шутках» (АаTh 1861). Ср. рассказ, объясняющий происхождение русской поговорки «Рассуди — топором разруби».

«Судились кузнец с мясником: один другого чем-то обидел. Придумали каждый задобрить судью: один сковал топор, другой быка отвел.

Пришли на суд. Первым заговорил кузнец:

— Господин судья, рассуди нас, как топором разруби.

А мясник свое говорит:

— Нет, брат, тут дело быком прет» [9, 361].

Ср. также: «Теленок переступил через твой топор» (грузинск., 42, 139), «Мул опрокинул твой мед» (амхарск., 22, 252), «Карета едет туда, куда ее везут лошади» (немецк., «Deutsche Volksbücher». М., 1965, с. 8) и др.

№ 174. ¹ Заяц в восточноафриканском фольклоре — самый хитрый из зверей (аналогично лисе европейских народов).

² Подземный мир называется «Ауака», что значит «белое просо»; согласно верованиям ираку, просо происходит из подземного мира.

³ Это словосочетание считается у ираку тяжким оскорблением.

⁴ Старая черепаха в фольклоре ираку и других восточноафриканских народов — султан зверей.

№ 180. ¹ Аллах акбар (араб.) — «Бог велик!». Первая формула азапа.

² В Иране многие сорта вина пили только разбавленными водой.

№ 181. ¹ Ср. № 224 и примеч. к нему.

№ 185. ¹ Известный сюжет, восходящий к древнеиндийскому источнику. В двенадцатом рассказе Веталы несчастный случай имеет предысторию: видьядхар (полубог, обладающий волшебным знанием) похитил жепу у брахмана. Тот отправляется на ее поиски и по пути попадает в дом министра. Министр велит жепе угостить брахмана, но брахман отказывается есть в доме и уединяется возле пруда. В это время в его еду и попадает яд из пасти змеи, которую пожирал сокол. На вопрос, кто же повинен в этой смерти, раджа Викрамадитья отвечает: виноваты видьядхар, похитивший жепу брахмана, и министр, «потому что пренебрег своим долгом, ибо сам он должен был оказать гостеприимство» [44, 80]. Видимо, индийское юридическое сознание действительно предпочитает доискиваться до первопричины событий, пусть даже отдаленной, чем ссылаться на безликую судьбу.

Интересен таджикский вариант сюжета. Соловей приносит падишаху зернышко урюка, плоды которого возвращают молодость. Когда из зернышка вырастает дерево, падишах посылает одного старика попробовать действие плодов. Садовник приносит упавший плод, съев который, старик умирает. В гневе падишах велит обезглавить соловья. Затем выясняется, что упавший урюк укусила ядовитая змея. На вопрос, кто повинен в смерти старика и соловья, один из слушателей этой истории называет садовника.

Но мудрая героиня сказки, Фарштамах, его опровергает: «Главный виновник этого — падишах! Прежде чем дать старику ядовитый плод урюка, а также прежде чем так безжалостно поступать с невинным соловьем, падишах должен был тщательно разузнать обо всем, тогда уже принимать решение. Эта безрассудная поспешность падишаха и явилась причиной напрасных жертв» [127, 210].

№ 186. Ср. аналогичные рассказы: узбекский «Твоя правда» [53, 102], турецкий [25, 128], персидский [74, 64], а также китайский «Глазная болезнь» (№ 194) и др.

№ 189. ¹ Ср. АА*2060.

№ 192. ¹ Харун ар-Рашид — халиф из династии Аббасидов, правивший в Багдаде в 786—809 гг.

² Клятва разводом, данная трижды, у мусульман считается одной из самых торжественных, и неисполнение ее влечет за собой окончательный развод, после которого муж не имеет права взять жену обратно. Зубейда — любимая жена Харуна ар-Рашида.

³ Абу-Юсуф Якуб — знаменитый законовед, имел большое влияние на ар-Рашида.

№ 193. ¹ В примечании рассказчик дает возможность и иного решения: в трезвом виде видишь лань прыгающей, в хмельном — летающей.

№ 195. ¹ Учебный год в начальной духовной школе заканчивается весной, в кашун пасхи.

№ 197. ¹ Согласно обычаям ираку, в случае расторжения брака муж получал от родителей жены обратно свой свадебный выкуп. Если у него оставались дети, они соответствовали выкупу и он не получал больше ничего. Оба разведенных имели право вновь вступить в брак.

№ 199. ¹ Ср. турецк. [25, 132], азербайджавск. [23, 113], адыгейск. [99, 320].

№ 200. ¹ Ср. АаTh 1663, аварск. [18, 60].

№ 201. ¹ Ср. АаTh 51, татск. [52, 281], армянск. [47, 19], сенегальск. [95, 98]. В сказке буре «Мудрость пса» дележ происходит по принципу, папояющему дележ Насреддина в № 200: «Лев — царь зверей, и мы должны отдать ему девять антилоп. Тогда получится десять. А нас — девять. Если мы возьмем себе одну антилопу, то тогда тоже получится десять». «Кто научил тебя такому мудрому решению?» — спрашивает лев пса. И пес ответил: «Меня научил пример моего брата, ослепленного тобой» [109, 236].

№ 202. ¹ АаTh 518. Ср. афганск. [29, 15], осетинск. [81, 347], персидск. [50, 287].

№ 203. ¹ Один из многих рассказов о суде, когда в выигрыше от тяжбы оказывается судья. Ср. персидск. анекдот «Мудрое решение Насреддина»: «Двое наши кошельки с деньгами и никак не могли поделить их. Мимо проходил Насреддин, они попросили его рассудить их.

— Поклянитесь, что не станете перечить, какое бы я ни вынес решение, — сказал Насреддин.

Оба поклялись. Тогда Насреддин говорит:

— В настоящее время эти деньги мне нужны больше, чем любому из вас. Когда я выпутаюсь из денежных затруднений, то поделю деньги между вами» [74, 145].

№ 205. ¹ ВС 51***. Ср. близкие по смыслу сказки о разделе: эстонскую «Мышь и воробей» (Эстонские народные сказки. М.—Л., 1965), абхазскую «Ашхамадус и Агамадус» [16, 276], калмыцкую «Братья мыши» [64, 300], уйгурскую «Мудрое решение» [136, 72], амхарскую «Две кошки» [22, 34].

№ 211. ¹ Одна из версий этого суда приписывается Соломону [4, 74—75]. Ср. также афганскую сказку «Справедливый судья» [29, 221], японск. [141, 173], амхарск. [22, 146].

№ 215. ¹ Рассказ о «неблагодарном спасенном» — один из самых рас-

пространенных в мировом фольклоре (AaTh 155). Во многих случаях он заканчивается тем, что «судья» восстанавливает первоначальную ситуацию и неблагодарный погибает. Ср. дагестанскую сказку «Как горец волка в сумку посадил» [114, 43], абхазскую «Человек и змея» [16, 202], басумбва «Человек, лев и заяц» [98, 259], кхмерские «Как отшельник оживил тигра» [89, 134] и «Как отец с сыном повстречали крокодила» [89, 292], тувинскую «Белый заяц» [131, 184], тибетские «Заяц-судья» [116, 144] и «О том, как заяц спас Басана» [91, 73], мампрусси «Лев и мышь» [104, 40], корейскую «Приговор зайца» [161, 105], китайскую «Ученый господин Дун Го» [67, 157], ашанти «Охотник и леопард» [143, 215] и др.

Ср. также нубийскую сказку «Коварный крокодил» (№ 216) и аналогичную ей сказку мандинго «Крокодилы слезы» [111, 174], индонезийскую «Неблагодарность» [55, 82].

Развернутый типологический анализ этого сюжета дает И. Левин в комментарии к осетинской сказке «Бедняк, волк и лиса» [81, 559—560]. «В настоящее время, — пишет он, — известно около тысячи вариантов (литературных и изустных) этого сюжета из Евразии, Африки и Америки, генетическая связь которых несомненна, однако исчерпывающего исследования всей истории этого знаменитого рассказа пока нет».

И. Левин указывает также на использование сюжета в европейской литературе, например у Федра, в «Римских деяниях» и др. Он выделяет три основные версии, в которых представлен сюжет, и приводит наиболее типичный набор персонажей. (Вьетнамская сказка, приведенная в сборнике, представляет собой одну из таких типичных версий.)

Отметим некоторые своеобразные мотивы, отличающиеся от типичных. В сказке народности нага «Хитрая лиса» в роли одного из судей, к которым вызывают о справедливости, выступает дорога; как и деревья, она упрекает человека в неблагодарности [110, 50]. В амхарской сказке «О крестьянине и леопарде» судьи, гелада и козел, не предъявляют к человеку собственных претензий, но упрекают его за то, что он продержал леопарда весь день голодным в мешке, т. е. руководствуются не своими представлениями о справедливости, а желанием подольститься к сильному [22, 40]. В сказках африканских народностей луба [109, 213] и балуба [63, 65] вообще обходятся без «промежуточных» судей, а сразу обращаются к судье-трикстеру. В сказке бангала «Лев и обезьяна» [63, 153] неблагодарный лев съел детей своей спасительницы, козы; коза бросилась на льва, и они стали драться (!); подоспевшая судья-антилопа возвращает льва в ловушку. В сенегальской сказке «Охотник и крокодил» [95, 46] фигурирует тот же мотив, что и в нашем № 216: охотник, спасая крокодила, заносит его в реку, крокодил хочет его съесть; но решение иное, чем в нубийской сказке: судья предлагает повторить ситуацию и возвращает крокодила в саванну. В ассирийской сказке «Человек и змея» спасенная змея не собирается всерьез губить спасителя, она лишь как бы ставит эксперимент и, обращаясь поочередно к трем судьям, доказывает, что за добро не полагается платить добром, а затем отпускает человека. Помилованием спасителя заканчивается аналогичная дагестанская сказка [114, 263], тогда как индийская «Что посеешь, то и пожнешь» заканчивается его гибелью [115, 92].

Интересен вариант йоруба «Улитка и леопард»; улитке здесь помогает бог солнца: «Бог услышал ее и затмил солнце. Крутом стало темно, и улитка спряталась» [138, 41].

См. также вступительную статью.

№ 216. ¹ См. № 215 и примеч. к нему.

№ 217. ¹ Здесь игра слов: выражение «абин чин нама» имеет два значения: «деньги» и «то, чем едят мясо».

² Фунт — денежная единица в Нигерии.

³ Рассказы о взаимной хитрости, основанные на игре слов, приводились

и в I части (раздел «О хитрости и коварстве в спорах»), и во II (раздел «Об уловках судей и тяжущихся»). Здесь игру слов использует судья при вынесении приговора.

№ 218. ¹ Фольклор предлагает много хитроумных вариантов расплаты за мнимый долг (деньги, взятые во сне). В персидском анекдоте «Звон денег» [74, 63] судья расплачивается звоном монет. (Ср. № 219 и примеч. к нему, где звоном или блеском монет расплачиваются за запахи еды: та же логика мнимой платы за мнимые ценности.) В индийском рассказе «Хитрая блудница» [48, 220] блудница требует платы с человека, который видел ее во сне; судья предлагает ей взять отражение денег из зеркала. В азербайджанском анекдоте «Молла ищет клад» [23, 40] судья (Тимур) удовлетворяет претензии истца; в ответ трикстер (Насреддин) начинает подкапывать дворец Тимура, объясняя: «Я видел во сне, что мой покойный отец закопал под этой стеной семь кувшинов с золотом». — «Глупец, разве то, что привидится во сне, всегда бывает правдой!» — возмущается Тимур; Насреддин ловит его на слове и добивается отмены несправедливого приговора. Такое же приведение приговора к абсурду мы видим в араканской сказке «Сова-защитник» [110, 205]: тигрица, ссылаясь на сон, собирается съесть корову, судья-лев подтверждает это право, в ответ защитник-сова рассказывает о сне, согласно которому лев должен отдать ей свою дочь. Ср. № 220 и примеч. к нему, а также ряд сюжетов из раздела «О последствиях приговоров», где оказывается пристыжен судья, вынесший несправедливое решение.

№ 219. ¹ Ср. туркменский анекдот «Кто продает запах обеда, тот получает звон монет» [133, 159], кхмерский «Запах из кухни богача» [89, 279], турецкий «Кто продает пар от кушанья, тот получает звон денег» [25, 126], а также суахильск. [109, 464], малайск. [36, 32] и др. Ср. также № 218, 220, 221 и примеч. к ним.

№ 220. ¹ Ср. турецк. [25, 133], а также № 218, 219, 221 и примеч. к ним.

№ 221. ¹ Ср. узбекск. «Плата за ухо» [53, 105], татск. «Иса, Муса и кадий» [52, 206], а также № 218—220 и примеч. к ним.

№ 222. ¹ Знаменитый рассказ о ростовщике, потребовавшем с должника уплаты собственным мясом (так называемый «мотив Шейлока» — по имени героя пьесы Шекспира «Венецианский купец»; AaTh 890), см. вступительную статью). Ср. аналогичные сказки: афганскую «Точная мера» [107, 41], индийскую [48, 65], адыгейскую [20, 182], дагестанскую «Ростовщик и бедняк» [114, 254] и др.

В сказке хауса «Умный судья» судья предлагает истцу отрезать у должника кусок мяса, но так чтобы не пролилась кровь. «Вы ведь не заключили условия насчет крови?» [109, 487]. Здесь этот эпизод фигурирует как один из приговоров в духе «Шемякина суда» (см. № 224 и примеч. к нему) и наряду с другими абсурдно-парадоксальными приговорами оценивается как справедливый.

О. М. Фрейденберг указывает на «реальную подоплеку в сюжете о Шейлоке, требующем от должника фунт живого тела (мяса)»: «У многих первобытных народов было принято разрезать на куски живых врагов и преступников; должников разрубали на части, истязали, обращали в рабство, вырывали из тела куски мяса» [14, 156].

Выражения «фунт мяса», «Шейлоков фунт мяса» употребляются в значении: тяжелые, несправедливые требования.

№ 223. ¹ Вариантом этого сюжета можно считать амхарскую сказку «Первый приговор негуса Шиворот-Наыворот»: богатый брат захотел взять свою половину от общего с бедным братом дома и общего осла (т. е. сломать дом и зарезать осла). Судья-негус подтвердил его право. Но когда сын богача съел бобы младшего брата, тот захотел разрезать живот маль-

чика и вынуть свои бобы. Судья подтвердил и это его право. Соглашаются на том, что богач отдает бедняку половину своего состояния [22, 137].

№ 224. ¹ Один из вариантов знаменитой сказки о «Шемякином суде», широко распространенный в мировом фольклоре (AaTh 1660). Показательно, что русское название сказки, а также одноименной сатирической повести, связанной с именем реально существовавшего князя Дмитрия Шемяки (ум. в 1453 г.) *, стало общепринятым международным обозначением этого сюжета. Аарне, и вслед за ним Томпсон сводят содержание типа 1660 к угрозе спрятанным камнем, который судья принимает за взятку; в русской традиции и во многих других вариантах содержание сюжета чаще всего связано с другими мотивами — контаминация главным образом с типами AaTh 1534, 890 (см. «Fabula», Bd 3, N. 3, с. 328, а также исследование Z. Sofer. *Das Urteil des Schemjaka* (Diss.). Göttingen, 1965). Ср. русские сказки «Шемякин суд» [76, 41, 46], «Праведный суд» [94, 263], сирийскую «Девушка-судья» [79, 226], филиппинскую «Королевское решение» [148, 37], дагестанскую «Ростовщик и бедняк» [114, 254], амхарскую «Решение неразумного судьи» [108, 300], кхмерскую «Четыре королевских решения» [89, 309], казахскую «Пока не вырастет хвост у коня» [61, 338] и др., а также татарскую «Как Ахмед-Ахай разоблачил бахчисарайского кадия» (№ 181).

Своеобразный мотив приведенного здесь греческого варианта — история с похищением жареного гуся; остальные эпизоды можно считать типичными. В одной из индийских версий [126, 66] ни угроза, ни обещание взятки не фигурируют; судью, вышесего абсурдный приговор («Раз у осла вывихнута нога, пусть брахман таскает стиральщику ту ношу, которую таскал осел, пока у того поправится нога. Раз из-за стиральщика погиб у жены брахмана первенец, пусть он же и сделает ее снова беременной»), впоследствии казнят. Напротив, во многих вариантах (сирийск., [79, 226], кхмерск., [89, 309], хауса, [109, 487]) приговор расценивается и участниками, и рассказчиком как разумный и справедливый. Выражение «Шемякин суд» употребляется, однако, всегда в значении «неправый, несправедливый суд».

Как уже упоминалось во вступительной статье, предложение судью искупить убийство ребенка, сделав женщину снова беременной, выглядит абсурдным лишь на современный взгляд. Возможно, в этом сказочном мотиве оказался юмористически переосмыслен реальный древний обычай: «В родовую эпоху обе стороны могли помириться и прекратить кровавую «месть», хотя бы дело касалось убийства: именно с «убийцей» и возможен был «мир» вопреки всякой, казалось бы, логике. Форма, в какой совершался «мир», должна показаться неожиданной для тех, кто уверен в исторической неизбежности логических построений. Производительный акт с женщиной, женьтба — вот основная форма примирения с убийцей» [14, 158].

№ 225. ¹ Пятёрка (панчайт) — старейшины общины, разбирающие споры в общине или деревне.

² Чамар — член касты кожевников, а также метельщиков, считавшейся самой низкой в индуистской кастовой системе.

* Ряд исследователей относили повесть к числу переводов с одного из восточных языков. Однако вопрос о том, использовала ли книжная редакция фольклорный сюжет, или, наоборот, народная молва овладела книжным рассказом, в русской литературе считается нерешенным. В. П. Адрианова-Перетц считает, что перед нами все-таки «переделка книжником сказочного сюжета. В противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всего, что в повести связано с судебной практикой XVII в., всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести» (В. П. Адрианова-Перетц. *Русская демократическая сатира XVII века*. М., 1977, с. 174).

² Двадцатка — т. е. двадцать рупий, десятка — десять рупий.

№ 226. ¹ Ср. АaTh 1310 (щуку топят в реке), 1310А (кролика бросают в терновый куст), 1310В (крота казнят, закапывая его в землю), 1310С (птицу казнят, сбрасывая ее со скалы). Выражение из басни Крылова на аналогичный сюжет «И щуку бросили в реку» стало пословицей, употребляемой, когда говорят о фактической безнаказанности преступника.

Ср. сказку иракку «Как заяц перехитрил сторожей у колодца» [49, 44], минахасскую «Черепаша и обезьяна» [36, 37], мальгашскую «Фосса и черепаха» [103, 56].

№ 227. ¹ АaTh 1698. Сюжет об обращении глухих к глухому судье известен в разных вариантах. Ср. амхарск. [108, 301; 22, 142], абхазск. [17, 276]. А. Аарне в исследовании, посвященном этому сюжету, не исключает его ближневосточного происхождения (А. Aarnе. Schwänke über schwerhörige Menschen. Helsinki, 1914).

№ 228. ¹ Ср. № 98 и примеч. к нему. В обоих случаях сущность человека оценивается по его отношению к той или иной ситуации; это может служить и доказательством его виновности.

№ 232. ¹ См. примеч. 1 к № 225.

№ 234. ¹ Ср. аналогичные анекдоты: турецкий «Как ходжа наказал лицеpriятного судью» [25, 84], узбекский «Исправление ошибки» [53, 110], афганский «Справедливый факир» [107, 146], туркменский [133, 153]. В турецкой сказке «Уничтожил одну из них» жандармы испортили мухами товар крестьянина. Судья признает виновными мух и дает крестьянину право уничтожать их в любом месте. Крестьянин убивает первую на щеке судьи (ср. АaTh 1586). Ср. также № 235.

№ 236. ¹ Существуют разнообразные варианты рассказов о том, как судья, вынесший несправедливое или неразумное решение, был пристыжен абсурдным действием или рассказом-небылицей (ср. АaTh 821В, а также 875). Ср. курдск. «Балул-Зана и купец» [70, 84], армянск. «Вдова и ходжа» [47, 88], китайск. «Пять вареных яиц» [68, 150], а также турецк. [25, 143], грузинск. [42, 37] и др. См. также № 140, 237 и примеч. к ним.

№ 237. ¹ Ср. бирманск. «Хозяин и лодочник» [72, 140], индийск. «Завистники просчитались» [48, 205], кхмерск. «Как парень сватался» [89, 142], амхарск. «Огонь на горе» [22, 149]. Ср. также № 140, 236 и примеч. к ним.

№ 239. ¹ Один из вариантов рассказа о том, как проучили судью, понадеявшегося на взятку (Ср. АaTh 1660). Ср. турецкий анекдот «Как ходжа отучил алчного судью от взяток» [25, 138], уйгурский «Мы люди негордые» [136, 46], узбекский «Бай и казий» [38, 51] и др. Ср. также № 240.

№ 240. ¹ Ср. узбекск. «Бай и казий» [65, 121]: один из тяжущихся знаками пообещал судье «что-то большое», а принес арбуз. Ср. также № 224 и примеч. к нему: обещание взятки — один из обычных эпизодов «Шемьяки-на суда».

№ 241. ¹ Гоун бин — голова сплетника.

² Оун бин — по-бирмански «кокосовая пальма».

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аббаси — иранская серебряная монета, имевшая хождение также в Дагеставе.

Агелит — князь.

Агулшап — сказочный дракон, пожирающий людей.

Азан (шан, эзан) — призыв к молитве, обращенный к верующим мусульманам с минарета мечети; произносится пять раз.

Аксакал (букв. «белобородый») — уважаемый старец.

Амбал — см. хаммал.

Ардали — (из английского orderly) — сторож или вестовой при официальной администрации.

Аспер — денежная единица.

Бий — судья.

Бырр — в настоящее время основная денежная единица в Эфиопии.

Гавде-джахара — трава с отвратительным запахом.

Гарем — женская половина дома, куда воспрещен вход посторонним мужчинам.

Гелюнг — священнослужитель.

Гутулы — сапоги с загнутыми носками.

Дад — ласковое обращение, букв. «отец».

Данго — рисовая лепешка.

Джа — основная денежная единица Бирмы.

Дилла — денежная единица.

Динар — золотая монета в мусульманском мире, появившаяся в конце VII в.; первоначально ее вес составлял 4,24 г.

Зуза — мелкая медная монета.

Кади, кадий (кази, казий, казый) — мусульманский судья, разбирающий дела и выносящий решения на основании шариата (совокупности мусульманских религиозных и правовых норм) и фикха (мусульманского права).

Кази (казий) — см. кади.

Кардзын — хлеб из кукурузной муки.

Кахапана — старинная серебряная монета.

Кобан — старинная золотая монета овальной формы.

Комуз — струнный инструмент.

Кумган — сосуд с двумя горлышками и ручкой; переносной умывальник.

Куруш — мелкая разменная медная монета.

Манат — денежная единица.

- Меламед — учитель начальной духовной школы.
- Маниока — многолетний вечнозеленый кустарник с клубневидными корнями; широко культивируется в Африке, где клубни употребляются в пищу.
- Минтан — род камзола с рукавами.
- Моун — общее название для всякого рода бирманских мучных изделий (хлеб, булочки, печенье и т. д.).
- Мулазим — полицейский чин.
- Муртазак — караульный.
- Муэдзин (муззин) — священнослужитель при мечети, провозглашающий с минарета азан.
- Намаз — ежедневная пятикратная молитва у мусульман.
- Нойон — князь.
- Пала — мера веса (93,312 г).
- Панча — деревенский старейшина, совет панчей (панчают) решал все деревенские дела.
- Панунг — основная часть одежды тайцев, кусок ткани, который обертывают вокруг бедер.
- Парас — мелкая денежная единица.
- Пори — степь, ненаселенное место.
- Реал — португальская серебряная монета, распространенная в Восточной Африке в XV—XIX вв.
- Рупп, рупия — основная индийская денежная единица; в XIX в. серебряная монета.
- Садиеу — кхмерский народный однострунный щипковый музыкальный инструмент с резонатором из специального сорта тьяквы.
- Сахиб — господин. Чаще всего так называли чиновников-европейцев и так же к ним обращались. Кроме того, это слово добавляют к личным именам и формам титулования.
- Сетхэй — богат помещик, придворный или крупный чиновник.
- Сопхеа — старинный титул судьи.
- Сутры — краткие афористические правила и сборники их в древнеиндийской дидактической литературе, а также некоторые священные книги буддизма.
- Суфа — глинобитное возвышение, род лежанки во дворе или внутри дома. Суфу накрывают коврами, днем сидят на ней, а ночью спят.
- Тамбур — род шестиструнного музыкального инструмента.
- Таньга (теньга) — первоначально золотая, затем серебряная монета, имевшая хождение в некоторых странах Востока.
- Таро — растение со съедобными клубнями. Листья таро употребляют в качестве приправы.
- Тилля (араб. букв. «золото») — золотая монета.
- Титепати — растение с очень горьким соком.
- Туман — крупная персидская денежная единица, имевшая хождение в некоторых странах Востока; равна 10 тыс. динаров.
- Тхан — разновидность сахарной пальмы, из сока плодов которой получают пальмовый сахар, а также слабоалкогольный напиток тханъей.
- Хаммал (амбал) — городской грузчик, носильщик.
- Ходжа — вежливое обращение в старой Турции к людям науки и просвещения («учитель», «наставник», «духовный руководитель»).
- Хуанди — император.
- Хур — смычковый музыкальный инструмент.

Чайсума — тибетский чай с маслом и солью.

Чапраси — служитель, рассыльный в конторе.

Шамба — поле, плантация.

Эфенди (афанди) — обращение к мужчине, соответствующее слову «господин»; иногда — часть имени.

Яйла — летнее пастбище в горах.

Ямс — травянистое растение с крупными корневыми клубнями; широко употребляется в пищу во многих странах.

Ямынь — присутственное место в старом Китае.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ ПО НАРОДНОСТЯМ

- абхазские № 24, 67, 202
аварские № 222, 234
адыгейские № 36, 86, 96
азербайджанские № 170, 198, 218
амхарские (амхара — основной народность Эфиопии) № 40, 91, 128, 129, 134, 138, 165, 179, 187, 209
ангольские № 162
арабские № 15, 83, 192
армянские № 20, 55, 109, 120, 137
ассирийские (сирийские) № 121, 131, 141, 185, 201, 211, 238
афганские № 57, 89, 94
ашанти (основная народность Республики Гана) № 53, 60, 154
- баконго (одна из народностей группы банту, населяющая низовья реки Конго) № 19, 42, 52, 163
балуба (одна из народностей, населяющих Республику Заир) № 62, 81
бангала (Заир) № 139
баньянга (одна из народностей, населяющих Республику Заир) № 3, 18, 58
бауле (народ, живущий на территории Берега Слоновой Кости) № 44
белуджские (белуджи — ираноязычные племена, живущие в Иране, Афганистане, Пакистане) № 46
берберские № 82
бирманские № 35, 140, 157, 173, 189, 208, 219, 227, 241
булу (один из народов группы фанг, живущий в южной части Камеруна) № 31
бура (народность группы хауса, живущая в верховьях реки Едсерам по обе стороны нигерийско-камерунской границы) № 50
бурунги (Восточная Африка) № 85, 214
бурятские № 75
- ваи (народ группы манде, живущий на северо-западе Либерии, а также на севере Сьерра-Леоне) № 69
вьетнамские № 112, 151, 215, 229
- гно (Либерия) № 28
греческие № 199, 224
грузинские № 145, 172, 233
- даргинские № 98
древнеегипетские № 71
диго (племя народности ваньика, живущее в Кении, а также в Танганьике) № 159
дуала (народ группы банту, живущий в Камеруне, на побережье Гвинейского залива) № 167
дунганские № 160
- еврейские № 195
древнееврейские № 1, 102
- индийские
древнеиндийские № 6, 25, 45, 66, 72, 106, 158, 204
кумаонские № 146
орийские (штат Орисса) № 23, 210
сантальские № 143, 232
хинди № 10, 77, 225
- ипта (одна из народностей Бирмы) № 59, 61
ираку (группа родственных кушитских племен, живущих на тер-

- ритории Танзании) № 73, 74, 78, 88, 104, 108, 174, 175, 197, 213
- кабийские (кабилы — часть коренного берберского населения Алжира) № 169
- казахские № 93
- калмыцкие № 117
- канури (группы народностей, живущих в Нигерии, республиках Нигер, Чад и в южных областях Ливии) № 144
- каранга (макаранга) — группа диалектов семьи банту № 68
- качинские (одна из народностей Бирмы) № 64
- киргизские № 95
- китайские № 38, 87, 97, 103, 107, 115, 124, 127, 133, 183, 194
- корейские № 113, 186, 193, 205, 231
- кхмерские № 8, 14, 27, 33, 37, 49, 110, 130, 132, 135
- лаосские № 149
- лоанда (Ангола) № 76
- лома (народ, живущий в Либерии и Гвинее) № 5
- маврикийские № 80
- манде (группа народов, живущих в Западной Африке) № 22
- мандинго (народ, населяющий верхние течения реки Сенегал, Гамбия и Нигер) № 9
- мбака (народность группы серемунду; живет в Республике Заир и Центральноафриканской Республике) № 12, 56
- менде (народность группы манде, живущая в Сьерра-Леоне) № 29
- микронезийские № 111
- монго (Заир) № 155
- монгольские № 178
- непальские № 48, 156
- пикки-боргу (народность, живущая в Центральном Судане) № 21, 84
- ногайские № 188
- нубийские № 190, 216
- осетинские № 2, 161
- пампанганские (пампанго — одна из народностей, населяющих Филиппины) № 166, 226
- пангасианские (пангасинаны — одна из народностей, населяющих Филиппины) № 51
- персидские № 16, 26, 47, 101, 114, 119, 168, 177, 180, 206, 207, 212, 220
- сенегальские № 153
- сербские № 200, 239
- сималурские (Сималур — небольшой индонезийский остров в Индийском океане, к юго-западу от Суматры) № 123
- сомалийские № 164
- суахильские № 65
- тагалские (тагалы — одна из основных народностей, населяющих Филиппины) № 223
- таджикские № 90, 235
- тайские (таи — группа родственных народов, составляющих основное население Таиланда) № 126
- татарские № 150, 181
- татские (одна из народностей Дагестана) № 63, 237
- тем (народность, населяющая Центральное Того) № 4
- тибетские № 11, 116, 148
- тоголезские № 13
- тонга (народность группы банту, живущая в южной провинции Замбии) № 152
- тувинские № 176
- турецкие № 122, 136, 142, 147, 191, 203
- туркменские № 171, 228
- узбекские № 34, 39, 79, 182, 184
- уйгурские № 125, 221, 230, 236
- фанг (группа родственных по языку африканских племен, живущих преимущественно в Габоне и южной части Камеруна) № 30, 32
- фанти (народ, населяющий юго-западные районы Ганы) № 17
- хакасские № 92
- хауса № 7, 13, 70, 118, 217, 240
- шугнанские (Памир) № 100
- шумерские № 54
- чеченские № 99
- чукотские № 41
- японские № 105, 196

СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

К. ВОЗНИКНОВЕНИЕ (СУТЬ) КОНФЛИКТА (ТЯЖБЫ, СПОРА)

1. Двое (или больше) соискателей претендуют на один и тот же объект:

1. Ребенка

- а) родная мать (отец, подвергший ребенка опасности) и неродная (воспитавшая, выхаживавшая, спасшая) — № 1, 2, 3, 4, 7, 188-2 *
- б) родная мать и та, на чьем участке родился ребенок — № 5
- в) родной отец, воспитатель и тот, кого условлено (по законодательству) считать отцом — № 6

2. Имущество (добычу, наследство)

- а) один из претендентов вложил в имущество (добычу) больше труда — больше ухаживал за урожаем (растением) — № 8, 18, 24
  - а₁ внес особый вклад в охоту (спрятал слона своим задом) — № 9
  - а₂ один утверждает, что попал оленю в голову, другой — что одновременно в ногу и голову — № 188-1
  - а₃ новый владелец дома нашел клад, предлагает его прежнему владельцу, тот отказывается — № 26
  - а₄ богач требует денег у человека, разбогатевшего благодаря его примеру, — № 27
  - а₅ слепой принес безногого к добыче, тот убил ее; кто имеет право на большую часть? — № 28
  - а₆ человек поет песню, чтобы заглушить храп другого; за песню его награждают; храпевший претендует на большую часть награды — № 29
  - а₇ одного покойный любил, другому обязан богатством; оба претендуют на наследство — № 30
  - а₈ собака, победившая за выброшенными остатками еды, нашла скелет слона; на него претендуют хозяин собаки и владельцы еды — № 31
  - а₉ родственниками и наследниками крокодила объявляют себя птицы (родившиеся, как он, из яйца) и животные (как он, четвероногие) — № 32
- б) один — подлинный хозяин, другой — ложный (вор) — № 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 22, 23, 120, 148, 159, 164, 168, 203, 204, 232
  - б₁ белка обработала участок, паук проложил к нему дорогу — № 17
  - б₂ кому принадлежит кувшин с маслом, а кому — с мочой? —

* Цифра «2» через дефис означает второй эпизод сложного сюжета (здесь о верблюжонке спорят не сами верблюды, а их хозяева).

№ 122

- б₃ хитрец выманивает у богача 999 монет, одежду (лошадь) и объявляет их своими — № 129
- б₄ слепой просит зрячего подвезти, а затем заявляет, что осел его, — № 181-1
- б₅ вор заявляет, что быка поймала его ворона, — № 239
- б₆ вор уверяет, что его бык отелился, — № 140
- в) требуется произвести дележ (имущества, добычи, наследства) — № 199, 200, 205, 233
- в₁ 17 верблюдов на троих — № 20
- в₂ на наследство претендуют дети превращенного охотника: один он родил, будучи мужчиной, других — будучи женщиной, — № 21
- в₃ наследство неравноценное — № 22
- в₄ звери делят охотничью добычу — № 201
- в₅ делят чудесные предметы — № 202
3. Женщину (невесту, жену), мужчину (жениха, мужа)
- а) сватаются равные претенденты — № 40, 41, 43, 50, 52
- б) представители разных каст — № 45
- в) один из претендентов оживил (вылечил) мертвого (тяжело больного), другой
- в₁ узнал о его (ее) болезни, нашел дорогу к нему (доставил с помощью волшебного средства) — № 42, 53
- в₂ унес от опасности — № 51
- г) один создал изображение женщины, другой одел, третий украсил, четвертый вдохнул жизнь — № 46
- д) один прыгнул в огонь вслед за невестой, другой посвятил жизнь ее памяти, третий нашел способ оживить ее — № 48
- е) один узнал, что женщину похитил орел, другой убил орла, третий достал женщину из воды, четвертый оживил — № 49
- ж) человек закурив трубку, которая превратилась в женщину; о ней спорят закуривший и хозяин трубки — № 44
- з) голова бывшего мужа оказалась приставленной к телу соперника, тело — к его голове; оба претендуют на жену — № 47
- и) законный муж и самозванец — № 93, 101, 123, 156, 179-1, 181-2

С. СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО (СЛЕДСТВИЕ)

I. Следственный эксперимент

1. «Ложный приговор»: предлагается уничтожить (повредить, подвергнуть опасность) предмет спора:
- KI1a а) ребенка — № 1, 3, 188-2
- KI2б б) имущество (дерево, ткань) — № 10, 11
2. «Божий суд»
- KI2a а) тяжущимся предлагается объявить друг другу войну (судебный поединок) — № 24
- KI3и б) пролезть сквозь носик кувшина — № 156
- KI2б в) другие «божьи суды» — № 148, 159
3. Устраивается наблюдение за тяжущимися (подслушиваются их разговоры, реакции):
- KI2б а) кто больше печалится о добыче — № 12
- KI3и б) кто выдаст свои подлинные намерения — № 93
4. Тяжущиеся демонстрируют знание объекта тяжбы
- KI2б а) содержимого мешков — № 13
- KI2б б) устройства дома — № 14
- KI2б в) свойства коня — № 15

K126 г) клубка — № 16

5. Объекту спора предлагается самому сделать выбор между соискателями

K11a а) ребенку предлагается найти родную мать по запаху приготовленной ею еды — № 4

K126 б) курицу выпускают искать дорогу к хозяину — № 120

6. Эксперимент для поиска следов (улик):

K126₂ а) предлагается выяснить, кто помочится маслом, а кто — мочой, — № 122

K13и б) предлагается отгрыгнуть пищу, чтобы узнать, у кого она ела, — № 123

7. Претендентам на невесту предлагается испытание

K13a а) «приготовиться» к свадьбе — № 40

K13a б) поработать по хозяйству — № 41

K13a в) поймать оленя — № 50

K13a г) добыть небесный огонь — № 52

K13a д) забрать свадебный подарок, потому что невеста умерла, — № 43

II. Хитрости судей и тяжущихся

K126 1. виновный опережает обвинения истца и отрицает их (может, он скажет, что и эта одежда его, и лошадь?) — № 129

K126 2. одно абсурдное утверждение опровергается другим, ответным (если бык мог отелиться то и земля могла загореться) — № 140

III. Допрос свидетелей

K126 1. лжесвидетели показывают в пользу неправого — № 23, 232

IV. Раздельный допрос претендентов

K13и 1. претендующим на женщину предлагается рассказать обстоятельства первой брачной ночи — № 101

II. ПРИГОВОР

I. Ребенок присуждается той,

1. которая выходила, воспитала его — № 2(б) *

2. спасла (не пожелала подвергнуть опасности) — № 1(а), 3(а), 188-2(а)

3. у кого живот втянутый — № 188-2 (б₁) **

4. на чьем участке он родился — № 5(б₂)

5. чью еду он предпочел — № 4(а)

6. отцом объявляется «условный» (по закону) отец — № 6(б₃)

7. ребенок сам выбирает между родным отцом (подвергшим его опасности) и неродным (воспитавшим, спасшим его) — № 7 (г), [7](б) ***

II. Имущество присуждается тому, кто

1. создал его, вложил в него больше труда — № 9, 19, 24(а) ****

2. не вложил в него труда — № 159 (б)

3. нашел его — № 148 (а)

4. больше ухаживал за урожаем — № 8, 18 (а)

* (а) — предпочтение отдается родной матери, (б) — неродной, (г) — дилемма.

** В сюжете № 188-2 выносятся сначала приговор 3, затем 2.

*** Вариант, указанный в квадратных скобках, приводится в комментарии к основному сюжету.

**** (а) — предпочтение отдается подлинному хозяину; (б) — ложному, вору; (в) — компромиссное решение; (в₁) — имущество делится между соискателями; (в₂) — не достается никому; (г) — дилемма.

5. попал оленю в голову, а не в ногу — 188-1 (б)
6. не пожелал причинить вред имуществу — № 10, 11 (а)
7. больше печалился о добыче — № 12 (а)
8. продемонстрировал лучшее звание объекта тяжбы — № 13, 14, 15, 16 (а)
9. проложил дорогу к участку — № 17 (б)
10. хитрецу, который опередил обвинения истца, — № 129 (б)
11. вору-слещу — № 181-1 (б)
12. хозяину вороны, «поймавшей» быка, — № 239 (б)
13. законному хозяину — № 140, 164, 168, 232 (а)
- 13а. вору — № 232 (б)
14. тому, к кому придет курица, — № 120 (а)
15. тому, кто помочится маслом, — № 122 (?)
16. ни тому, ни другому (труп оживает) — № 23 (в₂)
17. стоимость коровы достается судье (в виде взяток с тяжущихся) — № 203 (в₂)
18. судья съедает тяжущихся — № 204 (в₂)
19. судья добавляет к 17 верблюдам своего и делит на троих — № 20 (в₁)
20. одним дается наследство, другим платится выкуп — № 21 (в)
21. объясняется ценность каждой доли — № 22 (в)
22. имущество ломается (делится) пополам — № 25 (в₁)
23. предлагается поженить детей спорщиков и оставить предмет спора им в наследство — № 26, 27 (в)
24. дележ «по-божески» (т. е. одному больше, другому меньше) — № 199 (б)
- 24а. несправедливый дележ — № 233 (б)
25. девять дается одному, один — девяти (и тех и других получается по десять) — № 200 (б)
26. всю добычу присуждают льву (предыдущие попытки более равного дележа заканчивались гибелью деливших) — № 201 (б)
27. судья отсылает спорщиков и сам завладевает волшебным предметом — № 202 (в₂)
28. судья, делящий мясо, съедает его сам по кусочку — № 205 (в₂)
29. дилемма — № 28, 29, 30, 31, 32 (г)

III. Невеста (женщина, жених, мужчина) присуждается тому, кто

1. лучше выдержал испытание *
  - а) обзавелся друзьями, а не имуществом — № 40 (а)
  - б) поработал по хозяйству — № 41 (а)
  - в) отказался забрать свадебные подарки, горюя о невесте, — № 43 (а)
  - г) сумел пролезть в носик кувшина (божий суд) — № 156 (б) **
2. не выполнил условия (не поймал оленя) — № 50 (б)
3. ни одному из выполнивших условия — № 52 (в)
4. тому, кто оживил женщину (мужчину), доставил целебное средство, — № 42, [53] (а) ***
5. тому, кто узнал о беде, увидел мертвое тело, — № [53] (б₁)

* (а) — предпочтение отдается выполнившему условие; (б) — не выполнившему; (в₁) — тому и другому; (в₂) — ни тому ни другому; (г) — дилемма.

** (б) — женщина присуждается самозванцу; второй приговор отменяет это решение.

*** (а) — предпочтение отдается тому, кто оживил женщину (мужчину); (б₁, б₂) — оказавшим другие услуги; (в₁) — тому и другому; (в₂) — никому из соискателей; (г) — дилемма.

6. тому, кто привел к мертвому телу (больному), владельцу волшебного транспортного средства — № [53] (б₂)
7. удовлетворяются все соискатели — № [53] (в₁)
8. женщину делят на части — № 51 (в₂)
9. не достается ни одному из соискателей (умирает, превращается в очаг и т. п.) — № [53] (в₂)
10. дилемма — № 53 (г)
11. равному по касте — № 45 (а)
12. хозяину трубки — № 44 (а)
13. тому, у кого голова мужа, — № 47 (а)
14. давшему женщине одежду — № 46 (а) *
15. вдохнувшему в нее жизнь — № [46] (б₁)
16. подарившему ей драгоценности — № [46] (б₂)
17. наделившему ее красотой — № [46] (б₃)
18. равными признаются права всех соискателей — № [46] (в₁)
19. женщина не достается никому (возвращается в дерево) — № [46] (в₂)
20. тому, кто посвятил жизнь памяти погибшей, — № 48 (а)
21. тому, кто охранял ее прах, — № [48] (б)
22. тому, кто спас женщину из воды, — № 49 (а)
23. тому, чьи показания о подробностях первой брачной ночи совпали с показаниями женщины, — № 101 (а) **
24. тому, чьи речи подтвердили право на женщину, — № 93, 156 (а)
25. тому, кто отрыгнул такую же пищу, как женщина, — 123 (б)
26. самозванцу — № 179-1 (б), 181-2 (б)

Р. РЕАКЦИЯ НА ПРИГОВОР

1. Общее одобрение приговора (а) — № 1, 26, 27, 40, 48, 123, 148, 156 ***, 159, 164, 179-1 (б), 201 ***
2. Общее неодобрение приговора (б) — № 5, 42, 156 ***, 199, 200, 201 ***, 204, 205
3. После приговора в чью-то пользу происходит помилование или примирение сторон (в) № 13, 22
4. У обманщика, выигравшего тяжбу, забирают добычу — № 17
5. После приговора хитрец собрал части разделенной девушки, ожи-вил ее и взял себе — № 51
6. Выигравший несправедливую тяжбу отказывается от выигрыша и порицает судью (б) — № 181
7. Указывается на возможность более справедливого приговора: олень мог почесать задней ногой голову в момент, когда в него попала пуля (б), — № 188
8. Рассказывается история, пристыжающая несправедливость, после этого выносятся справедливый приговор (б) — № 232
9. Неправедливого судью наказывают (б):
  - а) волка кусают собаки — № 233
  - б) вместо обещанной взятки угощают навозом — № 239

* (а) — предпочтение отдается тому, кто дал женщине одежду; (б₁) — тому, кто вдохнул в нее жизнь; (б₂) — тому, кто подарил ей драгоценности; (б₃) — тому, кто наделил ее красотой; (в₁) — признаются равными права всех претендентов.

** (а) — предпочтение отдается законному мужу; (б) — самозванцу.

*** В этом случае первый приговор встречается неодобрительно, второй — одобрительно.

**Указатель сюжетов как контаминации
структурно-тематических элементов**

- № 1. К11а+С11а+П12(а)+Р1(а)
 № 2. К11а+С+П11(б)
 № 3. К11а+С11а+П12(а)
 № 4. К11а+С15а+П15(а)
 № 5. К11б+С+П14(б₂)+Р2(б)
 № 6. К11в+С+П16(б₃)
 № 7. К11а+С+П17(г)
 № 8. К12а+С+П114(а)
 № 9. К12а₁+С+П111(а)
 № 10. К12б+С11б+П116(а)
 № 11. К12б+С11б+П116(а)
 № 12. К12б+С13а+П117(а)
 № 13. К12б+С14а+П118(а)+Р3(в)
 № 14. К12б+С14б+П118(а)
 № 15. К12б+С14в+П118(а)
 № 16. К12б+С14г+П118(а)
 № 17. К12б₁+С+П119(б)+Р4
 № 18. К12а+С+П114(а)
 № 19. К12б+С+П111(а)
 № 20. К12в₁+С+П1119(в₁)
 № 21. К12в₂+С+П1120(в)+Э*
 № 22. К12в₃+С+П1121(в)+Р3(в)
 № 23. К12б+С111+П116(в₂)+Э
 № 24. К12а+С12а+П111(а)
 № 25. К12в+С+П1122(в₁)
 № 26. К12а₃+С+П1123(в)+Р1(а)
 № 27. К12а₄+С+П1123(в)+Р1(а)
 № 28. К12а₅+С+П1129(г)
 № 29. К12а₆+С+П1129(г)
 № 30. К12а₇+С+П1129(г)
 № 31. К12а₈+С+П1129(г)
 № 32. К12а₉+С+П1129(г)
 № 40. К13а+С17а+П111а(а)+Р1(а)
 № 41. К13а+С17б+П111б(а)
 № 42. К13в₁+С+П1114(а)+Р2(б)
 № 43. К13а+С17д+П111в(а)
 № 44. К13ж+С+П1112(а)
 № 45. К13б+С+П1111(а)
 № 46. К13г+С+П1114(а)
 № 47. К13з+С+П1113(а)
 № 48. К13д+С+П1120(а)+Р1(а)
 № 49. К13г+С+П1122(а)
 № 50. К13а+С17в+П112(б)
 № 51. К13в₂+С+П1118(в₂)+Р5
 № 52. К13а+С17г+П113(в)
 № 53. К13в₁+С+П1110(г)
 № 93. К13и+С13б+П1124(а)
 № 101. К13и+С16+П1123(а)
 № 120. К12б+С15б+П114(а)
 № 122. К12б₂+С1а+П115(?)

* Э — этнологический момент.

- № 123. $KI3_{\text{н}} + CI66 + IIII25 (6) + P1 (a)$
 № 129. $KI26_3 + CII1 + III10 (6)$
 № 140. $KI26_6 + CII2 + III13 (a)$
 № 148. $KI26 + CI2_{\text{в}} + III13 (a) + P1 (a)$
 № 156. $KI3_{\text{н}} + CI26 + IIII1_{\text{r}} + P2 (6) + C + IIII24 (a) + P1 (a)$
 № 159. $KI26 + CI2_{\text{в}} + III12 (6) + P1 (a) + \vartheta$
 № 164. $KI26 + C + III13 (a) + P1 (a)$
 № 168. $KI26 + C + III13 (a)$
 № 179-1. $KI3_{\text{н}} + C + III26 (6) + P1 (a)$
 № 181. $KI26_4 + KI3_{\text{н}} + C + III11 (6) + IIII26 (6) + P6 (6)$
 № 188. $KI1_{\text{a}} + KI2_{\text{a}_2} + C + III3 (6) + III5 (6) + P2 (6) + CI1 (a) + III2_{\text{a}} + P7 (6)$
 № 199. $KI2_{\text{в}} + C + III24 (6) + P2 (6)$
 № 200. $KI2_{\text{в}} + C + III25 (6) + P2 (6)$
 № 201. $KI2_{\text{в}_4} + C + III26 (6) + P1 (a)$
 № 202. $KI2_{\text{в}_5} + C + III27 (6_2)$
 № 203. $KI26 + C + III17 (6_2)$
 № 204. $KI26 + C + III18 (6_2) + P2 (6)$
 № 205. $KI2_{\text{в}} + C + III28 (6_2) + P2 (6)$
 № 232. $KI26 + CIII1 + III13_{\text{a}} (6) + P8 + III13 (a)$
 № 233. $KI2_{\text{в}} + C + III24_{\text{a}} (6) + P9_{\text{a}} (6)$
 № 239. $KI26_5 + C + III12 (6) + P96 (6)$

ЛИТЕРАТУРА

1. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1961 (FFC № 184) (в тексте — AaTh).
2. Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929 (в тексте — AaAn).
3. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (в тексте сокращено — ВС).
4. А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.
5. Д. Н. Воскресенский. Судебная повесть гунбань в Китае.— «Народы Азии и Африки». 1966, № 1.
6. П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза (обрамленная повесть). М., 1963.
7. А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972.
8. История государства и права зарубежных стран. Т. 1. М., 1963.
9. Крылатые слова по толкованию С. Максимова. М., 1955.
10. Г. Л. Пермяков. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
11. Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. Составление и вступит. статья Г. Л. Пермякова. М., 1972.
12. В. Я. Пропп. Морфология сказки. М., 1969.
13. Джеймс Джордж Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.
14. О. М. Фрейдберг. Миф и литература древности. М., 1978.
15. Р. Шарль. Мусульманское право. М., 1959.
16. Абхазские сказки. Сухуми, 1965.
17. Абхазские народные сказки. М., 1975.
18. Аварские народные сказки. М., 1972.
19. Аварские сказки. М., 1962.
20. Адыгейские сказания и сказки. Майкоп, 1963.
21. Али Сафи. Занимательные рассказы о разных людях. М., 1966.
22. Амхарские народные сказки. М., 1979.
23. Анекдоты Моллы Насреддина. Баку, 1968.
24. Анекдоты Омирбека. Нукус, 1970.
25. Анекдоты о ходе Насреддине. М., 1957.
26. Арабские народные пословицы и поговорки. М., 1961.
27. Армянский фольклор. М., 1967.
28. Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле. М., 1960.
29. Афганские сказки и легенды. М., 1972.
30. Барабан короля. Африканские сказки. М., 1971.

31. Библия. Третья книга Царств.
32. Библия. Книга пророка Даниила.
33. Бираго Диоп. Сказки Амаду Кумба. М., 1961.
34. Бирюзовый ларец. Таш., 1967.
35. Бурятские сказки. Улан-Уде, 1959.
36. Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии. М., 1972.
37. Волшебный козел. Вьетнамские народные сказки. М., 1976.
38. Волшебный рубин. Таш., 1967.
39. Вьетнамские народные пословицы и поговорки. М., 1959.
40. Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая. М., 1959.
41. Грузинские народные новеллы. Тб., 1970.
42. Грузинский народный юмор. Тб., 1967.
43. Даргинские сказки. М., 1963.
44. Двадцать пять рассказов Веталы. М., 1958.
45. Дунганские сказки. Фрунзе, 1970.
46. Живой в царстве мертвых. Сказки народов Непала. М., 1974.
47. Забавные и назидательные истории армянского народа. М., 1975.
48. Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала, главного советника индийского падишаха Акбара. М., 1968.
49. Заяц в башмаках. Сказки племени ираку. М., 1963.
50. Зийя ад-Дин Нахшаби. Книга попугая (Тути-наме). М., 1979.
51. Золотая земля. Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии. М., 1960.
52. Золотой сундук. Сказки татов Дагестана. М., 1974.
53. Изумительные и правдивейшие истории из жизни прославленного мудреца Насреддина Афанди. Таш., 1965.
54. Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году И. П. Минаевым. М., 1966.
55. Индонезийские сказки. М., 1956.
56. Истории черной земли. Сказки и легенды Анголы. М., 1975.
57. Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев. М., 1974.
58. Казахские народные сказки. Т. 1. А.-А., 1971.
59. Казахские народные сказки. Т. 2. А.-А., 1971.
60. Казахские народные сказки. Т. 3. А.-А., 1971.
61. Казахские сказки. Т. 1. А.-А., 1958.
62. Казахские сказки. Т. 2. А.-А., 1962.
63. Как храбрый Мокеле добыл для людей солнце. Сказки с реки Конго. М., 1973.
64. Калмыцкие сказки. Элиста, 1962.
65. Караван чудес. Узбекские народные сказки. Таш., 1981.
66. Киргизские сказки. М., 1968.
67. Китайские легенды, сказки, басни, пословицы и поговорки. Пермь, 1958.
68. Китайские народные сказки. М., 1959.
69. Книга о простаках (Дахо-наме). М., 1968.
70. Курдские народные сказки. М., 1970.
71. Кхмерские мифы и легенды. М., 1981.
72. Маунг Хтин Аунг. Бирманские народные сказки. М., 1957.
73. Мирер. Ахмет Ахай озенбашский. М., 1940.
74. Молла Насреддин. М., 1970.
75. Монгольские сказки. М., 1967.
76. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. М., 1958.
77. Ногайские народные сказки. М., 1979.
78. И. Орбели. Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956.

79. От Ахикара до Джаво. М.—Л., 1960.
80. Осетинские народные сказки. М., 1959.
81. Осетинские народные сказки. М., 1973.
82. Осетинский народный юмор. Сталинир, 1960.
83. Остров красавицы Си Мелко. М., 1964.
84. Панчатантра. М., 1958.
85. Персидские анекдоты. М., 1963.
86. Персидские пословицы и поговорки. М., 1961.
87. Плутовка из Багдада. М., 1963.
88. Повести, сказки, притчи Древней Индии. М., 1964.
89. Похождения хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи. М., 1967.
90. Проданный сон. Туркменские народные сказки. М., 1969.
91. Прodelки дядюшки Дэнба. Тибетское народное творчество. М., 1962.
92. Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль. Пер. с сирийского. Л., 1972.
93. Д. Г. Редер. Мифы и легенды древнего Двуречья. М., 1965.
94. Русская сатирическая сказка. М., 1958.
95. Самба-храбрец. Сказки и легенды Сенегала. М., 1977.
96. Светящийся незнакомец. Народные сказки Либерии. М., 1966.
97. Серебряный ключ. Тайские сказки. М., 1963.
98. Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки. М., 1962.
99. Сказки адыгских народов. М., 1978.
100. Сказки, басни и легенды белуджей. М., 1974.
101. Сказки и легенды Систана. М., 1981.
102. Сказки Исфахана. М., 1968.
103. Сказки Мадагаскара. М., 1965.
104. Сказки мампрусси. М., 1966.
105. Сказки и мифы Океании. М., 1970.
106. Сказки и повести Древнего Египта. М., 1956.
107. Сказки и стихи Афганистана. М., 1958.
108. Сказки народов Африки. М.—Л., 1969.
109. Сказки народов Африки. М., 1976.
110. Сказки народов Бирмы. М., 1976.
111. Сказки народов Бисау. М., 1971.
112. Сказки народов Востока. М., 1967.
113. Сказки народов Вьетнама. М., 1970.
114. Сказки народов Дагестана. М., 1965.
115. Сказки народов Индии. М.—Л., 1970.
116. Сказки народов Китая. М., 1961.
117. Сказки народов Памира. М., 1976.
118. Сказки народов Севера. М.—Л., 1959.
119. Сказки народов Судана. М., 1968.
120. Сказки острова Маврикий. М., 1974.
121. Сказки, пословицы и поговорки Камбоджи. М., 1959.
122. Сказки, притчи, легенды хауса. М., 1964.
123. Сказки центральной Индии. М., 1971.
124. Сказки Чукотки. М., 1958.
125. Сомарева. Необычайные похождения царевича Нараваханадатты. М., 1972.
126. Сомарева. Дальнейшие похождения царевича Нараваханадатты. М., 1976.
127. Таджикские народные сказки. Душ., 1981.
128. Таджикские сказки. М., 1961.
129. Тамильские народные пословицы и поговорки. М., 1962.
130. Татарские народные сказки. Казань, 1970.

131. Тувинские народные сказки. М., 1971.
132. Турецкие сказки. М., 1960.
133. Туркменский юмор. Ашх., 1967.
134. Тысяча и одна ночь. Избранные сказки. М., 1972.
135. Уйгурские сказки. А.-А., 1963.
136. Уйгурские юморески. А.-А., 1969.
137. Хакаские народные сказки. Абакан, 1955.
138. Четырнадцать сотен каури. Сказки йоруба. М., 1969.
139. Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
140. Чудесный мастер. Китайские народные легенды, сказки, пословицы и поговорки. Вып. 3. Тюмень, 1959.
141. Японские сказки. М., 1958.
142. Als die Fische die Sterne schluckten. Märchen und Legenden aus Vietnam, Laos und Kambodsha. An den Ufern des Roten Flusses und des Mekong gelesen, gehört und aufgeschrieben von Eduard Claudius. Berlin und Weimar, 1967.
143. Alta Jablow. Yes and No. The Intimate Folklore of Afrika. N. Y., 1961.
144. Die Reiskugel. Sagen und Gottergeschichten. Märchen, Fabeln und Schwanke aus Vietnam, übersetzt und herausgegeben von Prof. Hans Nevermann. Eisenach, 1951.
145. Digo-Märchen aus Tanganjika, gesammelt und bearbeitet von Ernst Damman.— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen». Bd 26, H. 3. B., 1936.
146. Duala-Märchen. Gesammelt und übersetzt von F. Ebding.— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen». Bd 18, H. 2. B., 1928.
147. Erzählungsgut aus Südost-China. Gesammelt, übersetzt bearbeitet von Wolfram Eberhard. B., 1966.
148. Filipino Popular Tales. Collected and edited with comparative notes by Dean J. Fansler. Hatboro, Penns, 1965.
149. L. Frobenius. Volksmärchen der Kabylen, Bd 1. Weisheit.— «Atlantis». Bd 1. Jena, 1921.
150. L. Frobenius. Spielmannsgeschichten der Sahel.— «Atlantis». Bd 6. Jena, 1921.
151. L. Frobenius. Erzählungen aus dem Westsudan.— «Atlantis». Bd 8. Jena, 1922.
152. L. Frobenius. Volkserzählungen und Volksdichtungen aus dem Zentral-Sudan.— «Atlantis». Bd 9, Jena, 1924.
153. L. Frobenius. Volksdichtungen aus Oberguinea.— «Atlantis». Bd 11. Jena, 1924.
154. L. Frobenius. Dichtkunst der Kassaiden.— «Atlantis». Bd 12. Jena, 1928.
155. L. Kohl-Larsen. Der Perlenbaum. Ostafrikanische Legenden, Sagen, Märchen und Diebsgeschichten. Kassel, 1966.
156. L. Kohl-Larsen. Fünf Mädchen auf seinem Rücken, Ostafrikanische Mythen und Märchen der Burungi. Kassel, 1969.
157. L. Kohl-Larsen. Frau in der Kürbisflasche. Ostafrikanische Märchen der Burungi. Kassel, 1957.
158. Lukas. Aus der Literatur der Badawi-Kanuri in Borno.— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen». Bd 26. H. 1. B., 1935.
159. Nubische Texte im Dialekt der Runuzi und der Dongolawi, von Gertrud von Massenbach. Wiesbaden, 1969.
160. Schwarzer Eulenspiegel. Ostafrikanische Schwänke. Während der Grabung nach dem afrikanischen Vormenschen aufgenommen und herausgegeben von Prof. Dr. L. Kohl-Larsen. Kassel, 1954.

161. Unter dem Odongbaum. Koreanische Sagen, Märchen und Fabeln. Während eines zwanzigjährigen Aufenthalts in Korea gesammelt von Professor Andre Echardt. Eisenach, 1950.
162. Volksmärchen aus dem Jeporeland. Gesammelt und herausgegeben von Rudolf Tauscher. B., 1959.
163. Weitere Tonga-Märchen aus Transwaal, gesammelt von Henri Berthoud.— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», Bd 21. H. 2. B., 1931.
164. A. W e s s e l s k y. Der Hodscha Nasreddin. Vd 1—2. Weimar, 1911 *.

---

* Тексты с № 142 по 164 переведены составителем.

СОДЕРЖАНИЕ

М. С. Харитонов. Суды и судьи в мировом фольклоре . . . . .

5

КНИГА О СУДАХ И СУДЬЯХ

1. РАССКАЗЫ О СПОРАХ И ТЯЖБАХ

Споры о детях	36
1. [Суд Соломона]	36
2. Птичник и царь	37
3. Вождь и его двенадцать жен	38
4. Нелюбимая жена	39
5. Чей ребенок?	40
6. [Кто отец?]	42
7. Охотник и его сын	43
Тяжбы об имуществе и добыче	46
8. Как старуха продавала тыкву	46
9. Как четыре брата охотились на слона	47
10. Чье дерево манго?	48
11. Торговец Мима и жулик Бяньба	51
12. Охотники на слонов	52
13. [Девятый мешок]	53
14. Хозяин и жилец	55
15. Украденный конь	57
16. [Спор о клубке]	57
17. Дело о дороге	58
18. Ленивец и хамелеон	59
19. Нзамби и трясогузка	59
20. Жалоба трех братьев	62
21. Сказание об охотнике	63
22. Три сундука	64
23. Гиена и стервятник	66
24. Пеструшка и мышь	67
25. Как братья-брахманы наследство делили	69
26. Спор благородных	69
27. Как бедняк подражал богачу	70
28. Слепой и безногий	71
29. Два путника	72
30. Любовь или богатство	73
31. Как разделить находку?	75

32. Спор о родстве	76
Тяжбы о возмещении ущерба	77
33. Две повозки на мосту	77
34. Утонувший верблюд	78
35. Решение мудреца	78
36. Суд Джебага	80
37. Как трое потопили лодку	81
38. Ученый и крестьянин	82
39. Мешки	83
Споры о невестах и женихах	84
40. Трое судей	84
41. Волк, ворон и горный баран	85
42. Оживший охотник	86
43. Три жениха	88
44. Превращенная трубка	89
45. [Ответ раджи]	90
46. Как четверо мужчин сотворили женщину	91
47. [Обменные головы]	91
48. Чья невеста?	93
49. Прорицатель, стрелок, ныряльщик и знахарь	96
50. Зять	97
51. Три брата	99
52. Как паук добился дочери Нзамби, а потом потерял ее	100
53. Девушка Нсиа	102
Споры о превосходстве	103
54. [Лахар и Ашнап]	103
55. Кузнец и плотник	104
56. Прошлое и будущее	105
57. Злой человек не желает добра даже себе	105
58. Вождь и два товарища	106
59. Золото и рис	107
60. Ананси — старейший из живых существ	109
61. Почему рыбы плавают с открытыми глазами	110
62. Черепаха и ласточка	111
63. Соловей и ворона	113
64. Собака и свинья	114
65. Сказка о трех дурнях	115
66. Суд Муладевы	118
67. Сказка о трех братьях и агулшапе	118
68. Вождь и четверо его сыновей	120
69. Кто кого переспит	121
70. Испытание ловкости	122
О хитрости и коварстве в спорах	123
71. Правда и Кривда	123
72. [Как аукнется, так и откликнется]	125
73. Неудавшаяся проделка Лая	126
74. Лай и пастух	128
75. Бедняк	129
76. Тесть и зять	133
77. Изображение в зеркале	134
78. Тяжба со знахарем	136
79. Дочка-умница	138
80. Обезьяна и черепаха	140
81. Рыбак и охотник	141
82. Осел Джухи	142
83. Джуха и бедуин	144

84. Почему коршун ворует кур	145
85. Как тесть признал себя побежденным	146
86. Покупатель бороды	148
87. История о Ма Тане	149
88. [Хитрец и глупцы]	150

II. РАССКАЗЫ О СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ

О поисках виновного и невольных признаниях	152
89. Хитрый визирь	152
90. Приговор эфенди по палке	152
91. Догадка мудреца	153
92. Волшебный петух	153
93. Слепой и арятый	154
94. На воре шапка горит	155
95. Догадливый судья	155
96. [Как один человек спасся от смерти]	157
97. Корова с отрезанным языком	159
98. Как нашли вора	160
99. [Как молла доказал свою правоту]	162
100. Умные братья	163
101. [Рассказ о подложном муже]	164
102. [Сусанна и старцы]	165
103. Как один глупец покупал пекинский диалект	168
104. Как справедливость может обернуться несправедливостью	170
105. Хитроумный служка	171
106. Привычка	173
107. Хитрая женщина	173
108. Лай и Амаирми	173
О следах, уликах и судейской сметливости	176
109. Следы жира	176
110. Как вор украл корову	176
111. [Сикхалол и Лизор]	177
112. Тяжба с баньяном	179
113. Удивительный суд	181
114. [Как судья нашел золото]	182
115. Спрятанный топор	183
116. Лиса в личине короля	185
117. Неразрешенные судебные дела	186
118. К чему приводит обман	189
119. [Откушенный нос]	189
120. Чья курица?	190
121. Вещественное доказательство	191
122. Проверим	191
123. Сын богача и бедняк	192
124. [Хитрость Цяо Шуня]	193
125. Что ухо!	194
126. Умный вор	194
127. [Как сын выбил отцу зубы]	195
128. Хитрая мартышка	195
129. О богаче и бедняке	196
Об уловках судей и тяжущихся	197
130. Охотник на бакланов	197
131. Мудрый совет	198
132. Мудрый заяц	199
133. [Министр и крипичник]	201

134. Мудрый судья	202
135. [Две луны]	202
136. Последователь пророка	204
137. Вор	204
138. О хитром юноше	205
139. Счастливый случай	206
140. Мудрый кролик	208
141. Хитрый и простодушный	208
О свидетелях и лжесвидетелях	210
142. «Лучших свидетелей не найти»	210
143. Как за деньги в суде показывали	211
144. Лжесвидетель	213
145. Мудрец	215
146. [Рубин]	215
О «божьих судах»	216
147. Гора-свидетель	216
148. Ответ горного духа	218
149. Как огонь пришел к племени мои	219
150. Хвастливый бай	222
151. Милосердный дух	223
152. Заяц и дуикер	224
153. Как звери на одном поле сеяли	225
154. Почему умирающая змея ложится на спину	228
155. Хитрые воры	230
156. Суд павчей	230
157. Волшебные щипцы из Пагана	233
158. Божий суд	234
159. Слон и заяц	235

III. РАССКАЗЫ О ПРИГОВОРАХ

О наказании виновных и поощрении правых	237
160. Визирь и осел	237
161. Бедняк и богатей	239
162. Сварливая жена	243
163. Ловкач и глупец	245
164. Справедливость знает только Аллаха	247
165. Человек маленького роста	247
166. [Суд Спнукуана]	248
167. Почему у мухи нет хвоста	249
168. [Суд Дахо]	251
169. Дочери агелита	252
170. Забота Моллы	254
171. Эпенди тоже двуличный кази	255
172. Неправый суд	255
173. Суд выдры	255
174. Лай и заяц	256
175. Кошка Лая	260
176. Семь братьев-мышей	261
177. [Он нам не так нужен]	263
178. Цена закону	263
179. О несправедливом суде	265
180. Праведник	267
181. Как Ахмет-Ахай разобрал бахчисарайского кадия	269
182. Халат верховного казия	270
183. [Цяо Шунь и чиновник]	272

184. В шкуре собаки	272
185. Отравленное молоко	273
186. Станный чиновник	274
187. Как поссорились гиена и павиан	274
188. Судья	276
189. Как пьяницы поспорили	277
190. Нубийский счет	278
191. Ходжа разбирает тяжбу красавиц	279
192. Рассказ об Абу-Юсуфе	280
193. Летающая лань	281
194. Глазная болезнь	281
195. Коза	282
196. [Пусть подождет]	284
197. [Сварливая жена]	284
198. Долг правителя	287
199. Дележ «по-божески»	287
200. Как Насреддин делил воровскую добычу	288
201. «По справедливости»	289
202. Два брата	289
203. Корову съел кади	290
204. [Рассказ ворона]	290
205. Как судились лиса и собака	291
206. [Беру на себя две очереди]	292
207. [Загадочно дело сне]	292
О мере наказания и вознаграждения	293
208. Почему у баклана нет хвоста	293
209. Приговор мудрого негуса	294
210. Забывчивая женщина	295
211. [Кошелек]	297
212. Наказание	298
213. Справедливый султан	298
214. Изменница Хантиру	299
215. Леопард в книжном ящике	301
216. [Коварный крокодил]	303
217. Торговец и мальчик	303
218. Сон	304
219. «Как наелся — так и расплатился»	305
220. Ничто за ничто	305
221. Плата за побрякивание	306
222. Ростовщик и бедняк	306
223. Как Суан разбогател	307
224. Суд Анастратина	309
225. Суд над Бирбалом	311
226. Черепаха и обезьяна	313
227. Спор глухих	314
228. Умная девушка	315
IV. О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИГОВОРОВ	
229. Справедливый мандарин	317
230. Не верю тебе!	318
231. Как аист судил птиц	319
232. [Судьи и шакалы]	319
233. Козел и лис	324
234. Насреддин и кадий	324
235. Штраф за оскорбление	325

236. Казий побежден	325
237. Сказка о справедливом Мардахае	326
238. Наказание до преступления	331
239. Наказанный судья	331
240. Жадный судья	332
241. Как появился кокосовый орех	332

ПРИЛОЖЕНИЕ

Короткие анекдоты, пословицы и афоризмы о судах и судьях, справедливости и несправедливости, вине и наказании	334
Примечания	338
Словарь непереведенных слов	358
Указатель текстов по народностям	361
Структурно-тематический указатель	363
Литература	370

К 53 Книга о судах и судьях. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Сост., вступит. ст., указ. и примеч. М. С. Харитонова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

380 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Тематический сборник, составленный из различных фольклорных жанров, посвященных судам и судьям. Сопровождается предисловием и примечаниями.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

К 47030000-194 Без объявления
013(02)-83

ББК 82.3(0)

КНИГА О СУДАХ И СУДЬЯХ

Легенды, сказки,
басни и анекдоты разных веков
и народов о спорах и тяжбах,
о судах и судьях, о хитроумных расследованиях
и удивительных приговорах

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор *И. Л. Елевич*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 2713

Сдано в набор 18.03.83. Подписано к печати
14.09.83. Формат 60×84^{1/8}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. п. л. 22,32. Усл. кр.-отт.
22,57. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 75 000 экз.
Изд. № 5403. Тип. зак. 3290. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга:

Африканская сказка: Материалы к исследованию языка фольклора. 21 л.

В книгу включены лингвистически обработанные тексты сказок народов Африки с словесными и литературными переводами. Материал охватывает сказки на языках фула, лингала, гусии, ньямвези и давида. Тексты на неизученных и малоизученных языках снабжены словарями и краткими сведениями по грамматике.

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ»), «АКАДЕМКНИГА».

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга:

Паремиологические исследования: Сборник статей. 23 л. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

Составленный известным советским паремиологом Г. Л. Пермяковым, настоящий сборник тематически продолжает изданный в 1978 г. в этой же серии «Паремиологический сборник». В нем публикуются статьи, посвященные вопросам типологии, семантики и функции загадок, пословиц и близких к ним паремий. Помимо статей, построенных на материале различных языков, в том числе и восточных, в сборник включены выдержки, рефераты, тезисы и сообщения, в которых содержится информация о последних достижениях паремиологии в СССР и за рубежом, а также библиография паремиологических публикаций с начала 1975 по начало 1980 г.

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

2 р. 20 к.